

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Микешина Л. А.</i> Размышления о субъекте неклассической эпистемологии	6
<i>Евсеева Л. В.</i> Эмоция как выражение женской субъектности	13
<i>Лобанов С. Д.</i> О метафоре «пост» в применении к современному развитию России	18
<i>Задворнов А. Н.</i> Генезис представлений о счастье в европейской и евразийской философии	23
<i>Харин А. Н.</i> Идеология глобализма versus православный проект	29
<i>Тимшин В. А.</i> Познанное творчество в теоретических работах С. Эйзенштейна	35
<i>Шустов Н. А.</i> Эстетический опыт и виртуальность: проблемы взаимодействия	40

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Пьянков С. А., Михалев Н. А.</i> Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии	44
<i>Келлер А. В.</i> На переломе эпох: от Москвы до Петербурга. (Портное ремесло конца XVII – начала XVIII в.)	56
<i>Фаттахов Т. Д.</i> К истории расселения татар-мусульман в юго-восточных городах и уездах Вятской губернии	64
<i>Ситникова Е. В.</i> Опыт изучения средствами контент-анализа речи, произнесённой А. И. Герценом при открытии Вятской публичной библиотеки 6 декабря 1837 г.	71
<i>Зайцева А. В.</i> Учебные издания студентов во второй половине XIX – начале XX в.: распространение и реклама	75
<i>Титаренко А. С.</i> Знатоки Китая: восточный сосед в исследованиях представителей военно-дипломатической и интеллектуальной элиты России (вторая половина XIX – начало XX в.)	81

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Домрачев Д. Г.</i> Основные проблемы оптимизации контрольно-надзорной деятельности в свете Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г.	90
<i>Коротких Е. В.</i> Преступления, ставящие в опасность жизнь и (или) здоровье человека: ретроспективное исследование развития отечественного уголовного законодательства (XI в. – начало XX в.)	96

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алилова Д. Г.</i> Оссиановская поэзия Дж. Макферсона: поэтика формул и реминисценций	105
<i>Кузьменко Е. О.</i> Мотив пути и образы героев, «взыскующих града», в идейно-художественном строе романа Ф. М. Достоевского «Подросток»	110
<i>Лескова Е. В.</i> Жанровая специфика притчи и мениппеи в романах Ф. Кафки «Процесс» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	114
<i>Мубаракшина А. М.</i> Смысловое поле категории «нравственность» в романах С. Минаева	118
<i>Борисова О. Г., Костина Л. Ю.</i> Локальная семантическая адаптация лексики тюркского происхождения в говорах позднего образования	124
<i>Ковлакас Е. Ф.</i> Реконструкция и идентификация топонимического концепта «пространство» (на примере топонимики Краснодарского края и Республики Адыгея)	128
<i>Русских Е. В.</i> Семиотика юношеской книги: эстетическое воздействие	133
<i>Соколова И. С.</i> Научно-популярные книжные издания естественнонаучной и медицинской тематики: общее и особенное	139
<i>Доброва В. В.</i> Моделирование как метод познания ненаблюдаемых объектов	146

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Галицких Е. О.</i> Школа жизни: научно-педагогическое наследие Александра Георгиевича Балыбердина	153
<i>Давлятшина О. В.</i> Научно-методическое сопровождение профессионально-личностного развития педагогов в условиях образовательной организации	158
<i>Бандаков М. П., Микрюкова М. Г.</i> Совершенствование методики развития координационных способностей у девочек 6–7 лет в художественной гимнастике	164
<i>Сведения об авторах</i>	170
<i>Information about authors</i>	173

CONTENTS

- Mickeshina L. A.* Reflections on the subject non-classical epistemology
- Evseeva L. V.* Emotion as an expression of female subjectivity
- Lobanov S. D.* About the metaphor of “post” as applied to the modern development of Russia
- Zadvornov A. N.* Genesis of ideas about happiness in the European and Eurasian philosophy
- Kharin A. N.* The ideology of globalism versus Orthodox project
- Timshin V. A.* Cognitum creativity in theoretical works S. Eisenstein
- Shustov N. A.* Aesthetic experience and virtual reality: problems of interaction
- P'jankov S. A., Mikhalev N. A.* Russia's 1891–1892 famine in soviet and recent native historiography
- Keller A. V.* At the break of epochs: from Moscow to Petersburg (Tailor handicraft at the end of XVII – beginning of XVIII)
- Fattakhov T. D.* The history of the settlement of Tatars-Muslims in the South-Eastern cities and counties Vyatka province
- Sitnikova E. V.* Experience of learning by means of content-analysis of speech presented at the opening of Vyatka public library by A.I. Hertenzen on the December, 6 1837
- Zaytseva A. V.* Textbooks published by students in the second half of the 19th and early 20th century: circulation and advertising
- Titarenko A. S.* Experts in China: eastern neighbor in studies of military-diplomatic representatives and intellectual elite of Russia (second half of XIX – early XX centuries).
- Alilova J. G.* Macpherson's Ossianic poems: poetics of formulas and reminiscences
- Kuzmenko E. O.* The motif of the way and the characters searching out the truth in the ideological and compositional idea of the novel “Adolescent” by F. M. Dostoevsky
- Leskova E. V.* The genre specificity of parable and menippea in Kafka's novel “The Trial” and Dostoevsky's – “The Brothers Karamazov”
- Mubarakshyna A. M.* The semantic field of the category of “morality” in the novels of S. Minaev
- Borisova O. G., Kostina L. Y.* Local semantic adaptation of vocabulary of turk origin in speeches of the latest creation
- Kovlakas E. F.* Rekonstruktion and identification of the toponymic concept «space» (on the example of edge and Republic of Adygea Krasnodarsokgo's toponymics)
- Russkikh E. V.* The esthetic impact of semiotics to junior readers
- Sokolova I. S.* Popular scientific book issues of natural-science and medical subject: general and special
- Dobrova V. V.* Modelling as means of cognition of nonobservable objects
- Domrachev D. G.* The main problems of optimization of control and surveillance activities in light of the message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of 4 December 2014
- Korotkikh E. V.* The crimes putting life and (or) health of the person in danger: retrospective research of development of the native criminal legislation (XI – the beginning XX cc)
- Galitskikh E. O.* The School of Life: sciential and pedagogical legacy of Alexander (Georgievitch) Balyberdin
- Davlyatshina O. V.* Scientific and methodological support professional and personal development of teachers in terms educational organization
- Bandakov M. P., Mikrkova M. G.* Upgrade of methods of coordinational abilities development of 6–7 years old girls in rhythmic gymnastics

Размышления о субъекте неклассической эпистемологии

Обсуждается необходимость изменения уровня абстракции субъекта неклассической эпистемологии с целью приближения к многообразию научного знания, реальному познанию в целом, оставаясь при этом в сфере философии и не переходя к психологическим характеристикам субъекта.

Необходимо учитывать, что человек познающий обладает системой ценностей, не только общим, но и специализированным знанием, вписан в культурно-исторические и социальные отношения. Поэтому реконструкция познания не может ограничиваться гносеологическим субъектом или «сознанием вообще», она осуществляется, исходя из разных оснований, представлений и целей субъекта, в частности из жизни как «жизнеосуществления» и «жизненного мира» и телесно-ориентированного подхода в эпистемологии. В качестве форм «конкретизации» субъекта рассматриваются коммуникативная рациональность, конвенции, в частности в этике, и проблема «живого знания».

Discusses the necessity of changing the level of abstraction of the subject non-classical epistemology order approximation to the diversity of scientific knowledge, real knowledge in general, while remaining in the sphere of philosophy and not turning to the psychological characteristics of the subject.

It is impossible not to take into account that a person cognizant has a system of valuable products, not only commonplace, but also specialized knowledge inscribed in the cultural-historical and social relations. Therefore, the reconstruction of knowledge cannot be limited epistemological subject or "consciousness in General", it is based on different grounds, views and goals of the subject, in particular, of life as "ispossible" and "life world", and body-oriented approach in epistemology. As a form of "concretization" of the subject, discusses communicative rationality, of the Convention, in particular in ethics and the problem of "living knowledge".

Ключевые слова: эмпирический субъект, коммуникативная рациональность, конвенциональность, неклассическая эпистемология, моральное сознание, «живое знание».

Keywords: empirical subject, communicative rationality, conventionality, nonclassical epistemology, moral consciousness, the "living knowledge".

Современной эпистемологии предшествовал длительный процесс внедрения в понимание как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного познания идеи предельно абстрактного, трансцендентального субъекта как главного условия получения истинного знания. Классический гносеологический подход позволил существенно продвинуться в развитии всех форм познавательной деятельности, выработать конкретные формы методологии научного исследования и обоснования знаний, что подтверждает его значимость и необходимость. Но имея столь значимое, развиваемое в веках абстрактно-гносеологическое основание, сегодня возможно и необходимо переходить к следующему, более трудному этапу – приближению к *реальному познанию*, для чего необходимо понизить степень абстракции субъекта познания, оставаясь при этом в сфере философии и не переходя к психологическим параметрам субъекта. Это лишь узаконит тот факт, что сегодня в ходе эпистемологического анализа во многих случаях добавляются качества и свойства, существенно обогащающие субъекта, расширяющие содержание этой категории в целом.

От гносеологического к эмпирическому субъекту познания. Если Декарт осуществил восхождение от эмпирического субъекта к предельно абстрактному, что было важнейшим и необходимым этапом в становлении и развитии философии познания, то теперь на основе сформировавшейся, имеющей многовековой опыт и развитой гносеологии стало возможным и необходимым для дальнейшего движения *понизить* степень абстракции субъекта, приближаясь к реальному

познанию. Сегодня нельзя не учитывать, что человек познающий обладает экзистенцией, «жизненным миром», системой ценностей, не только обыденным, но и специализированным знанием, вписан в культурно-исторические и социальные отношения. Теперь, опираясь на развитые в веках и на современные логико-гносеологические и методологические знания, мы можем обратиться к феномену «идолов», о которых писал Ф. Бэкон, считавший истину «дочерью времени», объяснить их не только как предшественников «идеологии», по К. Мангейму, но и как социальную и культурно-историческую природу субъекта и его познания.

Сегодня у эпистемологии принципиально иная и более сложная задача – не столько осуществить предельную гносеологическую абстракцию, приближаясь к трансцендентальному уровню, сколько выявить и оправдать формы и результаты *необходимого* присутствия субъекта в знании, его структурных и операциональных компонентах, представить это в категориях философии познания. Снижение уровня абстракции до *эмпирического* субъекта соответственно влечет нестрогость, релятивность, неполную проверяемость, что лишает знание, казалось бы, объективной истинности и статуса научности. Это было несомненным для сторонников классической рациональности и соответствующей эпистемологии. Однако сегодня изменилось само представление о трансцендентальности знания (сознания), особенно в применении к неформализуемому, нестрогому, ценностно нагруженному, во многом метафорическому, обращенному к человеку, его ценностям социально-гуманитарному знанию [1]. После определенной дискуссии необходимость снизить уровень абстракции субъекта познания в неклассической эпистемологии признал В. С. Степин, отметивший, что «инвариантные признаки субъекта», его «обогащение» необходимы и в полной мере соотносятся с теоретическими результатами многих наук [2].

В зарубежной философии достаточно широко обсуждается сама проблема уровней и форм трансцендентальности субъекта познания. Так, К.-О. Апель, рассматривая один из случаев – внеэмпирические измерения языковых форм, писал о том, что «соответствующая языковая игра, которую предполагает лишенное произвола употребление правил, получает у позднего Витгенштейна *трансцендентальное значение*» [3]. Таким образом, проблема трансцендентальности, в частности, переводится из сферы сознания, в сферу языка – «семиотической трансформации трансцендентальной философии» и коммуникативной рациональности, предполагающей, в свою очередь, «консенсусную теорию истины». Именно такой подход особенно значим для эпистемологии гуманитарного знания, реальность которого – тексты и язык, а трансцендентальный субъект, формируемый языком и коммуникативным сообществом, становится субъектом наук о духе.

Наряду с развитием категории трансцендентального субъекта происходит и уточнение самого понятия эмпирического субъекта, снятие его неопределенности и многозначности. Традиционное понимание эмпирического субъекта в классической гносеологии – это индивидуум, наделенный всеми конкретными характеристиками. Однако Гегель, например, не видит в этом «помеху» для понимания природы Я, субъекта, когда пишет, что Я есть «всеобщее, в котором абстрагируются от всего особенного, но в котором вместе с тем все заключено в скрытом виде. Оно есть поэтому не чистая абстрактная всеобщность, а всеобщность, которая содержит в себе все» [4]. Соответственно, категория эмпирического субъекта опирается на всеобщность во втором смысле.

Современная эпистемология нуждается в категории субъекта как целостности, «содержащей в себе все», не только когнитивные, логико-гносеологические, но и экзистенциальные, культурно-исторические и социальные качества, участвующие в познании. Иными словами, целостного человека, замененного «частичным» гносеологическим субъектом в традиционной теории познания, необходимо на новом уровне вернуть в современную эпистемологию, сочетающую абстрактно-трансцендентальные и экзистенциально-антропологические компоненты. Однако путь возвращения не может быть просто обратным тому, что проделал в свое время, восходя к *cogito*, Декарт, – необходимо не исключить свойства «обыденного человека», но осмыслить категориальное содержание понятия «эмпирический субъект», его сложную когнитивную структуру. Это предполагает экспликацию двухуровневости (многоуровневости) субъекта как разных степеней абстракции и разных типов всеобщего. Такой подход существенно обогащает содержание категории субъекта в эпистемологии и философии науки. Наиболее полно он представлен, например, К. Ясперсом в концепции четырех уровней описания человеческого «Я», обобщающей различные трактовки субъекта [5].

Целостный подход к субъекту познания, основываясь на единстве трансцендентального и эмпирического, не может сегодня также удовлетвориться идущей от Платона традицией понимания субъекта в виде «чистого сознания» и предполагает осмысление *телесности* человека в качестве характеристики эмпирического субъекта. Как отмечал М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия», в опыте тела «мы учимся распознавать это сочленение сущности и существования», что приводит нас к признанию смысла, идущего не только от универсального конструи-

рующего сознания, но и от телесности. Для познания значимо само постоянство тела, всегда присутствующего для познающего человека как первое и главное «воплощение бытия», посредник и средство общения с миром, «неявный горизонт нашего опыта», «мера всего» и «универсальный измеритель». Апель также полагал, что картезианское субъектно-объектное отношение недостаточно, поскольку чистое сознание объекта, взятое само по себе, не может «извлечь значение из мира». Сознание должно заставить себя стать существующим как единое целое здесь и сейчас, как телесная, вещественная вовлеченность (*man'sbodilyengagement*) когнитивного сознания.

Таким образом, можно констатировать, что реконструкция познания давно уже не ограничивается гносеологическим субъектом или «сознанием вообще», она осуществляется, исходя из разных оснований, представлений и целей субъекта, в частности из жизни как «жизнеосуществления» и «жизненного мира», по Э. Гуссерлю [6], и телесно-ориентированного подхода в эпистемологии [7]. Среди многообразных форм «конкретизации» эмпирического субъекта все большее внимание привлекают, в частности, коммуникации и конвенции.

Коммуникативная рациональность – базовая составляющая эмпирического субъекта. Проблема коммуникативности исследуется сегодня в различных направлениях и аспектах. Одно из ее социальных последствий – возникновение «второй реальности», символической, виртуальной, замещающей саму действительность и выдающей себя за нее. Коммуникативность существует так же, как профессиональное общение внутри наук, где главными коммуникационными структурами являются научные сообщества, кафедры, лаборатории, институты, публикации и симпозиумы, семинары, системы научно-технической информации, а также «невидимые колледжи» – неформальные объединения, личное общение конкретных ученых. Коммуникации реализуются через такие формы общения, как сотрудничество, соавторство, ученичество и принадлежность к научной школе. Коммуникативный аспект познания, наряду с культурно-историческим, социально-психологическим и лингвистическим аспектами, в полной мере выражает социокультурную природу познания. Коммуникации складываются в целостную систему различных intersубъективных, межличностных, массовых формальных и неформальных, устных и письменных связей и отношений и тем самым предстают как феномен, чутко улавливающий и фиксирующий изменения ценностных ориентаций научных сообществ, смену парадигм, исследовательских программ, в конечном счете отражающих изменения в социально-исторических отношениях и культуре в целом. Именно в процессе профессионального общения, формального и неформального, непосредственного и опосредованного, происходит социализация ученого, т. е. становление его как субъекта научной деятельности, освоение им не только специальной информации, но самого способа видения, парадигмы, традиций, а также системы ценностного предпосылочного знания – философско-мировоззренческого и методологического. Одновременно в процессе общения происходит стратификация познавательных структур, что в конечном счете определяет преобладание тех или иных концепций, подходов и направлений исследования [8].

Активно разрабатываемому в последние годы понятию «коммуникативная рациональность» способствовало осмысление ее А. П. Огурцовым в контексте развития и движения от классического нормативного разума к «радикальному сдвигу в трактовке критериев знания: вместо поиска истины – определение правдоподобности, вместо дедуктивного вывода – логика аргументации, вместо гомогенного трансцендентального Субъекта – коммуникативное сообщество» [9].

Можно вычленил следующие эпистемологические типы и функции общения эмпирического субъекта, влияющие на ход научно-познавательной деятельности и ее результат – знание. Это оформление знания в виде определенной объективированной системы, т. е. в виде текстов (формальная коммуникация); применение принятого в данном научном сообществе унифицированного научного языка, стандартов и конвенций, формализаций для объективирования знания; передача системы предпосылочного знания (мировоззренческих, методологических и иных нормативов, принципов и т. д.), способа видения, парадигмы, научной традиции, неявного знания, не выраженного в научных текстах и передаваемого только в совместной научно-поисковой деятельности. Следствием общения в познавательной деятельности становится также реализация на логико-методологическом уровне диалогической формы развития знания и применение соответственно таких «коммуникативных форм» познания, как аргументация, обоснование, объяснение, опровержение, интерпретация, конвенция и тому подобные, направленные лично участнику общения.

Конвенции как базовый элемент коммуникативной рациональности эмпирического субъекта. Особое значение в когнитивной деятельности как коммуникации имеют конвенции, соглашения, введение или исключение которых представляет собой одну из универсальных познавательных процедур наряду с репрезентацией, интерпретацией, категоризацией и др. Познавательные конвенции предполагают введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе *договоренности и соглашения* субъектов познания. Это в свою очередь ставит

такие проблемы, как объективные и субъективные предпосылки и основания конвенций, способы введения и исключения конвенций в обыденном и научном познании, искусственность конвенции и проблема истинности знания, явные и неявные конвенции в познании, их зависимость от традиций, системы ценностей и культурно-исторических предпосылок.

Важнейшими и очевидными конвенциями в научно-познавательной деятельности являются языки (естественные и искусственные), другого рода знаковые системы – модели, схемы, таблицы, а также логические правила, эталоны, единицы и приемы измерения, когнитивные стандарты в целом. Они не рассматриваются при этом как некие самостоятельные сущности, произвольно «членящие» мир и навязывающие человеку представления о нем, но понимаются как исторически сложившиеся и закрепленные *соглашением* конструкты, имеющие объективные предпосылки, отражающие социокультурный опыт человека, служащие конструктивно-проективным целям познания и коммуникации в целом.

Наивно-материалистические представления о природе научного познания часто подвергались критике конвенциональность, считая ее произволом и субъективностью. Однако если не сводить познание только к отражательным процедурам и признать коммуникативную природу познавательной деятельности, то многие «механизмы» и результаты познания должны быть переоценены. К. Поппер, в целом оценивая конвенции и конвенционалистский подход не однозначно, поддерживал ряд его положений, выявляющих когнитивную значимость договоренности, но принципиально не соглашаясь с другими, абсолютизирующими конвенциональные моменты в научном познании, что, по-видимому, в принципе является вполне разумной позицией, хотя аргументы за и против могут быть различными.

Общие предпосылки и особенности конвенциональности Поппер обсуждал, в частности, в двухтомном труде «Открытое общество», где посвятил конвенциям целую главу «Природа и соглашение». Он напомнил об истории различения, в частности, в древнегреческой философии законов природы и норм как установленных конвенций в обществе. В отличие от природных законов, нормативные регулярности, порождаемые коммуникациями, не являются вечными, неизменными, поскольку вводятся самими людьми и ими же могут быть изменены или даже отменены. Необходимо учесть, что сама искусственность конвенций – это «не то, что они были сознательно сконструированы, а то, что люди могут их оценивать и изменять, т. е. нести за них моральную ответственность» [10]. Необходимо осознавать различие между законами, введенными человеком и основанными на соглашениях, и законами природы, неподвластными человеку и обществу.

Обращение, например, к «понимающей социологии» М. Вебера позволяет подтвердить постоянное присутствие различных видов соглашения в базовых формах социального действия, в том числе связанных непосредственно с познанием. Стоит отметить одну тонкость, на которую он специально обращает внимание. Ситуация обычно усложняется и реальное поведение может быть одновременно «ориентировано на несколько систем установлений, которые по принятому в них конвенциональному мышлению в смысловом отношении «противоречат» друг другу, однако тем не менее параллельно сохраняют свою эмпирическую «значимость». ...Индивид ориентирует свое поведение на эти конвенциональные предписания; однако, скрывая свои действия, он ориентируется на требования закона» [11]. В главе «Согласие» цитируемой работы Вебер вводит и соотносит ряд близких, но не тождественных понятий, характеризующих коммуникативность: общность, в частности языковая общность; «значимое» согласие и действия, основанные на согласии; наконец, договоренность – эксплицитная (легальная, явная) и имплицитная (молчаливая, неявная).

Социологи, размышляющие о специфике конвенций в социологических исследованиях, отмечают, что в отличие от естествознания, где, например, соглашение относительно выбора единиц измерения является в большинстве случаев тривиальностью, в социальном познании принятие таких конвенций оборачивается трудноразрешимой проблемой квантификации качественных свойств и характеристик. Так, в конкретно-социологических исследованиях качественные характеристики (например, социальная принадлежность, мнения людей и т. п.) не имеют установленных эталонов измерения и конструируются в соответствии с природой изучаемого объекта и согласно гипотезе исследования. Практические возможности измерений существенно зависят от умения исследователя найти или изобрести, обосновать надежную измерительную процедуру, добиться ее принятия научным сообществом.

Коммуникации, конвенции и основания морали эмпирического субъекта. Эти проблемы особо значимы для гуманитарных и социально-исторических наук, где традиционная категория абстрактно-гносеологического субъекта во многом теряет свои познавательные возможности. В статье «Априори коммуникативного сообщества и основания этики» (1972) Апель опирается именно на эмпирического субъекта, рассматривая конвенции в контексте познания и особого рода

коммуникаций, когда люди «поставлены перед задачей брать на себя солидарную ответственность за последствия своих действий в планетарном масштабе», чему «должна соответствовать intersубъективная значимость норм или, по меньшей мере, основного принципа этики ответственности» [12]. Какое место в этом контексте занимают «фактические конвенции», как они соотносятся с этическими нормами эмпирического субъекта, возможно ли конвенционализм рассматривать в сфере «практического разума» как основания, которые «должны добавляться к объективным критериям рационализации – к логике и эмпирической информации» – вопросы, поставленные Апелем на последующие десятилетия. Возможный путь решения он рассматривал следующим образом. Ни нормы, ни ценностные суждения, а следовательно, и конвенции не выводятся с помощью логико-математических умозаключений или индуктивных выводов из фактов, они попадают «в сферу ни к чему не обязывающей субъективности», к иррациональным произвольным решениям. Однако конвенции слишком значимы, чтобы их не принимать во внимание, как это предлагалось, например, в аналитической «метаэтике». С помощью конвенций, договоренности формируется «публичная воля», «субъективные решения совести», «волевые решения с коллективной ответственностью» и другие формы, которые, в конечном счете, становятся основаниями для принятия «intersубъективно обязательных норм».

«Этически релевантным» представляется также вопрос о моральной обязательности конвенций и их последующего выполнения. «Если не существует этического принципа, каковой был бы и нормативно обязывающим, и intersубъективным, то этическая ответственность принципиально не в состоянии трансцендировать сферу частного. Однако же это не значит, что основополагающие для всякой демократии конвенции (государственные договоры, конституции, законы и т. д.) формально не обладают никакой моральной обязательностью» [13]. В конечном счете, Апель рассматривает основной принцип «коммуникативной этики» как «этики демократического формирования воли посредством *соглашения* (конвенции)».

Идеи К.-О. Апеля нашли фундаментальное развитие в книге Ю. Хабермаса «Моральное сознание и коммуникативное действие» (1982). При разработке теории коммуникативного действия в качестве «философского фактора» и метода Хабермас привлек моральное сознание. Он использует работы представителя американского прагматизма Л. Кольберга, его теорию развития морального сознания личности как возрастания моральной способности суждения и, соответственно, качественного изменения конвенциональности. Хабермас, в свою очередь, увидел в этом основу для определения соотношения различных степеней консенсуса и уровней коммуникативности. Таким образом, перед нами своего рода модель становления рациональной коммуникации с позиции возрастания моральной конвенциональности.

Кольберг выделил в «ступенях морали», которые проходит формирующаяся личность общения, три уровня становления моральной способности суждения: преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. В каждом случае процесс улаживания моральных конфликтов и принятие правил коммуникации базируется на разных основаниях, разных типах моральных суждений: от стремления избежать наказания – к доверию партнерам и, наконец, добровольное согласие с законами, нормами и правилами, принятыми в сообществе. Происходит переход на ступень универсальных этических принципов, которые определяют для личности характер общения и коммуникации. Формирование «социальных перспектив» в развитии рациональной (моральной) коммуникации, по Кольбергу, должно идти в следующем направлении: от существующей эгоцентрической точки зрения, не учитывающей интересы других и не признающей авторитета, к признанию общественных приоритетов, соглашений и договоров, моральных оценок. Соответственно на каждой ступени меняются основания для конвенций – от сугубо личных до общественных, опирающихся на закон и мораль; не на всех ступенях конвенции существуют, их степень и основания меняются, что соответствует понятиям «конвенциональной ролевой структуры». При этом, если с помощью дефиниций выделяется некоторая идеальная форма коммуникации, то «следует показать, что, когда мы говорим о правилах коммуникации, речь идет не просто о конвенциях, но о неотъемлемых предпосылках» [14] различного вида и о «интуитивном предпонимании» эмпирического субъекта. Тем самым подчеркивается, что если в данном случае при анализе коммуникаций речь идет преимущественно о конвенциях, то это не означает, что только они определяют характер и тип коммуникаций.

Опираясь на идеи Кольберга, Хабермас предлагает концепцию типов интеракции на всех трех уровнях – преконвенциональном, конвенциональном и постконвенциональном. Так, при переходе от «жизненного мира» ребенка к социальной жизни взрослеющей личности «социальный мир подвергается морализации», возникает «параллель между социоморальным и когнитивным развитием», кроме того, что существенно, эмпирический субъект «может подвергаться рефлексии первоначально скрытые мыслительные операции и имплицитные познавательные

достижения более ранних ступеней, т. е. он может включиться в эпистемологическую рефлексию» [15] и тем самым выйти на уровень компетенций зрелой личности. Соответственно на конвенциональной ступени это знание «тесно сплетено с имплицитными фоновыми достоверностями» жизненного мира, что приобретает значимость для характера коммуникаций. В дальнейшем «постконвенциональное мышление выходит за пределы традиционного мира норм», преодолевая «конвенциональную мораль», оно становится более самостоятельным и может включаться в спор теоретиков морали, который «приводится в движение историческим опытом, и на время его можно разрешить, прибегая к философской аргументации» [16], а не только к средствам психологии. Так Хабермас описывает этапы развития самостоятельности эмпирического субъекта и «преодоление конвенционального образа мыслей» в системе интеракций и коммуникаций.

Эти проблемы я рассматривала неоднократно, и их повторение вызвано тем, что я по-прежнему не усматриваю заинтересованности либо возражений подобной постановке вопроса о тесной взаимосвязи проблем коммуникативности и конвенциональности в познавательной деятельности. Тем не менее они с необходимостью сопровождают познавательную деятельность как эмпирического субъекта, так и социальных сообществ различного типа.

Итак, конвенции и коммуникации – это приемы и средства, которыми пользуется эмпирический субъект. Но все более значимым и не только для эпистемологии, но для познающего общества в целом становится тот факт, что субъект, включенный в «жизненный мир», обладает не только информацией, но «живым знанием» и интуицией.

Эмпирический субъект и «живое знание». В социально-гуманитарных науках обращение к жизни как феномену культуры и истории обусловлено, во-первых, необходимостью постижения изначального опыта восприятия реальности и выявления дорефлексивного знания, предшествующего разделению на субъект и объект; во-вторых, осознанием своего рода «нерелевантности» абстракций высокого уровня – «чистого сознания», логической конструкции, – в конечном счете лишаящей человека познающего тех связей, которые соединяют его с реальным миром. Единичное-всеобщее, по Гегелю, в большей степени соответствует этим первичным областям знания, оно предстает как «живое» бытие реальности, обладающей темпоральностью, связностью и целостностью. Обращение к феномену жизни в социальной эпистемологии предполагает расширение сферы рационального, введение новых его типов и, соответственно, понятий и средств концептуализации, а также принципов перехода иррационального в рациональное, в целом их динамику, что осуществляется постоянно в любом познании и должно быть также признано законной процедурой в научном познании.

Как многозначное и синтетическое понятие «жизнь» меняет свое содержание в зависимости от области научного знания. В социально-гуманитарных текстах это понятие приобрело культурно-исторические и философские значения, в которых на первый план выходят интуитивно постигаемые первичность жизненной реальности, ее темпоральность, событийность и непрерывность течения. Формируется новое, вбирающее в себя оба подхода содержание понятия жизни на стыке учений о биологической и культурной эволюции – в идее коэволюции, а также в идеях геннокультурной теории и эволюционной эпистемологии. У. Матурана и Ф. Варела в концепции аутопойезиса рассматривали «жизнь как процесс познания», познание – как «непрерывное сотворение мира через процесс самой жизни» [17].

Однако в последние десятилетия все больше обсуждают не столько соотношение категорий субъекта и «жизненного мира», сколько актуальную проблему современного информационного общества – место и роль «живого знания» эмпирического субъекта в развитии и трансформации этого общества. В известном документе – Манифесте «К обществам знания» (2005 г.), разработанном десятками ученых – социологов, философов, историков, экономистов, культурологов, политиков и др., среди многих высоко значимых идей главенствует идея «живого знания» человека. Информатизация существенно «повысила в цене» знание, не поддающееся формализации, основанное на опыте, интуиции, способности к ориентации, самоорганизации и нахождению общего языка, – знание, приобретаемое в общении, «рассеянное» (Ф. Хайек) в повседневной культуре, экономике и бесконечно многообразной деятельности конкретных людей. «Живое знание» в соединении с высокой степени креативностью эмпирического субъекта сможет существенно дополнить и обогатить научное мышление его когнитивно-инструментальную рациональность. Разумеется, это рождает многие новые проблемы в организации и осуществлении когнитивных и обучающих процессов, но сам факт – приближения предельной абстракции «субъект» к эмпирическому субъекту и реальному процессу познания – ставит особые теоретические задачи перед современной эпистемологией, философией в целом.

Примечания

1. Микешина Л. А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания // Вопросы философии. 2006. № 1; Микешина Л. А. Эмпирический субъект и категория жизни // Эпистемология и философия науки. Т. XIX. 2009. № 1. Я вновь обращаюсь к этой проблеме, поскольку она до сих пор не освоена в должной мере отечественными философами.
2. Степин В. С. Научная рациональность в историческом измерении // Философия познания. К юбилею Л. А. Микешиной. М., 2010. С. 16.
3. Апел К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 176.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1975. С. 123.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. В отличие от Ясперса, к сожалению, исследователи часто не эксплицируют категорию субъекта в своих текстах, полагая, что значение этого понятия, уровень и тип абстракции уже навсегда определены и трактуются однозначно.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. СПб., 2004. С. 74, 174 и др.
7. Бескова И. А., Князева Е. Н., Бескова Д. А. Природа и образы телесности. М., 2011.
8. См.: Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Fr./M., 1981. S. 7-8; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
9. Огурцов А. П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности // Этнос науки. М.: Academia, 2008. С. 48.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 99.
11. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 514.
12. Апел К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики // Трансформация философии. М., 2001. С. 265-266.
13. Там же. С. 279.
14. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 141.
15. Там же. С. 252 (со ссылкой на Т. Маккарти и Ж. Пиаже).
16. Там же. С. 264.
17. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М., 2001. С. 7, 154.

Notes

1. Mikeshina L. A. *Transcendental'nye izmereniya gumanitarnogo znaniya* [Transcendental dimension of humanitarian knowledge] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 2006, No. 1; Mikeshina L. A. *EHmpiricheskij sub"ekt i kategoriya zhizni* [Empirical subject and category of life] // *EHpistemologiya i filosofiya nauki* - Epistemology and philosophy of science. Vol. XIX. 2009, No. 1. Again I refer to this problem as it is still not developed adequately by Russian philosophers.
2. Stepin V.S. *Nauchnaya racional'nost' v istoricheskom izmerenii* [Scientific rationality in the historical dimension] // *Filosofiya poznaniya. Kyubileyu L. A. Mikeshinoy* - Philosophy of knowledge. For the anniversary of L. A. Mikeshina. Moscow. 2010. P. 16.
3. Apel' K.O. *Transformaciya filosofii* [Transformation of philosophy]. Moscow. 2001. P. 176.
4. Hegel G.V.F. *Nauka logiki* [Science of logic] // *EHnciklopediya filosofskih nauk* - Encyclopedia of the philosophical sciences. Vol. 1. Moscow. 1975. P. 123.
5. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow. 1991. Unlike Jaspers, unfortunately, researchers often do not make explicit of the category of the subject in their texts, believing that the value of this concept, the level and type of abstraction are forever defined and interpreted unambiguously.
6. Husserl E. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya filosofiya* [Crisis of European Sciences and transcendental philosophy]. SPb. 2004. Pp. 74, 174 and others.
7. Beskova I. A., Knyazeva E. N., Beskova D. A. *Priroda i obrazy telesnosti* [Nature and images of physicality]. Moscow. 2011.
8. See: Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Fr./M., 1981. S. 7-8; Habermas Yu. [Moral consciousness and communicative action]. SPb. 2000.
9. Ogurtsov A. P. *Ot normativnogo razuma k kommunikativnoj racional'nosti* [From a normative reason to communicative rationality] // *Ehtos nauki* - Ethos of science. Moscow. Academia. 2008. P. 48.
10. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open society and its enemies]. Vol. 1. The Spell Of Plato. Moscow. 1992. P. 99.
11. Weber M. *O nekotoryh kategoriyah ponimayushchej sociologii* [About some of the categories of the understanding sociology] // Weber M. Fav. works. Moscow. 1990. P. 514.
12. Apel' K.O. *Apriori kommunikativnogo soobshchestva i osnovaniya ehtiki* [Priori of the communication community and the foundations of ethics] // *Transformaciya filosofii* - Transformation of philosophy. Moscow. 2001. Pp. 265-266.
13. Ibid. P. 279.

14. Habermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. SPb. 2000. P. 141.
15. Ibid. P. 252 (citing T. McCarthy and J. Piaget).
16. Ibid. P. 264.
17. Maturana U., F. Varela *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [Tree of knowledge. The biological roots of human understanding]. Moscow. 2001. Pp. 7, 154.

УДК 37.012.1

Л. В. Евсева

Эмоция как выражение женской субъектности

Проявления женской субъектности мотивированы ее эмоциональностью, благодаря которой женщина обладает возможностью и весьма точными механизмами восприятия скрытой целесообразности. Тем самым она владеет дополнительным каналом связи с внешними событиями и ситуациями и весьма динамичными средствами ответа на «внешние раздражители». Но этот же канал связи может быть использован как средство воздействия на женское поведение и манипулирования этим поведением.

Поведению женщины свойственен экспрессивный стиль, в то время как мужское поведение отличает стиль инструментальный. Однако если власть сосредоточена в дискурсе, а в обществе доминируют мужчины, то в стремлении женщины все высказать и обсудить можно увидеть действие компенсаторной функции по удовлетворению потребности в реальной власти. Высказывая своё мнение, оценку, отстаивая свою позицию, женщина реализует властные практики и приводит в действие «квазирепрессивные» механизмы.

Manifestations of female subjectivity motivated by her emotions, which a woman has the capability and very exact mechanisms of perception hidden feasibility. Thus, it has a further channel of communication with external events and situations and is very dynamic means answer, as the saying goes, "external stimuli". But the same communication channel can be used as a means of influence on female behavior and manipulation of these bearing assemblies.

The behavior of women inherent expressive style, while men's behavior differs instrumental. However, if power is concentrated in the discourse, and in a society dominated by men, the desire of women to Express and discuss, you can see the effects of compensatory options to meet the needs of real power. Commenting, evaluating, defending their position, the woman realizes the power of practice and results in action "quasirepressive" mechanisms.

Ключевые слова: женская субъектность, эмоциональность женщин, эмоции, эмоциональная сфера, эмоциональные факторы.

Keywords: women's subjectivity, emotionality of women, emotions, emotional sphere, emotional factors.

Сущностные проявления женской субъектности очень часто мотивированы в тесной связи с ее эмоциональностью, получившей статус распространенного социального стереотипа. Женщинам приписывают особую эмоциональную проницательность и, напротив, лишенных эмоциональности женщин воспринимают как «не настоящих».

Традиционно эмоции истолковываются как нечто, противостоящее разуму и затемняющее его. Платон в диалоге «Федр» сравнивает эмоции с рвущимися в разные стороны лошадьми, управлять которыми должен колесничий – разум [1]. В этой метафоре отражено соотношение разума и эмоции в виде доминирования и подчинения, при котором эмоции должны быть обузданы. Из этого следует, что к сфере эмоций и эмоциональности следует относиться с подозрением и опаской, ибо они способны к искажению, их следует контролировать и, как правило, подавлять. На протяжении многих веков эмоции оцениваются как прорывы внерационального, как нечто ненадежное, реактивное. Они неустойчивы, изменчивы и потому недостоверны.

С современной точки зрения эмоции – это инструмент человеческого вписывания в мир, средство его обживания и включения в его динамику. Они сопровождают практически все проявления человеческой активности. Эмоции «выступают одним из главных механизмов внутренней

регуляции психической деятельности и поведения» [2]. Важно, что речь идет о конкретной субъективной форме, непосредственном выражении и фиксации наличия потребностей и степени их удовлетворенности. Через эмоции личностно окрашенный строй мировосприятия индивида заявляет о своем состоянии, о полезности или вредности окружающих взаимодействий, о значимости тех факторов, которые оказывают на него влияние.

Воспроизводя общую картину происхождения эмоций, обратимся к позиции В. Н. Вилюнаса, который включает в анализ фактор энергетической мобилизации. Через вегетативную нервную систему эмоции, как считает автор, определяют уровень энергетической мобилизации (активации) организма. Простейшие положительные или отрицательные эмоциональные переживания возникли в ответ на отдельные генетически фиксированные раздражители (например, вкусовые, температурные), которые побуждают индивида к определенным действиям. В экстремальных условиях, при неспособности индивида справиться со сложившейся ситуацией, развиваются аффекты – особый вид эмоций, отличающихся большой силой, способностью тормозить другие психические процессы и навязать определенный стереотипный способ «аварийного разрешения ситуации (оцепенение, бегство, агрессия), который оправдывает себя лишь в типических биологических условиях» [3].

Если все это проецировать на понимание женщины с точки зрения субъектности, то получается, что женщина, благодаря своей ярко выраженной эмоциональности, обладает возможностью и весьма точными механизмами восприятия скрытой целесообразности. Тем самым она владеет дополнительным каналом связи с внешними событиями и ситуациями, дополнительными и весьма динамичными средствами ответа, как принято говорить, на «внешние раздражители».

Необходимо различать ситуативные эмоции и высшие проявления эмоций в виде чувств, обладающих относительной независимостью и достаточной стабильностью. Как уже было отмечено, эмоции могут оставаться внутренне не осознаваемыми, однако они не могут быть скрыты в мимике, жестикуляции, тембре голоса, во взгляде, здесь интенция, сила и качество эмоции себя обнаруживают. Эмоции оцениваются как причинно обусловленные или беспричинные, оправданные или неоправданные, как уместные и неуместные. Они отличаются быстротой своего проявления, поэтому непосредственно и с очевидностью проявляются в поведении. Дополнительной проблемой является не то, как «считать эмоцию», а как ею управлять и как её сдерживать. Существует так называемая «бездумная теория эмоциональности». В ней эмоции наделены безусловным доверием, и пафос этой теории в том, что к эмоциям нужно относиться серьезно, потому что ими сказано все и о самой личности, и ее потребностях, и о ситуации, и об отношениях с другими людьми.

Вместе с тем, обсуждая спектр характеристик эмоциональной сферы, можно выделить когнитивный аспект, который состоит в том, что суждения или убеждения являются составляющей частью эмоций [4]. Так, убеждение, что рядом опасность, рождает страх; понимание потери влечет эмоцию страдания; уверенность в успехе – ощущение счастья, веселья и пр. Можно признать направленность эмоций, их связь с установками и ценностной системой.

Понимая влияние эмоциональных факторов на поведение женщин, можно с высокой долей вероятности утверждать, что именно эмоциональная сфера может быть избрана как активный канал оказания воздействия на женское поведение. Женщина может обидеться, разозлиться, оскорбиться, испугаться, и это обязательно отзовется на ее поступках и суждениях, что в свою очередь обуславливает высокую вероятность прогноза ее поведения. Таким образом, эмоция представляет весьма доступный канал манипулирования женщиной. Утвердившееся выражение «играть на чувствах и эмоциях» подчеркивает эту уникальную возможность.

По проявлению эмоций можно судить о первичной социализации, о характере культурной среды и культуре самого человека. Существуют как межкультурные сходства эмоций (например, проявление горя, радости, презрения, уважения), так и межкультурные отличия. Можно сказать, что при ведущем стремлении к одинаковой идентификации, эмоции являются культурно и исторически специфичными. В этом плане эмоции выступают и могут рассматриваться как социальный продукт. В подтверждение этой идеи обратим внимания на рассуждения Элитсон М. Джаггар. В работе «Любовь и знание: эмоции в феминистской эпистемологии» она пишет: «Индивидуальный и произвольный характер эмоциональных переживаний часто воспринимается как доказательство того, что эмоции – это досоциальные, инстинктивные реакции, обусловленные биологией. Однако этот вывод весьма ошибочен. Несмотря на то, что физиологические изменения, характеризующие эмоции (grimасы, изменения скорости метаболизма, выделение пота, дрожь, слезы и т. д.) являются продолжением инстинктивных реакций дочеловеческих предков, а также, что онтогенез эмоций в определенной степени повторяет их филогенез, зрелые человеческие эмоции не являются ни инстинктивными, ни биологически обусловленными. Напротив, можно утверждать, что они являются социальным продуктом...» [5]. Язык эмоций интерпретируется социально. Содержание

эмоций предполагает наличие социального контекста и признанных в обществе групповых норм, ценностей, табу и ограничений. Все это способствует тому, чтобы выделять и различать в эмоциях их социальный, ментальный и физиологический аспекты.

Вследствие того, что эмоции обладают аттрактивной силой, т. е. способны привлекать и притягивать, к их изучению может быть применен понятийный аппарат синергетической методологии. Бытующее в повседневности выражение «Я порадовалась за него/неё» свидетельствует, что эмоция счастья и восторга может охватывать и тех, кто присутствует в соответствующей атмосфере.

Следует обратить внимание на то, что эмоции формируют модальный план бытия, или, иначе, рождают альтернативный образ реальности. Эмоции горя, например, погружают человеческую личность в мир, где меняется или напрочь исчезает смысл существования при неизменности многих внешних обстоятельств. Гнев, гордыня, вождление, алчность – это не просто характеристики морально-психологического склада личности, это еще и типы ментального пространства, возможные «миры» пребывания личности. Они обуславливают разные модальности реальности.

Такой же силой обладают эмоции радости и восторга. Что изменилось во внешнем мире, в универсуме в целом? Как правило, все идет своим чередом, однако радость и ликование окрашивает ту же самую повседневную реальность энергией любви, творчества и восхищения. Таким образом, эмоции могут формировать альтернативный образ реальности, задавать ее новую модель. Проблемой, однако, остается то, насколько долгосрочно и прочно состояние возникшего эмоционального плана существования?

Эмоция в кратчайший временной промежуток производит интеграцию, т. е. объединение в единое целое всех функций организма. На это особо указывал П. Экман, отмечая, что организм может со спасительной быстротой отреагировать на качество окружающих условий с помощью определенного эмоционального состояния, «сведя их, так сказать, к общему биологическому знаменателю: полезно или вредно для него (организма) данное воздействие» [6]. Поскольку женщины отличаются развитой эмоциональной сферой, то порог их адаптивной чувствительности выше, нежели у других представителей *Homo sapiens*. Получается, что эволюционно женщины более приспособлены к тому, чтобы тестировать негативные или позитивные ниши воздействий и собственные состояния, а затем реагировать на них.

Важной особенностью, характеризующей женское поведение, является параметр «сила эмоций», который указывает на энергетический аспект этой сигнальной функции. Сила эмоции тесно связана с импульсивностью и эмоциональной мобильностью, обуславливается впечатлительностью личности. Впечатлительность выражает аффектную восприимчивость личности, чуткость к эмоциогенным факторам, способность найти почву для эмоциональных реакций там, где для других реакций такой почвы не существует. Импульсивность понимается как быстрота, с которой эмоция становится побудительной силой поступков и действий без их предварительного обдумывания и сознательного решения исполнить.

Таким образом, исследования эмоций дают важный материал для понимания природы женского начала и заключенного в нем потенциала. Проблема эмоционального различия мужчин и женщин представлена в работах Е. П. Ильина. По его мнению, в первые годы практически нет различий в частоте и продолжительности отрицательных эмоциональных реакций у мальчиков и девочек. Но с возрастом частота и интенсивность отрицательных эмоциональных реакций у мальчиков возрастает, а у девочек убывает. Это объясняется социокультурными механизмами. К агрессии мальчиков относятся спокойнее, чем к агрессивному поведению девочек. Когда речь идет о школьниках и студентах, то фиксируется, что лица женского пола превосходят по эмоциональности лиц мужского пола. В меньшей степени они превосходят их по интенсивности и еще в меньшей степени по сохранению эмоций и эмоциональной устойчивости [7]. В отношении плача сделаны такие выводы, что плач девочки возникает как ответная реакция на угрозу лишения общения с окружающими. Плач мальчика свидетельствует о неспособности распознать новую ситуацию. Поэтому плач девочки условно можно назвать коммуникативным, а плач мальчика – исследовательским. Эти данные свидетельствуют в пользу природных различий эмоциональной сферы женщин и мужчин.

В зрелом возрасте женщины больше выражают эмоции и чувства по отношению к чувствам, потребностям и желаниям других. Мужчины же, напротив, обращают этот вектор на собственные интересы, т. е. проявляют больше эгоцентрических чувств. Женщинам более свойственно выражать эмоции, связанные с чувством страха, грусти, одиночества.

Женщины имеют большую тревожность, более крепкую связь эмоций и межличностного общения, для женщин характерна большая чувствительность к негативным обстоятельствам, они уделяют больше времени и внимания обсуждению своих негативных эмоций, ярко переживают положительные эмоции. Им свойственна большая открытость в проявлении эмоций, ин-

тенсивное невербальное выражение эмоций. Также есть различия и в главных эмоциях, для женщин – это страх и печаль; для мужчин – это гнев и агрессия. Важен также вывод о том, что каждый пол лучше распознает «свои» эмоции, что служит аргументом в пользу природно заданных эмоциональных регулятивов [8].

Особого внимания заслуживает такая характеристика, как эмоциональная саморасточительность женщин. Это качество дает возможность отделять сообщество женского типа от мужского. Женщина готова тратить себя по мелочам, занимаясь рутинной повседневной работой, уделяя внимание частностям, отводя им значительную роль и отдавая им значительное время. В саморасточительности женщина оказывается самодостаточной, она опредмечивает себя в мелких делах, событиях и заботах. Этот ее масштаб идет от эволюционной привязанности к домашней сфере и домашнему очагу. В свою очередь, отмеченная эмоциональная расточительность не может не препятствовать интеллектуальному развитию, расширению кругозора женщины.

Среди маркеров эмоциональной сущности женщины наиболее ярко выражен вербальный. Имеется в виду готовность говорить о себе, в этой словоохотливости присутствует сообразительность, гибкость мышления, сильная интуиция, некий синтетизм. Женщина стремится передать все оттенки переживаемых событий, описать все достоинства или недостатки любой ситуации, вещи, отношений или событий. Ее дискурс ветвистый, она легко отвлекается от главной темы, «соскакивает» с нее и с трудом к ней возвращается, не терпит, когда льющийся поток ее говорения прерывают вопросами, репликами, замечаниями. Причем женщина настроена на возбуждение соответствующих чувств слушающих. Вместе с тем глобальным вектором проявления эмоций, при всем их многообразии, является вектор одобрения или неодобрения.

Однако «говорить» для женщины означает, прежде всего, «не говорить универсально», в том числе не обязывая себя равняться на маскулинный дискурс, не артикулируя сложившиеся в маскулинной культуре универсальные нормы.

М. Фуко оценивает роль системы знаков как средства самовыражения, включающей как вербальную, так и невербальную сферы. К невербальным средствам причисляются язык тела, действий, властных отношений [9]. Поведению женщины свойственен экспрессивный стиль, в то время как мужское поведение отличает инструментальный. Однако если власть сосредоточена в дискурсе, а в обществе доминируют мужчины, то в стремлении женщин все высказать и обсудить можно увидеть действие компенсаторной функции по удовлетворению потребности в реальной власти. Высказывая своё мнение, оценку, отстаивая свою позицию, женщина восполняет то, что ей не дано в реальности, а именно реализует властные практики и приводит в действие «квазирепрессивные» механизмы. Характеристики истеричности, эксцентричности, скандальности также выражают потребность компенсации кратических (властных) функций.

Можно утверждать, что подобные проявления – это дополнительные средства и возможности, направленные на то, чтобы быть услышанными в патриархальной культуре. Такое истолкование истерии можно найти у З. Фрейда и Люси Иригарэ, ученицы Ж. Лакана. Анализируя концепцию последней, И. А. Жеребкина отмечает: «Основной формой деконструкции “Я” становится так называемый телесный истерический симптом, являющийся, по мнению Иригарэ, одновременно активным женским отказом от того, что от нее ожидается, ответом на аннигиляцию ее как активного субъекта» [10]. С помощью истерии женщина отвергает свою кастрацию и активно реализует себя. Иригарэ называет это «женской симптомальной бомбой за достижение автономии» [11]. Это очень емкий вывод, указывающий на те средства, которые сохранила за собой женщина в процессе эволюции, пытаясь быть услышанной.

Важно то, что женщины могут быть причислены к агональному типу: они готовы состязаться, конкурировать и не унывают, когда терпят поражения. Такие личности имеют обостренное чувство собственного достоинства. Они уверены в своих возможностях, в своем особом положении, их не покидает вера, что они хоть в чем-то, но выиграют, одержат вверх.

В то же время агон отталкивает и угрожает, он не пускает в пространство традиционной женской ментальности, к которой относят чувствительность, деликатность, наличие тонкого вкуса. Перед агональной личностью закрываются «личные пространства других миров». Кто же пожелает впустить к себе агон, привлечь его энергию, а затем, лишившись покоя, вечно с ним состязаться? Тогда ему надо сразу покориться, приняв условия двойной зависимости: зависимость от доминирующей в этом мире маскулинности, с одной стороны, и зависимость от агонального типа фемининности, с другой стороны.

Агональные отношения и агонистический тип женской субъективности воспринимается мужчинами как третьесортная маскулинность. Объяснение этой метаморфозы следующее. Среди маскулинных типов есть сильные и слабые мужчины, последние (слабые) воспринимаются как второсортные, но они, тем не менее, мужчины. Когда нечто агрессивное, антагонистическое и

агональное ощущается со стороны особи, которую к мужским точно нельзя причислить, но которая настроена на состязание и, быть может, на победу, то такая особь воспринимается уже не как второсортный мужчина, а как нечто третьесортное, несмотря на то что речь может идти об одаренной и уникальной личности.

История культуры знает тип, названный «Лилит», который соответствует женщинам сильной натуры и большой жизненной силы, которые идут на открытое противостояние мужчинам, доведенное до антагонизма. Для них характерно стремление к первенству, лидерству. Однако общепризнано, что агрессивная стратегия вредит женщинам. На этой платформе женскому существованию позитивных отношений с мужчинами не выстроить и экзистенциальных преимуществ не достигнуть.

Но в эпоху постиндустриальных трансформаций женщине все чаще приходится обращаться к этой специфической особенности. Она вынуждена постоянно что-то отстаивать и за что-то бороться: за качество, за справедливость, за правду, равноправие, отстаивать свои исконные интересы, защищать своих молодых сыновей-солдат против «дедовщины», защищать парки, экологию и самое жизнь.

Примечания

1. Платон. Федр. // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1., М.: Мысль, 1994.
2. Берн Ш. Гендерная психология. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 70.
3. Вилюнас В. Н. Эмоции // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 436.
4. Небылицын В. Д. Актуальные проблемы дифференциальной психологии // Вопросы психологии. 1971. № 6.
5. Элисон М. Джаггар. Любовь и знание: Эмоции в феминистской эпистемологии // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. М.: Росспэн, 2005. С. 66.
6. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. 2-е изд. СПб.: Питер, 2010.
7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства: учеб. пособие. 2-е изд. СПб., 2001.
8. Краткий психологический словарь. М., 1985.
9. Фуко М. История сексуальности. Забота о себе. Киев, 1978. Т. 3.
10. Жеребкина И. Прочти мое желание... Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.
11. Иригарэй Л. Пол, который не единичен // Гендерные исследования. 1999. № 3.

Notes

1. Plato. *Fedr* [Phaedrus] // Plato. Col. works: in 4 vols. Vol. 1. Moscow. Mysl'. 1994.
2. Bern Sh. *Gendernaya psihologiya* [Gender psychology]. Moscow. Olma-Press. 2002. P. 70.
3. Vilunas V.N. *Ehmocii* [Emotions] // *Novaya filosofskaya ehnciklopediya* - New encyclopedia of philosophy: in 4 vols. Moscow. Mysl'. 2001. Vol. 4. P. 436.
4. Nebylitsyn V.D. *Aktual'nye problemy differencial'noj psihologii* [Actual problems of differential psychology] // *Voprosy psihologii* - Questions of psychology. 1971, No. 6.
5. Alison M. Jaggar. *Lyubov' i znanie: Ehmocii v feministskoj ehpistemologii* [Love and knowledge: Emotions in feminist epistemology] // *ZHenshchiny, poznanie i real'nost'*. *Issledovaniya po feministskoj filosofii* - Women, knowledge and reality. Research in feminist philosophy. Moscow. Rosspen. 2005. P. 66.
6. Ekman P. *Psihologiya ehmocij. YA znayu, chto ty chuvstvuesh'* [Psychology of emotions. I know how you feel]. 2nd ed. SPb. Piter. 2010.
7. Ilyin E. P. *Ehmocii i chuvstva: ucheb. posobie* [Emotions and feelings: tutorial]. 2nd ed. SPb. 2001.
8. Brief psychological dictionary. Moscow. 1985. (in Russ.)
9. Foucault M. *Istoriya seksual'nosti. Zabota o sebe* [History of sexuality. Taking care of yourself]. Kiev. 1978. Vol. 3.
10. Zherebkina I. *Prochti moe zhelanie... Postmodernizm. Psihoanaliz. Feminizm* [Read my desire... Postmodernism. Psychoanalysis. Feminism]. Moscow. Idea-Press. 2000.
11. Irigaray L. *Pol, kotoryj ne edinichen* [Sex, which is not unique] // *Gendernye issledovaniya* - Gender studies. 1999, No. 3.

О метафоре «пост» в применении к современному развитию России

В статье рассматривается проблема отношения России и современности через дилемму *свое/чужое*. В качестве инструмента анализа используется метафора *пост*, сочетающая в себе единство и переход образных и буквальных значений, а также возможности конструктивного и реалистического методов понимания общественных явлений. Дилемма *свое/чужое* напрямую связана с вопросом об идентификации людей той или иной эпохи. Идентификация индивида проходит через осознание принадлежности к общности, прежде всего этносу или нации, а также ценностям, разделяемой общностью: языком, историей, религией, культурой и т. д. В статье рассматриваются подходы к пониманию наций. Другие пути идентификации – это решения вопроса о том, что значит быть современным, и вопроса о герое времени. Эти вопросы также рассматриваются в статье. Кроме того, затрагивается важнейший вопрос современности, что значит быть другим.

In the article considers the problem of relations between Russia and modernity through the dilemma of your/someone else's. As the analysis tool uses the metaphor of a post that combines unity and transition figurative and literal values, as well as the possibility of constructive and realistic methods for understanding social phenomena. The dilemma of our/of others is directly related to the question about the identity of people of particular era. Identification of the individual passes through the consciousness of belonging of the community, especially the ethnic group or nation, and the values shared by the community: language, history, religion, culture and so on, the article considers approaches to the understanding of nations. Other ways of identification, this solution of the question of what it means to be modern, and the question of the hero of time. These issues are also addressed in the article. In addition, the article discusses the most important issues of our time, what it means to be different.

Ключевые слова: метафора, дилемма *свое/чужое*, нация, современность, проблема другого, конструктивизм, реализм, герой времени, мини-власть, неономадизм.

Keywords: metaphor, dilemma of *your/someone else's*, the notion, modernity, the problem of another, constructivism, realism, hero of time, minipower, neonomadism.

Сначала несколько замечаний по поводу использования в работе метафоры *пост*. Под метафорой здесь подразумевается форма понимания, соединяющая буквальное и образное значения для обозначения перехода от одного (предмета) к другому. Переходное значение содержится и в слове *пост*, или *мета*, «в ходе», «после» и т. д. Такой же переходностью характеризуются исторические эпохи, например эпоха постсовременности, имеющая несколько признаков. Один из них – обращение формулы «языковые феномены явно следуют за неязыковыми» в формулу «неязыковые феномены следуют за языковыми». Вторая формула означает, что, например, научное знание получает свое право на существование, «легитимизируется» *решениями о том, что такое знание, или, по Лиотару, определением того, «кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать»* [1]. Здесь можно усмотреть переключку с известной формулой Ницше: фактов нет, есть лишь интерпретации.

Интерпретация с неизбежностью предполагает интерпретатора, или субъекта познания. Хорошо заметил в этой связи Дональд Дэвидсон: «Метафора – это греза, сон языка (dreamwork of language). Толкование снов нуждается в сотрудничестве сновидца и истолкователя, даже если они сошлись в одном лице. Точно так же истолкование метафор несет на себе отпечаток и творца, и интерпретатора» [2].

Анализ состояния общества ведет к нескольким дилеммам, одна из них – дилемма *свое/чужое*, лежащая в основании других дилемм, таки, как верность/предательство, идентичность/альтернативность, родина/чужбина, свобода/зависимость, конструктивизм/реализм, внешнее/внутреннее, укорененность/номадизм, враг/друг и т. д.

Эти дилеммы проходят через все строение общества, от его природных основ до межличностных отношений и того, что относят к «духовной» сфере. В настоящее время особую важность приобретает понимание, как действует дилемма *свое/чужое* уже не столько в обществе со все бо-

лее углубляющимся социальным расслоением по доходам, которое вышло из состояния, где главным измерением была классовая структура, но в обществе полиэтническом.

В условиях же господства либеральной идеологии «национальное» автоматически отождествляется с «фашистским». Более того, эта дилемма приобретает особое значение при характеристике современности с точки зрения метафоры «взрыва» (внешнего и внутреннего) [3], «разрыва», «распада», «радикализации» исторического процесса при обострении отношений между традиционным (фундаментальным) и современным (новым) [4].

Либерализм утверждает принцип свободы индивида, отрицание идентичности в пользу аутентичности, культивирование различий, которые у Жака Деррида становятся «ускользающими» от идентификации. Здесь возникает вопрос, в какой степени в качестве основы для единения и согласия людей в современном обществе смогут выступить национальные традиции и обычаи?

О современности

Только на первый взгляд вопрос, допустимо ли в строгом смысле слова говорить о «современной» России, представляется абсурдным. Аргумент «от отсталости России» в его разнообразных формах служит инвариантом в бесконечных дискуссиях по истории России, «менталитете» русского народа, сути российских реформ и т. д.

Если считать верным, что только европейская «цивилизация», восходящая к античному греко-романскому миру (отчасти и к ветхозаветному), способна создать «современность» («modernity»), которая в свою очередь является воплощением универсальных ценностей и есть не просто моральное благо, но и историческая необходимость» [5], тогда с неизбежностью возникает вопрос: насколько российская «цивилизация» соответствует европейской «цивилизации».

Следует заметить, что слово «цивилизация» взято в кавычки вслед за И. Валлерстайном, который на вопрос одного из журналистов «Что вы думаете о цивилизации на Западе?» приводит ответ Махатмы Ганди, а именно: «Я думаю, что она бы там не помешала» [6].

Аргумент «от отсталости России (и русского народа)» – священная корова критиков России, включая разного рода русофобов. Он часто служит основой для обращения к «цивилизаторам» с призывами для вмешательства во внутренние дела России.

Ответом на это может служить указание на *иную* природу современности России. Однако одним из важнейших признаков понятия современности является научность, или то, что обозначается в виде «сциентизма», требующего разделения объективной и субъективной точек зрения, а также понимания фактического положения дел. Является ли современность России в этом смысле фактом?

Последствием понимания современности в европейском смысле является глобализация, которая характеризуется изменениями, охватывающими весь земной шар. Важнейшим становится вопрос о контроле и управлении над этими изменениями. Уильям Макбрайд приводит слова Генри Киссинджера: «Главный вызов состоит в том, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов» [7]. Не ведет ли это к тому, что США и их образы должны править миром?

На последний вопрос однозначно ответил Барак Обама в своем выступлении перед выпускниками Военной академии в Вест-Пойнте 28 мая 2014 г.: «Мое глубокое убеждение таково: Америка всегда должна быть мировым лидером. Кроме нас, никто не сможет им быть... Нужно считаться с международным мнением, однако Америка не должна спрашивать разрешения, чтобы защитить... наш образ жизни».

Однако проблема состоит в том, что ключом к истинному пониманию современности служит *разнообразие* способов понимания самой современности [8]. Возникает вопрос, какие образы живут в головах людей и определяют их образ жизни? Если жизнь должна быть богата разнообразием, то что с этим разнообразием жизни происходит в условиях глобализации?

Макбрайд замечает, что ««Инаковость» в конечном счете не сводима», и это обстоятельство диктует императив межкультурного диалога: «терпимость, в том числе терпимость к отказу от участия в диалоге» [9].

О конструктивизме и реализме

Современность – это процесс, в котором размываются скальные породы традиций, или более точно – фундаментальные образы жизни людей: каждое поколение начинает свою жизнь как бы сначала.

Широко известна точка зрения, которая обозначается в виде «конструктивистского подхода» к нациям и национализму, для которого нация – «особого рода культурный артефакт» [10], это – социальный, воображаемый конструкт (конструкция), категория, в силу своей неопределенности не имеющая научного статуса, и поэтому должна быть устранена из языка науки и по-

литики; нация – метафора, аллегория и академически пустое слово [11]. При этом подчеркивается решающая роль метафоры нации в процессе идентификации и объединения народов: «Наряду с гимном, метафора *нации* служит символом в утилитарных целях достижения консолидации и общей лояльности населения государства. Общая гражданская идентичность, которая достигается через понятие *нации*, не менее важна для государства, чем конституция, общие правовые нормы и охраняемые границы» [12].

Конструктивизм – наследник номинализма, для которого общее (в том числе нация) не имеет статуса реального существования, а есть знак, символ, объединяющий индивидов или их группы (например, народы). Общее (нация) создается людьми и не является чем-то первичным по отношению к ним. Нация существует (живет) в умах людей в виде образа их общности [13]. *Образ* – ключевое слово для понимания природы нации. Отсюда и следующее, вполне операциональное, понятие нации: «...это воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [14].

Само по себе название «конструктивизм» несет в себе заряд положительного смысла, выходя из ситуаций зависимости, например от национализма фашистского типа. «Этничность» в этом случае относится к сфере культуры – языка, религии, искусства, спорта и т. д. Например, возможна формула «русский – это православный».

Реализм – наследник платонизма в том дискурсе, в котором общее (например, нация) – это идея, имеющая статус самостоятельного и первичного существования по отношению к индивидам. Здесь «нация» превышает всего. Это высшее, здесь – нация, иногда отождествляемая с религией, создает своего рода вертикальное измерение жизни.

В то же время необходимо согласиться с подходом Б. Андерсона, который через образ *воображаемого конструкта* дает некую почву для объединения двух подходов, а именно: в одном (конструктивизме) «нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» [15], другом (реализме) нация есть «вертикальное товарищество», скрепляемое отношением к высшему, превосходящему людей началу.

Здесь из пересечения «вертикального» и «горизонтального» измерений образуется своего «крест»-распятие в понимании наций, сколачиваемое самой жизнью и чувством идентификации людей.

О герое современности

Современность создает новых людей, *Homines novi*. Кто они – *новые люди*? Иммануил Валлерстайн приводит знаменательный вопрос Монтескье из «Персидских писем»: «Неужели можно быть персиянином?» – и полагает, что под этим вопросом был скрыт другой, который действительно интересовал Монтескье, это вопрос о способах бытия, альтернативных способу «быть европейцем» [16]. Здесь вполне уместна аналогия: Петр Первый, «прорубивший окно в Европу», носил кафтан – персидское по происхождению платье, ставшее исконно русским. Продолжая Монтескье, поставим вопрос: «Неужели возможно быть русским?». И в его развитие поставим другие вопросы: «Неужели возможно быть европейцем в провинциальной России?» или «Что значит быть “современным человеком”?»

Весьма точную типологию, или систему характеров, современного человека предлагает Аласдер Макинтайр. Это – *эстет, менеджер, терапевт* (лишь упоминая в конце работы еще *оппозиционера*) [17].

Эстет есть воплощение современной эпохи индивидуализма и гедонизма, живущий удовольствием от потребления. Циник по природе, что обусловлено его самолюбованием, доходящего до самообмана, он не признает общественных норм и этим защищён от того, чтобы стать жертвой современных ему моральных фикций. *Менеджер*, или бюрократический эксперт, воплощает принцип управленческой эффективности. Эффективное управление предполагает рациональное обоснование предсказуемости в человеческих делах. Однако такового нет, и поэтому вместо рационального социального контроля используется его имитация. То есть «наиболее эффективный бюрократ есть наилучший актер» [18].

Терапевт – здесь уместно замечание Маклюэна, что XX век – это «век психологической чистки» [19], или открытия и осознания бессознательного. По Макинтайру, терапевт воплощает процесс срывания масок своей эпохи. Однако подобное явление несет в себе способ защиты от собственного разоблачения, и терапевт оказывается жертвой обмана, т. е. втянутым в обмен моральных фикций. *Оппозиционер*, если продолжить линию рассуждений Макинтайра, критикует недостатки управления обществом от защиты гражданских прав до постановки вопроса о власти. Однако подобная критика сталкивается с возможностями управления и, следовательно, часто превращается просто в моду, когда «быть современным – значит быть оппозиционером».

В качестве обобщающего характера подходит *новый образованный класс*, или, по удачному обозначению Дэвида Брукса, «Бобо», акроним *богемного буржуа (bourgeois bohemians)* [20]. Бобо – эстет, живет по принципу самовыражения; менеджер, поскольку успешен, эффективен во всем; терапевт – внимает бессознательному, естественному; оппозиционер – бунтарь по натуре.

Здесь хорошо обозначается вопрос о *мини-власти*, который проявляет себя в рамках межличностных отношений. Это: 1) культивирование конкуренции, соревновательности, начиная с разного рода детских конкурсов (забеги для ползунков); 2) деление людей на креативных и некреативных, когда «активное, агрессивное меньшинство», свободное от предрассудков и способное к созданию нового, современного, заявляет претензии на превосходство и, как следствие, власть над «пассивным большинством»; здесь кроется источник перерождения либерализма в свою противоположность – тоталитаризм (на это обратил внимание Лешек Колаковский); 3) явление *неономадизма, современного кочевничества*, современных «искателей пастбищ». Можно указать также на рост мигрантов в составе коренного населения, порождающий вопрос об отношении своих и чужих; 4) вопрос о доверии людей к представителям власти, а также друг к другу; 5) отношение государства и общества, или – в какой степени управленческий класс выражает интересы общества, народа в целом, а не интересы доминирующей страты; 6) насколько оправданна защита прав меньшинств и не способствует ли эта защита появлению *шовинизма меньшинств*?

О каком общественном консенсусе можно говорить, если либеральная общественность в своем большинстве осуждает расизм, антисемитизм и гомофобию, а русофобию нет? На каких основах следует утверждать единство общества *после* подлого опроса, проведенного телеканалом «Дождь» (совместно с радиостанцией «Эхо Москвы») 26 января 2014 г., или же *после* подобной «провокации» – предложения переименовать Великую Отечественную войну во Вторую мировую. Если ведущий мотив современности – освобождение от предрассудков, мракобесия, то почему агрессивно создаются новые кумиры и идолы? Это касается и сферы морали. Если утверждается достоинство человека, то почему за доблесть считается обмануть другого, чужого? И почему забывается старая истина о том, что свобода предполагает ответственность?

Post scriptum. Современность характеризуется такими изменениями, которые остро ставят вопрос об их следствиях. Это объясняет широкое использование приставки «пост-» при характеристике динамики этой эпохи, например «постисторичность», «постсекулярность», «постдефицитная система» и т. д.

В использовании в названии статьи метафоры *после* заключено то значение слова «после», или «пост», который хорошо передал Джон Капуто: «*после прохождения через*» современность» [21].

Другое, не менее важное, значение слова «после», это – *последствия*. Все дискуссии о положении дел в современной России требуют, в конечном счете, понимания и отчета о последствиях сделанного и не сделанного политической элитой, управленцами, экспертами, идеологами и всеми гражданами России. Другими словами, «после России» означает ответственность перед историей, настоящим и будущим своей страны.

Утверждения об особом пути России несут значения обособленности, что в условиях современности не имеет смысла. Но у России *свой* путь, который требует понимания, точнее – *метафоры*, «после движения», когда *дано третье* – то, что нельзя ни растворять в одном, ни разделять [22]: государство и этносы, традиции и современность, общее и индивидуальное, реализм и конструктивизм, свое и чужое.

Примечания

1. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шамко. М.: Ин-т экспериментальной социологии: СПб.: Алетейя, 1998. С. 28.

2. Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации / пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. М.: Праксис, 2003. С. 336.

3. См.: Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. 3-е изд. М.: Кучково поле, 2011; Валлерстайн И. Европейский универсализм: риторика власти // ПРОГНОЗИС. Журнал о будущем. 2008. № 2(14); Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. статья С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

4. Валлерстайн И. Указ. соч. С. 172–173.

5. Там же. С. 24.

6. Там же. С. 12.

7. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопр. философии. 2003. № 1. С. 80.

8. Брукс Д. Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 138.

9. Макбрайд У. Указ. соч. С. 83–84.

10. Тишков В. А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопр. философии. 1998. № 9. С. 29.

11. Там же. С. 8, 14, 18, 26.
12. Там же. С. 18.
13. Андерсон Б. Указ. соч. С. 31.
14. Там же. С. 30.
15. Там же. С. 35.
16. Там же. С. 23, 27.
17. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
18. Там же. С. 148.
19. Маклюэн Г. М. Указ. соч. С. 7.
20. Брукс Д. Указ. соч. С. 10.
21. Капуто Д. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3(82). С. 201.
22. См., напр., «теорию неисключенного третьего»: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 53.

Notes

1. Lyotard J. F. *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern condition] / transl. from Fr. N. A. Shamko. Moscow. Institute of experimental sociology. SPb. Alteya. 1998. P. 28.
2. Davidson D. *Issledovaniya istiny i interpretacii* [Study of truth and interpretation] / translation from English. A. A. Veretennikov, I. A. Dmitriev, M. A. Dmitrievskaya and others. Moscow. Praxis. 2003. P. 336.
3. See: McLuhan G.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding of the Media: extension of man]. 3rd ed. Moscow. Kuchkovo pole. 2011; I. Wallerstein *Evropejskij universalizm: ritorika vlasti* [European universalism: the rhetoric of power] // *PROGNOZIS. Zhurnal o budushchem* - ПРОГНОЗИС. Magazine about the future. 2008, № 2(14); Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism] / transl. from Eng. V. Nikolaev; introd. article S. Bankovskaya. Moscow. "CANON-press-C", "Kuchkovo Pole". 2001.
4. Wallerstein I. Op. cit. Pp. 172-173.
5. Ibid. P. 24.
6. Ibid. P. 12.
7. McBride U. *Globalizaciya i mezhhkulturnyj dialog* [Globalization and intercultural dialogue] // *Vopr. filosofii* - Matters of philosophy. 2003, No. 1, p. 80.
8. Brooks D. *Bobo v rayu. Otkuda beretsya novaya ehлита* [Bobo in Paradise. Where does the new elite born]. Moscow. OOO "Ad Marginem Press". 2013. P. 138.
9. McBride U. Op. cit. Pp. 83-84.
10. Tishkov V.A. *Zabyt' o natsii (post nacionalisticheskoe ponimanie nacionalizma)* [Forget about the nation (post-nationalist understanding of nationalism)] // *Vopr. filosofii* - Matters of philosophy. 1998, No. 9, p. 29.
11. Ibid. Pp. 8, 14, 18, 26.
12. Ibid. P. 18.
13. Anderson B. Op. cit. P. 31.
14. Ibid. P. 30.
15. Ibid. P. 35.
16. Ibid. Pp. 23, 27.
17. McIntyre A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After virtue: Studies of the theory of morals] / transl. from Eng. V.V. Tselyshev. Moscow. Acad. Project; Ekaterinburg. Delovaya kniga. 2000.
18. Ibid. P. 148.
19. McLuhan M. Op. cit. P. 7.
20. Brooks D. Op. cit. P. 10.
21. Caputo D. *Kak sekulyarnyj mir stal postsekulyarnym* [How did the secular world become post-secular] // *Logos*. 2011, № 3(82), p. 201.
22. See, e.g., «teoriyu neisklyuchennogo tret'ego» - "the theory of non-excluded third": Wallerstein I. Op. cit. P. 53.

Генезис представлений о счастье в европейской и евразийской философии

В статье выдвигается гипотеза, в соответствии с которой представление о счастье трактуется как ядро эпистемы. Последняя вырабатывается в общественном сознании на основе объективных мыслительных форм, укорененных в социальное бытие. Приводится сравнительная характеристика метаморфоз представлений о счастье в философском сознании европейцев от Античности до современности. Показано, что представление о счастье действует как целеполагающая трансформационная сила, способная видоизменять социокультурные доминанты общественного бытия: Природа, Бог, Человек. С целью выработки вектора развития общественного сознания предлагается обращение к идеалу соборности и опора на традиции российской культурно-исторической почвы. При этом подчеркивается, что соборность не требует внешнего соединения, она существует потенциально как духовное единство, объединение людей вокруг высших ценностей, главенствующими из которых являются жизнь и любовь.

The paper puts forward a hypothesis according to which the idea of happiness is treated as the core of the episteme. The latter is formed in the public mind on the basis of objective thought forms, rooted in social existence. The comparative characteristics of the metamorphosis of happiness in the philosophical minds of Europeans, from antiquity to modern times are given. It is shown that the idea of happiness acts as a transformational power that can alter the socio-cultural dominants of social life: Nature, God, Man. It is proposed to appeal to the ideal of sobornost and to rely on the traditions of the Russian cultural-historical basis in order to develop a vector for development of social consciousness. It is emphasized that sobornost does not require any external connection, it exists potentially, as a spiritual unity, bringing people together around the main values such as life and love.

Ключевые слова: счастье, цель, метаморфоза, генезис, эпистема, социокультурная доминанта, соборность.

Keywords: happiness, purpose, metamorphosis, genesis, socio-cultural dominant, sobornost.

Синтез положений марксизма и постмодернизма о диалектике общественного бытия и сознания позволяет социокультурную динамику представить следующим образом [1]. Социальное бытие формирует определенное представление о счастье, которое закрепляется в объективных мыслительных формах. С течением времени представление о счастье начинается изменяться внутри общественного сознания и постепенно теряет связь с общественным бытием. Это объясняется большей динамичностью сознания по отношению к бытию. Утопические миры как мыслительные конструкты формируются намного быстрее реальных миров. В итоге оформляется эпистема в виде нового представления о счастье. Причем это представление начинает доминировать во всех формах общественного сознания, выражаясь через дискурсы. Высокий потенциал общественного сознания создает угрозу для самого бытия. Люди начинают стремиться к тому, чтобы новая модель счастья была реализована в действительности. Социальная система с целью своего самосохранения претерпевает соответствующие изменения. Высокий потенциал общественного сознания, преодолевающая кризис социальной системы, разряжается в реформах и революциях. «Кризис является болезненной точкой перехода системы в иное качественное состояние. Он всегда сопряжен с состоянием неопределенности, когда сложно предсказать, какие части системы отомрут, а какие переродятся в обновленном, более жизнеспособном качестве» [2]. При этом единые или близкие представления о счастье определяют сходные способы преодоления кризиса и, как следствие, формируют у различных обществ единую историческую судьбу. Например, «в новый и новейший периоды капитализм формирует новые объективные мыслительные формы... Счастье начинает пониматься как положение, в котором возможно вкусить все плоды цивилизации» [3]. Общества, для которых счастье мыслится как рост потребления различных благ цивилизации, существуют в рамках единой исторической системы ценностей. В них преобладает материалистический индивидуализм (эгоизм), приводящий к тотальному омассовлению и утрате личностного своеобразия.

Итак, социальное бытие формирует объективные мыслительные формы, переходящие в эпистему общественного сознания, которая в свою очередь направляет духовные силы общества на развитие новаций в социальной жизни. Ядром эпистемы выступает представление о счастье.

Для иллюстрации вышеизложенных идей покажем генезис представлений о счастье, происходивший в философском сознании европейцев. Отметим, что изменение этих представлений способствовало трансформации социокультурных доминант общественной жизни в различные периоды европейской истории.

Античные философы связывают счастливое состояние души и тела с умеренностью. Так, Диоген из Эноанд указывает на то, что лучшим средством для благого состояния духа выступает отказ от активной деятельности сверх своих сил, отстранение от любых докучных дел. В связи с этим Платон дает положительную оценку словам Гесиода о том, что половина больше целого.

Умеренность позволяет избежать смятения в природе человека, потому и нужда, и избыток одинаково разрушительны для личности. Важна умеренность и по отношению к желаниям. Эпиктет указывает на то, что «нельзя быть счастливым, когда желаешь того, что невозможно; и наоборот, можно быть счастливым только в том случае, если желаешь возможного, потому что в таком случае всегда будешь иметь то, чего желаешь» [4].

Многие античные мыслители (Демокрит, Платон и др.) высказывали убеждение, что счастье пребывает в душе. Оно интровертно. Источник счастья является результатом разграничения и отбора радостей. Прекрасны и полезны те радости, которые сохраняют целостность человека, не расщепляют его до животного состояния. Платон говорит о том, что можно сделать счастливыми стражей, земледельцев, гончаров, нарядив их в пышную одежду и дав им золото и возможность пить и пировать вволю, занимаясь своим ремеслом лишь столько, сколько им захочется. Но в итоге псевдорадость будет порождать псевдосчастье. Истинные радости не могут быть эгоистичными. Лишь радости, подпитываемые общим процветанием и благом, способны укреплять человеческую целостность и единство с богом. В связи с этим счастье предполагает усилия со стороны человека, а в некоторых случаях путь к счастью открывается через страдания. Философское сознание Античности не разделяло счастье и целостность человека, а также критически воспринимало эгоистическую модель счастья.

Люди стремятся к счастью как цели. А какова цель счастья? Для чего нужно быть счастливым? Аристотель подчеркивает, что «цель (‘то, ради чего’) не может идти в бесконечность, – чтобы ходьба была для здоровья, здоровье – для счастья, счастье – еще для чего-нибудь, и чтобы, таким образом, одно всегда было для другого...» [5]. Целеполагание должно быть конкретным. В античной философии целью жизни выступает добродетель. По Аристотелю, «счастье есть деятельность в духе добродетели...» [6].

Мыслитель полагает, что граждане (аристократы) способны через свою добродетельную деятельность обеспечивать счастливое состояние всего населения государства. Подобный подход отказывает ряду социальных слоев в возможности индивидуально добродетельного развития. Добродетель лишь прививается этим социальным группам, дабы избавить их от дикого состояния и тем самым наделить счастьем. Позже философы-стоики выступят с идеей о равенстве всех человеческих существ, что будет отменять своеобразную монополию аристократии на представление о счастье.

Счастье в средневековой философии не мыслилось вне духовного воссоединения с Богом. «Жить и жить счастливо не одно и то же... Остается одно: обратиться к Тебе, своему Создателю, и жить, больше и больше приближаясь к Источнику жизни, и в свете Его видеть свет, совершенствоваться, просвещаться и находить счастье» [7].

Средневековая философия сохраняет представление о том, что умеренность и довольствование малым являются необходимым условием счастливой жизни. С. Бозций подчеркивает: «Укрепляя собственные силы, держитесь середины» [8]. Истинное наслаждение ожидается как награда за благочестивую жизнь. Философ пытается доказать глубочайшую ложность мгновенного изменчивого земного счастья, приносимого Фортуной. Он определяет путь, посредством которого возможно достижение истинного совершенного блага и блаженства – это стремление к добру, заключенному в Боге, и четкое понимание того, что «порок никогда не остается без наказания, а добродетель – без вознаграждения» [9]. В мире воплощена высшая справедливость, которая необходимо реализует себя даже тогда, когда не обнаруживает себя в разуме и чувствах.

Итак, представления о счастье, характерные для Античности и Средневековья, имеют много общего. Цели личностной и общественной жизни в эти эпохи связывались с добродетелью (Благо, Бог) и обнаруживались в душе человека.

Еще одним важным вопросом, появившимся в античной философии, становится выяснение случайного или закономерного характера счастья. Аристотель считает, что счастье зависит от

случая, а случай возникает только у индивидов, обладающих выбором, то есть способных к активной деятельности. «Поэтому ни неодушевленная [вещь], ни животное, ни ребенок ничего не делают случайно, так как они не обладают способностью выбора; им не присуще ни счастье, ни несчастье, разве только по уподоблению, как, например, сказал Протарх: «Счастливы камни, из которых сложены жертвенники, потому что их чтят, а сотоварищи их попираются ногами» [10]. В Средние века представление о случайности счастья заменяется идеей о божественном провидении. Позже мыслители Ренессанса, переходя на волюнтаристские позиции, выводят на первый план не случайность («счастливый случай», «несчастный случай»), а активность самого человека, сознательно определяющего цель, стремящегося к счастью, совершающего усилия для достижения счастливого состояния.

Ренессанс ознаменовал метаморфозу представления людей о счастье. Философия этого периода приносит обновление в содержание сохранявшейся веками идеи о том, что умеренность открывает путь к счастью наравне с пониманием иллюзорности земного счастья, основанного на преходящих ценностях. С XV в. под влиянием гуманистической ориентации счастье человека начинает связываться с земными благами при условии, если они соотносятся с духовным содержанием человека и влекут за собой удовлетворение. Однако эпоха Возрождения лишь делала первые шаги к будущей абсолютизации материальных благ. Ренессанс стал буферной зоной, в которой готовилась первая в европейской истории метаморфоза представлений о счастье. Предпосылкой к подобной метаморфозе стал томизм, в рамках которого Ф. Аквинский указывал не только на духовную, но и на телесную природу человека, а значит, на необходимость стремления не только к небесному, но и земному блаженству. Значительную роль в осуществлении этой метаморфозы сыграл также «латинский аверроизм».

Метаморфозы представлений о счастье сопровождаются появлением комплекса утопических сочинений, цель которых состоит в попытке обнаружить новые идеалы счастливой жизни. Именно утопическая парадигма мышления является сферой воплощения целеполагания и имеет прямые выходы в реальность. Так, идея равенства, столь популярная в утопиях XVI–XVII вв., направлена на снижение жесткой иерархии средневекового общества, на размывание основ аристократических, монархических систем и формирование в пространстве языка демократического дискурса будущей эпохи.

Философия Нового времени расширяет сферу поиска счастья. Если в период Античности счастье основывалось на представлении о том, что человек велик, а в Средние века, что греховен, то в период Ренессанса и Нового времени предшествующие два представления синтезировались. «Одним словом, человек сознает свое жалкое состояние. Он жалок потому, что таков и есть на самом деле; но он велик, потому что сознает это» [11]. В дальнейшем эта мысль привлекала большое число мыслителей, в особенности представляющих немецкую классическую философию.

Метаморфозы представлений о счастье способны приводить к изменению актуальности тех или иных отрезков временного континуума. Античная культура ориентировала человека на прошлое (соблюдение традиции), средневековая – на будущее (жизнь после смерти), а культура Нового времени ввела в актуальное поле настоящее человека. Античность стремилась к гармонизации конечного времени и вечности, Средневековье абсолютизировало вечность, а Новое время превознесло суету текущего момента. По этому поводу Б. Паскаль сетует, что людям «дают дела и занятия, которые потом мучают их всю жизнь... Стоило бы только отнять у них все эти заботы, тогда бы они увидели себя, стали думать, что они такое, откуда и куда идут» [12].

Изменение представлений о счастье, произошедшее в Новое время, привело к абсолютизации суеты настоящего момента, что, в частности, нашло отражение в этике протестантизма. В Новейший период настоящее представляется не как антиципация будущего, а как повторение одного и того же цикла. Ряд философов-постмодернистов выступают против деления времени на прошлое, настоящее и будущее, предполагая, что исторический процесс лишен всякой имманентной логики. Всё человеческое относится только к настоящему. Так, постмодернист М. Серр пишет о том, что «автомобиль есть продукт научно-технических идей, возникших в разное время. Одна из его частей была изобретена в начале двадцатого века, другая двести лет назад, колеса были изобретены в эпоху неолита и т. д.» [13] В рамках указанной логики в Новейший период происходит «онастоящивание» всего человечества, что создает предпосылки для возникновения разрыва с прошлым.

Метаморфоза представлений о счастье актуализирует и иные способы преодоления страха перед смертью. В Античности это достижение гармонии души и тела, в Средневековье это спасение души, а в Новое время это культ тела. Ослабление веры в бессмертную душу наравне с пониманием смертности тела приводит к ощущению катастрофизма собственного бытия. Последнее в связи с этим требовало постоянных развлечений (отвлечений), дабы отрешиться от мыслей о «естествен-

ном злополучии нашей слабой и смертной природы» [14]. Действительно, характеризуемая эпоха начинала жить по принципу «после нас хоть потоп». «Если за могилой ничего не видно, то, конечно, верен вывод: “Будем есть и пить”, будем наслаждаться тем, что нам приятно, “ибо завтра умрем”» [15]. Желая жить развлекаясь, человек отчуждается от мира, теряет в себе личность. Последняя должна формироваться через усилия, заряженные волевым импульсом. Не случайно мыслители неклассической философии, например Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, превознесут волю как важнейшую философскую категорию. В целом явление неклассической философии – это попытка обнаружения способов преодоления деградации развлекающегося общества потребления, которое возникло вследствие последней по времени метаморфозы представлений о счастье.

Счастье Нового и Новейшего периодов перестало мыслиться вне суеты и вечной погони за материальными благами. Достижение цели и счастливого состояния трактуется как бесконечный процесс, связывающий вереницу явлений. Оно «состоит в непрерывном движении желания от одного объекта к другому, так что достижение предыдущего объекта является лишь шагом к достижению последующего. Причиной этого служит то обстоятельство, что человек стремится не к тому, чтобы наслаждаться один раз и на один момент, а к тому, чтобы навсегда обеспечить удовлетворение своих будущих желаний» [16].

Таким образом, эпоха Ренессанса через представление о человеке как о смертном боге подготовила почву для метаморфозы целеполагания от умеренности и интровертности счастья, к доминанте безграничного потребления и поиску счастья в материальных благах цивилизации. Счастье в Античную и Средневековую эпоху сконцентрировано в правильном состоянии мысли и души, и потому его нельзя отнять, уменьшить или увеличить. Мыслители Ренессанса переориентируют поиск счастья в сферу ощущений, которые по природе своей непостоянны и нередко мгновенны. Так, Л. Валла изображает наслаждение гедонистически, что сближает христианскую позицию с эпикурейской.

В дальнейшем пренебрежение к смыслам вечности, возникновение культа тела в развлекающемся мире выразились в дистанцировании от религиозного мировоззрения (отделение церкви от государства), а в более отдаленной перспективе Новейшего периода – в формировании общества потребления. Эпистема, характерная для Нового времени, переориентировала человека на земной мир общественных отношений, в которых наблюдались противоречия и конфликты. Это формировало ощущение невозможности достижения счастья в противоречивом земном мире и способствовало появлению представлений об абсурдности бытия человека (А. Камю) и даже «смерти человека» (М. Фуко). В философии возник и был обоснован феномен «неукорененного человека», занимающего эксцентрическую позицию (Х. Плеснер). На недостижимость счастья в мире потерянного вечного бытия ранее указывали еще Ф. М. Достоевский, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк и многие другие русские мыслители. Примечательно, что в мистической концепции Д. Л. Андреева страдания тех, кто пытался при жизни утвердить идею о смертности души (воинствующее безверие), в посмертных чистилищах, более значительны, чем даже у убийц. «Тайна этой удивительной, непропорциональной, казалось бы, кары в том, что все эти волевые акты еще при жизни в Энрофе как бы наглухо забили пробками дыхательные пути души... Пленнику Дромна кажется, что нигде нет ничего, нет и его самого – именно так, как это ему рисовалось при жизни... При этом он начинает смутно понимать, что все могло бы быть иначе, если бы это небытие – или полунебытие – он не выбрал сам» [17].

Генезис представлений о счастье определил три последовательно сменявшие друг друга социокультурные доминанты: Природа, Бог, Человек. Будущее видится в необходимости синтеза этих доминант и формирования человека-творца, делающего мир более человеческим. Для достижения этой цели, на наш взгляд, следует обратиться к идеалам российского религиозно-философского сознания. Последнее отличается от европейского по ряду принципиальных позиций.

Ключевым отличием является тяготение европейского общественного сознания к индивидуализму, тогда как в России на протяжении всей истории формировался дух соборности, который в конечном итоге стал объективной мыслительной формой и эпистемой общественного сознания. Это означает, что россияне практически неизбежно в своих действиях и поступках руководствуются принципами соборности, которые действуют как импульсы (архетипы), часто непосредственно не рефлекслируемые человеком. Так же как птицы не могут не вить гнезда, а муравьи не могут не строить муравейники, так и дух соборности как культурный код создает импульс, определяющий характер человеческий действий.

К некоторым историческим факторам, сыгравшим решающую роль в становлении соборного сознания россиян, относится характерный для России общинный строй, а также широкая общественная практика Церковных и Земских соборов. Сущность последних сводилась к формированию симфонии различных мнений, позиций и теорий.

Соборность складывалась преимущественно на православной почве и связана с ее спецификой. Дело в том, что в западном христианстве большинство религиозных положений имеют четкие формулировки, поскольку богословские споры проходили в понятийной форме и апеллировали к разуму. После того как они утверждались папским решением, они приобретали статус непогрешимых истин. Иррационалистические особенности православия в совокупности с отсутствием абсолютных авторитетов в вопросах веры приводили к разнообразным мнениям в рамках церковного богословия. Истинность суждения определялась не столько логической доказательностью, сколько распространенностью мнения в церковной среде. Так возникает «соборный характер» русского мышления и особое значение коллективного, соборного начала в определении истины. Примечательно, что именно Церковные соборы и, в частности, Стоглавый собор 1551 г. определяли принцип симфонии власти, в соответствии с которым духовная и светская власть соединяют свои усилия, но не вмешиваются в сферу ведения друг друга. Образцом русской соборности стал Собор 1917–1918 гг., в деятельности которого принимали участие не только священнослужители, но и миряне, составлявшие более половины его членов.

По примеру Церковных соборов в 1549 г. был создан первый Земский собор, названный «Собором примирения». Посредством деятельности Земских соборов формировалась важнейшая практика симфонии социальных групп. Хотя обсуждения на Земских соборах проходили по чинам и сословиям, однако нередко в завершении собрания устраивалось совместное заседание всего собора.

Свой вклад в становлении духа соборности внесли представители не только православной, но и других конфессий России. Например, в исламе, так же как и в православии, отсутствуют абсолютные авторитеты в вопросах веры и невозможно узнать, кто же из муджахидов достиг непреложной истины в этом мире. «Существование среди мусульман ханафитов, шафиитов, маликитов, ханбалитов, захиритов и других не должно приводить к формированию каких-то общин и мазхабов, которые отрицают наличие знания у того, кто имеет иное мнение или призывают презрительно относиться к нему и умалять его достоинство» [18]. Отсюда возникала довольно схожая с идеалом соборности идея уммы в исламе. Последняя сыграла значимую роль в становлении соборного характера мышления россиян.

Важнейшим институтом, обеспечившим становление соборного сознания россиян, стала община (сельская и городская). Именно жизнь в общине формировала важнейшие нравственные аксиомы соборного мышления – милосердие, сострадание и взаимопомощь. Всем миром решались вопросы опеки, помощи погорельцам, сиротам, вдовам, организации похорон и др. Помещик К. К. Арсеньев в заметках о путешествии в Тамбовской губернии писал: «Сами, голодая, крестьяне подают милостыню хлебом. Берут к себе в дом семьи погорельцев и бедняков. Так, в селе Бояровка Моршанского уезда, в обыкновенной избе помещалось четыре семьи» [19]. В своем исследовании А. А. Риттих отмечает, что «маломощным женским семьям давали землю, освобождали их от повинностей, которые мир принимал на себя, снимали подати и с погорельцев или пострадавших от падежа скота. Организовывалась помощь больным и маломощным... Часто это делалось совершенно добровольно – “ради Христа”. Косцы и жницы, оканчивая свои полосы, шли помогать тем, кто задерживался в работе “по маломочности”» [20]. Существовали в общине и мироплатимые надель. В этих примерах проявляется свойственное соборности единство евангельской любви и свободы (доброй воли). Взаимопомощь рассматривалась как дело богоугодное, освещенное народной традицией.

Примечательно, что возрождение общинных традиций взаимопомощи произошло после Великой Отечественной войны в связи с колоссальной убылью мужского населения и изменением соотношения мужских и женских рабочих рук в семье.

Вместе с тем неверно утверждать, что соборность как модель человеческого общежития нашла полное воплощение в истории российской нации. В эпоху социализма единство было возведено в ранг абсолюта, не допускающего множественности. В современной России наблюдается поток множественности (преобладание групповых и личных интересов), разрушающей всякое единство. И то и другое является искажением истинного духа соборности. «Единство во множестве» (выражение А. С. Хомякова), социальность, не уничтожающая индивидуальные черты, и есть основная характеристика соборности. Идея соборности дает возможность совместить провиденциализм с активностью человека.

На наш взгляд, для успешного противостояния всеобщей прагматизации, эгоизму, размыванию ценностей, дегуманизации общественных отношений необходимо формировать в общественном сознании представление о счастье, которым может стать развивающийся веками в многонациональной России идеал «единства во множестве». Конечным итогом трансформации общественного сознания должно стать состояние духа, обеспечивающее соборное единство людей, по выражению Л. П. Карсавина, «симфонию». В этом видится перспектива дальнейшего развития представлений о счастье, позволяющих обеспечить синергию социокультурных доминант: Природа, Бог, Человек.

Примечания

1. Необходимость синтеза объясняется важностью ухода от односторонности подходов К. Маркса и постмодернистов, в частности М. Фуко. Как экономический редукционизм К. Маркса, согласно которому все многообразие форм жизнедеятельности может быть выведено из экономического базиса, так и единственность эпистем, жесткость их внутренних связей, «катастрофизм» разрывов между ними в концепции М. Фуко одинаково мешают пониманию смены мыслительных структур в исторической перспективе.

2. Беляев Д. А. Мультикультурализм как стратегия создания дискретного «сверхобщества» в контексте постмодернистской культуры: теория и практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8(22). С. 49.

3. Задворнов А. Н. Категориальные формы мышления как основа трансформационного потенциала общественного сознания // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 4. С. 195.

4. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Аврелий. М.: Республика, 1998. С. 288.

5. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 73.

6. Там же. С. 613.

7. Августин А. Исповедь. М.: Республика, 1992. С. 200.

8. Боэций А. М. С. Утешение философией и другие трактаты. М.: Наука, 1996. С. 221.

9. Там же. С. 204.

10. Аристотель. Указ. соч. С. 94.

11. Паскаль Б. Мысли о религии. М.: АСТ, 2001. С. 19.

12. Там же. С. 39.

13. Serres M. Eclaircissements. Paris: Editions Francois Bourin, 1992. P. 72.

14. Паскаль Б. Указ. соч. С. 40.

15. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 319.

16. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 74.

17. Андреев Д. Л. Роза Мира. М.: Клашников-Комаров и К, 1993. С. 89.

18. Фалях Абу Армиля – Байт аль-Макдис Единство исламской уммы. URL: <http://al-wayi.org/archive/67-306-308/629-edinstvo-islamskoj-ummy.html>

19. Арсеньев К. К. Из недавней поездки в Тамбовскую губернию // Вестник Европы. 1892. Кн. 2. С. 836.

20. Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1903. С. 50.

Notes

1. The need for synthesis explains the importance of avoiding one-sided approaches of K. Marx and post-modernists, in particular M. Foucault. As economic reductionism of K. Marx, according to which all the manifold forms of life can be inferred from an economic basis, and the uniqueness of epistems, the rigidity of their internal relations, "catastrophism" of gaps between them in the concept of M. Foucault equally hinder the understanding of changing cognitive structures in historical perspective.

2. Belyaev D. A. *Mul'tikul'turalizm kak strategiya sozdaniya diskretnogo «sverhobshchestva» v kontekste postmodernistskoj kul'tury: teoriya i praktika* [Multiculturalism as a strategy for creating of discrete "super-society" in the context of postmodern culture: theory and practice] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* - Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2012, No. 8(22), p. 49.

3. Zadvornov A. N. *Kategorial'nye formy myshleniya kak osnova transformacionnogo potenciala obshchestvennogo soznaniya* [Categorical thinking as the basis of the transformational potential of social consciousness] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* - Herald of Leningrad State University of A. S. Pushkin. 2012, vol. 2, No. 4, p. 195.

4. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Avrelij* - The Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Aurelius. Moscow. Respublika. 1998. P. 288.

5. Aristotle. *Sochineniya* [Works]: in 4 vols. Vol. 4. Moscow. Mysl'. 1983. P. 73.

6. Ibid. P. 613.

7. Augustine A. *Ispoved'* [Confession]. Moscow. Respublika. 1992. P. 200.

8. Boethius A. M. S. *Uteshenie filosofiej i drugie traktaty* [Consolation by philosophy and other treatises]. Moscow. Nauka. 1996. P. 221.

9. Ibid. P. 204.

10. Aristotle. Op. cit. P. 94.

11. Pascal B. *Mysli o religii* [Thoughts about religion]. Moscow. AST. 2001. P. 19.

12. Ibid. P. 39.

13. Serres M. Eclaircissements. Paris: Editions Francois Bourin, 1992. P. 72.

14. Pascal B. Op. cit. P. 40.

15. J. Locke. *Sochineniya* [Works]: in 3 vols. Vol. 1. Moscow. Mysl'. 1985. P. 319.

- 16 Hobbes I. *Sochineniya* [Essays]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow. Mysl', 1991. P. 74.
17. Andreev D. L. *Roza Mira* [The Rose of world]. Moscow. Klashnikov-Komarov and others. 1993. P. 89.
18. Falah Abu Amila - Bait al-Maqdis *Edinstvo islamskoj ummy* [Unity of the Islamic Ummah]. Available at: <http://al-wayi.org/archive/67-306-308/629-edinstvo-islamskoy-ummy.html> (in Russ.)
19. Arsenyev K. K. *Iz nedavnej poezdki v Tambovskuyu guberniyu* [From a recent trip in the Tambov region] // *Vestnik Evropy - Herald of Europe*. 1892. Book 2. P. 836.
20. Rittkh A. A. *Zavisimost' krest'yan ot obshchiny i mira* [Dependence of peasants from the community and the world]. Spb. Typ. of V.F. Kirshbaum, 1903. P. 50.

УДК 327

А. Н. Харин

Идеология глобализма versus православный проект

В статье рассматриваются идеи отечественного мыслителя Александра Сергеевича Панарина относительно идеологии и практики глобализма. Мыслитель отождествляет понятия «глобализм» и «неолиберализм». Одна из причин агрессивности глобализма связана с порождённой эпохой Возрождения гордыней западного человека. Результаты реализации глобалистского проекта являются разрушительными для человечества.

Существует три основных ответа на вызов глобализма: конфуцианский, исламский и православный. Из всех ответов на вызов глобализма, по мнению А. С. Панарина, наиболее адекватным будет именно православный проект. Православие способно противопоставить Западу свой вселенский проект, фактически подрывающий Евроатлантику изнутри, благодаря общим корням.

Во взглядах А. С. Панарина есть спорные моменты, связанные с характерным для него чёрно-белым видением мира. Однако ряд положений актуален, таких, как критика негативных сторон глобализма, разработка цивилизационного сценария для России.

The article discusses the ideas of the Russian thinker Alexander Sergeyevich Panarina relative to the ideology and practices of globalism. The thinker identifies the concept of "Globalization" and "Neoliberalism". One of the causes of aggressive globalization is associated with the generated Renaissance pride Western man. The results of the implementation of the globalist project are destructive for humanity.

There are three main answers to the challenge of globalization: Confucian, Islamic and Orthodox. Of all the answers to the challenges of globalization, in his opinion, the most appropriate is exactly orthodox project. Orthodoxy is able to oppose the West the universal project, actually undermining the Euro-Atlantic area inside, through common roots.

In the views of A. S. Panarina there are contentious issues associated with characteristic black-and-white vision of the world. However, a number of relevant provisions, such as criticism of the negative sides of globalization, the development of civilization scenario for Russia.

Ключевые слова: А. С. Панарин, геополитика, глобализм, цивилизация, православная цивилизация.

Keywords: A. S. Panarin, geopolitics, globalism, civilization, Orthodox civilization.

Идеология глобализма, формирующиеся наднациональные структуры всё более привлекают внимание исследователей. Данная проблематика отражена в работах А. Г. Дугина, Л. Г. Ивашова, Ю. В. Ирхина, И. Ф. Кефели, А. И. Фурсова и ряда других исследователей.

Одним из первых в России внимание идеологии глобализма, её носителям уделит А. С. Панарин. Можно выделить два основных этапа в его оценках глобализма. На первом этапе, характерном для работ конца 1990-х гг., он активно использует такие категории, как «*континент*» и «*море*», описывая ими, как и евразийцы, две противостоящие друг другу цивилизационные суперсистемы. «Море», стремясь к глобальному политическому господству, пытается маргинализировать сушу. Ударной силой моря выступают «пираты» – маргинальные личности, выпавшие в своё время из общественных структур [1].

Более подробно мы остановимся на втором этапе творчества А. С. Панарина, характерном для начал «нулевых». В последних своих работах А. С. Панарин также оперирует понятиями «континент», «суша» и «море», но уже значительно реже. Чаще применяются иные категории: «либе-

рализм», «глобализм», «Запад», «Восток». Если раньше они подавались, как правило, в контексте описания борьбы суши и моря, то теперь выходят на первый план. Кроме того, А. С. Панарин более подробно останавливается на деятельности Соединённых Штатов Америки.

Философ отождествляет такие понятия, как «глобализм» и «неолиберализм», отмечая при этом, что последний изменил либеральной идеологии, отбросив одновременно христианство и идеалы Просвещения, а затем перешёл к открытому социал-дарвинизму. Глобализм – это новейшая форма нигилизма, ищущая себе алиби в так называемых объективных тенденциях [2].

Характерными чертами глобализма являются:

- идеология выступает в качестве главного средства Евроатлантики для продвижения своих интересов;

- её теоретиками отрицаются местные, цивилизационные традиции, нормы;

- важнейшие концепты глобализма – «демократия», «свобода», «гражданское общество», которые помогают в присвоении материальных благ других стран с помощью компрадорских элит;

- по-иному интерпретируется и понятие «элита»; быть последней – значит абстрагироваться от национальных интересов и национальных чаяний [3].

Основным субъектом данной идеологии выступает формирующийся глобальный класс. С древности в любой стране друг другу противостоят два архетипа: хищные «кочевники», стремящиеся к наживе, и «пахари», добывающие свой хлеб, обустроивающие землю [4]. В наше время под «кочевниками» следует понимать финансовый капитал, высасывающий все соки из общества, превращающийся в глобальный политический класс. Новые кочевники являются замкнутым международным клубом со своей корпоративной этикой, ничего общего не имеющей с обычной гражданской этикой, обязывающей служить своей стране, своему народу и государству [5].

Действительно, можно констатировать, что в мире появилась ярко выраженная глобальная элита, «с глобалистскими взглядами и транснациональной лояльностью» [6]. Её характерными чертами являются:

- свободное владение английским (и использование его для ведения дел);

- высокая мобильность;

- космополитический образ жизни;

- основной её привязанностью является место работы (как правило, транснациональный бизнес или финансовая корпорация), Бжезинский считает типичным то, что уроженцы других стран занимают в таких корпорациях высокие должности.

Ежегодные встречи всемирного экономического форума, по существу, стали «партийными съездами новой глобальной элиты». И эта элита «всё более явно демонстрирует понимание своих собственных интересов, дух товарищества и самосознание» [7]. Образующие глобальный управляющий класс люди живут «не в странах, а в пятизвёздочных отелях и закрытых резиденциях...» [8]. И как следствие, данный слой людей не привязан ни к одной стране и не имеет внешних обязательств.

Дополняя А. С. Панарина, можно отметить, что **одним из главных орудий** мировой элиты является нарождающийся класс новых воинов (термин Р. Питерса). В связи с многочисленными войнами, конфликтами, образованием целых очагов нестабильности, растёт класс наёмников. Некоторые из этих людей фактически выросли на войне и видели только её (Афганистан, Судан). Благодаря современным средствам доставки, деятельности частных военных компаний, таких воинов легко вербовать и перебрасывать с континента на континент [9]. Несомненно, что этот слой также будет использоваться при реализации глобалистских проектов помимо иных средств (силы и мощи отдельных государств, мировых СМИ и т. п.).

Одна из главных причин **агрессивности глобализма** – в порождённой эпохой Возрождения гордыне западного человека, стремлении выносить вердикт всему и вся. Ренессанс, вызвавший обращение к язычеству, также породил ряд болезней западного общества [10]. Одна из них – стремление к непомерному потребительству. В результате такого стремления на современном этапе перед Западом возник выбор: «...либо переориентироваться на “нулевой рост” в виду экологических, энергетических и сырьевых ограничений планеты, либо осуществить передел мировых территорий и таким образом заполучить новые ресурсы» [11]. Западная элита выбрала второй вариант.

Каковы **проявления глобализма на практике?** Во-первых, глобализм, отвергая традиционные ценности, фактически выступает в роли их разрушителя. В этом плане проводимая неолибералами политика модернизации ведёт к архаизации общества и его деградации. Модернизация и вестернизация «знаменуются эффектами нравственного одичания, всемирной криминальной революции» [12]. Сторонники вестернизации порой выдвигают такую дилемму: вестер-

низация – варварство. Но она некорректна. Вестернизация, сопровождающаяся ломкой норм, развенчанием ценностей, может прямо вести к варварству. Проблема в том, чтобы наладить сотрудничество цивилизаций в их совместном противостоянии варварству как общей опасности современного человечества [13].

Во-вторых, происходит отрицание демократии. Интересы общества, испытывающего на себе реализацию глобалистского проекта, не совпадают с целями компрадорской элиты, стремящейся обменять ресурсы страны на власть. В результате о демократии не может быть и речи. Народы стали олицетворять более слабую «группу давления», чем транснациональные корпоративные системы. Политики адаптируются к этой ситуации и переходят на сторону сильных, покидая слабых [14].

В-третьих, глобализм способствует регрессу общества. В экономике предполагается отказ от производительного принципа в пользу спекулятивно-перераспределительного, ростовщического; в политике – от плюралистической системы международного равновесия, базирующейся на принципе национального суверенитета, к беззащитному диктату носителей «однополярности» [15].

В-четвёртых, появляется новый тип личности: подверженный манипуляции, стремящийся освободиться от культурных ограничений. Такие личности, как правило, отрываются от своих истоков, идут на поводу компрадорских элит. Более того, человек современного «либерального типа» – человек с атрофированной чувственностью, с обескураженным моральным сознанием [16]. Ликвидируется также «принцип дарения» в общении между людьми (а значит, и жертвенности, доверия, сострадания, понятия социальных и моральных обязательств). На смену ему приходит принцип тотального менового (эквивалентного) обмена, умертвляющий человеческие отношения, сводящий их к формальным, поверхностным, деловым.

В-пятых, глобальный социальный раскол мира по вертикали: между интернационалом элит, «снявших ответственность перед собственными народами», и народным интернационалом отверженного большинства. Поэтому «сегодня не Запад борется с Востоком, а новые богатые, начисто порвавшие с традицией продуктивной экономики, борются с новыми бедными, экспропрированными в ходе всемирной либеральной реформы и уничтожения большого социального государства» [17].

В-шестых, сталкиваются две идеологии: американизм и антиамериканизм. Первая – это идеология богатых всего мира, восхваляющая США как неоспоримый авторитет и непревзойдённый образец для всего человечества, идеология компрадоров и национальных отщепенцев, видящих в Америке гаранта внутреннего и мирового порядка; идеология нового расизма, превращающая прогресс из достояния всех народов в новую привилегию избранного меньшинства. Антиамериканизм выступает как идеология обездоленного большинства мировой периферии [18].

В-седьмых, происходит отлучение человека от действительности и погружение его в «морок виртуального мира» [19]. Реальный опыт, реальное богатство и производство – всё это заменяются симулякрами.

Данная расстановка сил предполагает три варианта будущего:

- глобальная победа «американского агрессора», стремящегося монопольно владеть ресурсами всей планеты;
- внутреннее самоочищение стран, уже подвергшихся атаке от капитулянтских и компрадорских элементов, поощряемых внешним врагом, и создание на этой основе новых стартовых позиций в мировой войне богатых и бедных;
- геополитическая, демографическая и социокультурная перегруппировка всей атакуемой мировой периферии в форме вытеснения носителей декадентских начал более свежими – здоровыми и цельными характерами «варварского типа» [20].

Успех антиамериканистских сил (т. е. бедных) – в обращении последних к церкви, к великим монотеистическим традициям Востока, а также к забытым Западом идеям Просвещения. Возможно также размежевание евроатлантического мира, в случае успеха европейских левых, а также союза последних с культурами Востока [21].

Выход для мира в ситуации противостояния с глобализмом мыслитель видит в следующих моментах. Во-первых, в *образовании транснациональных федераций-империй*, в основном по принципу цивилизационного сходства (т. е. в ареале мировых религий). Эти цивилизационные пространства «могут стать новыми теократиями во главе с кастой жрецов». Ответственное перед бедными социальное государство вооружится кодексами монотеизма и станет системой нового патернализма, воодушевлённого заботой не только о спасении тела, но и о спасении души [22].

Во-вторых, необходим *союз России с древними культурами Востока:* Китаем, Индией и миром ислама. Именно многополярный (или полицивилизационный) мир и сможет стать противобесом реализации идеологии глобализма.

Но более важен не столько противовес наступающей Евроатлантике, а соответствующий *Ответ на Вызов* глобализма. Другими словами, глобальный проект не может быть оспорен с сугубо местнических и узконациональных позиций. Он требует столь же глобально сформулированной альтернативы. Но кто даст такой глобальный ответ? По мнению А. С. Панарина, существует *три* основных цивилизационных *варианта* такого *ответа*.

1) Конфуцианско-буддистский ценностный синтез, противостоящий потребительской модели Запада. Но «греховные формы самоутверждения человека даются ему легче, чем подвиги аскетики». Данная альтернатива, считает философ, пока по-настоящему не проработана. Более того, она требует «небывалого напряжения аскетической воли и благодатного творческого воображения, открывающего горизонты иначе возможного».

2) *Исламский вариант*. Если Запад осуществляет во всём мире культурную революцию, взрывает устоявшиеся мировоззренческие синтезы и разрушает менталитеты, то ислам занял иную позицию. Но и у этого сценария есть слабости. Ислам отказывается от культурной экспансии в чуждую среду, стремится к радикальному размежеванию с «миром неверных», культурной самоизоляции. Успех у «исламского проекта» только в одном случае – необходимо «запустить в систему западной культуры разрушительный ценностный вирус – идею, одновременно и соблазнительную для современного западного человека, и дестабилизационную – разрушающую ценностное ядро вестерна». Другими словами, предложить идею, которая станет популярной на Западе. Но ислам не может этого сделать.

3) *Православный проект*. Именно он может стать успешным по нескольким причинам. Благодаря греческому ядру, хотя подавленному и преданному, православная цивилизация является родственной Западу. Соответственно, она может фактически изнутри критиковать евроатлантический мир, предлагаемый им глобальный проект. Важна и ещё одна вещь. Запад в своё время сделал рывок благодаря обращению к Античности. Также может поступить и православная цивилизация. Задача «православного проекта» – переинтерпретировать эмансипаторский проект европейского модерна, избавившись от его гедонистическо-индивидуалистической, потребительской направленности [23]. Православие способно противопоставить Западу свой вселенский проект, фактически подрывающий Евроатлантику изнутри, благодаря общим корням.

Таким образом, православная традиция, базирующаяся на античном наследии, как и Запад, а также на византийском «вселенском проекте», является наиболее оптимальным ответом на вызов западного глобализма.

С одной стороны, ряд положений А. С. Панарина вызывает вопросы и споры. В работах А. С. Панарина часто проскальзывает двойственное восприятие мира. Критикуя неolibералов за чёрно-белое видение, он сам невольно допускает такую же ошибку. Признавая выдающиеся заслуги за эпохой Просвещения, мыслитель словно не видит положительных моментов в современной ему Евроатлантике, акцентируя внимание преимущественно на теневых сторонах.

При описании цивилизации Моря он, как правило, использует категорию «пират». Но рядом с пиратом можно поставить ещё две фигуры, которые также характерны для Моря: «торговец» (не обязательно «пират», хотя кто-то бы и совместил два этих архетипа) и «проповедник». Почему-то философ не замечает этих типажей. Напомним в связи с этим, что Америка воспринимает себя как «город на холме», как Новый Иерусалим, последний оплот христианства в этом мире. Соответственно, фигура «проповедника» здесь была бы более уместна. Под неё подошли бы и доктрины радикального неolibерализма и неоконсерватизма, навязывающие свои взгляды всему миру.

Почему А. С. Панарин отождествляет идеологию антиглобализма (в его понимании – идеологию бедных) с мировыми религиями? Насколько оправданно такое определение? В самом неolibерализме существует несколько течений, конкурирующих друг с другом. Есть и такие, кто выступает с позиций социального либерализма, чего, кажется, не видит А. С. Панарин, увлечённый полемикой со своими идейными оппонентами. Критикуя глобализм, мыслитель не отталкивается от основных источников глобалистской идеологии, не рассматривает их. Вместо этого даётся критика практики, приписываемой глобализму.

В последних работах А. С. Панарина наблюдается и некоторая публицистичность, определённая абстрактность его выводов. Поэтому, наверное, его идеи, порой яркие и оригинальные, не всегда востребованы.

Вместе с тем в его исследованиях много интересных и актуальных наблюдений. Любопытны категории «кочевник» и «пахарь» при характеристике политологом западной и российской цивилизаций. Конечно, можно было подробнее остановиться на разборе данных понятий, чего Панарин не делает. В любом случае эти категории подходят не только при описании архетипов евразийских цивилизаций. Фактически в любой элите есть две группы: «пахари» – думающие о своём государстве, стремящиеся к его укреплению; «кочевники» – для которых «эта страна» –

лишь средство выкачивания ресурсов. Такие идеи очень актуально звучат, в том числе и для нашей страны.

А. С. Панарина можно назвать представителем особого, «глобалистского» подхода в геополитике к трактовке цивилизации [24]. Наряду с этим подходом мы выделяем «ценностный», маркирующий цивилизации по ценностному ядру (А. Г. Дугин), «этнологический», берущий за основу этносы (В. Л. Цымбурский), «территориальный», подразделяющий цивилизации по территориальному критерию (С. В. Хатунцев). Панарин старался привнести иное понимание цивилизации. Она для него – не обособленный культурно-исторический тип, противопоставленный иным мирам, а нечто глобальное [25]. К сожалению, А. С. Панарин более подробно не останавливался на трактовке цивилизации, не успел развить эту теорию. Но смысл ясен. Настоящая цивилизация должна носить не локальный, а глобальный характер, предлагать вселенский проект для остальных культур.

Панаринская критика теории и практики глобализма, его идеи более тесного взаимодействия с цивилизациями Востока остаются актуальными. По сути дела, мыслитель интерпретирует процессы глобализации «весьма широко, на цивилизационном уровне, что позволяет рассматривать её экономический, экологический и политический аспекты в едином социокультурном пространстве, где основными акторами, т. е. действующими историческими субъектами, выступают народы и страны с присущей им культурной историей» [26].

В связи с приведённой мыслью И. Ф. Кефели отметим, что заслуживает внимания мысль А. С. Панарина о создании транснациональных федераций-империй по принципу цивилизационного сходства. В ней можно видеть прообраз новых образований, идущих на смену традиционному государству, а также акцент на приоритетности цивилизационного пути развития России. Тем более что в мире сейчас идёт формирование крупных образований, «больших пространств» на экономической, культурной и иной основе.

Интересными и актуальными являются рассуждения А. С. Панарина о «православном вселенском проекте» как альтернативе глобализму. Могут возникнуть вопросы по поводу перспективы реализации подобного «проекта». Об этом, к примеру, говорит и возникший раскол ядра православной цивилизации в результате начавшейся гражданской войны на Украине.

Однако можно согласиться с мнением А. В. Митрофановой, считающей что «попытка реализовать локальный (самобытный) проект рано или поздно приведёт к изоляции и гибели, так как западная цивилизация, несущая противоположные ценности, вовсе не считает себя локальной и самобытной. Запад предлагает универсальный проект, означающий в перспективе ликвидацию всех очагов самобытности. Противопоставить ему можно другой универсальный проект, но не совокупность локально-самобытных цивилизаций» [27]. В любом случае сам А. С. Панарин не успел более подробно разобрать вопрос о «вселенской альтернативе православия», сделав лишь подступы к нему в своих последних работах.

Примечания

1. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 152, 156, 223.
2. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 5.
3. Там же. М., 2003. С. 5–6.
4. Панарин А. С. Православная цивилизация в современном мире. М., 2003. С. 13.
5. Панарин А. С. Искушение глобализмом. С. 6.
6. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 178–179.
7. Бжезинский З. Указ соч.
8. Делягин М. Г. Глобальный управляющий класс // Свободная мысль. 2012. № 1–2.
9. Попов И. М. Солдат против «война» // Независимая газета. 2004. 2 февр. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2004-02-20/2_enemy.html.
10. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. С. 79.
11. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 55.
12. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. С. 7.
13. Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 300.
14. Панарин А. С. Православная цивилизация. С. 165.
15. Панарин А. С. Искушение глобализмом. С. 11.
16. Панарин А. С. Православная цивилизация. С. 109.
17. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 372.
18. Там же. С. 388–390.
19. Панарин А. С. Православная цивилизация. С. 73.
20. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 418.

21. Там же. С. 534.
22. Там же. С. 328.
23. Панарин А. С. Православная цивилизация. С. 211, 476, 480–481, 483, 205–206, 532.
24. См. подробнее: Харин А. Н. Цивилизационный подход в современной российской философии геополитики: основные направления и проблемы // Геополитика и безопасность. 2013. № 1. С. 58–63.
25. Панарин А. С. Православная цивилизация. С. 210.
26. Кефели И. Ф. Социальная природа глобализма. URL: http://www.anthropology.ru/ru/texts/kefeli/global2_06.html.
27. Митрофанова А. В. Рецензия на книгу: Харин А. Н. Модели государственного устройства в условиях глобализации: сценарии для России. М., 2013 // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Выпуск XX. 2013. С. 130.

Notes

1. Panarin A. S. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyah strategicheskoy nestabil'nosti* [Global political forecasting in terms of strategic instability]. Moscow. 1999. Pp. 152, 156, 223.
2. Panarin A. S. *Iskushenie globalizmom* [Temptation by globalism]. Moscow. 2003. P. 5.
3. Ibid. Moscow. 2003. Pp. 5-6.
4. Panarin A. S. *Pravoslavnaya civilizaciya v sovremennom mire* [Orthodox civilization in the modern world]. Moscow. 2003. P. 13.
5. Panarin A. S. *Iskushenie globalizmom* [Temptation by globalism]. P. 6.
6. Brzezinski Z. *Vybor. Mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo* [The Choice. Global domination or global leadership]. Moscow. 2004. Pp. 178 179.
7. Brzezinski Z. Op. cit.
8. Delyagin M.G. *Global'nyj upravlyayushchij klass* [Global managing class] // *Svobodnaya mysl'*- Free thought. 2012, No. 1-2.
9. Popov I. M. *Soldat protiv «voina»* [Soldier against warrior] // *Nezavisimaya gazeta* – Independent newspaper. 2004, 2 Febr. Available at: http://nvo.ng.ru/wars/2004-02-20/2_enemy.html. (in Russ.)
10. Panarin A. S. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie* [Global political forecasting]. P. 79.
11. Panarin A. S. [Strategic instability in the twenty-first century]. Moscow. 2003. P. 55.
12. Panarin A. S. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie* [Global political forecasting]. P. 7.
13. Panarin A. S. *Revansh istorii. Rossijskaya strategicheskaya iniciativa v XXI veke* [Revenge of history. Russian strategic initiative in the XXI century]. Moscow. 2005. P. 300.
14. Panarin A. S. *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. P. 165.
15. Panarin A. S. *Iskushenie globalizmom* [The temptation of globalism]. P. 11.
16. Panarin A. S. *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. P. 109.
17. Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic instability in the twenty-first century]. P. 372.
18. Ibid. Pp. 388-390.
19. Panarin A. S. *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. P. 73.
20. Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic instability in the twenty-first century]. P. 418.
21. Ibid. P. 534.
22. Ibid. P. 328.
23. Panarin A. S. *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. Pp. 211, 476, 480-481, 483, 205-206, 532.
24. See more: Kharin A. N. *Civilizacionnyj podhod v sovremennoj rossijskoj filosofii geopolitiki: osnovnye napravleniya i problemy* [A civilizational approach in modern Russian philosophy geopolitics: trends and issues] // *Geopolitika i bezopasnost'*- Geopolitics and security. 2013, No. 1, pp. 58-63.
25. Panarin A. S. *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. S. 210.
26. Kefeli I. F. *Social'naya priroda globalizma* [Social nature of globalism]. Available at: http://www.anthropology.ru/ru/texts/kefeli/global2_06.html. (in Russ.)
27. Mitrofanov A.V. *Recenziya na knigu: Harin A. N. Modeli gosudarstvennogo ustrojstva v usloviyah globalizacii: scenarii dlya Rossii. M., 2013* [Book Review: Kharin A. N. Model of government in the context of globalization: scenarios for Russia. Moscow. 2013] // *Geopolitika. Informacionno analiticheskoe izdanie* - Geopolitics. Information and analytical edition. The twentieth release. 2013. P. 130.

Познанное творчество в теоретических работах С. Эйзенштейна

На основе теоретического наследия признанного мастера кинематографа С. Эйзенштейна анализируются процессы художественного и научного творчества. Их роднит двойственность этапов осуществления творческого акта. Для его реализации необходимо войти в особое состояние, при котором в случае художественного творчества первоначально точно (рационально) схватывается «общее творческое намерение», а затем на этой основе (чувственно) формируются обобщенные образы.

В ситуации научного творчества наблюдается обратная картина. Первоначально формируется общий принцип, а затем на его основе рационально с использованием методов дедукции и правил логики выводятся следствия. Такой «сплав чувственного и рационального» очень напоминает понятие «чреватого пункта» (Гете), а также феноменологический метод исследования, что и пытается показать автор статьи.

Based on the theoretical heritage acclaimed master of cinema Eisenstein article analyzes the processes of artistic and scientific creativity. They are connected duality phases of the creative act. To do this, you must enter into a special state in which in the case of art originally (rational) captured the "total creative idea", and then on this basis (touch) form generalized images.

In a situation of scientific work vice versa. Creates a general principle, and then use rational methods of deduction and of logical inference rules consequences This "merger sensual and rational," near term "fraught point" (Goethe) and phenomenological research method that tries to show the author.

Ключевые слова: С. Эйзенштейн, художественное творчество, научное творчество, чреватый пункт, рациональное, чувственное.

Keywords: Sergei Eisenstein, artistic creativity, scientific creativity, fraught point, rational, sensible.

Признанный мастер кинематографа С. Эйзенштейн оставил богатое теоретическое наследие, где он анализирует и пытается разгадать загадку художественного творчества. Он ищет метод, универсальную технологию, первоначало творческого акта, или, говоря словами Гете, «чреватый пункт», позволяющий создавать произведения кинематографического искусства. Именно эта сторона и привлекала наше внимание. Кто может ближе подойти к разгадке проблемы творчества, как не сам творец, мастер? Кроме того, не помогут ли идеи режиссера высветлить сам феномен чреватого пункта?

Художественное и научное творчество. Эйзенштейн сумел совместить в себе опытное и теоретическое знание. В качестве режиссера он открыл и использовал в кинематографе такие приемы, которые позволили создать шедевры киноискусства и заслуженно получить мировое признание. В качестве преподавателя Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК) и исследователя он оставил удивительно содержательные и глубокие работы по осмыслению своего творчества, своих находок.

Работая на этих двух уровнях – режиссера и исследователя, Эйзенштейн признавался, что совмещать это очень трудно, почти невозможно. Одно мешает другому. Когда он отдавался теоретико-научному описанию своего опыта, он был наименее продуктивен в режиссерском плане. Но и создавая очередной фильм, он мог лишь урывками уделять немного времени на осмысление своих приемов. Вот как он сам описывает эту ситуацию:

«Должен прямо сознаться: меня губит Институт. Меня губит бешеное увлечение работой по исследовательской части. По раскрытию основных законов и закономерностей строения произведений, процесса их создания...

Не знаю, может быть, для творческого работника это страшно вредно. Может быть, за это расплачиваешься отсутствием плодов собственного творчества. Может быть, творческое онемение – награда тех, кто позволяет себе вводить анализирующий скальпель в области, куда вход воспрещается. Все может быть.

Некоторые даже ехидно говорят: «Кто может – творит, кто не может – учит». Здесь не учитывается лишь одно. Учеба еще не вышла на стадию автоматического учительства. «Обучать» на данном этапе еще целиком означает «творить», ибо почти на голом месте надо создавать всю систему и весь метод творческого познания искусства кинорежиссуры. И творчества, именно

творчества в этой созидательной работе никак не меньше, если не больше, чем над собственной творческой задачей.

Но зато, что может, с другой стороны, сравниться с чувством исследователя, пионера, который собирает и стягивает опыт предшественников для создания синтетической созидательной методики, вбирающей в себя высшие достижения в области искусств» [1].

И еще:

«Желая “на время” побыть художником, я влез с головой в так называемое художественное творчество, и только изредка, уже не соблазняемая королева, а неумолимая моя повелительница, “жестокий деспот мой” – искусство, дает мне на день-два убежать к письменному столу записать две-три мыслишки касательно его таинственной природы.

В работе над “Потемкиным” мы вкусили действительный творческий пафос. Ну, а человеку, единожды вкусившему от подлинно творческого экстаза, из этой деятельности в области искусства вероятнее всего не вылезти никогда» [2].

Таким образом, Эйзенштейн различает два вида творчества, соответственно описанным выше двум уровням. Первое – это то, которое связано с созданием картины, или, как говорит режиссер, с решением собственной творческой задачи, которая стоит в данный момент. Результатом является рождение образа. Этот вид творчества получил название художественного творчества.

Второй вид творчества связан с созданием «системы и метода познания» искусства. Это – путь анализа и обобщения всего предыдущего опыта, как собственного опыта художника, так и опыта предшественников. В результате открывается общая закономерность, принцип, прием. Это то, что называют научным подходом, или научным творчеством. Рассмотрим эти виды более подробно.

Что, по мнению Эйзенштейна, является важнейшим фактором художественного творчества? Залог успеха – энтузиазм, или, уточняет режиссер, одержимость. Под одержимостью Эйзенштейн понимает сплав чувственного и рационального. Причем первенство отдается рациональному. Создатели фильма должны уже в самом начале четко представлять конечный результат. «У режиссера и оператора одержимость – это прежде всего твердое знание, чего они хотят» [3]. То есть это не «туманное “плавание” бесплодно ищущей тощей фантазии при свете “юпитеров”», а четко определенный замысел, в концентрированном виде упакованная мысль, общий принцип. Это то, что можно назвать «чреватый пункт», «прозреваемым правилом» (Гете) [4], который, может быть, не до конца первоначально осознан и выражен словами, но он интеллектуально есть. И это очень напоминает то, что Декарт называл интеллектуальной интуицией. Затем выводятся, формируются образы, которые и ложатся в основу художественного произведения.

С другой стороны, одержимость – это переход в особое состояние сознания, когда мир представляется совсем иначе, чем в обычном состоянии. Это выход за пределы нормального, повседневного. В обычных ситуациях человек просто живет. А здесь он о-держим. То есть около себя держит что-то, или, по-другому, что-то держит человека около себя. Но что же держит? Не платоновский ли это даймун, который направляет своими негромкими подсказками? Не его ли силу испытывает художник? Эйзенштейн дает утвердительный ответ. Для описания этого он использует такие выражения, как «соблазняемая королева», «моя повелительница», «жестокий деспот мой». Выйти из-под этой власти очень трудно. Эйзенштейн говорит, что «вероятнее всего не вылезти никогда». Лишь короткое время он мог позволить себе заниматься научными исследованиями, описать «две-три мыслишки» относительно этой таинственной силы и ее природы.

Таким образом, находясь в состоянии художественного творчества, человек, казалось бы, лишается своей свободы. Это проявляется в том, что он захвачен и ему сложно вернуться к своему повседневному состоянию. И если он не сможет освободиться, то творческий экстаз его поглотит. И здесь можно привести множество примеров «загубленной жизни» творческих людей.

С другой стороны, находясь на таком уровне, художник испытывает состояние легкости и полета, открывая для себя красоту и истину, познавая мир. Он творит, подобно высшим существам.

Видимый мир при этом представляется совсем иначе, образно. Эйзенштейн приводит следующие примеры. На географических картах контуры стран художник воспринимает в виде необычных профилей людей, очертания границ агрессивных настроенных государств как захватывающие щупальца хищных животных, трассы международных перелетов в виде живых нервов, связывающих миллионы людей по всему миру. То есть образ не мертвое образование, он наполнен энергией, силой, «какой-то единой определяющей его стихией» [5].

Именно поэтому художественное творчество – это творчество от избытка (И. А. Бескова). Человек с переполняющим его роем идей, картинок в какой-то момент оказывается в мысли (М. Мамардашвили), что все это не случайно, что имеются закономерные связи. Таким образом, спонтанно проявляет себя тот самый чреватый пункт. Он томит, просит выразить себя. Человек начинает испытывать желание высветить, познать его через зримые образы и в конце освободиться от него. Это побуждает творить, создавать что-то новое. Возникают чувственная уверенность

ность и видение, что и как делать. Чреватый пункт ищет проблему и решает ее художественными средствами, проявляя себя в найденном художником образе. Поэтому не случайно режиссер считает, что образ – это «живое закрепление чувств и мыслей».

Научные исследования основных закономерностей и принципов создания кинокартины могут увлекать и поглощать, по мнению Эйзенштейна, не менее, чем создание фильма. К сожалению, это отрицательно сказывается на непосредственной работе режиссера и кинопроизводстве. Эйзенштейн говорит о творческом онемении. Однако с чувством первооткрывателя, пионера, познавшего секреты творчества и вкусившего глоток свободы, не может сравниться ничто. А раз так, то режиссер периодически садится за стол и берется за перо.

Выявить основные закономерности сложно. В этом помогает преподавание. Режиссер замечает, что в тот момент, когда обучение еще вышло на стадию технологии, «автоматического учительства», когда на основе теоретически осмысленного киноискусства, здесь и сейчас создаются система и метод обучения, то творчества в такой работе не меньше, а может быть, даже и больше, чем при создании самого фильма. Это перекликается с мнением известного отечественного физика П. Л. Капицы, который настоятельно рекомендовал молодым ученым, а равно и опытным профессорам читать лекции для студентов – это помогает ясно представить вопрос, открыть новые идеи и творчески мыслить [6].

Примечательно, но в научном творчестве также можно выделить два этапа, как и в художественном творчестве. Так, физик А. Эйнштейн говорит, что сначала должен быть найден принцип, то есть основа, на которой строится концептуальная теоретическая система. Этот принцип не из чего не выводится, но основан на разумной вере. Высший уровень научного творчества связан именно с нахождением таких принципов, что является самым трудным и сложным в научном исследовании. Второй этап связан с выведением следствий и является более простым. Здесь используются методы дедукции и правила логики [7].

Можно сказать, что научное творчество, в отличие от художественного, – это творчество от недостатка [8]. Чувственно осознав проблему и интуитивно сформулировав принцип (другими словами – чреватый пункт), возникает желание рациональными путями найти объяснение и привести логически стройную аргументацию. Найденные закономерности, облекшиеся в форму математических формул или постулатов, в дальнейшем могут быть использованы другими.

Именно по этому пути идет Эйзенштейн, описывая рождение и становление отечественного кино в своей статье «Двадцать». Мыслитель замечает, что это можно сделать как научно (с исторической точки зрения, рационально), так и художественно (образно), но выбирает второй путь.

Различные творческие находки в отечественном кинематографе, удачные и неудачные, он сравнивает с волнообразным процессом набегов вперед и откатываний назад.

Отбор наиболее прогрессивных, плодотворных идей режиссер уподобляет упорным ночным боям, но не с коллегами, а с самим собой. В такие моменты человек преодолевает в себе старое, отжившее и с трудом принимает новое. Мучительные «бои» в том и заключаются, что приходится бороться со своим же прежде помысленным и принятым. В ходе интенсивной мыслительной работы рождаются новые идеи и аргументы, появляется уверенность в правоте выбранного направления. Но здесь же рождаются и сомнения, выстраиваются контраргументы и контрдоводы.

На этом фоне ярко выделяется вдруг появившаяся, единичная, озаряющая мысль, которая намного опережает настоящее время, «общее движение всего массива в целом». Она появляется не случайно, ее рождение было подготовлено всем предыдущим ходом размышления. Она-то и становится путеводной звездой для художника.

Описывая этот процесс, Эйзенштейн использует образ трассы, неуклонно ведущей к намеченной цели. На ней есть разветвления, тупики, волчьи ямы с мертвой водой. Никто не застрахован от того, чтобы не сбиться с пути, не отойти от основной дороги, не попасть по ошибке в яму с мертвой водой.

Здесь же яркими, светящимися точками исследователь предлагает обозначить наиболее важные места, которые знаменуют появление новых идей и мыслей [9].

Такое представление творческого процесса очень похоже на описание, которое приводит математик Пуанкаре. Анализируя свое открытие фуксовых функций, ученый первоначально ошибочно исходил из убеждения, что их не может быть. В течение двух недель, ежедневно перебирая большое количество комбинаций, он безрезультатно пытался доказать отрицательный результат. Однажды вечером, когда заснуть не получалось, стало появляться множество идей. Сталкиваясь друг с другом, большинство из них не образовывали ничего нового. Так происходило до тех пор, пока две из них, как пазлы, сцепившись друг с другом, не образовали устойчивого соединения. Утром Пуанкаре констатировал открытие нового класса функций, которым он дал название функций Фукса [10]. Это произошло очень неожиданно, как внезапное озарение и награда за муки поисков и сомнений.

Мотиваторы творческого процесса. Что может помочь создать то, чего еще не было? Эйзенштейн дает ответ на этот вопрос применительно к построению будущего для человечества. Он считает, ссылаясь на Маркса, что для этой роли подходит история, которая хранит необходимые знания и обобщенный опыт предыдущих поколений. Мыслитель предлагает следующую формулу рождения нового: «...из обобщенного опыта прошлого, помноженного на острый анализ настоящего, может практически разрешаться сознательное строительство будущего» [11].

То есть простое использование исторических знаний и опыта еще не приведет к качественному рождению нового. Необходимо, чтобы всё это прошло горнило творческой обработки, чтобы они были вновь открыты (промыслены) и заново прочувствованы, то есть прошли «острый анализ настоящего». Только после этого и может появиться идея, обобщенный образ.

Режиссер говорит, что в творческом процессе ему помогают конкретные вещи: факты, детали и простые предметы. Однако не все, а те, которые позволяют образно раскрыть смысл явлений. Дальнейшее их сопоставление дает возможность представить события в виде обобщенного символа [12].

Существенное замечание Эйзенштейна в том, что не просто факты, детали, предметы дают ему пищу для творчества, а то, что все они должны нести образное осмысление явлений. Это возможно лишь в том случае, когда познавательный акт творчества уже произошел, когда чреватый пункт уже помыслен. Лишь после этого, когда сознание вошло в особое состояние, когда оно становится восприимчивым ко всему вокруг, когда оно может созерцать, схватывать феномены в их непосредственной сущности, тогда и предметы и детали и факты начинают «говорить». Они вдруг оживают и позволяют автору раскрыть их, точнее сказать то, о чем они тихо молчали, но что они несли в себе.

Именно такой обобщенный символ может оказать влияние на зрителей и именно его они могут расшифровать так, как задумывал автор. Именно в такой момент и можно наблюдать со-творчество зрителя. И именно в такой момент зритель будет восхищен произведением автора.

Еще одна находка Эйзенштейна. Ее он подметил у Прокофьева, которого неоднократно привлекал для написания музыки к своим фильмам. В основе его творчества лежит точность: точность во времени, в написании своей подписи без использования гласных букв и запоминании телефонных номеров, точность в нахождении определенной закономерности в нагромождении «как бы» случайного.

Эйзенштейн сравнивает композитора с идеальными часами, которые никогда не запаздывают и не спешат. И это не связано с деловым педантизмом человека, а является отражением его подхода к творческому процессу. Это выражалось в подписи Прокофьева – он подписывался только согласными буквами: «П–Р–К–Ф–В». Эйзенштейн замечает: «Из творчества композитора, как из подписи, откуда исчезли гласные, изгнано все зыбкое, преходящее, случайно-капризное, лабильное» [13]. Композитор запоминал телефонные номера не просто как последовательность цифр, а наполняя их особой эмоциональностью – он произносил их с нарастающей восторженной интонацией. Этот явно демонстрируемый прием дал возможность Эйзенштейну понять скрытую сторону творчества композитора.

Так, желая выяснить момент зарождения музыкального произведения, Эйзенштейн специально наблюдал за Прокофьевым, когда тот просматривал отснятый материал. Композитор не просто смотрел монтажные куски, а в такт кадрам мерно отстукивал ритм о ручку стула. Это позволяло ему точно уловить определенную структуру, размер и в целом интонацию, мелодику фильма, все то, что создает основу для музыкального произведения. Ухватив нужное, композитор мог легко и в короткие сроки написать музыку, которая точно согласовывалась с кадрами фильма. Нередко Прокофьев приносил готовое произведение уже на следующий день.

Эйзенштейн приводит алгоритм творческой работы композитора: из всего многообразия «как бы» случайного вычленяется, ухватывается структурная закономерность; затем она эмоционально интерпретируется и переводится в чувственную форму [14].

Таким образом, творчество не может быть не точным, не рациональным. Неточное творчество – это несовершенное произведение, это то, что еще не готово, не вызрело.

В подтверждение приведем удивительное откровение мастера: «Я считаю, что и природа, и обстановка, и декорация к моменту съемки, и сам заснятый материал к моменту монтажа часто бывают умнее автора и режиссера.

Суметь расслышать и понять то, что подсказывает “натура” или непредвиденные точки в зачатой вашими замыслами декорации. Суметь вслушаться в то, о чем слагаясь, говорят монтажные куски, сцены, живущие на экране своей пластической жизнью, иногда далеко за рамками породившей их выдумки, – великое благо и великое искусство...

Но это требует чрезвычайной точности общего творческого намерения для определения сцены или фазы кинопроизведения. Вместе с этим надо обладать не меньшей эластичностью в выборе частных средств воплощения замысла» [15].

Итак, для создания великого произведения необходимо первоначально точно представлять «общее творческое намерение», то есть помыслить «чреватый пункт». Затем нужно отклю-

читься от него и начать создавать, делать («думать и делать, делать и думать», как говорил Гете), полагаясь «как бы» на интуицию. Находясь в таком состоянии, можно уловить те подсказки, которые дает окружающая «натура», иными словами, услышать голос природы, которая умнее автора. Последнее очень напоминает феноменологический метод: вынести в скобки все личное и не привносить того, чего нет в наличном материале, абстрагироваться от всего «научного» и попытаться уловить феномен. В результате обстановка, декорации, монтажные куски, да и сама природа могут сообщить то, что в обычном состоянии автор не замечал.

При этом необходимо сохранять гибкость, «эластичность», определенную свободу мысли, чтобы не отказаться от всего заранее непредвиденного и незапланированного.

В заключение попытаемся в обобщенном виде представить творческий процесс. Для осуществления творческого процесса необходимо, чтобы первично актуализировался именно чреватый пункт – это в концентрированном виде упакованный сплав чувственного и рационального, единство чувств и мыслей. До определенной поры он может не осознаваться (чаще всего так и случается), но в какой-то момент вдруг, спонтанно, под воздействием избыточности или недостаточности той или иной его части, начинает проявлять свое присутствие и желание быть познанным, не давая тем самым покоя своему носителю (автору). Так осуществляется призыв к творческой деятельности. Она может быть реализована на разных уровнях. Если на первый план выходит чувственная компонента, которая затем рационально преобразуется, то мы имеем дело с научным творчеством. Если на первый план выходит рациональная компонента (мысли), которая затем преобразуется в чувственные образы, то мы имеем дело с художественным творчеством.

Подводя итог, заметим, что схваченные С. Эйзенштейном технологические особенности осуществления творческой деятельности полностью нашли подтверждение в практике его работы, а это дает надежду приблизиться к разгадке великой тайны.

Примечания

1. Эйзенштейн С. М. ГТК – ГИК – ВГИК. Прошлое – настоящее – будущее (к юбилею Института кинематографии) // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. М.: Искусство, 1956. С. 58–59.
2. Эйзенштейн С. М. Как я стал режиссером // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. С. 355–362.
3. Эйзенштейн С. М. Можем // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. С. 303–304.
4. См. Тимшин В. А. Творчество – познание – свобода в философии Гете // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология; культурология. Научный журнал. 2012. № 4(4). С. 14–19.
5. Эйзенштейн С. М. В энтузиазме – основа творчества // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. С. 54–55.
6. Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. М.: Наука, 1977. С. 202.
7. См. Юлов В. Ф. Научное мышление. Киров, 2007. С. 129–130.
8. Бескова И. А. Творчество как творение и как со-творение // Свобода и творчество (междисциплинарные исследования); под ред. И. А. Герасимовой. М.: Альфа-М, 2011. С. 142–149.
9. Эйзенштейн С. М. Двадцать // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. С. 95–96.
10. Пуанкаре А. Наука и метод // Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. С. 404–406.
11. Эйзенштейн С. М. Советский исторический фильм // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. С. 51.
12. Эйзенштейн С. М. Освобожденная Франция // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. С. 114.
13. Эйзенштейн С. М. П Р К Ф В // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. С. 143.
14. Там же. С. 133–142.
15. Эйзенштейн С. М. «Двенадцать апостолов» // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. С. 374.

Notes

1. Eisenstein S. M. *GTK – GIK – VGIK. Proshloe – nastoyashchee – budushchee (k yubileyu Instituta kinematografii)* [STK - SIC - VSIC. Past - present - future (for the anniversary of the Institute of cinematography)] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. Moscow. Iskusstvo. 1956. Pp. 58-59.
2. Eisenstein S. M. *Kak ya stal rezhisserom* [How I became a Director] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. Pp. 355-362.
3. Eisenstein S. M. *Mozhem* [We can] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. Pp. 303-304.
4. See Timshyn V.A. *Tvorchestvo – poznanie – svoboda v filosofii Gete* [Creativity - knowledge - freedom in Goethe's philosophy] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Filosofiya i sociologiya; kul'turologiya. Nauchnyy zhurnal* - Herald of Vyatka State University of Humanities. Philosophy and sociology; cultural studies. Scientific journal. 2012, No. 4(4), pp. 14-19.
5. Eisenstein S. M. *Vehtuziazme – osnova tvorchestva* [In enthusiasm there is the basis of creativity] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. Pp. 54-55.
6. Kapitsa P. L. *EHksperiment, teoriya, praktika* [Experiment, theory, practice]. Moscow. Nauka. 1977. P. 202.
7. See Yulov V.F. *Nauchnoe myshlenie* [Scientific thinking]. Kirov. 2007. Pp. 129-130.

8. Beskova I. A. *Tvorchestvo kak tvorenie i kak so tvorenie* [Creativity as the creation and as creation] // *Svoboda i tvorчество (mezhdisciplinarnye issledovaniya)*- Freedom and creativity (interdisciplinary studies); ed. by I. A. Gerasimova. Moscow. Alpha-M. 2011. Pp. 142-149.
9. Eisenstein S. M. *Dvadcat'* [Twenty] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. Pp. 95-96.
10. Poincare A. *Nauka i metod* [Science and method] // Poincare A. *O nauke* - About science. Moscow. Nauka. 1990. Pp. 404-406.
11. Eisenstein S. M. *Sovetskij istoricheskij fil'm* [Soviet historical film] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. P. 51.
12. Eisenstein S. M. *Osvobozhdennaya Franciya* [Liberated France] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. P. 114.
13. Eisenstein S. M. *PRKFV* [P R K F V] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. P. 143.
14. Ibid. Pp. 133-142.
15. Eisenstein S. M. «*Dvenadcat' apostolov*» ["Twelve apostles"] // Eisenstein S. M. *Izbrannye stat'i* - Selected articles. P. 374.

УДК 7.01+004.946

Н. А. Шустов

Эстетический опыт и виртуальность: проблемы взаимодействия

Статья посвящена эстетико-философской рефлексии особенностей, возникающих в процессе взаимодействия между эстетическим субъектом и артефактами виртуальной реальности. Анализируется онтологическая сущность виртуальной реальности и специфика ее взаимоотношений с эстетическим субъектом, также роль интерфейса между человеком и виртуальностью с позиции взаимоотношения эстетического субъекта и объекта, его эволюция и дальнейшие перспективы развития. Рассматривается интерактивность как ключевой акт взаимодействия реципиента с виртуальным миром, на основе которого и становится возможным разговор о виртуальной эстетике вообще. Показывается, что виртуальность обладает особой темпоральностью, возникая только в тот момент, когда система материальных носителей начинает функционировать в определенной последовательности. Делается вывод о роли виртуальности для эстетического опыта современного человека, а также о дальнейших перспективах эволюции виртуальной среды с точки зрения эстетики.

The article is devoted to the aesthetic-philosophical reflection characteristics arising in the process of interaction between the aesthetic subject and artifacts of virtual reality. Analyzes the ontological essence of virtual reality and its specific relationship with the aesthetic subject, the role of the interface between man and virtuality with the position of the aesthetic relationship of subject and object, its evolution and future prospects. Discusses interactivity as a key instrument of recipient interaction with the virtual world on the basis of which it becomes possible to talk about virtual aesthetics in General. It is shown that virtuality has a special temporality, appearing only at the moment when the system physical media begins to function in a certain sequence. The conclusion is made about the role of virtuality for es-thetic experience of modern man, and for the further prospect of Islands evolution of the virtual environment from the point of view of aesthetics.

Ключевые слова: эстетика, эстетический опыт, виртуальность, интерфейс, интерактивность.

Keywords: aesthetics, aesthetic experience, virtuality, interface, interactivity.

Проблема виртуальной реальности и ее роли в формировании современного эстетического сознания является, по мнению целого ряда как российских, так и зарубежных ученых и философов (В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская, В. Ф. Петров-Стромский, К. Гиглиоти, Ф. Каррэй), одним из ключевых вопросов современной эстетики. Виртуальные феномены уже стали частью повседневной жизни для миллионов людей, мы постоянно сталкиваемся с различными протовиртуальными феноменами даже в том случае, если пытаемся дистанцироваться от прямых контактов с виртуальной реальностью – вплоть до необходимости вступать в простейшие интеракции с цифровой средой электронных банкоматов.

Современные тенденции развития техносферы указывают на экспоненциальный рост и развитие технологий, обеспечивающих создание виртуальной реальности, что означает лишь

дальнейшее усиление влияния виртуальной среды на жизнь человека. Растет и количество новых эстетических феноменов, своим существованием напрямую обязанных виртуальной реальности – цифровые интерактивные выставки, компьютерные игровые программы, интерактивное кино и т. д. В связи с этим возникает необходимость анализа виртуальных феноменов применительно к эстетической сфере, и, в особенности, к сфере восприятия виртуально-эстетических феноменов человеком и его интеракций с ними.

Для начала стоит затронуть вопрос об онтологическом статусе виртуальной реальности. По словам С. С. Хоружего [1], виртуальность представляет собою своеобразный «недород» бытия, большинство онтологических характеристик которого отличны от онтологических характеристик эмпирической реальности, начиная с самых базовых установок. События в виртуальности не могут «возникать» в том же смысле, как они возникают в эмпирической реальности, – в ней невозможна их постановка в вид, явления могут свободно менять свои свойства, игнорируя при этом любые законы причинности материального мира. Не могут они и напрямую, физически взаимодействовать с человеком, порождая необходимость в целом комплексе приспособлений, позволяющих симулировать подобного рода интеракции.

Дополняя Хоружего, хотелось бы сказать, что виртуальность не может существовать сама по себе – ее существование зависит от наличия так называемой «константной реальности» [2], материально-технической базы, взаимодействие элементов которой и обеспечивает как создание сложной внутренней логики виртуальной реальности, так и ее визуализации в форму, понятную для обыденного человеческого восприятия.

Также виртуальность обладает особой темпоральностью, возникая только в тот момент, когда целая система материальных носителей начинает функционировать в определенной последовательности. Она возникает и исчезает в зависимости от состояния «константной реальности», можно сказать, что она существует лишь в ситуации «здесь и сейчас», хотя ее и невозможно описать лишь суммой элементов материально-технической базы, использованной при ее создании, – они порождают к жизни целую сложную систему, способную в дальнейшем изменять свою структуру под воздействием человека. Виртуальность, однако, не является особой реальностью самой по себе, в сущности, она представляет собою сложный и уникальный аспект эмпирической реальности, от нее зависимый и стремящийся ее дополнить. Именно «пластичность» виртуальности, ее способность свободно трансформировать явления внутри себя, не ограничиваясь законами причинности физического мира, и делает ее крайне привлекательной для эстетической рефлексии, о чем свидетельствует и возникновение множества эстетико-виртуальных феноменов за последние десятилетия – от простейших гипертекстовых произведений с графическими иллюстрациями до комплексных виртуальных миров, сочетающих в себе сразу целое множество эстетических артефактов.

Из-за всего вышесказанного возникает вопрос: насколько сильно отличается специфика восприятия и взаимодействия с эстетическими феноменами виртуальной реальности по сравнению с классическими носителями эстетических качеств? Человек не может взять в руки виртуальность саму по себе, не может даже увидеть ее без специализированного устройства вывода информации, не может управлять ею напрямую, без использования каких-либо опосредованных технологических приспособлений. Виртуальная реальность порождает необходимость в интерфейсе – комплексе технологических приспособлений, позволяющих человеку ощущать виртуальность и взаимодействовать с ней. Но не сводит ли интерфейс интеракции между человеком и виртуальностью до машинной, обезличенной формы? Ведь устройства компьютерного ввода, на первый взгляд, стандартизированы, в то время как более традиционные носители эстетических качеств стандартизации избегали.

В статье Фахраддина Каррэя «Взаимодействие человека и компьютера: обзор уровня развития» утверждается, что развитие интерфейсов под влиянием возникновения виртуальной реальности идет в сторону их «встраивания» в окружающую среду, что позволяет сделать их более привычными и практически незаметными для человека. В то же время сенсорные технологии позволяют добиться такого эффекта, когда реципиент способен взаимодействовать с виртуальной средой и изменять ее, не жертвуя при этом персонализацией в пользу стандартизации [3].

Уже существуют технологии, позволяющие имитировать рукопись или рисование в виртуальной среде, также развитие получают технологии передачи тактильных ощущений через виртуальную реальность. Развитие техносферы показывает, что страх перед машинной стандартизацией, столь свойственный культуре и даже философии XX в. («по-став» М. Хайдеггера, произведения в жанре «киберпанк», фантастические антиутопии второй половины XX в.), оказался несколько преувеличенным, поскольку не человек подстраивается под стандартизованную машинную среду, но ищет способ ее преодолеть и сделать интерфейсы как можно более простыми, разнообразными и удобными для самого пользователя. Совершенствование интерфейсов, по мнению Каррэя, продолжится, и виртуальность будет играть в этом процессе одну из ключевых ролей.

Кэрол Гиглиоти, рассуждая об этике виртуальности, говорит о том, что интерфейсы прошли процесс трансформации от простого взаимодействия программной и технологической оболочек до процесса, включающего в себя когнитивный и эмоциональный аспекты опыта пользователя [4]. Обратимся к эстетике современной массовой культуры и ее артефактам, возникшим именно под влиянием эволюции виртуальной реальности, и попробуем выявить, как трансформация интерфейсов оказала влияние на эмоционально-эстетическое восприятие виртуальных феноменов.

Простейшим примером такого процесса применительно к эстетическому опыту можно назвать эволюцию симуляторов ухода за виртуальными питомцами. Подобного рода питомец представляет собою полноценный эстетический образ. Он имагинитивен и существует исключительно в пространстве эстетического объекта, он экспрессивен и вызывает у субъекта эстетический и эмоциональный отклик, он является результатом эстетического акта.

Зародившись в 90-е гг. XX в. и изначально включая в себя весьма грубые методы управления за жизнью виртуального питомца (информация о самочувствии которого выводилась на экран в виде графиков и указателей, а контролировалась исключительно при помощи кнопок), к концу первого десятилетия XXI в. подобного рода симуляторы эволюционировали до такого состояния, при котором человек может понимать нужды виртуального питомца, просто следя за его действиями и активностью по ту сторону экрана. При этом между питомцем и управляющим программой человеком возникает эстетическая интеракция. Сам по себе процесс ухода за виртуальным питомцем идеализирован до исключительно эстетически приятного для субъекта состояния и приносит ему эстетическое удовольствие. Человек может изменять своего виртуального питомца, руководствуясь собственными представлениями о прекрасном. Интерфейс же позволяет самому эстетическому образу взаимодействовать с человеком – выражать определенного рода эмоции (радость при виде хозяина) или совершать определенного рода действия (играть с виртуальными объектами), которые, в свою очередь, вызывают эмоционально-эстетический отклик у самого эстетического субъекта.

При этом взаимодействие с питомцем происходит либо при помощи сенсорного экрана («Nintendogs»), позволяющего руководить его действиями и ухаживать за ним, либо при помощи специальной камеры, зафиксированной перед дисплеем и позволяющей виртуальному питомцу распознавать и интерпретировать эмоции, мимику и жесты человека без каких-либо дополнительных средств контроля над виртуальной средой («Kinectimals», «Fantastic Pets»). Таким образом, человек оказывается соучастником виртуального действия, не манипулирующим отстраненной технической средой, но существующим внутри виртуальности как эстетический субъект, со-участвующий и со-переживающий виртуальные явления с такой же степенью причастности, какая до эпохи виртуальности была возможна лишь в непосредственной, повседневной жизни.

Однако один лишь анализ взаимодействий эстетического субъекта и виртуального интерфейса недостаточен для составления полноценной картины художественно-эстетического опыта в виртуальности вообще. Следует обратиться к анализу ключевого свойства виртуальной реальности – ее интерактивности, возможности онтологически независимо взаимодействовать с реципиентом.

В. В. Бычков определяет сущность интерактивности как такой тип взаимодействия между эстетическим субъектом и средой, который трансформирует мысленную интерпретацию художественного образа в реальное взаимодействие [5]. Прекрасной иллюстрацией виртуальной интерактивности могут служить современные компьютерные игры, в процессе которых контролируемый живым игроком персонаж способен взаимодействовать с виртуальной реальностью и даже изменять ее в определенных, в большинстве случаев жестких и заранее заданных авторами рамках. Масштабы взаимодействия с виртуальностью могут варьироваться от простого управления одним персонажем до решения судеб целых виртуальных государств.

Интерактивность даже в таком, чисто игровом виде заставляет играющего принимать осмысленные и вполне реальные действия и решения, которые пускай и имеют исключительно виртуальные последствия, но требуют от реципиента осмысленного выбора, лежащего в этической и эстетической плоскостях и вызывающих соответствующие эстетические переживания. Это побуждение к совершению действия и делает виртуальность по-настоящему уникальным феноменом в рамках постмодернистской эстетики, поскольку реципиент больше не ограничивается ролью пассивного интерпретирующего наблюдателя, а становится своеобразным соучастником творческого акта, иногда даже его со-творцом (одним из наиболее известных примеров чего является онлайн-ролевая игра Second Life, позволяющая строить свой виртуальный мир и даже зарабатывать реальные деньги путем продажи собственноручно созданной виртуальной собственности или посещения виртуальной работы).

Развитие компьютерных интерфейсов вкуче с интерактивностью позволяет говорить о виртуальной реальности не только как о пространстве беспрецедентной эстетической свободы

(поскольку в виртуальности человек практически не ограничен рамками физического мира и материальных носителей, способен создавать сложные, комплексные произведения, сочетающие в себе сразу множество разнообразных эстетических феноменов), но и о пространстве непосредственного эстетического переживания, что особенно важно в условиях постиндустриального общества, одной из главных особенностей которого является всеобъемлющая опосредованность.

Эра постмодернизма сформировала свой специфический тип эстетического сознания, выражавшийся в отказе от традиционных свойств классического европейского искусства. В логике развития виртуальности можно увидеть не что иное, как контр-постмодернизм, уход от постмодернистской опосредованности и антиэстетичности, поиск потерянной эстетической целостности. Вместе с этим невозможно воспринимать виртуальность как попытку «движения назад» к классической эстетике, поскольку она не отказывается от артефактов постиндустриального общества, а встраивает их в свою структуру. Скорее возникновение виртуальности предвещает совершенно новую эпоху в развитии эстетического сознания.

Примечания

1. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской епархии Русской Православной Церкви. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/ascetic/contents.html> (дата обращения: 16.12.2014).

2. Райков А. Н. Визуализация, или эссе о реальной виртуальности // Труды Международных конференций «Ситуационные центры и информационно-аналитические системы класса 4i». М.; Портвино: Ин-т физико-технической информатики, 2011. С. 17–21.

3. Fakhreddine Karray, Milad Alemzadeh, Jamil Abou Saleh, Mo Nours Arab Human-Computer Interaction: Overview on State of the Art // International journal on smart sensing and intelligent systems. 2008. Vol. 1(1). P. 137–159.

4. Carol Gigliotti Aesthetics of a Virtual Worlds // Leonardo. 1995. Vol. 28(4). P. 293.

5. Бычков В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Buchkov_Lexikon/Lex_index.php (дата обращения: 16.12.2014).

Notes

1. Khoruzhiy S.S. *Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtual'nosti* [Gender or sub-gender? Notes to the ontology of virtuality] // *Pravoslavie i sovremennost'. Informacionno analiticheskij portal Saratovskoj eparhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*- Orthodoxy and modernity. Information and analytical portal of the Saratov eparchy of the Russian Orthodox Church. Available at: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/ascetic/contents.html> (date of access: 16.12.2014). (in Russ.)

2. Raikov A. N. *Vizualizaciya, ili ehsse o real'noj virtual'nosti* [Visualization, or an essay about the real virtuality] // *Trudy Mezhdunarodnyh konferencij «Situacionnye centry i informacionno analiticheskie sistemy klassa 4i»*- Proceedings of International conference "Situational centers and information analytical system of the class 4i". Moscow. Portvino: Inst. of physical and technical informatics. 2011. Pp. 17-21.

3. Fakhreddine Karray, Milad Alemzadeh, Jamil Abou Saleh, Mo Nours Arab Human Computer Interaction: Overview on State of the Art // International journal on smart sensing and intelligent systems. 2008. Vol. 1(1). Pp. 137-159.

4. Carol Gigliotti Aesthetics of a Virtual Worlds // Leonardo. 1995. Vol. 28(4). P. 293.

5. Bychkov V.V. *Leksikon nonklassiki. Hudozhestvenno ehsteticheskaya kul'tura XX veka* [Lexicon of nonclassics. Artistic aesthetic culture of the XX century] // *Biblioteka Gumer - Library Humer*. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Buchkov_Lexikon/Lex_index.php (date of access: 16.12.2014). (in Russ.)

УДК 930(470)

С. А. Пьянков, Н. А. Михалев

Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии*

В статье рассматриваются основные подходы к изучению проблемы голода 1891–1892 гг. в советской и современной отечественной историографии. На основе анализа научной исторической литературы авторы выявляют основные направления исследований различных аспектов истории голода советскими и современными российскими исследователями. Показано, что тема голода рассматривалась советскими историками и экономистами в контексте изучения аграрного кризиса. Они уделяли приоритетное внимание проблемам формирования и развития аграрного рынка, уровню сельскохозяйственного производства, социальным процессам в российской деревне, а проблема голода активно использовалась ими в качестве сюжета для иллюстрации тяжелого экономического положения российского крестьянства. Исследования ряда современных отечественных ученых продолжают традицию советской исторической науки и описывают проблему голода как один из элементов структурного социально-экономического кризиса в России позднеимперского периода. Сторонники противоположной точки зрения отрицают наличие социально-экономического кризиса и полагают, что масштабы и последствия голода 1891–1892 гг. преувеличены по идеологическо-пропагандистским мотивам. Авторы, не участвующие в этой дискуссии, сосредоточились на общественно-политическом измерении голода и анализе порожденного им благотворительного движения помощи голодающему населению России.

The article examines main approaches to the study of the 1891–1892 Russia's famine in soviet and recent native historiography. On the basis of the analysis of scientific historical literature the authors identify the main directions in researching various aspects of the famine by soviet and contemporary russian scholars. It is demonstrated that the famine history was addressed by Soviet historians and economists within the context of the study of the agrarian crisis. They devoted priority attention to the problems of formation and development of the agricultural market, the level of agricultural production, the social processes in the Russian village, whereas the problem of hunger was actively exploited to illustrate dire economic condition of the Russia's peasantry. Studies of some contemporary Russian authors continue the tradition of the Soviet historical scholarship and describe the 1891–1892 hunger as one of the elements of the structural socio-economic crisis in the late imperial Russia. Advocates of the opposite viewpoint deny the very existence of social and economic crisis in the late XIX century and believe that the scope and consequences of the 1891-1892 famine are exaggerated for ideological and propagandistic reasons. Those authors who do not participate in this discussion focus their attention on the socio-political dimension of hunger, examine generated by famine charity movement to provide relief for the starving population of Russia.

Ключевые слова: историография, голод 1891–1892 гг., неурожай, российская деревня, Российская империя.

Keywords: historiography, 1891–1892 famine, crop failure, russian village, Russian empire.

События неурожая и последовавшего за ним голода 1891–1892 гг. являются одними из самых трагических страниц в истории России позднеимперского периода. Нельзя сказать, чтобы исследователи аграрной истории России обходили эту проблему стороной, однако, как правило, она оказывалась на периферии внимания ученых, выступала в качестве второстепенного сюжета при изучении экономических и общественно-политических процессов в стране.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01266 а2 «Система продовольственного обеспечения населения России во второй половине XIX – начале XX века: трансформации и кризисы».

Первые исследования, посвященные голоду 1891–1892 гг., появились в первое десятилетие после трагических событий. Бедственное положение населения вызвало широкий отклик среди современников. Продовольственные проблемы попали в поле зрения различных социальных и профессиональных групп российского общества – высокопоставленных государственных чиновников, видных политиков оппозиционных партий, ученых, врачей, писателей и литераторов, служащих различных учреждений [1]. Вопрос о причинах голода стал не только предметом острых дискуссий, но и инструментом политического давления на центральные органы власти, правившую династию Романовых. Зачастую авторами публикаций являлись непосредственные участники событий. Эти разноплановые издания, каждое по-своему трактующие причины голода, масштаб бедствия и акцентирующие внимание на различных его аспектах, отличающиеся глубиной анализа, сегодня сами выступают в роли исторических источников.

Интерес к проблеме голода 1891–1892 гг. в советской научной литературе возник в конце 1920-х гг. и был связан с изучением причин и последствий голода 1921 г. В это время группа ученых под руководством В. Г. Громана предприняла детальный анализ статистических данных о влиянии неурожая на народное хозяйство России на протяжении пятидесятилетнего периода, предшествовавшего кризису 1921 г. Авторы сборника представили ретроспективные данные о колебаниях урожайности на территории Европейской России, уточнили показатели динамики численности и естественного движения населения, рассмотрели влияние урожая на уровень преступности. В качестве основной причины периодически повторяющихся неурожаев был назван «низкий уровень сельскохозяйственной культуры» [2]. Характеризуя причины периодических продовольственных кризисов, В. М. Обухов рассчитал, что на протяжении 1883–1914 гг. рост урожайности «в небольшой степени отставал от роста населения» и вырос за указанный период на 52,5%. Рост численности населения за этот же период составил 59,1%, а общий рост «чистой сельскохозяйственной продукции», включая картофель и технические культуры, – на 90%. Выполненный им анализ урожайности зерновых культур показал, что самый плохой урожай за 32 года был в 1891 г., когда «валовой сбор с десятины был на 29% ниже урожайной нормы». Кроме того, неурожайными были 1889 г. (на 18,2% ниже нормы) и 1892 г. с недородом в 13,2% [3]. Рассматривая демографические последствия неурожаев, В. А. Зайцев подчеркнул, что «если урожай и влияет на естественное движение населения, то этот фактор не единственный и, возможно, не основной». Вместе с тем автором отмечены высокие показатели смертности и сокращение рождаемости в следующие два года после неурожая 1891 г. Например, смертность 1892 г. составляла 42,1‰, значительно превышая соответствующий показатель за все 43 года статистических наблюдений (1871–1913 гг.). Оценивая последствия голода, В. А. Зайцев отмечал: «Неурожай 1892 г. захватил большую территорию, причем в отдельных губерниях принял катастрофические размеры. И на почве недоедания в 1892 г. наблюдается огромная вспышка холерной эпидемии, захватывающая большую территорию. В губерниях, даже сравнительно немного пораженных неурожаем, эпидемия принимает большие размеры, благодаря заносу из соседних губерний» [4].

В дальнейшем проблема неурожая и голода 1891–1892 гг. разрабатывалась советскими историками и экономистами, прежде всего, в контексте изучения аграрного кризиса. Они уделяли приоритетное внимание проблемам формирования и развития всероссийского рынка, оценке уровня аграрного производства, анализу социальных процессов в российской деревне. Как правило, тема голода выступала в качестве дополнительной и была призвана проиллюстрировать тяжелое экономическое положение российского крестьянства.

Как отмечалось в исследовании Н. А. Егизаровой, причиной мирового аграрного кризиса являлась революция в средствах транспорта, позволившая конкурировать на европейском рынке дешевому американскому, русскому и индийскому хлебу. Победителем в этой борьбе оказалась Америка, за ней шла Россия, дававшая треть мирового экспорта хлеба. Обострившаяся конкуренция и падение мировых цен на зерно негативно отражались на сельском хозяйстве Российской империи. В этих условиях российские экспортеры стремились сократить потери путем увеличения массы товарного зерна, вывозимого за границу. Превышение предложения над спросом создавалось вследствие роста сельскохозяйственного производства при узком базисе потребления. Ускорял наступление аграрного кризиса в России и процесс перемещения главного центра производства зерна из густонаселенных губерний центрально-черноземного центра в южные степные и нижневолжские губернии, а также Сибирь, что было связано с заселением окраин. По мнению автора, продовольственный кризис 1891–1892 гг. был вызван так называемым «голодным экспортом» [5]. Тезис о «голодном экспорте» обосновывали и историко-экономические исследования А. А. Арзуманяна. В своей диссертации 1947 г., а также в монографии, опубликованной двумя десятилетиями позже, он писал об обострении конкуренции на мировом рынке сельскохозяйственной продукции, которая вела к падению спроса и вызывала массовое разорение мелкокре-

стьянских хозяйств. При этом, отмечает автор, «обнаружившееся перепроизводство ярко демонстрировало свой относительный характер. Цены падали, хлеб не продавался, а народные массы голодали, ибо их платежеспособный спрос был весьма низок». По его оценкам, «великий голод 1891 г. охватил более 40 млн крестьян» [6]. Стоит отметить, что источник данных, а также механизм подсчета количества голодающих автором не приведены.

Более детальный анализ масштабов неурожая и голода 1891–1892 гг. представлен в исследовании П. Н. Першина, уделившего этой проблеме особое внимание. Он отмечает, что неурожай и голод в России были «характерной особенностью» пореформенного развития крестьянского хозяйства. Причина сложившегося положения объяснялась тем, что «мелкое крестьянское хозяйство, разоренное выкупными платежами, чрезмерными налогами и высокой арендной платой, не могло сколько-нибудь рационально организовать производство». Исследователем были проведены подсчеты, согласно которым минимальный размер продовольственного обеспечения населения в 12 пуд. зерновых и картофеля на едока в год, принятого правительственными органами при оказании продовольственной помощи впоследствии – в условиях кризиса 1901 г., не мог быть достигнут во многих уездах Европейской России в течение целого ряда лет. Представленные автором данные показывают, что на протяжении 1891–1915 гг. начитывалось 10 крупных неурожаев, охвативших территории с населением свыше 20 млн человек. Неурожай 1891–1892 гг. отличался «исключительно большими масштабами бедствия», когда в зоне неурожая оказались свыше 40 млн человек. По расчетам Першина, доля сельского населения, проживавшего в охваченных неурожаем 1891 г. местностях, составляла 59,6% от общей численности сельских жителей Европейской России, а в 1892 г. – 42,9%. «Неурожай и голодовки, – заключает автор, – обрекали население на массовые заболевания и вымирание. В местностях, пораженных неурожаем, обычно широко распространялись заболевания тифом, цингой, куриной слепотой, желудочными болезнями». Ссылаясь на исследования предшественников, он определяет сверхсмертность населения за период 1891–1892 гг. в 650 тыс. человек [7].

Разделяет положения о «голодном экспорте» и Т. М. Китанина, впервые исследовавшая механизмы правительственной политики в области внутренней и внешней хлебной торговли. Описывая мероприятия, предпринятые правительством по борьбе с продовольственным кризисом, она, в частности, отмечает: «Правящие круги восприняли голод как “стихийное бедствие”, не видя и не желая видеть его социальных корней. Помощь населению пострадавших районов носила характер полумер и осуществлялась медленно. Обычные в русской бюрократической практике ведомственные противоречия резко обострились и мешали принятию конкретных решений». Министерство финансов, возглавляемое И. А. Вышнеградским, попыталось противопоставить «стихийному бедствию» чрезвычайный акт – запрещение экспорта хлеба [8].

Иной акцент в изучении проблемы голода 1891–1892 гг. сделан в исследованиях А. М. Анфимова, проанализировавшего фискальную политику царского правительства по отношению к крестьянству. По его мнению, основной причиной продовольственных кризисов было истощение материальных ресурсов крестьянских хозяйств вследствие чрезмерно высокой налоговой нагрузки (прямой и косвенной), а также значительных платежей в пользу помещичьего землевладения, совокупность которых не соответствовала финансовым возможностям деревни. По его мнению, созданная для решения продовольственного вопроса система общественных и государственных запасов была неэффективна и не могла решить проблему периодических неурожаев. Описывая масштабы и результативность продовольственной кампании 1891–1892 гг., он уточнял: «Продовольственная кампания 1891–1892 гг., исчерпав общественные и губернские капиталы и запасы, потребовала крупного пополнения общегосударственного капитала из сумм государственного казначейства. За 1890–1892 гг. из казны на заготовку хлеба и выдачу ссуд было отпущено 152 388 тыс. руб. Закупка хлеба земствами была проведена совершенно безобразно: земства, конкурируя друг с другом, взвинтили цены на хлеб, записав за крестьянами ссуды по этим повышенным ценам. Долги крестьян выросли до невероятных по тем временам сумм» [9]. Оценивая последствия неурожая и голода 1892 г., А. М. Анфимов указывал: «Только за один 1892 г. в результате неурожая 1891 г. и последовавшего за ним голода с его обычным в то время спутником – холерой – смертность в России увеличилась на 5,5%, что при населении в 119 млн человек означало потерю 654,5 тыс. человеческих жизней сверх обычной смертности, которая и без того в России была очень высока» [10].

Демографические последствия неурожаев и голода стали предметом изучения ряда советских демографов. А. Г. Рашин, выявляя особенности демографической динамики России за 100 лет с 1811 по 1913 г., подчеркнул увеличение общего коэффициента смертности и снижение естественного прироста населения в условиях продовольственных кризисов: «Особо высокие показатели смертности наблюдались: в 1868 г. на 1000 умерших приходилось 39,7, в 1869 г. – 38,3, в

1872 г. – 41,2, в 1878 г. – 38,2, в 1892 г. – 41,0. Пониженный естественный прирост населения был в 1868 г. – 9,1, в 1872 г. – 8,8, в 1878 г. – 9,1, в 1892 г. – 5,0». Опираясь на официальные материалы о санитарном состоянии Российской империи, автор отмечал, что ряд неурожайных лет, предшествовавших кризису 1891–1892 гг., «значительно усилили заболеваемость и смертность населения». Повышение смертности и понижение рождаемости отмечалось по всем губерниям, особенно резко оно было выражено в 18 губерниях Российской империи, где смертность в 1892 г. превысила рождаемость. Отрицательно неурожай сказался и на воспроизводстве городского населения: в 1892 г. из 516 городов Европейской России в 207 городах абсолютное число умерших превышало число родившихся [11].

Б. Ц. Урланис, сопоставляя численность умерших со средними показателями смертности, определял общую сверхсмертность населения за 1891–1892 г. в 500 тыс. чел. Согласно его выводам, «в голодные годы коэффициент смертности в России превышал 40‰, а в отдельных губерниях, наиболее пострадавших от голода, коса смерти производила настоящие опустошения». При сохранении в Российской империи высокого уровня детской и младенческой смертности доля смертей детей в возрасте до года во время голода 1891–1892 гг. значительно увеличилась. Вместе с тем причинами высокой детской смертности являлись не только плохое питание, но и низкий уровень гигиенической культуры населения, тяжелый труд женщин в период беременности, недостаток медицинской помощи [12].

Новой тенденцией развития советской историографии голода 1891–1892 гг. в 1970–1980-е гг. становится появление специальных исследований, посвященных воздействию голода на общественно-политическую жизнь России, а также участию общественных (в частности, медицинских) организаций в оказании помощи пострадавшему населению.

Начиная с этого времени проблема голода 1891–1892 гг. стала рассматриваться как исследовательская тема, «достойная монографического изучения». По мнению Н. П. Соколова, голод 1891–1892 гг. можно определить как «национальный кризис», вполне сопоставимый «по значению и размерам с поражением в Крымской войне», а «активное участие широких слоев общественности в борьбе с голодом» оценить как «начало нового общественного подъема» [13]. Автор констатирует, что голод и продовольственная кампания 1891–1892 гг. дали мощный толчок процессам, предшествующим созданию политических партий. Именно в годы голода на базе благотворительных организаций были сделаны первые шаги в этом направлении: состоялась серия совещаний земских деятелей и либеральной интеллигенции, завязались знакомства и более тесные связи столичных деятелей с провинциями, имевшие большое значение для дальнейшего развития освободительного движения [14].

Участию медицинской общественности в устранении последствий голода 1891–1892 гг. посвящены исследования И. В. Егорышевой. В серии статей и в диссертационном исследовании она раскрывает направления, формы и размеры врачебно-продовольственной помощи голодающему населению, ее работы содержат детальные описания деятельности влиятельных общественных медицинских организаций: Российского общества Красного Креста и Русского общества охранения народного здоровья. В результате проведенных изысканий автор приходит к выводу, что «деятельность медицинских обществ была несоизмерима с масштабами бедствий крестьянства и не могла существенно повлиять на его положение». При этом авторская позиция подчеркнута критична в оценке деятельности правительственных учреждений и высокопоставленных государственных чиновников, участвовавших в оказании помощи пострадавшему населению, а основной причиной систематического голодания крестьянства ею называется «социальный строй царской России» [15].

В 1990-е гг. в отечественной историографии голода 1891–1892 гг. оформляется новое тематическое направление, связанное с изучением благотворительной деятельности Л. Н. Толстого. Кроме того, в фокусе исследовательского внимания оказывается и участие в деле помощи голодающему населению зарубежных филантропических объединений. В это время публикуется целый ряд эпистолярных источников, переводной литературы, воспоминаний иностранцев, участвовавших в благотворительных акциях помощи голодающим [16].

С начала 2000-х гг. данная тема получает еще большее развитие. В работах Т. Виттакер, В. В. Носкова, Т. М. Китаниной, Д. М. Нечипорука, М. Сороки, В. И. Журавлевой анализируются механизмы организации благотворительной деятельности по сбору в США и Великобритании денежных средств и продовольствия для голодающего населения России. Авторами отмечено, что на страницах периодической печати США велись острые дискуссии о целесообразности помощи «депотической» и «азиатской» России Александра III [17]. Исследователи утверждают, что 1891–1892 гг. были временем первой в отечественной истории масштабной гуманитарной (продовольственной) помощи со стороны Соединенных Штатов Америки. В это время в США возникли Коми-

теты содействия российским голодающим [18]. Отдельное внимание уделено деятельности стонников Л. Н. Толстого, в частности Изабелл Флоренс Хэпгуд (1850–1928) – американской журналистки, переводчицы трудов Л. Н. Толстого на английский язык, являвшейся активной участницей сбора благотворительных средств в США в пользу голодающего населения России.

Проблеме участия зарубежных политических объединений в деле оказания продовольственной помощи населению России посвящены исследования Д. М. Нечипорука, который анализирует деятельность «Американского общества друзей русской свободы» (АОДРС), объединявшего разнообразные политические силы (от российских политических мигрантов революционного направления до представителей либерального направления общественной мысли в США), выступавшие за осуществление социально-политических преобразований в России. Он показывает, что издававшаяся АОДРС газета «Свободная Россия» («Free Russia») размещала данные о суммах пожертвований и активно комментировала разразившееся в России бедствие. Все статьи, помещенные в издании, носили исключительно критический и оппозиционный характер, возлагая всю ответственность за голод на внутреннюю политику царского правительства [19].

Исследователи демонстрируют, что восприятие российского голода отнюдь не было однозначным и в Великобритании. Кампания помощи голодающим во многом осуществлялась благодаря поддержке религиозных сообществ и при активном посредничестве представителей российского дворянства, проживавших за рубежом. Со своей стороны российские власти крайне осторожно воспринимали помощь английских благотворителей: причиной тому были напряженные дипломатические взаимоотношения двух государств [20].

Наиболее детально история оказания помощи голодающему крестьянству России американскими благотворительными обществами, а также анализ общественных дискуссий в США по этому вопросу представлены в научных статьях и монографии В. И. Журавлевой. Автор подходит к проблеме голода 1891–1892 гг. в рамках широкого контекста взаимодействия культур, показывая разноплановое влияние филантропического движения американцев на процесс конструирования образа России в США. Оценивая важность и масштабы происходивших процессов, В. И. Журавлева полагает, что «это был первый пример народной дипломатии в действии, так как помощь исходила от частных лиц, общественных объединений и отдельных штатов, и первая международная гуманитарная акция такого масштаба не только Американского общества Красного Креста, но вообще Соединенных Штатов». По ее мнению, определить точные результаты филантропического движения в долларах и рублях достаточно сложно. Ссылаясь на оценочные данные американских исследователей, автор определяет ее размер в 1–1,6 млн долларов. Указанная сумма складывалась из стоимости гуманитарных грузов, отправленных пароходами, денежных пожертвований граждан, организаций и комитетов. Эти средства позволяли прокормить 800 тыс. человек в течение месяца, или 133 тыс. в течение 6 месяцев. Сопоставляя помощь, оказанную гражданами США, с аналогичной помощью европейских стран, В. И. Журавлева полагает, что эта помощь выглядела «довольно весомой», но в то же время была «каплей в море» на фоне затрат российского правительства. Однако первое сравнение представляется В. И. Журавлевой «более корректным». Она отмечает, что от благотворительности выиграло не только голодающее население. Для Соединенных Штатов период голода в Российской империи «оказался временем активной интеграции в международную хлебную торговлю. Америка выиграла от запрета на экспорт зерновых в России с осени 1891 г. до весны 1892 г., а вывоз зерна из США значительно вырос в эти годы. Филантропическое движение оказалось прекрасной рекламой американского сельскохозяйственного изобилия и способствовало расширению рынка сбыта кукурузы, в том числе и в России» [21].

Параллельно с изучением зарубежной помощи расширялась источниковая основа исследований, публиковались новые документы, раскрывающие механизмы процесса сбора благотворительных средств. Среди таких документальных публикаций необходимо отметить совместный российско-американский проект, посвященный эпистолярному наследию Л. Н. Толстого. Его участниками был проанализирован и опубликован значительный массив писем Толстого и его американских корреспондентов, хранящихся в архивах и музейных фондах. Издание содержит ранее не известную переписку Л. Н. Толстого периода 1891–1892 гг. – время, когда писатель организовал продовольственную помощь в Рязанской и Тульской губерниях и создал 246 благотворительных столовых и 124 детских приюта [22].

В 1990-е гг. появляется первое (до сих пор, очевидно, единственное) в современной России диссертационное исследование, посвященное проблеме голода 1891–1892 гг. Имеется в виду защищенная в 1997 г. в Воронеже кандидатская диссертация М. Д. Книга «История голода 1891–1892 гг.». К сожалению, эта работа, по существу, не внесла в изучение заявленной проблематики ничего нового. Вместе с тем она отличается довольно странным подходом к теме. Так, историо-

графический обзор в диссертации начинается с «летописного периода» и повествует об упоминаниях голода в сводах русских летописей начиная с XI в., а также в трудах классиков российской исторической науки, изучавших события, произошедшие задолго до конца XIX в. [23] В основных главах диссертации также содержатся неоправданно пространные экскурсы в предшествующие эпохи, далеко выходящие за хронологические рамки, обозначенные в диссертации (вторая половина XIX – начало XX в.), заполняющие значительный объем, но не отвечающие заявленной цели исследования – «изучение голода 1891–1892 гг. в России как наиболее острого и масштабного» [24]. Не отрицая необходимости учета предшествующих проявлений голода в истории России, следует заметить, что такой подход представляется не вполне оправданным. В целом представленные автором канва событий, положения и оценки уступают по содержанию и глубине анализа диссертациям предшественников [25]. Ценными с научной точки зрения являются использованные автором сведения, выявленные в региональном архиве, позволившие показать специфику борьбы с голодом в Воронежской губернии.

Другой особенностью отечественной историографии 1990-х гг. стало рассмотрение истории голода 1891–1892 гг. в контексте изучения системы продовольственного обеспечения населения. С этой точки зрения события 1891–1892 гг. оцениваются как один из ключевых этапов в развитии продовольственного дела в России [26]. Структурная организация продовольственной системы и функционирование ее отдельных элементов подверглись в конце XIX – начале XX в. существенным изменениям. Исследователи высказывают мнение, что голодовки населения являлись характерными для многовековой истории России. Как черта старого традиционного общества они были постоянным спутником крестьянства и в первой половине XX в. Одной из ответных реакций правительства на голод 1891–1892 гг. явились попытки совершенствования системы продовольственного обеспечения: 18 февраля 1893 г. Александр III утвердил Особую комиссию, результатом работы которой стало появление «Временных правил по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утвержденных Николаем II 12 июня 1900 г. По мнению Г. Е. Корнилова, это способствовало созданию более действенной системы мер помощи населению в случае неурожая и голода [27].

Еще одной тематической рамкой, куда современная историография помещает проблему голода 1891–1892 гг., являются дебаты о характере социально-экономического развития поздней имперской России и уровне жизни ее населения.

Одним из первых отечественных исследователей, предпринявших попытку опровергнуть господствовавший в советской историографии тезис о перманентном социально-экономическом кризисе в России конца XIX – начала XX в., был Б. Н. Миронов [28]. Описывая масштабы неурожая и голода 1891–1892 гг., он указывает: «Из 50 губерний Европейской России пострадали 21, или 42%, и из 97 губерний и областей России – 27, или 30%. Сбор хлебов в 1891 г. в Европейской России оказался на 29% ниже многолетней нормы, а в масштабе империи – примерно на 21%. Недобор зерна равнялся его ежегодному экспорту. С чисто количественной стороны запрещение вывоза обеспечивало страну недостающим хлебом. Однако российская инфраструктура того времени не позволяла решить проблему быстро и безболезненно. Несмотря на меры помощи, предпринятые правительством и общественностью, неурожай, как утверждалось в прессе, породил голод миллионов крестьян, погубивший до 500 тыс. человек. Эта цифра была получена некорректным путем – весь прирост смертности в 1892 г. сравнительно с 1891 г. отнесен на счет неурожая». Наряду с этим автор не проводит прямой связи между голодом и разразившейся в 1892 г. эпидемией холеры, что, на наш взгляд, не вполне оправданно. Он полагает, что причиной массового распространения инфекции было то, что «люди плохо соблюдали правила личной гигиены и санитарно-гигиенические предписания». В то же время Б. Н. Миронов уточняет: «Демографические показатели 1891–1892 гг., естественно, оказались плохими. Как известно, неурожай сказывался на демографических процессах того же и особенно следующего года. Смертность в 1892 г. была на 4‰ больше, чем в 1891 г., и достигала 41‰, рождаемость – на 4,6‰ ниже, чем в 1891 г., но все-таки очень высокой – 50,6‰». Оценивая влияние неурожая и голода на социально-экономическое развитие страны, автор заключает, что «неурожай 1891 г. явился самым серьезным испытанием за весь XIX в., но все же пресса игнорировала позитивную динамику урожайности и смертности в пореформенное время, недооценивала деятельность коронной администрации и явно педалировала тезис о его феноменально тяжелых последствиях как результате антикрестьянской аграрной политики» [29].

В монографиях М. А. Давыдова поставлена под сомнение достоверность данных статистики сельскохозяйственного производства, бюджетных обследований крестьянского хозяйства. Историк считает, что «большинство широко распространенных цифровых выкладок душевого потребления хлеба в России, фигурировавших в нашей историографии, не верны». М. А. Давыдов

делает вывод о «политической предвзятости» дореволюционных статистических исследований, а также историко-аграрных работ советского периода.

Он также критически оценивает проблему «голодного экспорта», указывая, что «голод возник не только от бездумного форсирования экспорта хлеба», а вследствие проблем в организации системы продовольственного снабжения населения и «иждивенческих» настроений крестьянства. По словам историка, некомпетентность властей всех уровней была очевидна, однако если бы хлепозапасные магазины были «в порядке», если бы имелось то количество хлеба, которое должно было быть в них по закону, то «ужасов голода 1891 г. удалось бы избежать». В заключение своих рассуждений автор подчеркивает, что понятия «голод» и «голодный экспорт» в конце XIX – начале XX в. применялись прежде всего в целях антиправительственной пропаганды и впоследствии активно использовались в советской историографии [30].

Со сходных позиций события голода 1891–1892 гг. рассматривает В. Н. Круглов. Он стремится опровергнуть тезис о бездействии царского правительства в условиях продовольственных кризисов и отмечает достаточно высокую эффективность системы продовольственного обеспечения населения. Исследователь анализирует климатические и социально-экономические причины, породившие голод, деятельность правительства и земства, а также оценку этих событий российской общественностью. «Активные и своевременные усилия государства и общества, – резюмирует автор, – позволяли предохранять население от голодной смерти. Единственный всплеск смертности, имевший место в 1891–1892 гг., произошел в значительной степени под влиянием эпидемий и остается самым высоким в рассматриваемый период. Смертности от голода в прочие годы (1897–1898 гг., 1901–1902 гг., 1905–1907 гг., 1911–1912 гг.) не зафиксировано ни российскими дореволюционными, ни советскими, ни российскими постсоветскими историками и демографами» [31].

В отличие от Б. Н. Миронова, М. А. Давыдова и других историков, С. А. Нефедов дает негативную оценку динамики социально-экономического развития позднеимперской России. Голод 1891–1892 гг. он рассматривает как проявление структурного кризиса, охватившего страну. По его мнению, проведение политики индустриализации и усиление армии осуществлялись за счет аграрного сектора экономики страны. В этих условиях правительство поощряло усиленный экспорт зерна, который был необходим для поддержания высокого курса рубля и создания золотого стандарта. При этом оно сознательно шло на временное снижение потребления хлеба внутри страны. «Урожай в России сильно колебались, и вывоз хлеба большого урожая мог продолжаться не один год, – пишет С. А. Нефедов, – после вывоза в текущем году в стране могли оставаться значительные запасы, тогда на следующий год независимо от урожая вывоз увеличивался и остаток хлеба в стране уменьшался... В 1889 году был неурожай, цены поднялись, но благодаря снижению транспортных расходов вывоз оставался выгодным, и это привело к тому, что остаток на потребление упал до небывало низкого уровня». Поскольку запасы были истощены экспортом предыдущих лет, после неурожая 1890–1891 гг. разразился голод. Оценивая демографические потери от голода 1891–1892 гг., автор приводит данные Р. Роббинса, определившего сверхсмертность в России в этот период в 400 тыс. человек. Однако, по его мнению, рост смертности в результате нехватки продовольствия был значительно выше, он начался еще в 1889 г., и составил за 1889–1892 гг. 1,75 млн человек [32].

Вместе с тем ситуация непримиримого на первый взгляд «столкновения мнений» в оценках концепций аграрного кризиса в пореформенной российской деревне носит отчасти искусственный характер. Можно сказать, ее не существует совсем, если признать необходимость учета региональных особенностей имперской экономики. Важно учитывать, что макроэкономические показатели не всегда объективно отражают положение крестьянского населения даже в масштабах отдельного региона [33]. Крестьянство не представляло гомогенную структуру, в аграрном секторе экономики страны параллельно существовали как традиционная агрикультура с ее экстенсивными технологиями, так и сравнительно развитые формы хозяйствования. Следовательно, и структура потребления не могла быть единой. Относительный достаток и рост благосостояния могли соседствовать с нищетой. По мнению О. А. Суховой, голодовки усиливали разрыв в благосостоянии отдельных категорий крестьянства: вымывался в первую очередь средний слой, задавленные нуждой крестьяне разорялись и покидали деревню в поисках сторонних заработков или превращались в сельских пауперов, состоятельные же хозяева, напротив, преуспевали, живаясь на бедственном положении своих соседей. Падающая год от года доходность традиционного хозяйства ставила крестьянина перед выбором: либо интенсификация земледелия и увеличение доли не связанной с земледелием производственной сферы, либо расширение землепользования. В конкретно-исторических условиях, с учетом особенностей крестьянской психологии, можно легко прогнозировать выбор большинством крестьян второго пути развития, однако легитимные способы разрешения данного противоречия (аренда или покупка земли) были чрезвычайно затруднены [34].

Проблема голода 1891–1892 гг. является популярной и в современной региональной историографии. Содержание работ, основанных на местном материале, в целом повторяет оценки событий 1891–1892 гг., представленные в исследованиях общероссийского уровня. С другой стороны, отражая локальную специфику проявлений и масштабов голода, они существенно расширяют панораму происходивших событий и позволяют уточнить существующие трактовки причин, протекания и последствий продовольственного кризиса. Основное внимание в данных работах направлено на такие аспекты, как благотворительность [35], функционирование системы продовольственного обеспечения [36], деятельность государственных и земских органов управления по преодолению последствий голода в отдельных регионах, губерниях и уездах Российской империи [37], влияние голода на региональные рынки сельскохозяйственной продукции [38]. Возросший в последнее время интерес к проблеме голодовок в истории России способствовал появлению специализированных историко-аграрных конференций [39].

Произведенный обзор исторических исследований показывает, что как советские, так и определенная часть современных исследователей рассматривают неурожай и голод 1891–1892 гг. в контексте аграрного кризиса конца XIX – начала XX в. Ими показано, что проникновение в аграрный сектор рыночных отношений и его дальнейшее реформирование способствовали перераспределению ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, превращая крестьянство в «жертву индустриализации», делая его уязвимым перед лицом природных катаклизмов, усугублявшихся сохранением традиционной экстенсивной системы земледелия. Сторонники противоположной точки зрения, отрицающей наличие социально-экономического кризиса в поздней имперской России, хотя и не ставят под сомнение сам факт голода 1891–1892 гг., считают его масштабы и последствия сильно преувеличенными в идеологическо-пропагандистских целях. Исследовательское внимание авторов, не включенных в данную дискуссию, концентрировалось на общественно-политическом измерении голода и анализе порожденного им в странах Европы и США филантропического движения, направленного на помощь голодающему населению России.

Примечания

1. *Ермолов А. С.* Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. I. Продовольственное дело в прошлом и настоящем. СПб., 1909. С. 96–139; *Плеханов В. Г.* О задачах социалистов в борьбе с голодом в России. М., 1906; Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / под ред. А. И. Чупрова, А. С. Постникова. Т. 1. СПб., 1897; *Эрисман Ф.* Питание голодающих // Русская мысль. М., 1892. Кн. 4. Отд. 2. С. 128–155; *Толстой Л. Н.* В голодные года (записки и статьи). М., 1900; *Измайлов А.* Железные дороги в неурожай 1891 года. СПб., 1895; и др.
2. *Череванин Ф. А.* Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет – 1883–1923 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М., 1927. С. 160.
3. *Обухов В. М.* Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М., 1927. С. 14–15.
4. *Зайцев В.* Влияние колебания урожаев на естественное движение населения // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927. С. 7, 32, 54.
5. *Егизарова Н. А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 58–60, 83–93.
6. *Арзуманян А. А.* Аграрный кризис 80–90-х годов XIX в. в России // Экономические проблемы общественного развития. М., 1968. С. 19–186.
7. *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1: От реформы к революции. М., 1966. С. 44–62.
8. *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. Л., 1975. С. 74–77, 121–124; См. также: *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегии выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 103–110, 173–192.
9. *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 119–120.
10. Там же. С. 116.
11. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913): статистические очерки. М., 1956. С. 155–156, 158–160.
12. *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 83–84, 90–91.
13. *Соколов Н. П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 3, 19.
14. *Он же.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 192.
15. *Егорышева И. В.* Борьба с голодом в России и СССР и участие в ней Красного Креста // Советское здравоохранение. 1973. № 12. С. 65–69; *Она же.* Новые данные из истории Красного Креста в дореволюционной России // Советское здравоохранение. 1981. № 2. С. 57–60; *Она же.* История борьбы медицинских обществ с голодом русской деревни (1873–1913): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; и др.

16. Александров В. Юнас Стадлинг. С Толстым на голоде в России // Литературное обозрение. 1978. № 9. С. 83–93; Уражцев В. История одной расписки (Лев Толстой и русский голод 1891–1892 гг.) // Вопросы литературы. 1986. № 8. С. 272–274; Щелокова Е. Н. Письма американцев Толстому в голодный год (по материалам рукописного отдела ГМТ) // Яснополянский сборник 1992: статьи, материалы, публикации. Тула, 1992. С. 225–232; Журавлева В. И. «Это вопрос не политики, это вопрос гуманности»: документы о помощи американского народа во время голода в России 1891–1892 гг. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 194–209.
17. Виттакер Т. Доллары Льву Толстому // Огонек. 1992. № 6. С. 6–7; Сорока М. Квакеры и русский голод // Родина. 2011. № 12. С. 95–98.
18. Носков В. В., Китанина Т. М. Америка и русский голод 1891–92 гг. // Russian Food Market. New York; Moscow; St. Petersburg. 1995. № 1. С. 54–57.
19. Нечипорук Д. М. Освещение голода в России 1891–1892 гг. на страницах газеты «Free Russia» // Клио. 2005. № 3(30). С. 70–73; Он же. «Что американцы могут сделать для России?»: агитация Американского общества друзей русской свободы и журнал «Free Russia» (1891–1894 гг.) // Исторический ежегодник. 2008: сб. науч. тр. / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2008. С. 137–150.
20. Сорока М. Квакеры и русский голод // Родина. 2011. № 12. С. 95–98.
21. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы 1881–1914. М., 2012. С. 209–258.
22. Л. Н. Толстой и США: переписка / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; [сост., подгот. текстов, коммент.: Н. Великанова, Р. Виттакер]. М., 2004.
23. Книга М. Д. История голода 1891–1892 гг. в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. С. 4–5.
24. Она же. История голода 1891–1892 гг. в России: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997.
25. Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; Егорышева И. В. История борьбы медицинских обществ с голодом русской деревни (1873–1913): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
26. Маузуато К. Сельская хлебозапасная система России. 1864–1917 годы // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185–197.
27. Корнилов Г. Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Российская история. 2011. № 3. С. 91–101; и др.
28. Миронов Б. Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Изд. 3-е испр. и доп. Т. 1–2. СПб., 2003; и др.
29. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М., 2012. С. 471–474.
30. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв.: (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003; Он же. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 230–361; и др.
31. Круглов В. Н. Царь голод. Факты против мифов // Сборник Русского исторического общества. Т. 11 (159): Правда истории. М., 2011. С. 87–106.
32. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2011. С. 404–407; и др.
33. См., например: Роднов М. И. Третья Россия (о крестьянстве и не только) // Российская история. 2009. № 2. С. 163–168.
34. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 147–150; и др.
35. Горнов В. А. Организация системы социальной помощи в период неурожая и голода 1891–92 гг. (по материалам Рязанской губернии) // Сборник научных статей. М., 2005. С. 62–77; Николаева О. Ю. Деятельность благотворительных организаций по борьбе с голодом 1891–1892 гг. на территории Оренбургской губернии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 123–132; Рогожина А. С. Организация общественных столовых в Моршанском уезде Тамбовской губернии во время голода 1891–1892 гг. (на материалах личного фонда В. И. Вернадского) // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 6 (20). С. 384–387; Судацков Н. Д. Помощь Ставрополя губерниям, пострадавшим от неурожая 1891 года // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: материалы науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Ставрополь, 1995. С. 105–119; и др.
36. Бирюков А. В. Сельская община Самарской губернии и хлебозапасная система в пореформенный период // Историко-археологические изыскания: сб. трудов молодых ученых. Вып. 3. Самара, 1999. С. 109–117; Жигулевцева Н. Н. Хлебозапасная система в немецких колониях Камышинского уезда Саратовской губернии в конце XIX и начале XX вв. // Стрельня: Научный ежегодник. Вып. 5. Волгоград, 2006. С. 186–189; Пьянков С. А. Сельская хлебозапасная система Пермской губернии накануне голода 1891 года // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2013. Ч. 2. С. 199–205.

37. Борисов А. В. Деятельность городских дум Пензенской губернии по обеспечению населения продовольствием // Известия Пензенского государственного университета. 2008. № 6(10). С. 44–46; Меркушев В. А. Вятское земство в борьбе с последствиями неурожая 1891 г. // Актуальные проблемы истории. Киров, 1998. С. 3–11; и др.

38. Носова Е. А. Голод 1891–1892 гг. в России и зерновой рынок Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4. С. 48–53; и др.

39. Голодовки в истории России XVIII–XX веков: сб. статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург, 2013.

Notes

1. Ermolov A. S. *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyj vopros* [Our crop failures and food question]. Pt. I. *Prodovol'stvennoe delo v proshlom i nastoyashchem* [Food business in the past and present]. SPb. 1909. Pp. 96–139; Plekhanov V.G. *O zadachah socialistov v bor'be s golodom v Rossii* [About the tasks of socialists in the fight against hunger in Russia]. Moscow. 1906; *Vliyanie urozhayev i hlebnyh cen na nekotorye storony russkogo narodnogo hozyajstva* - Influence of harvests and grain prices on some of the Russian national economy / ed. by A. I. Chuprov, A. S. Postnikov. Vol. 1. SPb. 1897; Erisman F. *Pitanie golodayushchih* [Feeding the starving] // *Russkaya mysl'* - Russian thought. Moscow. 1892. Book 4. Sect. 2. Pp. 128–155; Tolstoy L.N. *V golodnye goda (zapiski i stat'i)* [In the famine year (notes and articles)]. Moscow. 1900; A. Izmailov *ZHeleznye dorogi v neurozhaj 1891 goda* [Railways in the crop failure of 1891]. SPb. 1895; and others.

2. Cherevanin F.A. *Vliyanie kolebanij urozhayev na sel'skoe hozyajstvo v techenie 40 let – 1883–1923 gg.* [Effects of fluctuations in the yields on agriculture for 40 years, 1883–1923] // *Vliyanie neurozhaev na narodnoe hozyajstvo Rossii* - Influence of crop failures on the national economy of Russia. Pt. 1. Moscow. 1927. P. 160.

3. Obukhov V.M. *Dvizhenie urozhayev zernovyh kul'tur v Evropejskoj Rossii v period 1883–1915 gg.* [Movement of the yields of grain crops in European Russia during the period 1883–1915] // *Vliyanie neurozhaev na narodnoe hozyajstvo Rossii* - Influence of crop failures on the national economy of Russia. Pt. 1. Moscow. 1927. Pp. 14–15.

4. Zaitsev V. *Vliyanie kolebaniya urozhayev na estestvennoe dvizhenie naseleniya* [Influence of fluctuations in yields on the natural movement of the population] // *Vliyanie neurozhaev na narodnoe hozyajstvo Rossii* - Influence of crop failures on the national economy of Russia. Pt. 2. Moscow. 1927. Pp. 7, 32, 54.

5. Egizarova N. A. *Agrarnyj krizis konca XIX veka v Rossii* [Agricultural crisis of the late XIX century in Russia]. Moscow. 1959. Pp. 58–60, 83–93.

6. Arzumanyan, A. A. *Agrarnyj krizis 80–90 h godov XIX v. v Rossii* [Agrarian crisis of 80–90-ies of the XIX century in Russia] // *EHkonomicheskie problemy obshchestvennogo razvitiya* - Economic problems of social development. Moscow. 1968. Pp. 19–186.

7. Pershin P.N. *Agrarnaya revolyuciya v Rossii* [Agrarian revolution in Russia]. Book 1: From reform to revolution. Moscow. 1966. Pp. 44–62.

8. Kitanina T.M. *Hlebnaya trgovlya Rossii v 1875–1914 gg. Ocherki pravitel'stvennoj politiki* [Grain trade in 1875–1914. Essays on government policy]. Leningrad. 1975. Pp. 74–77, 121–124; See also: Kitanina T.M. *Hlebnaya trgovlya Rossii v konce XIX – nachale XX veka. Strategii vyzhivaniya, modernizacionnye processy, pravitel'stvennaya politika* [Grain trading in Russia in the late XIX - early XX century. Survival strategies, modernization processes, government policy]. SPb. 2011. Pp. 103–110, 173–192.

9. Anfimov A. M. *EHkonomicheskoe polozhenie i klassovaya bor'ba krest'yan Evropejskoj Rossii. 1881–1904 gg* [Economic situation and the class struggle of the peasants in European Russia. 1881–1904]. Moscow. 1984. Pp. 119–120.

10. Ibid. P. 116.

11. Rashin A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913): statisticheskie ocherki* [The population of Russia for 100 years (1811–1913): statistical essays]. Moscow. 1956. Pp. 155–156, 158–160.

12. Uralnis B.C. *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR* [Fertility and life expectancy in the USSR]. Moscow. 1963. Pp. 83–84, 90–91.

13. Sokolov N. P. *Golod 1891–1892 godov i obshchestvenno politicheskaya bor'ba v Rossii: avtoref. ... kand. ist. nauk* [The famine of 1891–1892 and public political struggle in Russia: autoref. ... Cand. Hist. Sciences]. Moscow. 1987. Pp. 3, 19.

14. Also him. *Golod 1891–1892 godov i obshchestvenno politicheskaya bor'ba v Rossii: dis. ... kand. ist. nauk* [The famine of 1891–1892 and public political struggle in Russia: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Moscow. 1987. P. 192.

15. Egorysheva I.V. *Bor'ba s golodom v Rossii i SSSR i uchastie v nej Krasnogo Kresta* [Fight against hunger in Russia and the USSR and the involvement of the Red Cross] // *Sovetskoe zdavoohranenie* - Soviet health care. 1973, No. 12, pp. 65–69; Also she. *Novye dannye iz istorii Krasnogo Kresta v dorevolucionnoj Rossii* [New data from the history of the red cross in pre-revolutionary Russia] // *Sovetskoe zdavoohranenie* - Soviet health care. 1981, No. 2, pp. 57–60; Also she. *Istoriya bor'by medicinskih obshchestv s golodom russkoj derevni (1873–1913): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The history of the struggle of medical societies with hunger of the Russian village (1873–1913): autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Moscow. 1985; and others

16. Alexandrov V. *YUnas Stadling. S Tolstym na golode v Rossii* [Jonas Stadling. With Tolstoy in famine in Russia] // *Literaturnoe obozrenie* - Literary review. 1978, No. 9, pp. 83-93; Urazhtsev V. *Istoriya odnoj raspiski (Lev Tolstoj i russkij golod 1891-1892 gg.)* [The story of one of the receipts (Lev Tolstoy and Russian famine of 1891-1892)] // *Voprosy literatury* - Literature issues. 1986, No. 8, pp. 272-274; Schelokova E. N. *Pis'ma amerikancev Tolstomu v golodnyj god (po materialam rukopisnogo otdela GMT)* [Letters of Americans to Tolstoy in the hungry year (according to the materials of the manuscript Department of GMT)] // *YAsnopolyanskij sbornik 1992*- Yasnaya Polyana collection 1992: articles, materials, publications. Tula. 1992. Pp. 225-232; Zhuravleva V. I. «*Ehto vopros ne politiki, ehto vopros gumannosti: dokumenty o pomoshchi amerikanskogo naroda vo vremya goloda v Rossii 1891-1892 gg.* ["This is not about politics, it is a question of humanity": the documents on the support of the American people during the famine in Russia 1891-1892] // *Istoricheskij arhiv* - Historical archive. 1993, No. 1, pp. 194-209.
17. Wittaker T. [Dollars to Lev Tolstoy] // *Spark*. 1992, No. 6, pp. 6-7; Soroka M. [Quakers and Russian famine] // *Birthplace*. 2011, No. 12, pp. 95-98.
18. Noskov V.V., Kitanina T. M. *Amerika i russkij golod 1891-92 gg.* [America and the Russian famine of 1891-92] // *Russian Food Market*. New York; Moscow; St. Peterburg. 1995, No. 1, pp. 54-57.
19. Nechiporuk D. M. *Osveshchenie goloda v Rossii 1891-1892 gg. na stranichah gazety «Free Russia»* [Coverage of the famine in Russia 1891-1892 in the newspaper "Free Russia"] // *Klio* - Clio. 2005, No. 3(30), pp. 70-73; Also him. «*CHto amerikancy mogut sdelat' dlya Rossii?: agitaciya Amerikanskogo obshchestva druzej russkoj svobody i zhurnal «Free Russia» (1891-1894 gg.)* ["What Americans can do for Russia?": agitation of the American society of friends of Russian freedom and the magazine "Free Russia" (1891-1894)] // *Istoricheskij ezhegodnik* - Historical Yearbook. 2008: coll. of scientific articles / Institute of history of SS RAS. Novosibirsk. 2008. Pp. 137-150.
20. Soroka M. *Kvakery i russkij golod* [Quakers and Russian famine] // *Rodina* - Birthplace. 2011, No. 12, pp. 95-98.
21. Zhuravleva V.I. *Ponimanie Rossii v SSHA: obrazy i mify 1881-1914* [Understanding of Russia in the United States: images and myths 1881-1914]. Moscow. 2012. Pp. 209-258.
22. L. N. Tolstoj i SSHA: *perepiska* - L. N. Tolstoy and the United States: correspondence / RuS. Acad. Sciences, In-t of world lit. of A. M. Gorky; [comp., prepar. of text comments: N. Velikanova, R. Whittaker]. Moscow. 2004.
23. Kniga M. D. *Istoriya goloda 1891-1892 gg. v Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [History of the famine of 1891-1892 in Russia: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Voronezh. 1997. Pp. 4-5.
24. Also she. *Istoriya goloda 1891-1892 gg. v Rossii: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of the famine of 1891-1892 in Russia: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Voronezh. 1997.
25. Sokolov N. P. *Golod 1891-1892 godov i obshchestvenno politicheskaya bor'ba v Rossii: dis. ... kand. ist. nau* [The famine of 1891-1892 and public political struggle in Russia: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Moscow. 1987; Egorysheva I.V. *Istoriya bor'by medicinskih obshchestv s golodom russkoj derevni (1873-1913): dis. ... kand. ist. nauk* [History of the struggle of medical societies with hunger of the Russian village (1873-1913): dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Moscow. 1985.
26. Matsuzato K. *Sel'skaya hlebozapasnaya sistema Rossii. 1864-1917 gody* [Rural bread-storing system of Russia. 1864-1917 years] // *Otechestvennaya istoriya* - Russian history. 1995, No. 3, pp. 185-197.
27. Kornilov G.E. *Formirovanie sistemy prodovol'stvennoj bezopasnosti naseleniya Rossii v pervoj polovine XX veka* [Formation of the system of food security of the population of Russia in the first half of the XX century] // *Rossijskaya istoriya* - Russian history. 2011, No. 3, pp. 91-101; and others.
28. Mironov B. N. *Social'naya istoriya perioda imperii (XVIII - nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [A social history of the period of the Empire (XVIII - beginning of XX century). The Genesis of the individual, democratic family, civil society and legal state]: in 2 vols. Ed. 3. Corr. and add. Vols. 1-2. SPb. 2003; and others.
29. Mironov B. N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII - nachalo XX veka* [Welfare and revolutions in Imperial Russia: the XVIII - beginning of XX century]. 2nd ed., corr., add. Moscow. 2012. Pp. 471-474.
30. Davydov M. A. *Ocherki agrarnoj istorii Rossii v konce XIX - nachale HKH vv.: (po materialam transportnoj statistiki i statistiki zemleustrojstva)* [Essays in agrarian history of Russia in the late XIX - early XX centuries: (materials of transportation statistics and the statistics of land management)]. Moscow. 2003; Also him. *Vserossijskij rynek v konce XIX - nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika* [The Russian market in the late XIX - early XX centuries and railway statistics]. SPb. 2010. Pp. 230-361; and others.
31. Kruglov V. N. [King hunger. Facts against myths] // *Collection of Russian historical society*. Vol. 11 (159): Truth of history. Moscow. 2011. Pp. 87-106.
32. Nefedov S. A. *Istoriya Rossii. Faktornyj analiz. T. II. Ot okonchaniya Smuty do Fevral'skoj revolyucii* [History Of Russia. The factor analysis. Vol. II. From the end of the Troubles before the February revolution]. Moscow. 2011. Pp. 404-407; and others.
33. See, for example: Rodnov M. I. *Tret'ya Rossiya (o krest'yanstve i ne tol'ko)* [Third Russia (on the peasantry and not only)] // *Rossijskaya istoriya* - Russian history. 2009, No. 2, pp. 163-168.

34. Sukhova O. A. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya. Ocherki istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konec XIX – nachalo XX v.)* [Ten myths of peasant consciousness. Essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (the end of XIX - beginning of XX century) in the Middle Volga region]. Moscow. 2008. Pp. 147-150; and others.

35. Gornov V.A. *Organizaciya sistemy social'noj pomoshchi v period neurozhaya i goloda 1891–92 gg. (po materialam Ryazanskoj gubernii)* [The organization of the system of social assistance in times of crop failure and famine of 1891-92 (according to the materials of the Ryazan province)] // *Sbornik nauchnyh statej - Collection of scientific articles*. Moscow. 2005. Pp. 62-77; Nikolaeva O. Y. *Deyatel'nost' blagotvoritel'nyh organizacij po bor'be s golodom 1891–1892 gg. na territorii Orenburgskoj gubernii* [The activities of charitable organizations in the fight against hunger 1891-1892 on the territory of the Orenburg region] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina - Herald of Leningrad State University of A. S. Pushkin*. 2014, So 4, No. 2, pp. 123-132; Rogozhina A. C. *Organizaciya obshchestvennyh stolovyh v Morshanskom uezde Tambovskoj gubernii vo vremya goloda 1891–1892 gg. (na materialah lichnogo fonda V. I. Vernadskogo)* [Public canteens in Morshansk district, Tambov province during the famine of 1891-1892 (on the materials of the personal Fund of C. I. Vernadsky)] // *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta - Herald of the Orel State University*. Ser.: New humanitarian research. 2011, No. 6 (20), pp. 384-387; Sudavtsov N. D. *Pomoshch' Stavropol'ya guberniyam, postradavshim ot neurozhaya 1891 goda* [Help of Stavropol' to provinces affected by the crop failure of 1891] // *Stavropol'skaya zemlya v proshlom i nastoyashchem: materialy nauch. konf. – Stavropol' earth in the past and present: proceedings of the scientific conf.*: in 2 pts. Pt. 1. Stavropol. 1995. Pp. 105-119; and others.

36. Biryukov A. V. *Sel'skaya obshchina Samarskoj gubernii i hlebozapasnaya sistema v poreformennyj period* [The rural community of the Samara province and bread-storing system in the post-reform period] // *Istoriko arheologicheskie izyskaniya - Historical archaeological survey: collection of papers of young scientists*. Is. 3. Samara. 1999. Pp. 109-117; Zhigulevtseva N. N. *Hlebozapasnaya sistema v nemeckih koloniyah Kamyshinskogo uezda Saratovskoj gubernii v konce XIX i nachale XX vv* [Bread-storing system in the German colonies of Kamyshin province, Saratov province in the late nineteenth and early twentieth centuries] // *Strezhen': Nauchnyj ezhegodnik - Rod: Scientific Yearbook*. Is. 5. Volgograd. 2006. Pp. 186-189; P'yankov S. A. *Sel'skaya hlebozapasnaya sistema Permskoj gubernii nakanune goloda 1891 goda* [Rural bread-storing system of Perm province on the eve of the famine of 1891] // *Sel'skaya hlebozapasnaya sistema Permskoj gubernii nakanune goloda 1891 goda - Update of historical knowledge and historical education in modern society*. The Yearbook. XVII all-Russian historical teaching reading. Yekaterinburg, 2013. Pt.2. Pp. 199-205.

37. Borisov A. V. *Deyatel'nost' gorodskih dum Penzenskoj gubernii po obespecheniyu naseleniya prodovol'stvem* [The activities of urban authorities of Penza province in providing the population with food] // // *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta - Proceedings of the Penza State University*. 2008, No. 6(10), pp. 44-46; Merkushev V.A. *Vyatskoe zemstvo v bor'be s posledstviyami neurozhaya 1891 g.* [Vyatka province in combating the effects of crop failure of 1891] // *Aktual'nye problemy istorii - Actual problems of history*. Kirov. 1998. Pp. 3-11; and others.

38. Nosova E. A. *Golod 1891–1892 gg. v Rossii i zernovoj rynek Zapadnoj Sibiri* [Famine of 1891-1892 in Russia and the grain market in Western Siberia] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta - Proceedings of the Altai State University*. 2007, No. 4, pp. 48-53; and others.

39. *Golodovki v istorii Rossii XVIII–XX vekov: sb. statej VIII Mezhdunar. nauch. prakt. konf.*- Hunger strike in the history of Russia of the XVIII-XX centuries: Proc. of the VIII Intern. scient.-practical conf. / scientific. editor G.E. Kornilov, V. A. Labuzov. Orenburg. 2013.

На переломе эпох: от Москвы до Петербурга. (Портное ремесло конца XVII – начала XVIII в.)*

Как изменилось социальное и экономическое положение портных Москвы, а после и Петербурга во время петровских реформ конца XVII – первой четверти XVIII в.? Какое влияние оказывала мода на развитие портновского ремесла? Какие тенденции появились после строительства Петербурга и усиленной вестернизации России во время и после петровских реформ? Петербург как европейская столица, славящаяся своей роскошью, привлекал большое количество портных из Европы. Наличие множества иностранных портных в Петербурге наложило сильный отпечаток на портновское ремесло и привело к возникновению крупнейшего центра моды XVIII в. в России.

How to change the social and economic situation tailors in Moscow, and later in St. Petersburg, from the last quarter of the seventeenth century to the begin of 18th century? What trends emerged after the building of St. Petersburg and increased Westernization of Russia during and after the reforms of Peter the Great? Petersburg as a European capital, famous for its luxury, attracted a significant number of tailors from Europe. In addition to the needs of the royal court and the nobility, army and navy dressed foreign tailors great number of foreigners in the city. The presence of many foreign tailors in St. Petersburg has left a strong influence on the russian tailor's and resulted in building of important fashion centers to Russia in the 18th century.

Ключевые слова: Москва и Санкт-Петербург в начале XVIII в., мода, мужской костюм, петербургские портные, городское ремесло, модернизация, вестернизация.

Keywords: Moscow and St. Petersburg to beginn in the 18th century, fashion, tailors of Petersburg, city's handicraft, city's craftworker, modernisation, westernisation.

В древнерусском языке название профессии портного произошло от используемого материала «порт» [1]. Начало влияния западно- и центральноевропейской моды в Москве можно отнести к появлению в русской столице Немецкой слободы в XVI в. [2] В ходе Ливонской войны (1558–1584) пленные немцы были поселены отдельной слободой в Замоскворечье, в Болвановке, а при Борисе Годунове – на реке Яузе. Во времена Смуты и польской интервенции начала XVII в. слобода сгорела и была вновь образована в 1652 г. на том же месте. С усилением внешнеполитических связей с Западной и Центральной Европой со второй половины XVI в. наблюдаются частичные заимствования на бытовом неофициальном уровне без отказа от традиционной русской одежды [3].

С. М. Шамин в своей статье о моде в России последней четверти XVII столетия сжато сформулировал значение внешнего вида: «Внешний вид человека – одежда, прическа, украшения – точно указывают на его место в социальной структуре общества и культурную принадлежность. Тот или иной стиль одежды может быть выражением политического протеста или, наоборот, показателем приверженности традициям. Эволюция моды неотделима от идейной жизни общества» [4]. Заметим только, что такую характеристику можно распространить на более закрытые общества с высоким уровнем унификации, консервативные или традиционные общества до модерного периода. К российским реалиям она наиболее применима вплоть до начала 1990-х гг.

Для более открытых обществ характерно большее разнообразие в стиле, а для современного общества, живущего в эпоху «после конца истории», вообще характерен «универсальный стиль». На университетской вечеринке, где все студенты одеты примерно одинаково: в футболку, джинсы и кроссовки, трудно будет сделать различие между наследником британского престола, сыном фермера из Нормандии, дочерью профессора из Сорбонны или американского сенатора. То же можно сказать и о российском обществе последних лет.

* Материал подготовлен в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Ссылка на тот или иной указ не может объяснить до конца изменений в русской одежде. Анализ источников указывает на то, что в XVII в. одеваться «по-европейски» среди высших социальных слоев России не было столь уж невиданным делом [5]. Н. И. Костомаров писал об отце первого царя из рода Романовых Федоре Никитиче Романове (ок. 1554–1633), что «не было в Москве красивее и щеголеватее мужчины. Современник голландец сообщает, что если портной, сделавши кому-нибудь платье и примерив, хотел похвалить, то говорил своему заказчику: теперь ты совершенный Федор Никитич. Этого-то первого московского щеголя насильно постригли в Сийском монастыре под именем Филарета» [6].

У И. Е. Забелина находим, что уже в первой половине XVII в. при русском дворе «были люди, которым нравились немецкие обычаи и которые носили даже немецкое и французское платье. Между такими людьми [...] весьма значительное место [...] занимает родственник царя Михаила Федоровича боярин Никита Иванович Романов», любивший одеваться во французское и польское платье. Такую прихоть боярин мог себе позволить во время своего пребывания в деревне и при выездах на охоту [7].

Никто иной, как «первый современный человек России», доверительное лицо царя и главный правитель Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин заключает с Польшей Андрусовское перемирие 1667 г. [8] Если ранее иностранцы отмечали, что быт именитого боярина и средней руки москвича мало чем отличались, то при династии Романовых видны явные признаки образования новой, отличной от народной, европеизированной светской культуры. И если «западник» Ордин-Нащокин еще носит традиционный русский костюм боярина, то такие «горячие поклонники Запада», как боярин А. С. Матвеев и князь В. В. Голицын, ведут «иной образ жизни», одеваются в европейское платье [9]. Показательно, что Нащокин и Голицын умеют не только носить европейское платье, но и разговаривать на латыни и по-польски.

В последней трети XVII в. можно говорить уже не о единичных фактах появления европейской моды среди московской знати. В каких-то случаях законодательные инициативы шли в ногу со временем (1681), т. е. не противореча модным веяниям в обществе, социальной верхушке, в каких-то – опережали его (1698). Как показал С. М. Шамин, Федор Алексеевич указом 1681 г. не вводил никакой европейской одежды, а «просто запретил ношение традиционного парадного костюма, заменив его служилым платьем», бывшим более коротким, чем традиционное, а значит, и более близким к европейскому покрою, т. е. более удобным при исправлении службы [10].

Между 1673 и 1698 гг. происходят перемены в русской одежде в сторону польского платья [11], испытавшего «множество иноземных влияний – немецкое, итальянское, испанское, восточное» [12]. Все они характеризуются изменением длины платья от длинного к более короткому – европейскому [13]. Эти изменения касались, прежде всего, Москвы. В провинции их практически не знали.

Во многих нарративных источниках немалая роль в польском влиянии приписывается жене Федора Алексеевича польского происхождения, Агафье Семёновне Грушецкой, но его нельзя преувеличивать. Петр I отмечал позже, «что при его брате весь двор увлекался нарядами и лошадьми» [14]. В частности, фаворит Софьи, Василий Васильевич Голицын, в ведении которого с 1683 по 1689 г. находился Посольский приказ, слыл известным франтом и приверженцем европейской моды. Это можно сказать и о его брате, А. В. Голицыне [15]. После вступления в регентство Софьи в 1682 г. «в среде московской знати не только внешний вид, но и быт в целом начал перестраиваться по европейским образцам» [16].

В допетровское время сравнительно небольшие потребности в одежде европейского покроя вполне могли быть удовлетворены портными Немецкой слободы, а с 1690 г. – портными Мастерской палаты Кремля. Необходимость в иностранных портных значительно возросла после распоряжения Петра I от 29 августа 1698 г., запрещавшего носить дворянам и горожанам «старинное платье российское [которое было наподобие польского]», зафиксированного в его «Журнале, или Поденной записке...» [17].

Сам Петр I увлеченно занимался формированием своего европейского гардероба. О его страстях говорит, например, случай, произошедший в Голландии во время Великого посольства 1697–1698 гг. Во время пребывания в Заандаме, государю «очень понравилась зандамская одежда; поэтому он отправил одного из своей свиты вместе с портным Ремметом в Амстердам с поручением купить материй, чтобы сшить платье его величеству по зандамскому образцу. Также и другие здешние портные шили платье ему и его свите» [18].

Говоря о введении европейского платья в России, необходимо рассматривать не только распоряжение Петра 1698 г., но и ряд указов, вышедших до 1714 г. включительно. При этом интересно проанализировать, каких социальных слоев это, прежде всего, касалось и какими мерами законодатель собирался добиваться соблюдения новой формы одежды.

Согласно именному указу от 4 января 1700 г. «всех чинов людям», кроме духовенства и пахотных крестьян, предписывалось носить платье на манер венгерского. Западноевропейский покрой, противопоставлявшийся Петром I «традиционно» русскому, должен был стать маркером для элиты «новой России» [19]. Но смена моды не стала радикальной. Как уже было сказано, до Петра европейское платье не было в Москве диковинкой и находилось в обращении у некоторых представителей московской знати. Петр Алексеевич был первым, внедрявшим немецкое или европейское платье посредством распоряжений и указов, предусматривавших разные меры наказаний за их нарушение. В отличие от петровских распоряжения 1698 г. и указа 1700 г., не предусматривавших особых наказаний за их неисполнение, в последующих указах прослеживается введение и ужесточение мер наказания.

Именным указом, изданным в декабре 1701 г., «О ношении всякого чина людям немецкого платья и обуви и об употреблении в верховой езде немецких седел» вводится «жестокое наказание» заслушание. Указ распространялся не только на верхушку общества, т. е. бояр, окольничих, думных и ближних людей, стольников, стряпчих, дворян, детей боярских и гостей, но и на средние и низшие слои населения Москвы: приказных людей, драгун, солдат, стрельцов, жителей черных слобод, «всяких чинов людей Московских и городских жителей», а также «помещиковых и вотчинниковых крестьян», приезжающих и живущих в Москве для промыслов. Им приказано носить верхнее «немецкое» платье саксонское и французское, нижнее: камзолы, штаны, сапоги, башмаки и шапки немецкие – и ездить на немецких седлах. Исключение составляли лишь священнослужители и пашенные крестьяне. Те, кто все же осмеливался носить русское платье в Москве, обязан был заплатить налог «в воротах целовальникам [...] с пеших по 13 алтын по 2 деньги, с конных по два рубля с человека». Для русских портных это означало запрещение производить русское платье и продавать его в торговых рядах под угрозой жестокого наказания [20]. Оно заключалось, скорее всего, в наказании плетью.

В таком большом городе, как Москва, непросто было проследить за исполнением приказа. Тем более видна целеустремленность и настойчивость Петра во введении новой формы одежды. Возможно, выход указа стимулировался также началом строительства новой столицы на Неве в мае 1703 г., в которой строго следили за соблюдением регламента одежды. Поэтому 22.12.1704 г. издается аналогичный указ «О ношении платья всякого чина людям саксонского и немецкого, о неделании мастерам русского платья, о неторговании оным в рядах, и о штрафах за неисполнение сего указа». В указе делается уточнение по поводу сезонной одежды. Зимой велено носить «саксонские и французские» кафтаны, «какие кто похочет; а летом носить одно французское» [21].

Образцы немецкого платья можно проиллюстрировать на примере изображений парижского издания 1888 г., чтобы увидеть, насколько традиционное русское платье разнилось от немецкого.

Уточнение делалось в именном указе от 28.02.1702 г. «О ношении парадного платья в праздничные и церемониальные дни», предписывавшем «носить кафтаны верхние суконные французские; [...] а Московских чинов людям и дьякам носить французские кафтаны и камзолы [...] а иных нижних всяких чинов людям французские ж, и камзолы у кого какие есть цветные». Для этого на проезжих воротах в Кремле, в Китай- и Белом городе были прибиты письма [22].

Производство и ношение русского платья повторно запрещалось именным указом от 29.12.1714 г. «О неторговании русским платьем и сапогами и о ношении такового платья и бород». Причем теперь Петербург упоминался особо, а Москва подразумевалась подо всеми остальными городами. В этом указе упоминался и подтверждался в свою очередь указ от 17.12.1713 г., ужесточивший наказание за его нарушение. Последнее рассматривалось как преступление, влекущее за собой жестокое наказание, конфискацию движимого и недвижимого имущества и ссылку на каторгу «без всякие пощады». Причиной такого ужесточения было неисполнение некоторыми ремесленниками и «торговыми людьми» указов: «презирая их, при Санктпетербурге торговые люди таки русским платьем и сапогами торговали, за то им по розыску в нынешнем 714 г. учинено наказание, биты кнутом и сосланы на каторгу» [23]. Как видно, строгие указы и личный пример царя были недостаточными, чтобы в короткий срок поменять традиционное русское платье последней четверти XVII в., с элементами польского, на венгерское и далее на западноевропейское или «немецкое», т. е. французское и саксонское, в широких слоях городского населения.

Безусловно, влияние иностранцев при Петре I значительно возросло: их приток значительно увеличился после дарования им привилегий указом о вызове иностранцев 1702 г. и предоставлении свободы передвижения по стране. Но стоит учитывать и то, что для многих эмигрантов переселение в Россию могло означать не только успешную карьеру, но, зачастую, и крушение всех надежд, хотя последние оставались в меньшинстве [24]. Тем не менее можно сказать, что политика вестернизации России создавала благоприятные условия для существования в Петербурге большого количества иностранных портных. Дополнительно к потребностям армии, флота,

чиновников, двора и знати, иностранные портные одевали иностранцев, количество которых в первое время после основания Петербурга доходило до 20% от населения города [25]. Первые петербургские портные иностранцы селились на Васильевском острове во Французской слободе в начале 2-й линии и на Адмиралтейской стороне в Немецкой слободе, расположенной по Большой Немецкой улице, а также на Малой и Большой Морской, а со второй половины 1730-х гг. – по Малой и Большой Конюшенным улицам [26].

Сегодня слободы не сохранились, но районы города, в которых была наибольшая плотность заселения иностранцев, можно найти по расположению лютеранских и католических церквей на Васильевском острове (св. Екатерины), на Невском проспекте (св. Петра и Павла), Кирочной ул. (св. Анны) [27]. В петровском Петербурге до 1710 г. трудно заметить еще какую-либо регулярную застройку. За исключением перспектив – будущих главных магистралей Адмиралтейской части: Невского и Вознесенского проспектов и Гороховой улицы, определявших каркас будущей городской инфраструктуры, – преобладало расселение в слободах, вызванное желанием первых петербуржцев селиться на сухих местах [28].

Среди русских мастеровых, выписываемых регулярно с 1710 г. в Петербург, в просторечии называемых «переведенцы», портных почти не было, в основном присутствовали строительные профессии [29]. Согласно именному списку 1723 г. среди почти 1000 русских «мастеровых людей вечного житья» первого призыва насчитывалось всего два или три портных [30]. Русских ремесленников было по сравнению с иностранными несоизмеримо больше, но, что касается портных и других «специальных» ремесел, не существовавших или незнакомых в новой форме до описываемого времени, здесь соотношение совершенно иное [31].

В своих поездках по Европе царь не забывает о своей жене и пишет ей из Брюсселя 4 апреля 1717 г. о том, что посылает ей кружева «на фантанжу и на агажанты»: «...понеже здесь славныя кружева из всей Эуропы» [32]. «Фантанжа» означала головной убор, а «ангажанты» – манжеты на груди и рукавах. Екатерина не заставила себя долго ждать и поблагодарила царя в своем ответном письме от 19 апреля «за присланные кружева брабантские» [33]. Что товар, а значит, и работа портных, необходимая для изготовления этого товара, ценились недешево, можно увидеть, ознакомившись с расходами Кабинета его императорского величества в первые годы его существования в 1705–1713 гг. на более чем 346.000 рублей [34].

14.02.1705 г. выдано на мундир арапу Абраму 15 руб. 15 алтын [35]. 02.06.1707 г. на 22 человека – поварам, скатертникам, хлебникам – выдано 440 руб. или по 20 руб. на человека для покупки кафтанов, камзолов, штанов, епанчей. 04.01.1710 г. на «шитье платья на господина генерала» 10 руб. 13.08.1713 на «картуз господину контр-адмиралу 6½ зол.» [36]. Екатерине Алексеевне, с 1712 г. супруге Петра I, куплено 07.01.1709 г. на 54 рубля «в Сумах материи – по красной земле золото с серебром – 12 аршин» [37]. 31.01.1712 – «у города Архангельского [...] материй, золотных штофов разных и проч. вещей» куплено на 1500 руб. Расходы «на платье и прочее людям Екатерины Алексеевны» составили соответственно в 1710 г. 260 руб., в 1711 г. – 355 руб., в 1712 и 1713 г. – по 375 руб. [38]

Для сравнения, годовое жалование кухмистра Петра I Яна Фельтена составляло 200 р., токарного мастера Логина Шлепора «в 1713 ему же по контракту его на 711-й и 712-й год по 400 р. на год, итого 800 р., а впредь ему будет дача от Сената [...] 800 руб.» «Садовнику француженину Денису Брокету по его контракту 300 руб. Да другому садовнику голландцу Леоналу Гарнифельду по договору [...] 168 руб.» [39]

Регламентации и технической стандартизации портновского ремесла служило создание цехов, бывших еще и институтом, помогавшим иностранцам адаптироваться в чуждой им среде. Согласно косвенным данным, уже в 1712 г. в Петербурге имелись цехи портных и цирюльников, в которые вступали московские иностранные мастера [40]. Стимулом для их переселения из Москвы стал, видимо, переезд в 1712 г. царского двора и русского правительства в новую столицу. Иностранцы портные последовали за своими высокопоставленными клиентами, обязанными Петром жить в новой столице. Петербургские портные специализировались на пошиве военной и гражданской униформы, а также делились на мужских и дамских, позднее – модных портных [41].

В первые десятилетия существования Петербурга количество иностранных портных было преобладающим среди общего числа портных ввиду того, что русским мастерам новый европейский покрой не был хорошо знаком, да и достаточного времени выучиться у них пока не было. Как указывает Т. Т. Коршунова, «сведения о мастерах – создателях костюмов XVIII столетия, скудны и отрывочны. Документы изредка называют лишь их имена, иногда перечисляют сделанные ими платья» [42].

Введение цехов указами 1721 и 1722 гг. не случайно совпало с принятием Петром I: победителем в Северной войне, титула императора. Цехи были важным элементом имперского строи-

тельства, должными по замыслу царя-реформатора структурировать столичное и городское хозяйство, обеспечить не только повышение поступления налогов в казну, но и достаточное технологическое развитие ремесленного и мануфактурного производства для удовлетворения потребностей государства.

В регламенте главного магистрата от 16.01.1721 г. предписывалось «определить», сколько ремесленников находится в Санкт-Петербурге: «...даже до последнего сапожника и партнова» [43], а в указе об основании цехов от 27.04.1722 г. упоминается и портновское ремесло, причем приказано «чинить немедленно ж» [44]. При этом русский и немецкий цехи существовали раздельно. По данным К. А. Пажитнова, в 1724 г. в петербургских русском и немецком цехах насчитывалось 245 портных мастеров мужского и женского пола без подмастерьев и учеников [45]. Известно, что кроме них в дворянских городских усадьбах трудилось множество крепостных портных и портних, вышивальщиц и кружевниц. Многие из них отдавались в детстве на обучение иностранным мастерам, по прохождении которого поступали в полное распоряжение помещика.

В заключение можно сказать, что социальное и экономическое положение как русских, так и иностранных портных, особенно в Петербурге, во время петровских реформ конца XVII и первых двух десятилетий XVIII в. существенно изменилось. Вместо изолированного проживания в Немецкой слободе, иностранные портные теперь не ограничены в расселении на территории всего города, прежде всего в его центральных районах, где проживала большая часть потенциальных заказчиков. Мужской костюм, сложившийся при дворе Людовика XIV, с некоторыми региональными особенностями в деталях, и введенный реформами Петра I, состоял из кафтана, камзола и коротких штанов [46].

Если в допетровской России влияние западноевропейской моды носило локальный характер и распространялось, прежде всего, на верхушку общества, то после 1698 г. Петр I планомерно пытается распространить новую форму одежды на все городское население, не говоря уже о служилом, одетом в европейский мундир.

Рассматривая развитие портновского ремесла с позиции длинных трендов, можно предположить существенное культурное влияние со стороны Речи Посполитой, с которой Россия соперничала за геополитическое преобладание в Восточной Европе с конца XVI в. до заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. [47] Интеракции не ограничивались продолжительными войнами, но зачастую принимали различные формы культурного обмена. Не случайно, именно при новой династии Романовых царских детей одевают в европейское платье, скорее для потехи, из-за любви детей к переодеванию. Но, как это часто бывает, в игре сформировался определенный культурный код, давший со временем о себе знать. Петр I пошел еще дальше и воспользовался сменой одежды как одной из форм повседневной европеизации [48].

Характерной особенностью правления новой династии Романовых являлась, наряду с приверженностью к традициям, преимущественно западная направленность внешней политики, в результате которой происходит более близкое знакомство с европейской культурой. В быту царской семьи и московской знати все чаще практикуется ношение европейского или приближенного к нему платья. Этот разновекторный процесс длился на протяжении всего XVII в. Известно, что во времена патриарха Никона иностранцы охотно одевались в русское платье, что вызвало в свое время неудовольствие патриарха и запрещение иностранцам носить русское платье для их внешнего отличия от русских.

Со строительством Петербурга и переездом туда царского двора и правительства в 1712 г. положение кардинально меняется. Европейская мода начинает всецело доминировать во вкусах и предпочтениях русского дворянства, академической и промышленной элиты. Этому обстоятельству способствовало уже само пространство северной столицы, построенной по новым принципам европейского градостроительства. Петербург как российская *европейская* столица, славящаяся своей роскошью, стал привлекать большое количество портных из Европы, что наложило сильный отпечаток на портновское ремесло и привело к возникновению крупнейшего центра моды в России XVIII в.

Примечания

1. Портной, швец, портной мастер – относящийся к портному ремеслу. Портной от слова «порт»: кусок ткани, лоскут, тряпка // *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 17. М.: Наука, 1991. С. 129, 131–132.

2. *Келлер А. В.* Немцы в Москве XVI – начала XX в.: их культурная и общественная жизнь // *Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: по материалам междунар. конф., посв. 850-летию Москвы: сб. докл. М., 1997. С. 53–105; Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы XVII–XVIII вв. // Там же. С. 15–52.

3. *Коршунова Т. Т.* Костюм и мода в России XVIII в. // *Внешний облик человека.* URL: <http://vneshnii-oblik.ru/kultura/ist-kult2/moda-Ros.html>.

4. Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23.
5. Там же. С. 23–24.
6. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Олма-Пресс Образование, 2004, с. 291. См. о моде XV–XVII веков в России: Суслина Е. Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М.: Мол. гвардия, 2003. С. 96–114; Рябцев Ю. С. История русской культуры. Художественная жизнь и быт XVIII–XIX вв. М.: ВЛАДОС, 1998.
7. Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 63–64, цит. по: Коршунова Т. Т. Костюм и мода в России XVIII в. // Внешний облик человека. URL: <http://vneshnii-oblik.ru/kultura/ist-kult2/moda-Ros.html>.
8. Трёбст Ш. Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в Новое время» Московского централизованного государства (с предисловием Р. Пихои) // Quaestio Rossica, 2013/1. С. 62–65.
9. Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1991. А. Л. Ордин-Нащокин. С. 121–124; В. В. Голицын. С. 139.
10. Шамин С. М. Указ соч. С. 33.
11. Седов П. В. Царский двор в 1670–1682. 2.4. Влияние польской моды на женский дворцовый гардероб // Закат Московского царства, царский двор конца XVII века / под ред. Е. В. Анисимова. СПб.: Петербургский ин-т истории, изд-во «Дмитрий Буланин», 2008. С. 516–517.
12. Шамин С. М. Указ соч. С. 31.
13. Там же. С. 30.
14. Там же. С. 24.
15. Там же. С. 36; Суслина Е. Н. Указ соч. С. 113.
16. Шамин С. М. Указ соч. С. 36.
17. Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечностойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770, с. 7. Цит. по: Шамин С. М. Указ соч. С. 30.
18. Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. Киев, 1904. URL: http://krotov.info/lib_sec/14_n/nom/en.htm#23.
19. ПСЗ-1. № 1741: «О ношении платья на манер Венгерского. Боярам и Окольничим и Думным и Ближним людям и Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Дьяком и Жильцом и всех чинов служилым и приказным и торговым людям, и людям Боярским, на Москве и в городах, носить платья, Венгерские кафтаны, верхние длиною по подвязку, а исподнее короче верхних, тем же подобием».
20. ПСЗ-1. № 1887.
21. ПСЗ-1. № 1999.
22. ПСЗ-1. № 1898.
23. ПСЗ-1. № 2874; В 1710-е до середины 1720-х гг. в Петербурге насчитывалось от 10 до 13 тысяч каторжников на галерах, см.: Анисимов Е. В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 317–318.
24. Liechtenhan F.-D. Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen. Paris, 2014 (на правах рукописи).
25. По подсчетам Е. В. Анисимова, в Петербурге середины 1720-х гг. кроме 40 тыс. человек населения насчитывалось более 29 тыс. человек военных: солдат, матросов, офицерского состава, которых необходимо было обеспечить обмундированием, см.: Анисимов Е. В. Указ соч. С. 306.
26. Там же. С. 88.
27. О расселении иностранцев в первой четверти XVIII в. см.: Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998.
28. Анисимов Е. В. Указ соч. С. 214. Собственно каменный период застройки Петербурга начался только с сер. 1720-х гг., здесь: с. 135.
29. Там же. С. 311.
30. Там же. С. 313–314.
31. Семенова Л. Н. Иностранцы мастера в Петербурге в первой трети XVIII в. // Наука и культура России XVIII в.: сб. ст. Л., 1984. С. 201–224.
32. Павленко Н. И. Екатерина I. М.: 2004. С. 209: письмо Петра I жене Екатерине Алексеевне от 7 апреля 1717 г. из Брюсселя.
33. Там же. С. 211–212.
34. Фредерикс В. Б. (сост.), 200-летие Кабинета Его Императорского Величества 1704–1904. СПб., 1911. С. 185. Петровский рубль имел отношение 9:1 по курсу 1911 г., здесь, с. 108.
35. Там же.
36. Там же. С. 186.
37. Там же. С. 187.
38. Там же. С. 187–188; Хлебное и денежное довольствие «переведенцы» получали из казны, см.: Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М., 1959. С. 79.

39. Фредерикс В. Б. Указ. соч. С. 191–192. См. также: Анисимов Е. В. Указ соч. С. 87–91; В 1722 г. рас-ход Городовой канцелярии (примерно с 1706 г.), или Канцелярии от строений, как она называлась с 1723 г., на 59 иностранных специалистов составил 17 355 руб., тогда как на 2166 русских мастеров было истрачено 44 063 руб. см.: Там же. С. 91.

40. Kovrigina V. A. Die Deutschen im Moskauer Handwerk in der zweiten Hälfte des 17. und im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts (Hamburger Beiträge zur Geschichte der Deutschen im europäischen Osten, 4 hrsg. v. Norbert Angermann). Lüneburg 1997, S. 39f.

41. Писарькова Л. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php; Ruane Ch. The Empire's New Clothes. A History of the Russian Fashion Industry, 1700–1917. Yale, 2009; Славнитский Н. П. Санкт-Петербург в годы Северной войны: гарнизон и военное управление // История в подробностях. 2010. № 3, сентябрь. С. 179–181.

42. Цит. по: Коршунова Т. Т. Указ. соч.: ЦГАДА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 88. Л. 1–4; Д. 192. Л. 1.

43. ПСЗ-1. № 3708.

44. ПСЗ-1. № 3980.

45. Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 48.

46. Коршунова Т. Т. Указ соч.

47. Ливонская (1558–1583 гг.) и Русско-польские (1609–1618, 1654–1667 гг.) войны. См.: Хайде Ю. Ливония под властью Речи Посполитой. Борьба за власть и социальная трансформация // Quaestio Rossica, 2014/2. С. 112–143; Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006.

48. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

Notes

1. Dictionary of the Russian language of the XI - XVII centuries, is. 17. Moscow. Nauka. 1991. Pp. 129, 131-132. (in Russ.)

2. Keller A.V. *Nemcy v Moskve XVI – nachala XX vv.: ih kul'turnaya i obshchestvennaya zhizn'* [Germans in Moscow XVI - early XX centuries: their cultural and social life] // *Nemcy Moskvy: istoricheskij vklad v kul'turu stolicy - Germans of Moscow: historical contribution to the culture of the capital. On proceedings of the international conference, dedicated to the 850th anniversary of Moscow*, coll. of reports. Moscow. 1997. Pp. 53-105; Kovrigina V.A. *Nemeckaya sloboda Moskvu XVII-XVIII vv.* [German settlement of Moscow XVII-XVIII centuries] // *Ibidem*. Pp. 15-52.

3. Korshunova T.T. *Kostyum i moda v Rossii XVIII v.* [Costume and fashion in Russia in the XVIII century] // *Vneshnij oblik cheloveka - Appearance of man*. Available at: <http://vneshnii-oblik.ru/kultura/ist-kult2/moda-Ros.html>. (in Russ.)

4. Shamin S. M. *Moda v Rossii poslednej chetverti XVII stoletiya* [Fashion in Russia of last quarter of the seventeenth century] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki - Ancient Rus. Questions of Medievalists*. 2005, No. 1, p. 23.

5. *Ibid.* Pp. 23-24.

6. Kostomarov N. I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatelej* [Russian history in biographies of its most important figures]. Moscow. Olma-Press Obrazovanie. 2004. P. 291. See about the fashion of the XV-XVII centuries in Russia: Suslina E. N. *Povsednevnyaya zhizn' russkikh shchegolej i modnic* [Everyday life of Russian dandies and ladies]. Moscow. Mol. gvardiya. 2003. Pp. 96-114; Ryabtsev Y. C. *Istoriya russkoj kul'tury. Hudozhestvennaya zhizn' i byt XVIII-XIX vv* [History of Russian culture. The artistic life of the XVIII-XIX centuries] Moscow. VLADOS. 1998.

7. I. Zabelin *Domashnij byt russkikh carej v XVI i XVII stoletiyah* [Home life of the Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. Vol. 1. Pt. 2. Moscow. 1915. Pp. 63-64, Cit. from: T.T. Korshunova *Kostyum i moda v Rossii XVIII v* [Costume and fashion in Russia in the XVIII century] // *Vneshnij oblik cheloveka - Appearance of man*. Available at: <http://vneshnii-oblik.ru/kultura/ist-kult2/moda-Ros.html>. (in Russ.)

8. Trebst Sh. *Sud'bonosnyj 1667 god? K debatam o «proryve v Novoe vremya» Moskovskogo centralizovannogo gosudarstva (s predisloviem R. Pihoi)* [Fateful 1667? The debate about "breaking in a New era" of Moscow centralized state (with a foreword by R. Pikhoya)] // *Quaestio Rossica - Quaestio Rossica*. 2013/1. pp. 62-65.

9. Kluchevsky V.O. *Istoricheskie portrety* [Historical portraits]. Moscow. 1991. A. L. Ordin-Nashokin. Pp. 121-124, V.V. Golitsyn. P. 139.

10. Shamin S. M. *Op cit.* P. 33.

11. Sedov P. V. *Carstkij dvor v 1670—1682. 2.4. Vliyanie pol'skoj mody na zhenskij dvorcovyj garderob* [Royal court in 1670-1682. 2.4. The influence of the Polish fashion on women's palatial closet] // *Zakat Moskovskogo carstva, carskij dvor konca XVII veka – Sunset of Muscovy, Imperial court of the late XVII century* / ed. by E. V. Anisimov. SPb. St. Petersburg Institute of History, "Dmitry Bulanin" Publ. 2008. Pp. 516-517.

12. Shamin S. M. *Op. cit.* P. 31.

13. *Ibid.* P. 30.

14. Ibid. P. 24.
15. Ibid. P. 36; Suslina E. N. Op. cit. P. 113.
16. Shamin S. M. Op. cit. P. 36.
17. *Zhurnal, ili Podennaya zapiska, blazhennyya i vechnodostojnyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikogo s 1698 goda, dazhe do zaklyucheniya Nejshtatskogo mira* - Journal, or Daily note, and blessed, forever worthy of memory of the Emperor Peter the Great from 1698, even before the conclusion Neystadtsky peace. SPb. 1770. P. 7. Cit. from: Shamin S. M. Op. cit. P. 30.
18. Notes of Y. K. Nomen about the visit of Peter the Great to the Netherlands in 1697/98 and 1716/17. Kiev. 1904. Available at: http://krotov.info/lib_sec/14_n/nom/en.htm#23. (in Russ.)
19. Resolves-1, No. 1741, p. 1: "About wearing dresses in the manner of Hungarian. To the boyars and okolichi and Duma and other people and Steward and an Attorney and the Nobility of Moscow and the Clerk and the Tenant and all ranks of the soldiers and commanding and trading people, and people boyar, in Moscow and cities, to wear dresses, Hungarian coats, top, long on the garter, and underwear is shorter than the upper, the same likeness". (in Russ.)
20. Resolves-1. No. 1887.
21. Resolves-1. No. 1999.
22. Resolves-1. No. 1898.
23. Resolves-1. No. 2874; In 1710-s until the mid-1720s, in St. Petersburg there were from 10 to 13 thousand convicts in the galleys, see: Anisimov E. V. *YUnyj grad. Peterburg vremen Petra Velikogo* [Young city. St. Petersburg in times of Peter the Great]. SPb. Dmitry Bulanin. 2003. Pp. 317-318.
24. Liechtenhan F.-D. *Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen*. Paris, 2014 (manuscript).
25. According to estimates of E. V. Anisimov in St. Petersburg in the mid 1720's of years in addition to 40 thousand people, there were more than 29 thousand people military: soldiers, sailors, officers, which was necessary to ensure a uniform, see: E.V. Anisimov Op. cit. P. 306.
26. Ibid. P. 88.
27. On settlement of foreigners in the first quarter of the eighteenth century, see: L.N. Semenova *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII vek)* [Life and the population of St. Petersburg (XVIII century)]. SPb. 1998.
28. Anisimov E.V. Op. cit. P. 214. The actual stone construction period of Petersburg began only in the mid. 1720s, here: p. 135.
29. Ibid. P. 311.
30. Ibid. Pp. 313-314.
31. Semenova L. N. *Inostrannye мастера v Peterburge v pervoj treti XVIII v.* [Foreign artists in St. Petersburg in the first third of the XVIII century] // *Nauka i kul'tura Rossii XVIII v* - Science and culture of Russia of the XVIII century: col. art. Leningrad. 1984. Pp. 201-224.
32. Pavlenko N. I. *Ekaterina I* [Catherine I]. Moscow. 2004. P. 209: letter from Peter the great to his wife Catherine on April 7, 1717 from Brussels.
33. Ibid. Pp. 211-212.
34. Fredericks V. B. (comp.) *200-letie Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva 1704-1904* [200th anniversary of His Imperial Majesty's Cabinet 1704-1904]. SPb. 1911. P. 185. Peter's ruble had a ratio of 9:1 at the rate of 1911, here, p. 108.
35. Ibid.
36. Ibid. P. 186.
37. Ibid. P. 187.
38. Ibid. P. 187-188; Bread and pay "the transferred" received from the Treasury, see: Luppov S. P. *Istoriya stroitel'stva Peterburga v pervoj chetverti XVIII v* [History of the construction of St. Petersburg in the first quarter of XVIII century]. Moscow. 1959. P. 79.
39. Fredericks V.B. Op. cit. Pp. 191-192. See also: Anisimov E. C. Op. cit. Pp. 87-91; In 1722 consumption of Policeman Chancellery (from nearly 1706) or the Office of the buildings, as it was called from 1723, for 59 foreign specialists was 17 355 rubles, while 2166 Russian masters was spent 44 063 rubles, see: *ibid.*, p. 91.
40. Kovrigina V. A. *Die Deutschen im Moskauer Handwerk in der zweiten Hälfte des 17. und im can Viertel des 18. Jahrhunderts* (Hamburger Beitrage zur Geschichte der Deutschen im europäischen Osten, 4 hrsg. v. Norbert Angermann). Lüneburg 1997, p. 39f.
41. Pisarkova L. *CHinovnik na sluzhbe v konce XVII – seredine XIX veka* [Clerck on the official service in the late seventeenth to mid of nineteenth century. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php (in Russ.); Ruane Ch. *The Empire's New Clothes. A History of the Russian Fashion Industry, 1700-1917*. Yale, 2009; Slavnitsky N. R. *Sankt-Peterburg v gody Severnoj vojny: garnizon i voennoe upravlenie* [St. Petersburg in the Northern war: the garrison and military management] // *Istoriya v podrobnostyah* - History in details. No. 3, September 2010, pp. 179-181.
42. Cit. Korshunova T.T. Op. cit.: CSADA. F. 14. Sh. 2, File 88, Sh 1-4; File 192, Sh. 1.
43. Resolves-1. 3708.
44. Resolves-1. 3980.

45. Pazhitnov K. A. *Problema remeslennyh cekhov v zakonodatel'stve russkogo absolutizma* [The problem of guilds in the legislation of the Russian absolutism]. Moscow. 1952. P. 48.

46. Korshunova T.T. Op. cit.

47. Livonian (1558-1583) and Russo-Polish (1609-1618, 1654-1667) wars. See: Haide Y. *Livoniya pod vlast'yu Rechi Pospolitoj. Bor'ba za vlast' i social'naya transformaciya* [Livonia under the authority of the Rzecz Pospolita. The struggle for power and social transformation] // *Quaestio Rossica*, 2014/2, pp. 112-143; Malov A.V. *Russko-pol'skaya vojna 1654–1667 gg* [Russo-Polish war of 1654-1667]. Moscow. Zeighaus. 2006.

48. Fedotova V.G. *Modernizaciya «drugoj» Evropy* [Modernization of "another" Europe]. Moscow. 1997.

УДК 908

Т. Д. Фаттахов

К истории расселения татар-мусульман в юго-восточных городах и уездах Вятской губернии

На основе разнохарактерного материала исторических источников в статье рассматривается история городов юго-восточной части Вятской губернии: Елабуги, Сарапула, Малмыжа и Уржума. Исследуются причины их возникновения и последующая судьба до начала XX в. Автором обосновывается мысль о необходимости изучения этих городов как единого исторического, географического и экономического пространства в силу их специфического национального состава и месторасположения. Анализируются также процессы миграции татар с территории бывшего Казанского ханства в юго-восточные земли Вятского края, где они со временем превратились в оседлое население, в том числе городское. Предпринимается попытка определения численности мусульманского населения в Елабужском, Малмыжском, Уржумском, Сарапульском уездах и в административных центрах данных территориальных образований.

On the basis of diverse material of historical sources the paper presents history of towns of the South-Eastern part of the Vyatka province: Yelabuga, Sarapul, Malmyzh and Urzhum. Towns' emergence causes and their subsequent destiny before the early XX-th century were explored. The Author makes the case for studying of mentioned towns as a united historical, geographical and economic area due to their specific ethnic composition and location. The Tatars' migration processes from the territory of the former Kazan Khanate to the South-East districts of Vyatka province were analysed, where Tatars formed a settled population in the lapse of time, including urban population. An attempt is made to estimate Moslem population in Yelabuga, Malmyzh, Urzhum and Sarapul districts and in administration centres of these territorial entities.

Ключевые слова: Вятская губерния, городское население, Малмыж, Уржум, Сарапул, Елабуга, татары, мусульмане, миграция.

Keywords: Vyatka province, town population, Malmyzh, Urzhum, Sarapul, Yelabuga, Tatars, Moslems, migration.

В 1708–1710 гг. Петр I провел административно-территориальную реформу, по результатам которой страна была разделена на восемь больших губерний. Вятская земля оказалась в составе двух из них – в Сибирскую вошли Хлыновский, Слободской, Котельничский, Орловский, Шестаковский и Кайгородский уезды, а Яранский, Уржумский, Царевосанчурский и Малмыжский попали в состав Казанской. В 1780 г. эти земли вновь оказались под воздействием территориальной реформы. По ее итогам было образовано Вятское наместничество, состоявшее из 13 уездов – Вятского, Слободского, Кайгородского, Котельничского, Орловского, Яранского, Царевосанчурского, Уржумского, Нолинского, Малмыжского, Глазовского, Сарапульского и Елабужского. Однако и в таком состоянии Вятские земли также пребывали недолгий срок и уже в конце XVIII столетия – 12 декабря 1796 г. – Вятское наместничество указом Павла I было преобразовано в губернию. Образованная губерния на западе граничила с Костромской, на севере – с Вологодской, на востоке – с Пермской, на юге – с Казанской и Уфимской. На момент создания на её терри-

тории проживало около миллиона человек. Национальный состав этой обширной территории был довольно разнообразен. Основную массу населения здесь составляли русские, однако весомым был процент татар, марийцев и удмуртов. Изначально в губернию входило десять уездных (Вятка, Слободской, Котельнич, Уржум, Орлов, Яранск, Глазов, Елабуга, Сарапул, Нолинск) и три заштатных города (Малмыж, Царевосанчурск, Кай). Однако в 1816 г. количество уездных городов увеличивается до 11, в связи с наделением этим статусом Малмыжа, а Кай в 1854 г. преобразуется в село. Таким образом, в Вятской губернии стало 11 уездов: Вятский, Орловский, Слободской, Котельничский, Нолинский, Глазовский, Сарапульский, Елабужский, Малмыжский, Уржумский, Яранский, просуществовавших вплоть до 1918 г., и 12 городов (11 уездных и один заштатный – Царевосанчурск) [1].

Из указанных уездов рядом особенностей выделялись Елабужский, Малмыжский, Сарапульский и Уржумский, что было связано с их территориальным расположением – на границе с Казанской губернией – и со специфическим национальным составом населения. Если в среднем по губернии процент татарского населения колебался от 3,7 до 4, то в этих административно-территориальных образованиях он был больше 10. Священник, этнограф и краевед Николай Николаевич Блинов, говоря об особом национальном составе этих уездов, в одной из своих работ даже высказывал мысль об образовании на их основе отдельной губернии: «Не вдаваясь в подробности описания этнографических особенностей жителей прикамских уездов, заметим лишь, что в составе населения здесь значительной массой входят татары, башкиры... В трёх уездах Вятской губернии (более 600 тыс. жителей) магометан находится 12%, в Осинском уезде (более 180 тыс. всего населения) магометан 16%, в Мензелинском (более 300 тыс.) магометан более половины. Само собой разумеется, что присутствие этих инородцев в значительном числе среди русского населения вносит во взаимные их экономические и общественные отношения характерные особенности. При некоторых работах татары хорошие помощники (напр., косцы); при посредстве их живее ведется купля-продажа», – писал он [2].

Необходимо отметить, что автор в своём проекте не предлагал отнести к новой губернии Уржумский уезд. В некоторой степени это было вполне закономерно и объяснялось тем, что территориально он располагался от Казанской губернии дальше, чем три остальных, это в свою очередь стало причиной более позднего заселения уезда татарами. Работа Н. Н. Блинова вышла в 1880 г., когда численность мусульманского населения в уезде не превышала 8 тыс. чел. (около 3,5% от общей численности населения) [3], в то время как к началу XX в. она достигла 20 тыс. чел. (6,5 % от общей численности населения). В связи с этим можно предположить, что если бы труд Н. Н. Блинова был написан позже, то и Уржумский уезд также вошёл бы в его проект образования губернии.

Не вызывает сомнения, что основная часть губернских татар-горожан проживала в административных центрах юго-восточных уездов Вятской губернии – Елабуге, Малмыже, Сарапуле и Уржуме. Ознакомимся кратко с историей этих городов и попытаемся проследить предпосылки их заселения мусульманским населением.

Наиболее древним из рассматриваемых городов является Елабуга. Согласно современным археологическим исследованиям это поселение существует более 1000 лет. По данным А. З. Нигамеева, к началу колонизации территории будущего Елабужского уезда волжскими болгарами (вторая половина X в.), на этих землях уже проживала группа населения угро-тюркского происхождения, испытавшего значительное финно-пермское влияние [4]. Позже, во второй половине XII в., пришедшее сюда болгарское население строит крепость-мечеть, как выполнявшую функции военно-торгового пункта, так и служившую для отправления религиозных обрядов [5].

После образования Казанского ханства Елабуга в течение нескольких столетий, вплоть до 1552 г., являлась городом с основным татарским населением. К сожалению, не сохранилось материалов, которые могли бы пролить свет на период истории Елабуги с момента завоевания Казани и до конца XVI в., когда на месте татарского города появилось русское село Трёхсвятское. Видимо, после завоевания мусульманское население покинуло город, устремившись в приграничные территории (скорее всего, основной миграционный поток направился в район Мылмыжа, Сарапула и Уржума, где переселенцы со временем стали оседлым населением).

Исследователи отмечают, что Трёхсвятское изначально было русским населённым пунктом: «По-видимому, село явилось первым русским поселением в округе. К 1617 году в дворцовом селе Трёхсвятском насчитывалось 79 крестьянских, 49 бобыльских дворов...» [6]

Однако со временем мусульманское население вновь начинает возвращаться в город. Во многом это было связано с тем, что до присвоения Елабуге статуса уездного центра и создания Елабужского уезда (1780 г., одновременно с открытием Вятского наместничества, куда вновь образованный уезд и вошёл) она являлась одним из населённых пунктов то Казанской, то Сибир-

ской губерний. Принадлежностью к указанным губерниям, особенно к Казанской, объяснялось наличие здесь большого количества мусульман. Так, например, по данным на 1870 г., в Малмыже проживал 61 магометанин, в Сарапуле – 6, в Уржуме – 8, а в Елабуге – 424 [7].

Необходимо заметить, что в течение нескольких десятилетий, с 1708 по 1780 г., Малмыж и Уржум тоже находились в составе Казанской губернии, однако этот период не имел такого большого влияния на национальный состав их жителей, как сотни лет тесного взаимодействия Елабуги и Казани.

Малмыж расположен на правом берегу р. Шошмы, в трёх километрах от ее впадения её в р. Вятку [8]. Точная дата возникновения этого населенного пункта неизвестна, однако все исследователи сходятся во мнении, что до взятия города войсками Ивана IV и преобразования его в пограничную крепость он являлся резиденцией марийских («черемисских») князей, подчинявшихся Казанским ханам. В 1550 г. в результате военных действий город подчинился Москве. Последним марийским князем, правившим здесь, являлся Болтуш, погибший в битве за взятие города. В 1584 г., проживавший в Малмыже отряд стрельцов построил крепость для защиты от набегов татар, башкир и марийцев, которые после взятия Казани обосновались в окружающих лесах. Возведение крепости способствовало развитию города. В 1708 г. он был приписан к новообразованной Казанской губернии, в составе которой находился вплоть до 1780 г. Затем в статусе уездного центра Малмыж перешел в Вятское наместничество, а в 1796 г. в связи с его преобразованием стал заштатным городом Вятской губернии. Однако и в таком состоянии он находился недолго – до 1817 г., когда опять стал уездным центром [9].

Богатая история города сказалась на национально-религиозном составе его жителей, среди которых оказались представители разных национальностей и вероисповеданий. Так, согласно исследованиям М. Г. Худякова, одними из первых насельников этого края являлись удмурты («вотяки»), пришедшие с северо-востока, из бассейна реки Чепцы. По мнению дореволюционного историка, профессора И. Н. Смирнова, река Шошма, на берегу которой расположен Малмыж, имеет вотское название, как и ряд иных рек и поселений этой местности (Тойма, Шурма, Нурма, Ошторма).

Несколько позже в малмыжские земли с запада, со стороны нынешнего Уржума, пришли марийцы. Они вытеснили удмуртов за р. Валу и на среднее течение р. Кильмези, и вплоть до взятия города русскими войсками он принадлежал марийскому населению. После покорения Малмыжа Иваном IV началась активная колонизация этих земель русским населением – в город прислали отряд стрельцов. Но одновременно проходило заселение окрестностей Малмыжа татарами, которые бежали сюда после взятия Казани [10]. О многонациональном и полирелигиозном составе населения города свидетельствовало существование двух кладбищ – на одном хоронили православных, на втором находились погребения самоубийц, язычников, мусульман и евреев [11]. В итоге, по данным переписи 1897 г., из 3165 жителей города 405 являлись мусульманами.

Много общего с историей Малмыжа можно найти в прошлом еще одного уездного центра Вятской губернии – Уржума, расположенного на левом берегу р. Уржумки, в десяти километрах от места ее впадения в Вятку. Официальной датой основания города считается 1584 г., когда присланными стрельцами тут, как и в Малмыже, была построена крепость. Однако некоторые историки склонны отодвигать дату возникновения этого населенного пункта на более ранний период. Их предположения основаны главным образом на летописи «Гази – Барадж тарихи», в которой неоднократно упоминается поселение «Урджум». «А глава болгарских анчийцев мастер Караджар, который за уход в Булгар вместе с Алмышем получил от кана почетное прозвище Караджур и явился основателем болгарского дома Караджуров. Дабы дом Караджуров не остался внакладе, Талиб передал ему взамен Балына часть земель по Кара-Идели и Нукрат-су. Сын Арчамышаша Джураш по прозвищу Урджум основал поэтому аул Урджум на Нукрат-су... А сын Джураша Асладж, пожертвовавший немало средств на строительство Учеля и сам участвовавший в этом деле, погиб в нем во время набега галиджийцев в 1111 году в возрасте 41 года...» – говорится в летописи. Таким образом, если верить этому документу, то Уржум был основан уже до 1111 г. Вместе с тем большинство ученых считают названную летопись подделкой, так как не сохранилось ее оригинального варианта на болгаро-арабском шрифте, а до нас дошел только перевод.

Ещё одно упоминание об Уржуме в исторических документах встречается в «Сказании» князя А. М. Курбского, из которого известно, что во время большого похода против марийцев в 1552 г., он дошел только до Уржума. Однако в данном случае Уржум имеется в виду как местность, а не как город [12].

Тем не менее с начала 1550-х гг. (после покорения Казани) история Уржума более подробно начинается освещаться в письменных источниках. В данный период, как и в Малмыже, здесь начинаются марийские восстания, продлившиеся около 20 лет. Эти бунты вызвали необходимость строительства крепости, дата возведения которой (1584 г.) считается официальным временем

основания города. В 1625 г. в Уржумскую крепость прибыл отряд стрельцов во главе с воеводой С. М. Хатунским, однако уже к 1647 г. деревянное сооружение пришло в негодность и был построен новый острог. По некоторым данным, в тот период постоянное войско в Уржуме насчитывало от 300 до 600 чел. [13]

Однако со второй половины XVII в. Уржум как военный пункт теряет своё значение. Стрельцы, наделённые землёй вместо жалованья, постепенно превращаются в крестьян, а к концу XVIII столетия сгнивает и крепость, оставив после себя лишь вал, который был отражён в плане города в 1784 г. Известно, что около крепости находились посад и слобода Светлицы, где жили посадские люди, стрельцы и другие военные с семьями. В переписной книге посадских дворов и людей города Уржума 1646 г. сказано: «...и всего на Уржуме на посаде 9 дворов посадских, да 2 двора бобыльских, а в них посадских людей и бобылей 11 человек и их детей 5 человек (без учёта женщин. – Т. Ф.)» [14]. К 1678 г. количество посадских дворов в Уржуме увеличилось до 58, что свидетельствовало о росте численности гражданского населения города, а военные люди выбывали на службу в другие места. По мнению А. В. Эммаусского, население Уржума в середине XVII в. составляло приблизительно 260 чел., а вместе со стрельцами и их жёнами – около 660 чел. [15]

Сложность в установлении подлинных фактов истории Уржума заключается в том, что в городе неоднократно были пожары. Один из наиболее сильных, в результате которого чуть не сгорел весь посад, произошёл в 1820 г. Тогда огонь уничтожил многие «присутственные места», а вместе с ними и хранившиеся там архивные документы [16].

Вероятнее всего, история заселения окрестностей Уржума татарами схожа с ситуацией, происходившей в Малмыже, когда после покорения Казани начались переселения мусульман в соседние земли. Этот вывод подтверждается и географической локализацией татарского населения в Малмыжском уезде, основная масса которого была сосредоточена в граничивших с Казанским краем западной и южной частях этого административно-территориального образования. Но пик миграции татар в этот регион, видимо, приходился на середину – конец XIX в. Так, согласно данным рукописи А. П. Пентина, за период с 1868 по 1903 г. в Уржумском уезде образовалось около 400 новых населённых пунктов, а число дворов с 1856 по 1903 г. увеличилось на 27 тыс., то есть более чем в два раза [17]. При этом основная часть поселений мусульман по-прежнему возникла именно в южной части уезда – в Турекской волости, где и раньше было сконцентрировано преимущественно татарское население [18]. По сведениям энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона на 1901 г., «русских в Уржумском уезде насчитывается 208 361, вотяков 13 567, черемис 77 444, татар 13 313, прочих 25. Русские живут преимущественно в северной части уезда; в западной и южной много инородцев» [19].

Этими фактами отчасти объяснялось наличие небольшого количества татар в самом Уржуме, который расположен в северной части уезда. Так, в 1912 г. здесь проживал 71 мусульманин (41 мужчина и 30 женщин) [20].

Ещё одна причина наличия незначительного количества горожан среди татар Уржумского уезда состояла в том, что его административный центр был слабо развит экономически и в этом плане не представлял интереса для переселений. «Между мещанами и живущими крестьянами в городе, равно и в уезде нет никаких промыслов. Даже нет столяров почти – мебель в Уржум доставляется из Вятского края в летнюю пору водой. Бедность промыслов и ремёсел в уезде чрезвычайно ощутительна», – писала газета «Вятские губернские ведомости» [21].

В целом общее развитие города во второй половине 1850-х гг. характеризовалось следующими показателями: «Уездный город Уржум занимает 214 000 кв. саж. и имеет 2000 жителей обоёго пола, и есть, едва ли, не единственный бедный город в Вятской губернии по части промышленности и торговли; в нём считается по официальным сведениям 24 объявленных капитала, на сумму 57 000 руб. В Уржуме нет ни одного завода, ни одной фабрики; в уезде же его находится 6 фабрик и 10 заводов, с производством на сумму до 269 623 руб.» [22]

Экономическая ситуация в городе несколько улучшилась к концу XIX – началу XX в. Так, по данным переписи 1897 г., к купцам и их семьям (основной показатель экономического развития) в Уржуме относилось 85 чел. Конечно, эта цифра была несопоставима в сравнении с такими развитыми в торговом отношении городами, как Сарапул или Елабуга. Однако в Малмыже в этот же период насчитывалось 79 купцов, но татар здесь было больше, что объяснялось близостью города и уезда к границам Казанской губернии.

Ещё одним городом Вятской губернии со значительной долей мусульманского населения являлся Сарапул, возникший, предположительно, как и Уржум с Малмыжем, во второй половине XVI в., когда после завоевания Казани началось активное бегство крестьян в соседние земли, а на захваченных территориях проходили волнения присоединённых к Московскому царству народов. Название «Сарапул» начинает встречаться в документах с первой четверти XVII в. Так, в от-

писке приказчика Осинского острога А. В. Корсакова за 1616 г., в которой он докладывает Соликамскому воеводе И. Н. Лачинову о действиях восставших башкир, татар, чувашей, мари и удмуртов, говорится: «В нынешнем, господине, во [7]124 году января в 28 день писал ко мне с Сарапула Андрей Тютиев, что де во [7]124-м году января в 25 день тотаровья, и чуваша, и черемиса, и вотяки, и башкирцы пришли на Сарапул войною и стали от Сарапула за 5 вёрст в новой деревне Еебековской, и хлебы молочёные и сена все потравили, а хотят де идти к Сарапулу приступом и во емати идти хотят подлинно вверх по Каме, и к Осинскому острогу чаят их вскоре» [23].

Необходимо отметить, что слово «приступ» в военной терминологии означает штурм каких-то военных укреплений. Следовательно, в Сарапуле на тот момент либо имелась крепость, либо город был как-то укреплен. Подтверждение роли Сарапула как опорного военного пункта находим в записках капитана Н. П. Рычкова от 27 мая 1770 г.: «Сорок вёрст расстоянием от деревни Маслинного Мыза, на нагорном берегу реки Камы находилось дворцовое село, Серапуль называемое, и есть такое жительство, которое и строением обывательских домов и богатством её жителей превосходит многие уездные города. Строение сего села составляют три деревянные церкви, внутри деревянного замка построенные и 600 крестьянских дворов» [24]. Ещё одно упоминание о ранее существовавшей в Сарапуле деревянной крепости встречается в записках известного географа и путешественника П. С. Палласа, приезжавшего в город в 1773 г. [25]

Довольно странно, что спустя всего три года после Н. П. Рычкова П. С. Паллас уже не обнаруживает крепость, однако, принимая во внимание, что она была деревянной, а пожары в то время случались часто, такое вполне могло произойти. По всей вероятности, крепость была построена с целью сдерживания волнений «инородцев» на присоединенных территориях, однако по мере усиления на новых землях центральной власти она довольно быстро потеряла своё значение и её не стали восстанавливать. В дальнейшем уже не существующая крепость вошла в герб города, став символом Сарапула [26].

В официальных документах название «Сарапул» впервые упоминается в челобитной местных крестьян, обратившихся к царю Михаилу Федоровичу в 1639 г. с просьбой везти воеводу и казну из города к Амзинскому яму по воде. Наименование города упоминается также в документах за 1663 и 1672 гг. В декабре 1708 г., при проведении административно-территориальной реформы Петра I, Сарапул приписали к г. Пензе Казанской губернии, а после учреждения в 1780 г. Вятского наместничества он стал уездным центром и в дальнейшем сохранял этот статус.

Экономическое развитие Сарапула во многом зависело от его географического расположения – на пересечении важных водных и сухопутных путей. Это, как и в случае с Елабугой, способствовало процветанию торговли и промыслов. Поэтому не удивительно, что Сарапул издавна славился как купеческий город. Л. Н. Федорченко-Шемакина отмечает, что здесь жили «тысячи семей купцов», которые «были известны не только в России, но и за границей» [27].

Подтверждение этого находим и в работах дореволюционного краеведа Н. Н. Блинова: «Со всем иную жизнь мы видим в г. Сарапул. Здесь хотя нет таких богатых фирм, какие существуют в гор. Елабуге, но вместо того сравнительно меньшие капиталы находятся в обращении у весьма значительного числа лиц. А такое распределение капиталов, вызывая конкуренцию между владельцами их, способствует к наибольшему развитию промышленности и торговли, даёт то оживление, которое обещает дальнейший прогресс в экономической и общественной жизни населения», – писал он [28].

В городе была развита торговля хлебом, мясом, бакалейным товаром, рыбой, лесом, сукном, бумажными изделиями, было широко развито кожевенное и сапожное производство. По данным на 1871 г., помимо 17 кожевенных фабрик в Сарапуле действовали один воскосвечный завод, один клееваренный, два сальносвечных, пять мыловаренных, два салотопенных, три винокуренных, три водочных, один чугуноплавильный и три кирпичных [29]. А по сведениям Памятной книжки за 1870 г., в городе функционировали также канатный, пивоваренный и пряничные заводы [30].

Благоприятные экономические факторы способствовали притоку населения, в том числе татарского, традиционно широко втянутого в торговлю. Конечно, не все сарапульские мусульмане являлись купцами или торговыми крестьянами – основная масса находила себе иную работу, которой в экономически развитом городе было предостаточно. Во второй половине XIX в. в уездном центре проживало всего пять гильдейских купцов-татар [31]. Даже с учётом членов их семей они составляли не более 2–3% мусульман Сарапула. Остальные, по всей видимости, трудились по найму.

Заселение города татарами наиболее активно проходило в период с 1870 по 1914 г. Согласно статистическим данным начала 70-х гг. XIX в., в Сарапуле проживало всего шесть магометан мужского пола и ни одной женщины [32], а к 1912 г. мужчин и женщин мусульманского вероисповедания насчитывалось 511 и 342 чел. соответственно, что было одним из наиболее высоких показателей по губернии [33].

Таким образом, не вызывает сомнения, что города юго-восточной части Вятской губернии объединяло много общего. Они располагались на территории единого экономико-географического пространства, имели схожие причины возникновения (кроме Елабуги), примерно в одно и то же время были заселены мусульманами, пришедшими на эти земли после покорения Казани. Эти данные указывают на перспективность и необходимость дальнейшего изучения жизни и быта мусульман в городах Вятской губернии.

Примечания

1. Судовиков М. С. Губерния Вятская: исторические очерки. Киров, 2006. С. 10–11.
2. Блинов С. Н. К столетнему юбилею города Сарапула. О необходимости образования новой Прикамской губернии. Сарапул, 1880. С. 12.
3. Статистическое описание Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 36.
4. Нигамаев А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань, 2005. С. 26.
5. Халиков А. Х. Алабуга-Елабуга. История возникновения города Алабуга-Елабуга и исследования Елабужского городища в 1993 году. Елабуга, 1997. С. 14.
6. Крапоткина И. Е. История Елабуги в документах и материалах (с древнейших времён до начала XX века) / И. Е. Крапоткина, И. В. Маслова, А. З. Нигамаев. Казань, 2012. С. 58.
7. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1870. С. 117, 134, 153, 182.
8. Большая Советская энциклопедия. Малмыж. URL: <http://www.bezmani.ru/spravka/bse/base/3/008171.htm>
9. Города России. Малмыж. URL: <http://citiesofrussia.ru/index.php/kirovskayaoblast/586-malmyzh>
10. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990. С. 56, 79.
11. История г. Малмыжа в хронологическом порядке. URL: <http://malmyzh-news.narod.ru/Doc/index.htm>
12. Пентин А. П. Из далёкого прошлого // Уржумская старина: краеведческий альманах. Вып. 9. Уржум, 1998. С. 5.
13. XVI–XVII века: заселение края. Откуда есть пошла Уржумская земля. URL: http://urzhum-uezd.ortox.ru/glavnejshie_sobytiya_v_istorii_urzhumskogo_uezda/view/id/1177553
14. Пентин А. П. Указ. соч. С. 5.
15. Эммаусский А. В. Уржум // Кировская искра. 1958. № 151. С. 14.
16. [Хроника] // Вятские губернские ведомости. 1865. № 16. С. 4.
17. Рукописи А. П. Пентина. Город Уржум и район. Документы // Кировская областная научная библиотека имени А. И. Герцена. Ф. Д 983. П. 3. Л. 14.
18. Там же. Л. 22.
19. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1902. Т. 34а. С. 907.
20. Памятная книжка Вятской губернии на 1914 год. Вятка, 1914. С. 30.
21. [Хроника] // Вятские губернские ведомости. 1858. № 7. С. 4.
22. Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Вятка, 1857. С. 175.
23. Сарапул. Документы и материалы. 1596–1985. Ижевск, 1987. С. 14–15.
24. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, в 1769 и 1770 году. СПб, 1770. С. 167.
25. [Хроника] // Вятские губернские ведомости. 1866. С. 9.
26. История – муниципальное образование «Город Сарапул». URL: <http://www.adm-sarapul.ru/city/istoriya/>
27. Федорченко-Шемякина Л. Н. К 400-летию Сарапула. Сарапульская старина. Сарапул, 1993. Кн. 2. С. 1, 2.
28. Блинов С. Н. К столетнему юбилею города Сарапула. О необходимости образования новой прикамской губернии. Сарапул, 1880. С. 23.
29. Памятная книжка Вятской губернии на 1873 год. Вятка, 1873. С. 172.
30. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год... С. 154.
31. Рафигов А. М. Татарское купечество Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Киров, 2013. С. 188, 195.
32. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год... С. 153.
33. Памятная книжка Вятской губернии на 1914 год... С. 29.

Notes

1. Sudovikov M. S. *Guberniya Vyatskaya: istoricheskie ocherki* [Vyatka Province: historical essays]. Kirov. 2006. Pp. 10-11.
2. Blinov S. N. *K stoletnemu yubileyu goroda Sarapul. O neobhodimosti obrazovaniya novoj Prikamskoj gubernii* [To commemorate the centenary of the city of Sarapul. About necessity of formation of the new Kama province]. Sarapul. 1880. P. 12.

3. *Statisticheskoe opisaniye Vyatskoj gubernii* - Statistical description of the Vyatka province. Vyatka. 1875. P. 36.
4. Nigamaev A.Z. *Bolgarskie goroda Predkam'ya: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noj kul'tury naseleniya* [Bulgarian town of Kama region: Alabuga, Kirmen, Chally. The originality of the material culture of the population]. Kazan. 2005. P. 26.
5. Khalikov A. H. *Alabuga Elabuga. Istoriya vozniknoveniya goroda Alabuga Elabuga i issledovaniya Elabuzhskogo gorodishcha v 1993 godu* [Alabuga-Elabuga. The history of the Alabuga-Elabuga city and research of Elabuga settlement in 1993]. Elabuga. 1997. P. 14.
6. Krapotkina I. E. *Istoriya Elabugi v dokumentah i materialah (s drevnejshih vremyon do nachala XX veka)* [History of Elabuga in the documents and materials (from ancient times till the beginning of XX century)] / I. E. Krapotkina, I. V. Maslova, A.Z. Nigamaev. Kazan. 2012. P. 58.
7. Memorable book of Vyatka province in 1870. Vyatka. 1870. Pp. 117, 134, 153, 182. (in Russ.)
8. The great Soviet encyclopedia. Malmyzh. Available at: <http://www.bezmani.ru/spravka/bse/base/3/008171.htm> (in Russ.)
9. City Of Russia. Malmyzh. Available at: <http://citiesofrussia.ru/index.php/kirovskayaoblast/586-malmyzh> (in Russ.)
10. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo hanstva* [Essays on the history of the Kazan khanate]. Kazan. 1990. Pp. 56, 79.
11. History of Malmyzh in chronological order. Available at: http://malmyzh-news.narod.ru/Doc/index_.htm (in Russ.)
12. Pentin A. P. *Iz dalyokogo proshlogo* [From the distant past] // *Urzhumskaya starina: kraevedcheskij al'manah* - Urzhum antiquity: history almanac. Is. 9. Urzhum. 1998. P. 5.
13. XVI-XVII century: the colonization of land. Where did the Urzhum earth start from. Available at: http://urzhum.uezd.ortox.ru/glavnejshie_sobytiya_v_istorii_urzhumskogo_uezda/view/id/1177553 (in Russ.)
14. Pentin A. P. Op. cit. P. 5.
15. Emmaussky A. V. *Urzhum* [Urzhum] // *Kirovskaya iskra* - Kirov spark. 1958, No. 151, p. 14.
16. *Hronika* [Chronicle] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* - Vyatka province news. 1865, No. 16, p. 4.
17. *Rukopisi A. P. Pentina. Gorod Urzhum i rajon. Dokumenty* - Manuscript of A. P. Pentina. The city of Urzhum and district. Documents // Kirov regional scientific library named after A. I. Herzen. F. File 983. Folder 3. Sh. 14.
18. Ibid. Sh. 22.
19. Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron. SPb. 1902. Vol. 34a. C. 907. (in Russ.)
20. Memorable book of Vyatka province in 1914. Vyatka. 1914. P. 30. (in Russ.)
21. *Hronika* [Chronicle] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* - Vyatka province news 1858. No. 7, p. 4.
22. Memorable book of Vyatka province in 1857. Vyatka. 1857. P. 175. (in Russ.)
23. Sarapul. Documents and materials. 1596-1985. Izhevsk. 1987. Pp. 14-15. (in Russ.)
24. *ZHurnal ili dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva, v 1769 i 1770 godu* - Journal or daily notes of a voyage of captain Rychkov in different provinces of the Russian state in 1769 and 1770. SPb. 1770. P. 167.
25. [*Hronika* [Chronicle] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* - Vyatka province news. 1866. P. 9.
26. The history of the municipal formation "City of Sarapul". Available at: <http://www.adm-sarapul.ru/city/istoriya/> (in Russ.)
27. Fedorchenko-Shemyakina L. N. *K 400 letiyu Sarapula. Sarapul'skaya starina* [To the 400th anniversary of Sarapul. Sarapul old]. Sarapul. 1993. Book 2. Pp. 1, 2.
28. Blinov S. N. *K stoletnemu yubileyu goroda Sarapula. O neobhodimosti obrazovaniya novej prikamskoj gubernii* [To commemorate the centenary of the city of Sarapul. About necessity of formation of the new Kama province]. Sarapul. 1880. P. 23.
29. Memorable book of Vyatka province in 1873. Vyatka. 1873. P. 172. (in Russ.)
30. Memorable book of Vyatka province in 1870... P. 154. (in Russ.)
31. Rafikov A. M. *Tatarskoe kupechestvo Vyatskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v* [Tatar merchants of Vyatka province in the second half of XIX - early XX century]. Kirov. 2013. Pp. 188, 195.
32. Memorable book of Vyatka province in 1870... P. 153. (in Russ.)
33. Memorable book of Vyatka province in 1914... P. 29. (in Russ.)

Опыт изучения средствами контент-анализа речи, произнесённой А. И. Герценом при открытии Вятской публичной библиотеки 6 декабря 1837 г.

Статья анализирует речь А. И. Герцена, произнесённую им 6 декабря 1837 г. на открытии Вятской публичной библиотеки, применяя методику контент-анализа. Контент-анализ позволяет проникнуть вглубь текста, вычленив его скрытый смысл и интерпретировать содержание, опираясь на математическую статистику. Процедура контент-анализа заключается в сведении текста источника к ограниченному набору определённых элементов, которые затем подвергаются счёту и анализу. Использование контент-анализа увеличивает степень объективности исторического исследования. Эта методика помогает подтвердить на практике достоверность старых выводов, полученных на основе традиционных методов исторического исследования, и совершить новые открытия в тех областях истории, где исследователю приходится иметь дело с большим объёмом неструктурированной информации. Автор, изучая истинные (приоритетные) признаки в речи Герцена, подтверждает, что основная идея выступления заострена на значении образования в жизни общества, а также находит противоречие между декларируемой в тексте высокой ролью власти в распространении образования и истинным мнением А. И. Герцена.

The article analyses the speech of A. I. Herzen, delivered December 6, 1837 at the opening of Vyatka Public Library, using the method of content-analysis. Content analysis allows to penetrate deeper into the text, to isolate its hidden meaning and interpretation of the content, based on mathematical statistics. The procedure of the content analysis is reduce the source text to a limited range of certain elements which are subject to the account and analysis. Using content analysis increases the objectivity of historical research. This technique helps to confirm the accuracy of the oldest findings in practice based on the traditional methods of historical research and to make new discoveries in the fields of history, where the researcher has to deal with large amounts of unstructured information. Written by studying the true (priority) signs in speech A. I. Herzen, confirms that the basic idea of speech pointed at the importance of education in society, but also finds a contradiction between the declared in the text of the role of high power in the spread of education and the true opinion of the A. I. Herzen.

Ключевые слова: контент-анализ, математический анализ, А. И. Герцен, образование, история провинции, Вятская публичная библиотека.

Keywords: content analysis, mathematical analysis, A. I. Herzen, education, the history of the province, Vyatka Public Library.

В отечественной исторической науке традиционно используются два подхода к изучению общества: формационный и цивилизационный. Теория формаций в современный период представляется наиболее удобным инструментом, позволяющим оперировать общими категориями, такими, как «капитализм», «производительные силы», «общественное и социальное развитие» и др., а также выделять закономерности исторического развития и подводить под единую теорию большой объём фактического материала. В то же время использование так называемого «цивилизационного подхода» к изучению истории открывает перед исследователями новые перспективы – более широкие возможности комплексных изысканий. В этом свете уместно и необходимо использование новых методов и средств исследования, способных дополнить и улучшить как ту, так и другую теорию.

Развитие исторической науки способствует заимствованию и применению разнообразных методов других наук. Один из таких заимствованных методов – контент-анализ, суть которого заключается в анализе текстов. Преимущество контент-анализа состоит в том, что этот формализованный метод позволяет подсчитывать признаки и свойства текста, которые отражают его содержание, учитывая при этом их взаимосвязь [1]. Таким образом, с помощью контент-анализа можно проникнуть в глубь текста, вычленив его скрытый смысл и интерпретировать содержание, опираясь на математическую статистику.

Кроме того, контент-анализ – удобный метод при работе с большим объёмом неструктурированной информации, которую удобнее обрабатывать статистически, а не аналитически. Он способен уточнить известную информацию или выявить новую, способствуя пересмотру старых взглядов [2].

Особенность контент-анализа состоит в том, что посредством его документы изучаются в их социальном контексте [3], что позволяет в полной мере использовать комплексный исторический подход.

Правомерность использования контент-анализа в различных социальных исследованиях определяется тем, что текст документа, являющийся для контент-анализа реальностью первого порядка, всегда продукт человеческой деятельности личности. Поэтому он несет в себе следы влияния разнообразных социальных и психологических факторов. Отсюда проистекает возможность обнаружения и измерения этих факторов путем регистрации в тексте соответствующих индикаторов этих факторов. На основе такого анализа мы делаем выводы о реальности исторического события или явления [4]. Так, целью контент-анализа является постижение более глубокой внетекстовой реальности.

Процедура контент-анализа заключается в сведении текста источника к ограниченному набору определённых элементов, которые затем подвергаются счёту и анализу. На первом этапе контент-анализа определяются первичные понятия – индикаторы. Далее индикаторы объединяются в категории – более укрупнённые классы понятий. Перед исследователем стоит задача выделить индикаторы, на основе которых определяется наличие в тексте категорий (тем или идей). Выбор исследователем индикаторов и категорий субъективен, поэтому индикаторы могут быть весьма неоднородны по своему характеру: слова, словосочетания, термины, географические названия, имена людей и т. д. Категория также может быть выражена одним словом, словосочетанием или преподноситься описательно.

Контент-анализ выгодно отличается от иллюстративного подхода воспроизводимостью результатов. Если исследователь зафиксировал смысловые единицы текста (индикаторы, категории), то результаты его работы могут быть проверены и повторены на основе данных, извлекаемых из текста. При иллюстративном подходе исследователь защищает свою точку зрения, опираясь на выборочно предоставленные факты. Кроме того, личность самого исследователя, его взгляды и воззрения накладываются на его выводы. Другой исследователь этого же текста может прийти к совершенно другим выводам, оперируя другими примерами и придерживаясь противоположных взглядов [5]. Степень объективности исторического исследования может быть увеличена.

Но при всей притягательности метода контент-анализа не все текстовые источники могут стать его объектом. Необходимо, чтобы исследуемое содержание позволило задать однозначное правило для надежного фиксирования нужных характеристик (принцип формализации), а также чтобы интересующие исследователя элементы содержания встречались с достаточной частотой (принцип статистической значимости). В качестве объектов исследования данным методом выступают сообщения печати, радио, телевидения, протоколы собраний, письма, приказы, распоряжения, данные свободных интервью, открытые вопросы анкет, тексты речей, записи бесед, официальные документы, фольклор (сказки, загадки, пословицы и т. д.), листовки, анкеты, трактаты, дневники, письма, автобиографии, характеристики, фонетические документы, изобразительный материал, кино- и фотодокументы и т. д. [6]

В истории Вятского региона широко известна знаменитая речь А. И. Герцена, произнесённая им 6 декабря 1837 г. на открытии Вятской публичной библиотеки [7]. Именно при помощи использования контент-анализа можно в данном тексте выявить некоторые новые грани в характеристике общественной ситуации в Вятке в XIX столетии. Выбор этого текста был обусловлен его достаточной известностью и наличием многочисленных комментариев относительно его содержания.

Выступление А. И. Герцена – важная веха в истории развития общественной жизни Вятки. Общественная жизнь губернии на протяжении всего XIX в. была тесно связана с общероссийскими политическими и общественными событиями, несмотря на удалённость от столиц, благодаря тому что являлась местом политической ссылки. В начале века, в 1826–1828 гг., через Вятку в Сибирь, на каторгу и ссылку, проехали более сотни участников восстания декабристов. Влиятельный декабрист А. Н. Муравьёв некоторое время находился в губернии на службе. В 30–50-е гг. XIX в. в Вятку были сосланы поляки, участники восстания 1830–1831 гг. и различных тайных политических обществ.

Знаменитый архитектор А. Л. Витберг, писатель М. С. Салтыков-Щедрин отбыли вятскую ссылку. Столкновение вятского общества с такими незаурядными людьми с необычными судьбами, носителями передовых взглядов той эпохи не могло не оставить отпечаток на жизни гу-

бернии и на формировании мышления наиболее интеллигентной и образованной прослойки населения Вятки.

Общественная мысль Вятской губернии в целом и деятельность А. И. Герцена в частности давно и продуктивно изучается местными исследователями. Нельзя не отметить работы И. Ю. Трушковой [8], М. С. Судовикова [9], В. А. Соболева [10], Н. П. Гурьяновой [11], В. И. Бакулина [12], В. А. Бердинских [13] и других учёных, посвящённые этому вопросу. Тем интереснее показалось нам сопоставить данные, полученные с помощью иллюстративного подхода и с помощью контент-анализа.

При большом частотном использовании признаков можно утверждать об истинных (часто не осознанных им самим) приоритетах автора [14]. Важно определить приоритеты А. И. Герцена, выделить основные идеи его речи, опираясь на метод контент-анализа.

При разделении текста по его смысловой составляющей выделяются две части. В каждой из частей были выделены индикаторы и категории.

Таблица 1

Категории	Обозначение	Индикаторы	Кол-во
Просвещение	a1	Образование	14
	a2	Наука	7
	a3	Просвещение	8
	a4	Публичная библиотека	6
Познание	b1	Книга/книгопечатание	12
	b2	Опыт	7
	b3	Чтение/читать/читатели	5
Власть	c1	Великий Пётр/Пётр	3
	c2	Великий Царь/Государь Император/Цари/Ими	6
	c3	Правительство	2

Мелкие индикаторы, смысл которых становится понятным только в контексте, объединяются в более крупные для удобства подсчёта. Так, индикатор «опыт» объединяет такие более мелкие смысловые единицы, как «духовное завещание», «совет умирающего старца юноше», «приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на его место». Индикатор «просвещение» охватывает такие понятия, как «распространять мысль быстро, подобно лучам света», «свет распространялся быстро», «подобно солнцу ниспослало лучи света» и т. д.

При подсчёте частоты встречаемости индикаторов в каждом разделе был проведён расчёт зависимости признаков и получена следующая картина:

Таблица 2

	a1	a2	a3	a4	b1	b2	b3	c1	c2	c3
a1		0,98	1,12	0,84	1,68	0,98	0,7	0,42	0,84	0,28
a2			0,56	0,42	0,84	0,49	0,35	0,21	0,42	0,14
a3				0,48	0,4	0,56	0,4	0,24	0,48	0,16
a4					0,72	0,42	0,3	0,18	0,36	0,12
b1						0,84	0,6	0,36	0,72	0,24
b2							0,35	0,21	0,42	0,14
b3								0,15	0,3	0,1
c1									0,18	0,06
c2										0,12
c3										

Наибольшая связь наблюдается между индикаторами a1 и b1, которые встречаются в тексте чаще всего, т. е. между «образованием» и «книгой» (14 и 12 раз соответственно). Эта связь несомненна, особенно в контексте речи об открытии публичной библиотеки.

Выделяется сильная связь между «образованием» и «просвещением», третьей по встречаемости смысловой единице (8 раз) (a1 и a3), «образованием» и «опытом» (a1 и b2), «образованием» и «наукой» (a1 и a2), «образованием» и «публичной библиотекой» (a1 и a4), «наукой» и «книгой» (a2 и b1), «опытом» и «книгой» (b1 и b2).

Несомненно, что основная идея речи А. И. Герцена заострена на роли образования в жизни общества. Образование тесно связано с просвещением и наукой, и, разумеется, книгой, которая, по мнению Герцена, является источником опыта предыдущих поколений, а значит, и источником знаний.

Что интересно, индикатор «публичная библиотека», который, казалось бы, должен быть одним из главнейших признаков текста, так как речь идёт об её открытии, по количеству упоминаний занимает скромное пятое место (6 упоминаний). Существует сильная связь между ней и при-

знаками «образование» и «книга», из чего следует, что согласно речи Герцена библиотеке отводилась роль проводника образования и хранилища книг, в которых заключена основная ценность.

Что касается роли власти в распространении образования и просвещения, то наблюдается связь между индикаторами «образование» и «царь» (a1 и c2). Но, не считая связи между индикаторами «книга» и «царь» (b1 и c2), это единственная сильная связь между категориями «просвещение», «познание» и «власть», что позволяет сделать вывод о невысоком мнении Герцена о роли власти в распространении просвещения и образования.

Если обратить внимание на контекст, то станет очевидно, что А. И. Герцен, говоря о царях, продвигавших образование, имел в виду не своего современника Николая I. Индикаторы «Великий Царь» и «Государь Император», подразумевающие Николая, встречаются по одному разу. Индикаторы «цари», «ими» (в значении «царями») встречаются четыре раза в следующем контексте: «ЦАРИ, как Великой Петр, стали впереди своего народа и повели его к образованию. ИМИ были заведены Академия и Университеты, ИМИ были призваны люди знаменитые на ученом поприще» [15], т. е. как упоминание великих предшественников.

Таким образом, контент-анализ позволил нам вычленировать основные идеи речи А. И. Герцена – высокую роль образования в жизни общества (14 упоминаний), связь между образованием, наукой, просвещением, книгой и опытом. Методика подтвердила установленную иллюстративным подходом информацию о том, что автор указал на значительную роль царской власти в распространении образования. В то же время контент-анализ позволил выделить истинные (приоритетные) признаки в речи Герцена. Исходя из них можно наблюдать, что упоминания о власти встречаются наименьшее количество раз (5, 7 и 8-е места из восьми), из чего следует, что декларируемая высокая роль власти в действительности автором таковой не считалась. Это подтверждают исторические данные, согласно которым губернатор А. А. Корнилов, редактируя речь А. И. Герцена перед открытием публичной библиотеки, добавил туда верноподданническое дополнение, которое перу самого Герцена не принадлежало. Сам А. И. Герцен, годы спустя, писал, что его речь была «плохой, исполненной уступок, ничтожной речью» [16].

В региональной истории, несмотря на её плотное изучение, тем не менее остаётся немало белых пятен. Применение новых методов, в частности метода контент-анализа, поможет не только подтвердить на практике достоверность старых выводов на основе традиционных методов исторического исследования, таких, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, диахронический, ретроспекция и др. (или опровергнуть их), но и совершить новые открытия в тех областях истории, где исследователю приходится иметь дело с большим объёмом неструктурированной информации. Применение математических, статистических методов подведёт под исторические выводы основательную логическую базу, что повысит их достоверность и уровень доверия общества к полученным выводам.

Примечания

1. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ. М., 2007. С. 7.
2. Бочаров А. В., Скобелев К. В. Опыт разработки методики контент-анализа отражения крестьянской жизни в сибирской периодической печати начала XX в. (на примере газеты «Восточное обозрение» за январь 1905 г.) // Вестник Томского университета. 2013. № 367. С. 58.
3. Приборович А. А. Контент-анализ – форма исторического исследования // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Междунар. науч.-практ. интернет-конференции) / редкол. В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2011. С. 155.
4. Богомолова Н. Н. Контент-анализ. М., 1992. С. 19.
5. Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987. С. 12–14.
6. Манекин Р. В. Контент-анализ как метод исторического исследования // Клио. Междунар. ежекварт. науч.-ист. журнал Донецкого отделения Советской ассоциации молодых историков и Агентства «Информсервис». 1991. № 2. С. 31.
7. Вятские губернские ведомости. 1862. № 16. С. 118.
8. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX в. (система жизнеобеспечения). Киров, 2003.
9. Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX в. Киров, 2009; Судовиков М. С. Герцен: сюжеты вятской жизни. Киров, 2012.
10. Соболев В. А. А. И. Герцен в вятской ссылке. Киров, 1962.
11. Гурьянова Н. П. А. И. Герцен и Вятская публичная библиотека: (к 90-летию присвоения б-ке имени А. И. Герцена) // Девятыне Герценовские чтения: материалы науч. конф. (Киров, 12–13 апр. 2007 г.): [сб.]. Киров, 2007.
12. Бакулин В. И. История российской социал-демократии. 80-е гг. XIX в. – 1916 г.: учеб. пособие. Ч. 1–3. Киров, 1997–2000.

13. Бердинских В. А. История Вятского края: мир русской провинции. Киров, 2005.
14. Аверьянов Л. Я. Указ. соч. С. 19.
15. Вятские губернские ведомости. 1862. № 16. С. 118.
16. Чудова Г. Ф. В те далёкие годы. Киров, 1981. С. 52.

Notes

1. Averyanov L. Y. *Kontent analiz* [Content analysis]. Moscow. 2007. P. 7.
2. Bocharov A.V., Skobelev K.V. *Opyt razrabotki metodiki kontent analiza otrazheniya krest'yanskoj zhizni v sibirskoj periodicheskoj pechati nachala XX v. (na primere gazety «Vostochnoe obozrenie» za yanvar' 1905 g.)* [The experience of developing the methods of content analysis of reflection of peasant life in the Siberian periodicals of the early twentieth century (on the example of the newspaper "Eastern review" for January, 1905)] // *Vestnik Tomskogo universiteta - Herald of the Tomsk University*. 2013, No. 367, p. 58.
3. Pribirivich A. A. *Kontent analiz – forma istoricheskogo issledovaniya* [Content analysis is a form of historical research] // *Rol' lichnosti v istorii: real'nost' i problemy izucheniya: nauch. sb. (po materialam 1 j Mezhdunar. nauch. prakt. internet konferencii)*- Role of personality in history: reality and problems of study: science. sat (on materials of the 1st international. scient.-practical Internet conference) / editorial board. V. N. Sidortsov (resp. edit) [and others]. Minsk. BSU. 2011. P. 155.
4. Bogomolova N. N. *Kontent analiz* [Content analysis]. Moscow. 1992. P. 19.
5. Kovalchenko I. D., Borodkin L. I. *Sovremennye metody izucheniya istoricheskikh istochnikov s ispol'zovaniem EHVМ* [Modern methods of studying historical sources with the use of the computer]. Moscow. 1987. Pp. 12-14.
6. Manekin R. V. *Kontent analiz kak metod istoricheskogo issledovaniya* [Content-analysis as a method of historical research] // *Klio - Clio*. The Intern. quart. scient.-hist. journal of Donetsk dep. of the Soviet Association of young historians and Agency "Informservice". 1991, No. 2, p. 31.
7. Vyatka province news. 1862, No. 16, p. 118. (in Russ.)
8. Trushkova I. Y. *Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX – nachale HХХ v. (sistema zhizneobespecheniya)* [Traditional culture of the Russian population of Vyatka region in the XIX - early XX century (life support system)]. Киров. 2003.
9. Sudovikov M. S. *Kupecheskoe soslovie Vyatsko Kamskogo regiona v konce XVIII – nachale ХХ v* [Merchant class of Vyatka-Kama region in the late XVIII - early XX century]. Киров. 2009; Sudovikov M. S. *Gercen: syuzhety vyatskoj zhizni* [Herzen: stories of Vyatka life]. Киров. 2012.
10. Sobolev V. A. *Gercen v vyatskoj ssylke* [A. I. Herzen in Vyatka exile]. Киров. 1962.
11. Guryanova N. P. *A. I. Gercen i Vyatskaya publichnaya biblioteka: (k 90 letiyu prisvoeniya b ke imeni A. I. Gercena)* [A. I. Herzen and Vyatka public library: (to the 90th anniversary of the assignment to the library the name of A. I. Herzen)] // *A. I. Gercen i Vyatskaya publichnaya biblioteka: (k 90 letiyu prisvoeniya b ke imeni A. I. Gercena)*- Ninth Herzen readings: materials of scient. conf. (Kirov, 12-13 Apr. 2007): [proceedings]. Киров. 2007.
12. Bakulin V.I. *Istoriya rossijskoj social demokratii. 80 e gg. XIX v. – 1916 g.: ucheb. posobie* [The history of Russian social democracy. 80-s of the XIX century - 1916: tutorial]. Pts 1-3. Киров. 1997-2000.
13. Berdinskykh V. A. *Istoriya Vyatskogo kraja: mir russkoj provincii* [History of the Vyatka region: the world of the Russian province]. Киров. 2005.
14. Averyanov L. Y. Op. cit. P. 19.
15. Vyatka province news. 1862, No. 16, p. 118. (in Russ.)
16. Chudova G. F. *V te dalyokie gody* [In those early years]. Киров. 1981. P. 52.

УДК 002.2:057.875(09)“18/19”

А. В. Зайцева

Учебные издания студентов во второй половине XIX – начале XX в.: распространение и реклама

В статье рассматриваются пути платного и бесплатного распространения учебной литературы, выпускавшейся студентами высших учебных заведений дореволюционной России. На примере деятельности московских студентов-издателей и издательских организаций показаны такие способы доведения учебных книг до читателей, как организация подписки, стационарной книжной торговли, передача литературы в библиотечные фонды. Выявлены связи студенческих организаций между собой и с книготорговцами, способствовавшие возможно широкому обращению учебных пособий. Обо-

значен круг распространения студенческих изданий, не ограничивавшийся учебной средой Москвы, но включавший также столичных и провинциальных покупателей из не академической среды. Уделено внимание таким формам рекламы продукции студенческих издательств, как внутрикнижные библиографические списки и издательско-книготорговые каталоги. Продемонстрированы торговые и рекламные приемы конкретных студенческих организаций.

The article discusses different ways of circulation of educational literature published by students of late Imperial Russia, both paid and free of charge. As it is demonstrated by examples of Moscow students' publishing activity such methods as subscription trade, bookstore selling, and donations to libraries were used to bring the books to readers. Relations between students' publishing organizations themselves and professional booksellers are displayed. It is revealed that circulation of textbooks published by students was not limited by Moscow high school community, but included non-academic metropolitan and provincial customers. Also attention is paid to such forms of advertising as bibliographical lists and publishers' catalogs.

Ключевые слова: учебная литература, высшая школа, студенческие организации, книжная торговля, реклама.

Keywords: educational literature, high school, students' organizations, book trade, advertising.

Учебная литература для высшей школы в середине XIX – начале XX в. включала значительное число книг, выпущенных самими студентами. Большая часть подобных изданий представляла собой литографированные лекции. Учащиеся записывали тексты курсов, редактировали их и затем публиковали, создавая таким образом необходимые пособия. Издавались также программы, содержавшие списки вопросов для подготовки к экзаменам, краткие конспекты учебников и научных трудов. Изредка в свет выходили задачки и решебники, атласы и наборы чертежей. Каждое такое издание чаще всего представляло интерес для небольшой группы студентов, тем не менее выпущенные учащимися книги заняли заметное место в учебном процессе высшей школы своего времени.

Высокого уровня развития студенческое книгоиздание достигло в Москве. В 1860-е гг. литографированием лекций занимались студенты Университета и слушатели Петровской земледельческой и лесной академии. В начале XX в. издательства существовали во всех крупных высших учебных заведениях. Основной целью студенческой кооперации в книжном деле было преодоление дороговизны и дефицита учебных пособий. Для этого недостаточно было только издавать книги – требовалось создать эффективную систему их распространения через торговлю и библиотечное обслуживание.

Первым по времени и главным способом платного распространения учебных изданий, принятых студентами, была подписка. Ее назначение состояло в том, чтобы еще до подготовки рукописи к печати определить круг будущих покупателей и за счет взносов покрыть расходы по изданию. Соответственно, от подписки зависели тираж книги и стоимость каждого экземпляра. Преимуществом и одновременно недостатком этой формы торговли было то, что при гарантии реализации заранее намеченного тиража изданий она ограничивала читательскую аудиторию довольно узким кругом лиц. Обычно это были студенты одного учебного заведения, но случались и исключения. В 1884 г. стараниями С. Ф. Платонова была организована подписка для петербуржцев на лекции московского профессора В. О. Ключевского, издававшиеся его слушателем Я. Л. Барсковым [1].

С 1869 г. литографирование лекций было разрешено только профессорам и преподавателям [2]. Не каждый лектор считал необходимым издавать свой курс, и, чтобы не остаться без учебного пособия, слушатели печатали свои записи тайно. В 1887 г. сложившуюся ситуацию описал попечитель Киевского учебного округа, его слова были процитированы министром народного просвещения при обсуждении нарушения студентами установленных правил: «Большую же частью записки литографируются только по числу студентов известных семестров, распределяются между наличными студентами частным образом, по заранее условленной цене, и засим исчезают всякие следы как литографированных записок, так и того, когда, кем и где были они литографированы» [3]. Контрафакция практиковалась и в Москве, на что указывал старший инспектор по надзору за типографиями З. М. Мсерианц [4].

Существовали и легальные издания, предпринятые студентами по инициативе профессоров. С 1869 г. такие литографированные записи должны были поступать в продажу «наравне с печатными книгами» [5], что вызвало протест у лекторов, привыкших к ограниченной читательской аудитории литографированных курсов.

В студенческой среде во второй половине XIX в. не было условий для широкой книжной торговли, за необходимой литературой учащиеся обращались в городские магазины. Подержан-

ные лекции можно было приобрести по знакомству. Как вспоминал И. А. Митропольский, учившийся в Московском университете в 1857–1862 гг., «продажа учебных книг велась и в университете, через сторожей, вывескою записок со стороны как спроса, так и предложения» [6]. О стороже, продающем литографированные лекции, сообщал С. Завадский, студент юридического факультета 1889–1893 гг. [7]

В 1901 г. были официально разрешены студенческие объединения. В московских высших учебных заведениях появились издательства и различные книготорговые заведения. Организационные связи между ними отличались разнообразием. В обществе взаимопомощи студентов-филологов Московского университета издание и распространение учебных книг осуществлялись отдельными комиссиями, подчиненными правлению. Студенты-юристы в рамках общества взаимопомощи содержали издательство и книжный склад, в котором продавалась и своя, и чужая продукция. Самостоятельными предприятиями с собственными торговыми точками были Издательское общество при историко-философском факультете Московских высших женских курсов, издательские комиссии студентов Императорского Технического училища и Московского коммерческого института. Целью таких организаций и кооперации в целом было снабдить учащихся хорошо изданными и при этом недорогими учебными пособиями.

В начале XX в. по-прежнему популярной оставалась подписка, ее практиковали все названные выше издательства. Поскольку студенты не были профессионалами в книжном деле, в их работе случались ошибки. Так, Общество взаимопомощи студентов-юристов не смогло рассчитать при подписке цены на лекции В. А. Краснокутского, и в результате продажи «выяснилась огромная прибыль», часть которой издатели возвратили подписчикам [8]. От подобных происшествий было застраховано Издательское общество курсисток. При подписке на любой из лекционных курсов слушательницы делали стандартный взнос в размере одного рубля [9], а при получении своего экземпляра доплачивали необходимую сумму. В 1912/13 акад. г. цены на книги этого общества составляли от 1 р. 80 к. до 2 р. 60 к., то есть наименьшая доплата равнялась 80 к., а наибольшая превышала первый взнос в полтора раза [10].

Несмотря на то, что число студентов и, как следствие, спрос на учебную книгу в начале XX в. постоянно росли, не каждое издание могло найти своего покупателя. Подписка по-прежнему позволяла узнать, насколько востребованным окажется то или иное пособие. Издательская комиссия слушателей Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского сумела избежать убытков, отказавшись от печатания курса, на который подписались только 77 человек [11].

Продажа выпущенных студенческими издательствами книг происходила в книжных лавочках, бюро, киосках. Они часто помещались на территории учебных заведений, в аудиториях или холлах. Это было практично, так как приближало товар к покупателю. Однако из-за переменчивой политики учебной администрации не у всех организаций положение было надежным. Общество взаимопомощи студентов-филологов в 1912/13 акад. г. на некоторое время было закрыто, и выдачу изданий по подписке пришлось перенести в магазин «Труд» С. А. Сирмунта [12]. Затем несколько лет Общество занимало «прилавок в темном углу кулуаров факультета» [13], пока в 1916 г. окончательно не лишилось права продавать свои книги в Университете. Чтобы выполнить свои обязательства перед студентами, филологи воспользовались для торговли учебными пособиями складом «Студенческого издательства» [14].

Иногда торговля книгами в помещении учебного заведения приносила учащимся не только преимущества, но и неудобства. Об одном таком случае вспоминали издательницы-курсистки: «Книгу покупали студенты – „шанявцы“ и „универсанты“. Продавать ее в другом месте, кроме нашей издательской будки <...> мы не имели права, так как она не проходила цензуры. На курсы мужчинам вход строго воспрещался. Пришлось Марии Шавердовой, заместителю председателя нашего издательского общества, обратиться к директору С. А. Чаплыгину с просьбой сделать исключение для покупателей наших лекций. И так как наша будка находилась рядом с входными дверями, мы гарантировали, что пребывание мужчин в наших стенах будет настолько кратковременным, что никак не отразится на нашей нравственности» [15].

Несмотря на развитие студенческой книжной торговли, в числе распространителей учебных изданий оставались университетские служители. Общество взаимопомощи студентов-юристов Московского университета пользовалось услугами швейцара юридического корпуса. Это было удобно, поскольку собственный склад по требованию администрации на лето приходилось закрывать [16].

Как уже отмечалось, студенческие объединения продавали не только собственную книжную продукцию, они также обменивались изданиями для комиссионной торговли. Кооперативные отношения связывали многие организации московского студенчества. Издатели-юристы сотрудничали со своими товарищами по Московскому университету (обществами взаимопомощи

студентов-медиков и студентов-естественников), с учащимися Императорского Технического училища и Коммерческого института, Высших женских курсов [17]. Общество взаимопомощи студентов-филологов обменивалось книгами не только с организациями Московских высших женских курсов, Историко-филологических и юридических курсов В. А. Полторацкой, но и со Студенческим издательским комитетом при историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета [18]. Вершиной кооперации была централизация торговли через уже упомянутое «Студенческое издательство», которое объединяло издательские комиссии и общества в качестве пайщиков и действовало вне какого-либо учебного заведения [19].

Учебную литературу, выпущенную учащимися, брали на комиссию и городские книготорговцы: магазины Товарищества М. О. Вольф и «Труд» С. А. Скирмунта в Москве, «Право» в Санкт-Петербурге и Одессе [20]. Книгоиздательство студентов Московского сельскохозяйственного института имело 42 комиссионеров в 15 городах от Санкт-Петербурга до Иркутска [21]. Это и другие издательства (например, «Студенческое издательство», издательство «Высшая школа») предлагали услуги по отправке книг в провинцию почтой.

Широкой торговле способствовала реклама. В большинстве случаев она представляла собой библиографические списки, которые издательства размещали на последних страницах и обложках своих книг. Записи в них были краткими, но давали потенциальному покупателю необходимую информацию. Кроме автора и названия указывались цена, количество иллюстраций, наличие переплета. В списках могли перечисляться как имевшиеся на складе, так и запланированные к печати или уже вышедшие и распроданные издания.

Гораздо реже выпускались каталоги, например, они были отпечатаны Книгоиздательством студентов Московского сельскохозяйственного института [22], «Студенческим издательством» [23], Студенческим издательским обществом при Императорском Техническом училище [24]. В них наряду с собственной продукцией указывались книги других издательств, взятые на продажу. Не все организации имели достаточно средств для печатания и распространения каталогов. К тому же эта форма рекламы была рассчитана не на учащихся, а на заказчиков со стороны, но не каждое студенческое издательство стремилось вести дела вне академической среды.

Издательское общество студентов Технического училища подошло к организации рекламы и торговли профессионально. В 1912 г. издатели представили свою продукцию на XIV Съезде русских цементных техников и заводчиков и на II Всероссийском воздухоплавательном съезде. Хорошей рекламой предприятию стало участие во II Всероссийском съезде издателей и книгопродавцев [25]. Студенты также составили и отпечатали «Каталог важнейших русских руководств по главнейшим вопросам техники», не забыв упомянуть в нем и о собственной продукции. Книга пользовалась успехом, принесла издательству «массу новых клиентов, как оптовых, так и розничных» [26] и была впоследствии переиздана [27].

Незначительное количество выпущенной учащимися литературы распространялось бесплатно. Авторские экземпляры получали профессора. Обязательные экземпляры студенческих изданий из типографий и литографий направлялись в Императорскую Публичную библиотеку и в библиотеку Румянцевского музея. Кроме того, издатели безвозмездно передавали свои книги некоторым организациям и учреждениям. Например, Общество взаимопомощи студентов-филологов дарило свои издания семинарской библиотеке историко-филологического факультета и фундаментальной библиотеке Московского университета [28]. Издательское общество курсисток формировало собственный фонд, из которого нуждающиеся слушательницы могли получать книги на время безвозмездно или за небольшую плату [29].

Итак, мы видим, что во второй половине XIX – начале XX в. имелось множество возможностей для распространения отпечатанных студентами книг. Учащиеся приобретали необходимые пособия по подписке и в книжных магазинах, получали их в библиотеках. Такими путями московское студенчество преодолеvalo, хотя и не полностью, дефицит учебной литературы. Кроме того, студенческие издательства начала XX в. внесли свой вклад в книжное дело страны в целом, поскольку доступ к изданным ими книгам получили также читатели из не академической среды, жители столичных и провинциальных городов.

Примечания

1. Платонов С. Ф. Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. М., 2003. С. 12–13.
2. Положение особого Комитета об учащихся в учебных заведениях разных ведомств // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1871. Т. 4. Стб. 1395–1396.
3. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 681. Л. 476 об.
4. ЦГА Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. Ф. 31. Оп. 3. Д. 2156. Л. 15.
5. Положение особого Комитета об учащихся в учебных заведениях разных ведомств.

6. Митропольский И. А. Из воспоминаний о Московском университете И. А. Митропольского (1857–62 гг.) // Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 243.
7. Завадский С. Из жизни Московского университета в XIX столетии: (по воспоминаниям трех поколений) // Московский университет, 1755–1930: юбилейн. сб. Париж, 1930. С. 342–343.
8. Отчет общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1909 год. М., 1910. С. 28.
9. Московские высшие женские курсы. Справочная книжка Московских высших женских курсов. М., [1914]. С. 79.
10. Отчет правления издательского о-ва при историко-философском факультете М. В. Ж. курсов. С 1 октября 1912 года по 1 октября 1913 года. М., 1914. С. 13–17.
11. Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. М., 1914. С. 108 (1-й паг.).
12. Отчет правления о-ва взаимопомощи студентов-филологов при И.М.У. с 5 ноября 1912 г. по 10 октября 1913 г. М., 1913. С. 5–6.
13. Общество взаимопомощи филологов при И.М.У. // Вестник студенческой кооперации. 1916. № 2. С. 15.
14. Отчет правления о-ва взаимопомощи студентов-филологов при И.М.У. с 20 октября 1915 г. по 20 октября 1916 г. М., 1916. С. 5.
15. Цит. по: Эвенчик С. Л. Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР / [отв. ред. Д. С. Бабурин]. М., 1972. С. 86.
16. Отчет Общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1909 год. М., 1910. С. 28.
17. Отчет Общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1908 год. М., 1909. С. 52; Отчет... за 1909 год. М., 1910. С. 42.
18. Отчет правления о-ва взаимопомощи студентов-филологов при И.М.У. с 20 октября 1915 г. по 20 октября 1916 г. М., 1916. С. 6.
19. Издательство и книжный магазин «Студенческое издательство»: каталог собственных изданий и книг, имеющихся на складе. М., 1916.
20. Отчет Общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1908 год. М., 1909. С. 52.
21. Книгоиздательство студентов М.С.-Х.И. // Известия студенческих организаций М.С.-Х.И. (Петровской академии). [М.], 1915. Вып. 1. С. 123.
22. Книгоиздательство студентов Московского сельскохозяйственного института: каталог. М., 1913; То же. М., 1914.
23. Издательство и книжный магазин «Студенческое издательство»: каталог изданий собственных и находящихся на складе. М., 1916; То же. К 1-ому августа 1916 года. [М., 1916].
24. Каталог книжного склада Студенческого издательского общества при Императорском Московском техническом училище (на 1 октября 1910 года). М., 1910.
25. Студенческое издательское общество при Императорском Техническом училище, 1902–1912. [М., 1913]. С. 27.
26. Там же.
27. Каталог важнейших русских руководств по главнейшим вопросам техники, просмотренный и исправленный г.г. профессорами и преподавателями И.М.Т.У. (1902–1912). М., 1912; То же. Изд. 2-е, [доп.]. М., 1915.
28. Отчет правления о-ва взаимопомощи студентов-филологов при И.М.У. с 5 ноября 1912 г. по 10 октября 1913 г. М., 1913. С. 22.
29. Справочная книжка Московских высших женских курсов. М., [1914]. С. 79.

Notes

1. Platonov S. F. *Akademik S. F. Platonov. Peregypiska s istorikami* [Academician S. F. Platonov. Correspondence with historians]. Vol. 1. Moscow. 2003. Pp. 12-13.
2. *Polozhenie osobogo Komiteta ob uchaschihsya v uchebnyh zavedeniyah raznyh vedomstv* - The order of the special Committee on students in educational institutions of various departments // Proceedings of the regulations on the Ministry of national education. SPb. 1871. Vol. 4. Col. 1395-1396.
3. RSHA. F. 776. Sh. 3. File 681. Sh. 47b turn.
4. CSA of Moscow. Center of storage of documents up to 1917 F. 31. Sh. 3. File 2156. Sh. 15.
5. The order of the special Committee on students in educational institutions of various departments. (in Russ.)
6. Mitropolsky I.A. *Iz vospominanij o Moskovskom universitete I. A. Mitropol'skogo (1857–62 gg.)* [From I. A. Mitropolsky's (1857-62) memories of Moscow University] // *Vospominaniya o studencheskoj zhizni* - Memories of student life. Moscow. 1899. P. 243.

7. Zavadsky S. *Iz zhizni Moskovskogo universiteta v XIX stoletii: (po vospominaniyam trekh pokolenij)* [From the life of the Moscow University in the nineteenth century: (the memories of three generations)] // *Moskovskij universitet, 1755–1930: yubilejn. sb.* - Moscow University, 1755-1930: anniversary collection. Paris. 1930. Pp. 342-343.
8. *Otchet obshchestva vzaimopomoshchi studentov yuristov Moskovskogo universiteta za 1909 god* - Report of the mutual-aid society law for students of Moscow University for the year 1909. Moscow. 1910. P. 28.
9. *Moskovskie vysshie zhenskije kursy. Spravochnaya knizhka Moskovskih vysshih zhenskih kursov* - Moscow higher women's courses. Reference book of the Moscow higher women's courses. Moscow. [1914]. P. 79.
10. *Otchet pravleniya izdatel'skogo o va pri istoriko filosofskom fakul'tete M. V. ZH. kursov. S 1 oktyabrya 1912 goda po 1 oktyabrya 1913 goda* - The report of the Board of the publishing society of history and philosophy Department of Moscow higher women courses. From October 1, 1912-October 1, 1913. Moscow. 1914. Pp. 13-17.
11. *Moskovskij gorodskoj narodnyj universitet imeni A. L. SHanyavskogo. Istoricheskij ocherk. Slushateli universiteta. Obshchestvo vzaimopomoshchi slushatelej. Uchebnye plany i programmy lekcij* - Moscow City National University named after A. L. Shanyavsky. Historical essay. The students of the University. The society of mutual aid listeners. The curricula and programs of lectures. Moscow. 1914. P. 108 (1 St par.).
12. *Otchet pravleniya o va vzaimopomoshchi studentov filologov pri I.M.U. s 5 noyabrya 1912 g. po 10 oktyabrya 1913 g.* - The report of the Board of society of mutual aid of students-philologists at I. M. U. November 5, 1912, to October 10, 1913. Moscow. 1913. Pp. 5-6.
13. *Obshchestvo vzaimopomoshchi filologov pri I.M.U.* - The society of mutual aid of philologists at I. M. U. // *Vestnik studencheskoj kooperacii* - Herald of student cooperation. 1916, No. 2, p. 15.
14. *Otchet pravleniya o va vzaimopomoshchi studentov filologov pri I.M.U. s 20 oktyabrya 1915 g. po 20 oktyabrya 1916 g.* - The report of the Board of society of mutual aid of students-philologists at I. M. U. on October 20, 1915 to October 20, 1916. Moscow. 1916. P. 5.
15. Cit. by: Evenchik S. L. *Vysshie zhenskije kursy v Moskve* [Higher women's courses in Moscow] // *Opyt podgotovki pedagogicheskikh kadrov v dorevolucionnoj Rossii i v SSSR* - Experience of teacher training in pre-revolutionary Russia and in the USSR / [resp. ed. D. S. Baburin]. Moscow. 1972. P. 86.
16. *Otchet Obshchestva vzaimopomoshchi studentov yuristov Moskovskogo universiteta za 1909 god.* - Report of the mutual-aid society of law students of Moscow University for the year 1909. Moscow. 1910. P. 28.
17. *Otchet Obshchestva vzaimopomoshchi studentov yuristov Moskovskogo universiteta za 1908 god. M., 1909. S. 52; Otchet... za 1909 god.* - Report of the mutual-aid society law students of the Moscow University in 1908. Moscow. 1909. P. 52; Report... for the year 1909. Moscow. 1910. P. 42.
18. *Otchet pravleniya o va vzaimopomoshchi studentov filologov pri I.M.U. s 20 oktyabrya 1915 g. po 20 oktyabrya 1916 g.* - The report of the Board of society of mutual aid of students-philologists at I. M. U. on October 20, 1915 to October 20, 1916. Moscow. 1916. P. 6.
19. *Izdatel'stvo i knizhnyj magazin «Studencheskoe izdatel'stvo»: katalog sobstvennyh izdanij i knig, imeyushchihsy na sklade* - Publishing house and bookstore "Student house": catalog of own publications and books, available in stock. Moscow. 1916.
20. *Otchet Obshchestva vzaimopomoshchi studentov yuristov Moskovskogo universiteta za 1908 god* - Report of the mutual-aid society of law students of the Moscow University in 1908. Moscow. 1909. P. 52.
21. *Knigoizdatel'stvo studentov M.S. H.I.* - Students' publishing // *Izvestiya studencheskih organizacij M.S. H.I. (Petrovskoj akademii)* - Proceedings of student organizations (of Petrov Academy). [Moscow]. 1915. Is. 1. P. 123.
22. *Knigoizdatel'stvo studentov Moskovskogo sel'skohozyajstvennogo instituta: katalog* - Students' publishing of the Moscow agricultural Institute: catalogue. Moscow. 1913; Ibid. Moscow. 1914.
23. *Izdatel'stvo i knizhnyj magazin «Studencheskoe izdatel'stvo»: katalog izdanij sobstvennyh i nahodyashchihsy na sklade* - Publishing house and bookstore "Student publishing": catalogue of publications of their own and which are in stock. Moscow. 1916; Ibid. To the 1 August 1916. [Moscow. 1916].
24. *Katalog knizhnogo sklada Studencheskogo izdatel'skogo obshchestva pri Imperatorskom Moskovskom tekhnicheskome uchilishche (na 1 oktyabrya 1910 goda)* - Catalogue of bookstore of Student publishing society at the Imperial Moscow technical school (October 1, 1910). Moscow. 1910.
25. *Studencheskoe izdatel'skoe obshchestvo pri Imperatorskom Tekhnicheskome uchilishche, 1902–1912* - Student publishing society at the Imperial Technical school, 1902-1912. [Moscow. 1913]. P. 27.
26. Ibid.
27. *Katalog vazhnejshih russkikh rukovodstv po glavnejshim voprosam tekhniki, prosmotrennyj i ispravlennyy g.g. professorami i prepodavatelyami I.M.T.U. (1902–1912)* - Catalogue of the most important Russian guides on the major questions of technology, reviewed and corrected, by the professors and teachers I. M. T. U. (1902-1912). Moscow. 1912; Ibid. Ed. 2nd, [extra]. Moscow. 1915.
28. *Otchet pravleniya o va vzaimopomoshchi studentov filologov pri I.M.U. s 5 noyabrya 1912 g. po 10 oktyabrya 1913 g.* - The report of the Board of society of mutual aid of students-philologists at I. M. U. November 5, 1912 to October 10, 1913. Moscow. 1913. P. 22.
29. Reference book of the Moscow higher women's courses. Moscow. [1914]. P. 79. (in Russ.)

Знатоки Китая: восточный сосед в исследованиях представителей военно-дипломатической и интеллектуальной элиты России (вторая половина XIX – начало XX в.)

В статье рассматриваются особенности становления и развития представлений русского общества XIX – начала XX в. о Китае и его жителях. Целью исследования стал анализ специфики представлений о Китае различных профессиональных групп российской военно-политической и интеллектуальной элиты, в среде которой образ создавался и ретранслировался в другие слои российского общества. Исследование выполнено в рамках научного направления – имагологии.

The article describes the formation and development specifics of the views about China and its inhabitants in Russian society of the 19th – early 20th century. The research aims to analyze special aspects of the views about China in different professional groups of military, political, and intellectual elite, which formed those views and retranslated them to other strata of Russian society. The research is performed within the framework of the imagology research prospect.

Ключевые слова: образ Китая, знатоки Китая, теория «естественных границ», цивилизационная миссия России на Востоке, «желтая опасность».

Keywords: image of China, Chinese experts, the theory of “natural boundaries”, civilizational mission of Russia in the East, the “yellow peril”.

В современном российском обществе возросла важность «китайского фактора» во внешней политике России, в повседневной жизни российского общества. При этом высоко востребованными стали не только научные знания о Китае, но и данные о специфике их формирования, особенностях восприятия восточного соседа в России. Последние во многом определяли интерпретационные стратегии российских исследователей. Понять механизм влияния эмоционально-ценностного компонента на выработку научных концепций помогает имагология, объектом изучения которой являются представления о другом народе/стране, складывающиеся в индивидуальном, групповом или массовом сознании в конкретной социокультурной и исторической ситуации. Они воплощаются прежде всего в образе Другого – сложной синтетической категории, являющейся динамической системой представлений и мнений, обладающей стереотипными и дифференцированными чертами, рациональными и эмоциональными компонентами [1].

Проблема восприятия Китая в России в XIX – начале XX в. на сегодняшний день изучена недостаточно. Наибольший вклад в исследование образа Китая в России внес А. В. Лукин [2], работы которого посвящены изучению эволюции образа Китая в России на протяжении всей истории взаимоотношений двух стран. При этом внимание ученого сосредоточено на реконструкции и интерпретации образа Китая в современной, постсоветской России. Необходимо отметить, что в 2000-е гг. возрос исследовательский интерес к особенностям восприятия Китая в России [3], исследователи выделяют черты образа Китая в российском сознании, некоторые стереотипы восприятия восточного соседа, в том числе в рассматриваемый нами период. В то же время специфика представлений о Китае в среде различных профессиональных групп российской правящей и интеллектуальной элиты еще не стала предметом специального рассмотрения.

Период второй половины XIX – начала XX в. характеризуется высоким интересом русского общества к Китаю и расширением знаний об этой стране в России вследствие интенсификации двусторонних отношений. С 1840-х гг. дальневосточный регион становится важной частью международной политики, в которой принимает участие и Россия. Усиление экспансии европейских держав в Китае (опиумные войны), поражение Китая от Англии внушали царскому правительству беспокойство за безопасность границ Российской империи на Дальнем Востоке. Правительство пыталось компенсировать поражение в Крымской войне и ослабление позиций России в Европе активизацией внешней политики в среднеазиатском и дальневосточном регионах. В результате Россия заключила с Китаем ряд договоров, создававших правовую основу развития

двусторонних отношений. В мае 1858 г. в Айгуне было подписано соглашение о разграничении территории по Амуру и Уссури [4], следующий, Тяньцзинский договор охватывал широкий круг вопросов русско-китайских взаимоотношений [5]. Заключенный двумя годами позже Пекинский договор подтверждал Айгунский и Тяньцзинский договоры, а также разграничивал территорию по р. Уссури, разрешал сухопутную торговлю вдоль всей границы [6].

Активизация русско-китайских отношений способствовала постепенному складыванию в российском обществе системы представлений о Китае, его образа. Основными носителями информации, знаний о Китае были русские люди, по долгу службы связанные с Цинской империей: дипломаты, окраинные чиновники, военные, миссионеры, иногда купцы, ученые-китаеведы. Они становились «профессиональными толкователями иной культуры» [7] или знатоками Китая. В российском обществе эти люди имели репутацию специалистов-востоковедов. При этом представления каждой социальной группы варьировались вследствие ряда причин: особенностей развития русско-китайских связей в конкретный период, внутренней обстановки в России, специфики профессии носителя информации, особенностей контактов этой группы российского общества с Китаем, опыта и знаний авторитетных представителей группы и т. д.

Среди правящей элиты были люди, увлеченные Востоком и оказывающие огромное влияние на российских правителей и внешнюю политику России. Одним из сторонников мирного проникновения в Азию и сближения с Китаем был С. Ю. Витте. Главная идея, которой придерживался Витте, – «*r p n tration pacifique*»: мирное проникновение, или политическое влияние посредством экономических успехов, а не захвата территории. Призывая к модернизации России по европейскому образцу, Витте уделял внимание железнодорожному строительству, его главным проектом было строительство Транссибирской магистрали. Необходимым условием реализации этого масштабного проекта было сохранение дружеских отношений с правительством империи Цин, что Витте всегда подчеркивал в своих сочинениях: «России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим – сильный, но неподвижный Китай, в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока» [8].

Среди государственной элиты репутацию знатока Востока имел также князь Э. Э. Ухтомский, сопровождавший цесаревича Николая Александровича в его большом путешествии на Восток. Князь имел репутацию специалиста-востоковеда, и благодаря близости к царю Ухтомский играл активную роль в восточноазиатской политике в первые годы правления Николая II. В 1896 г. князь был назначен редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости», ставшей авторитетным изданием по азиатским вопросам.

В своих сочинениях Ухтомский подчеркивал близость России и Азии. По его мнению, азиатские страны, включая Китай, обладали уникальными культурами, не уступающими западным, и являлись естественными союзниками России в противостоянии Западу. В русле данных представлений Ухтомский развивал идею об «особой исторической миссии» России на Востоке, которая заключалась в мирном цивилизаторском продвижении в Китай (такая линия особенно явно была представлена в правительственной печати до 1895 г.). Сторонники «особой миссии» всячески поддерживали мысль о преимуществе русского варианта просвещения народов Востока по сравнению с западноевропейским, осуждавшимся из-за эксплуатации европейскими государствами народов Востока, ввоза опиума, а также лицемерной политики западных миссионеров в Китае. Близость Азии и России Эспер Эсперович объяснял длительной историей сношений и общностью интересов двух стран. В будущем князь допускал возможность присоединения китайских территорий к России, которое, на его взгляд, произойдет мирным путем, согласно логике общего наследия и схожих интересов: «С севера же, от величавого подножья (на крутом берегу Амура), где стоит изваяние человека, отомкнувшего России двери в свободный Тихий океан, все дальше и дальше ложится тень, покрывшая уже Маньчжурию, Корею и Монголию, покрывшая уже спящую столицу богдыханов, идущая вглубь древнейшего из отживших свое царств» [9].

Сторонником мирной политики России на Дальнем Востоке был и военный министр А. Н. Куропаткин, хотя Китай, на его взгляд, мог стать и опасным соседом. Потенциальную опасность для России он видел в многочисленности китайских вооруженных сил, в которых постоянно проводилось реформирование по европейскому образцу: «Может быть, сейчас еще Китай не готов к тому, чтобы вступить с нами в открытую борьбу, но готовится он деятельно, и через два, три года мы будем иметь дело с хорошо организованными китайскими вооруженными силами, которые и сейчас уже насчитывают до 140 тысяч человек, в ближайшем с нами соседстве» [10]. Разделял Куропаткин и теорию «желтой опасности»: систему представлений о грядущей войне желтой и белой рас. Главную опасность в данном контексте для него представляла большая численность китайского населения [11]. Военный министр рассматривал российскую политику в Азии как «стремление к естественной границе», которой на востоке и юго-востоке являлось побережье Тихого океана [12]. При

этом он указывал, что Россия неизбежно должна будет поглотить лежащие на пути этого стремления территории. В 1903 г. такой территорией для Куропаткина являлась северная часть Маньчжурии [13], в 1904 г. – Маньчжурия и Корея [14]. В 1915 г., уже не занимая государственный пост, Куропаткин писал о необходимости раздела Китая на два государства: северный и южный, при этом северный Китай должен был оказаться под властью России и Японии [15].

Несмотря на возможную угрозу со стороны восточного соседа, А. Н. Куропаткин отстаивал мирную политику России в отношении Китая, так как России было бы очень сложно воевать на далекой восточной окраине в силу малочисленности сосредоточенных там войск. С другой стороны, вовлеченная в военную авантюру на Востоке, Россия, по его мнению, могла утратить свои позиции в делах европейской политики.

Таким образом, образ Китая в сознании высшей имперской бюрократии базировался на традиционных представлениях этого слоя о стихийном и закономерном движении России на Восток. Обоснованием таких взглядов служили теория о «естественных границах» Российской империи и рассуждения о цивилизаторской миссии России на «варварском» Востоке. Кроме того, с 1890-х гг. возник вопрос о «желтой опасности», который в правительственной прессе обозначался как «китайская угроза». В это время велись дискуссии об особенностях российской колониальной политики, национальных интересах России в дальневосточном регионе. При этом представления о Китае в среде бюрократической элиты существенно различались у дипломатов и военных.

Одним из следствий заключения системы русско-китайских договоров было появление дипломатического представительства в Китае. До 1860 г. таким представительством была Русская православная миссия в Пекине. С 1712 по 1860 г. русские духовные лица исполняли обязанности представителей Российского государства, служили посредниками в сношениях России с Китаем. Обычно отправляли 4 духовных лица и 6 светских в качестве студентов, изучающих китайский и маньчжурский языки. Именно эти студенты впоследствии служили переводчиками (драгоманами), а затем и консулами при Министерстве иностранных дел [16]. Члены миссии информировали Петербург обо всех важнейших событиях китайской внутренней жизни. В целом представители российской центральной власти не поддерживали распространение православия в Китае, так как боялись озлобления со стороны китайских чиновников и осложнения межгосударственных отношений. С 1860 г. дипломатическая миссия была отделена от духовной миссии.

Важным постулатом дипломатического корпуса в вопросе об отношении России с восточным соседом была теория Ф. Ф. Мартенса, специалиста международного права и юридического консультанта министерства иностранных дел. Мартенс в брошюре «Россия и Китай» замечал, что принципы международного права не могут быть применимы к государствам Дальнего Востока, в особенности к Китаю, так как китайцы не вполне понимают юридические принципы, на которых основываются отношения между цивилизованными народами [17]. Подход Мартенса был обусловлен представлением о том, что степень человеческой свободы в странах Востока значительно ниже по сравнению с европейскими странами. Наряду с этим 1850–60-е гг., а в особенности – конец 1890-х – начало 1900-х гг. были пиком так называемой «русско-китайской дружбы», активным сторонником которой являлось русское дипломатическое ведомство. В связи с этим отношения между Россией и Китаем характеризовались Мартенсом как «сердечное согласие по всем вопросам, обещающим обеспечить мир между двумя империями» [18].

Взгляд на русско-китайские отношения представителей российского дипломатического корпуса, помимо вышеуказанных мотивов, определялся целями и интересами, которые преследовало руководство страны в конкретный исторический период. Так, в период наибольшего русско-китайского сближения на рубеже XIX – начала XX в. большинство дипломатов опасались последствий русского военного похода на Пекин 1900 г., связанного с антиевропейским восстанием ихэтуаней в Китае. Министр иностранных дел М. Н. Муравьев в записке к царю указывал, что Россия, участвуя в походе на Пекин, не должна осуществлять командование общими силами держав, в связи с особым характером русско-китайских отношений и поддержанием в течение двух столетий дружественных мирных сношений со своим соседом [19].

С изменением внешнеполитической ситуации меняется и взгляд дипломатического корпуса на отношения России с Китаем. После русско-японской войны господствующей в российском правительстве становится точка зрения о необходимости сближения с Японией и раздела Китая. В высказываниях российских дипломатов все чаще звучит тезис о необходимости давления на Китай, отношений с позиции силы, аргументом чему служит якобы присущая китайцам особенность национального характера. «Китаец по натуре преклоняется перед силой и сочувствует ей» [20], – пишет, например, поверенный в делах в Пекине М. С. Щекин 5 декабря 1911 г.

Помимо оценки межгосударственных отношений российские дипломаты, связанные по долгу службы с Китаем, обращались и к проблемам развития китайской цивилизации. Суще-

вали полноценные труды, описывавшие китайское общество. Посланники в Китае И. Я. Коростовец и А. В. Тужилин посвятили Китаю монографии, где подробно рассматривали все сферы жизни этой страны. Эти сочинения считались авторитетными, особенно труд Коростовца. Дипломаты характеризовали китайскую цивилизацию как отсталую, «окаменевшую в доисторических формах», «одностороннюю и понятную только Китаю» [21]. Среди причин отсталости Китая назывались государственные традиции Китая, в основе которых лежит конфуцианство, а также его изолированность от западных стран. Неспособность Китая принять реформы, европеизацию дипломаты считали пагубным явлением для дальнейшего развития и китайского государства, и китайской цивилизации. Для представителей дипломатического корпуса в оценке развития китайского государства и цивилизации важным было соотнесение их особенностей с европейским опытом, признаваемым за эталон.

Представители профессиональной военной элиты, ядром которой был корпус офицеров Генерального штаба, оставили достаточно много работ, посвященных Китаю. Знатоками Китая среди военных считались: исследователь Азии Н. М. Пржевальский, командующий Тихоокеанской эскадрой (1897–1899 гг.) контр-адмирал Ф. В. Дубасов, полковник Генерального штаба М. В. Грулев, военные агенты в Китае: Д. В. Путята, Л. Г. Корнилов; приамурские генерал-губернаторы С. М. Духовский и П. Ф. Унтербергер, флотский офицер в отставке А. Максимов. Российские военные оценивали Китай с точки зрения потенциальной угрозы, которую он мог представлять для России, особенно в дальневосточном регионе.

Для исключения конфликтов на Дальнем Востоке российские офицеры предлагали выбрать союзника в регионе: часть военных видела такого союзника в лице Китая, другая – Японии. Отсюда проистекали различия в их отношении к Китаю. Большинство военных не проповедовали тезис об особой «русско-китайской дружбе», хотя наличие длительных мирных отношений (или отсутствие крупных вооруженных конфликтов) между Россией и Китаем офицерами не оспаривалось. Контр-адмирал Ф. В. Дубасов основную задачу России на Дальнем Востоке видел в охране неделимости Китайской империи, оказании ей дружественной поддержки и покровительства. А целью политики в Китае считал установление протектората [22]. Другого союзника на Дальнем Востоке видел офицер флота А. Максимов. В своей брошюре «Наши задачи на Тихом океане» он заявлял, что с каждым годом растет потенциальная угроза для России со стороны Китая в лице китайских переселенцев и увеличивающегося количества войск в Маньчжурии. При этом Максимов замечал, что мир с Китаем для России более желателен, но сохранить этот мир чрезвычайно трудно. Для этого Российской империи необходимо держать на крайнем Востоке сильный флот и достаточный контингент сухопутных войск, а также объединиться с Японией, верным союзником на берегах Великого океана [23].

Чаще всего для укрепления позиций России в регионе военными предлагалось присоединение части территории Китая к Российской империи как удобного стратегического пункта и некоей житницы для снабжения войск, контингент которых должен быть увеличен на границе с Китаем. Поэтому в военной среде наибольшее развитие получила теория о необходимости достижения Россией своих «естественных границ». Первым певцом и теоретиком российского экспансионизма [24] был исследователь Азии Н. М. Пржевальский.

Огромную роль в изучении территорий Цинской империи, граничивших с Россией, сыграло основанное в 1845 г. Русское географическое общество (далее – РГО), вокруг которого объединялись основные силы исследователей и знатоков Китая. Тяньцзинский и Пекинский договоры с Китаем позволяли русским посещать пределы Цинской империи. Русское географическое общество совместно с Главным штабом снаряжало многочисленные экспедиции в районы Дальнего Востока и Внутренней Азии (Восточный Туркестан, Синьцзян), особенно интересовавшие российское правительство. Путешественники-исследователи являлись в большинстве своем военнослужащими – кадровыми офицерами российской армии: Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, Б. Л. Громбчевский, П. К. Козлов и др. Экспедиции РГО постоянно находились в центре общественного внимания, особенно большое влияние на общественное мнение и на взгляды военных оказал Н. М. Пржевальский.

Н. П. Пржевальский рассматривал Китай как «варварское» государство дикой Азии: для таких государств, по мнению ученого, больше всего подходит деспотический строй, которому всячески сопротивляются подвластные Китаю территории, в силу чего кочевые монголы, дунгане «преисполнены желания стать подданными Белого Царя» [25]. Данными аргументами Н. М. Пржевальский отстаивал политику расширения территории Российской империи за счет Азии. Агрессивная политика, по утверждению путешественника, необходима, при этом не стоит вспоминать о так называемой «русско-китайской дружбе», которая является лишь фикцией. Включение территорий Внутренней Азии в состав Российской империи, по мнению Пржеваль-

ского, возможно по причине жалкого состояния китайских вооруженных сил и отсутствия боевого духа у китайцев [26].

Вслед за Пржевальским русскими военными (и не только ими) китайские вооруженные силы характеризовались как «орда», «примитивное войско». При этом представители военной элиты выражали озабоченность по поводу военного реформирования китайской армии по европейскому образцу. Военный агент в Китае в 1907–1911 гг. Л. Г. Корнилов отмечал, что первое применение вновь созданной военной силы Китая намечено против России, так как в первую очередь усиливалась обороноспособность районов, прилегающих к российской границе [27].

Опасная для России ситуация, на взгляд военных, могла сложиться в силу особенностей китайского руководства. Правительство Китая оценивалось представителями военного корпуса России как «слабое», «нерешительное», «трусливое», но вместе с тем «вероломное». При характеристике политики Китая вообще применялась лексика, описывающая отрицательные качества человека. Так, в основе отношений Китая с европейцами, по мнению представителей российского военного корпуса, лежали двуличность, бесцеремонность, наглость, хитрость и подтасовка [28]; со слабыми государствами китайское правительство проявляло высокомерие и наглость, с сильными – льстивость и уступчивость.

Вопросы взаимоотношений России и Китая в контексте проблем цивилизации и культуры рассматривались военной элитой через призму особой цивилизационной миссии России на Востоке. Контр-адмирал Дубасов писал, что Россия, в отличие от западноевропейских стран, ставивших основной целью на Дальнем Востоке получение материальной выгоды, «напротив, несет сюда собственный дух богатства; ее единственная цель – обновление восточно-азиатских государств путем мирного и справедливого на них воздействия» [29].

В характеристике китайского национального характера представителями военной элиты преобладали отрицательные черты, действовали негативные этностереотипы, а сами жители Китая нередко именовались российскими военными пренебрежительными терминами «китаезы», «китай». Основными качествами китайского народа назывались трусость, нечистоплотность, расчетливость, жажда наживы, хитрость, лживость, отсутствие патриотизма. Генерал-лейтенант Унтербергер в своей записке 1897 г. отмечал, что «патриотизма у китайцев нет и они тому будут служить, кто им будет платить» [30]. Такое мнение в среде российских военных сложилось по причине большого размаха торговли и предоставления широкого спектра услуг китайскими жителями европейцам даже во время военных действий, так как европейцы, по меркам Китая, щедро платили. Таким образом, во взглядах военных на Китай и китайцев преобладали отрицательные характеристики и стереотипы.

Русская православная миссия готовила не только профессиональных дипломатов, но и собственно миссионеров, а также ученых, занимающихся изучением Китая. Новый период в деятельности Русской духовной миссии был связан с заключением серии договоров Цинского правительства с иностранными державами в Тяньцзине в 1858 г., когда была разрешена пропаганда веры в Китае. С этого времени миссия была ориентирована на религиозные задачи, занималась также вопросами образования и издательского дела.

Среди наиболее видных деятелей миссии, широко известных российскому обществу благодаря своим сочинениям, были начальник 13-й миссии Палладий Кафаров, являвшийся также членом РГО, начальник 18-й миссии архимандрит Иннокентий (Иван Фигуровский), иеромонах Авраамий, один из помощников Фигуровского.

Представителей духовенства из Русской православной миссии в Пекине, главным образом, интересовали вопросы распространения православия среди китайцев, миссионеры подробно рассматривали религиозную ситуацию в этой стране, которую характеризовали как смешение вер и суеверий [31].

Духовные лица отмечали, что китайцы отдают предпочтение православной вере перед католичеством и протестантизмом, поэтому «в видах религиозных и в целях государственных мы должны стремиться к насаждению православия в Китае. Китайцы наш ближайший на Востоке сосед. Если мы сумеем сделать их братьями по вере, то тем самым мы предотвратим возможность многих грозных столкновений в будущем» [32]. Таким образом, для оправдания необходимости распространения православия в Китае миссионерами использовалась теория «желтой опасности».

Российские священники тщательно изучали китайские религии, особенно конфуцианство. Служителями церкви подчеркивалась огромная роль конфуцианства в государственном управлении, хотя, по понятным причинам, к учению Конфуция проповедники православной веры относились крайне негативно, а принадлежность чиновников и руководителей государства к этому учению считалась основной причиной неудач христианского миссионерства в Китае. Правительство Китая, по мнению Палладия Кафарова, будет вечным, явным или тайным, врагом христианства [33].

Русские миссионеры были уверены, что китайские чиновники и ученые вследствие строгого следования конфуцианским канонам трудно поддавались влиянию христианской проповеди. Поэтому священники обращали свое внимание на простой народ. В китайском национальном характере деятели миссии искали те качества, которые бы благоприятствовали принятию и усвоению православия китайцами. Русские миссионеры отмечали любовь китайцев к порядку, обрядности; уважение «к строгой жизни» и «неукоризненному поведению»: «...пример строгой нравственности приобретет среди этого народа не только уважение, но и влияние» [34]. Наличие этих черт у жителей Китая являлось доказательством того, что именно православная церковь, с ее пышными обрядами и нравственными устоями, является наиболее подходящим институтом религии для китайцев. Проводились параллели между китайскими и русскими крестьянами: «По облику, манерам, привычкам они, конечно, отличаются от наших русских крестьян, но по настроению, мирному характеру, покорности Богу, трудолюбию и семейному единению они близко напоминают добрую патриархальную русскую семью» [35].

Государственный переворот в связи с Синьхайской революцией в Китае был встречен духовенством с оптимизмом, так как «пошатнул основы конфуцианского культа». Отец Авраамий в марте 1914 г. в Петрограде и Москве прочел ряд лекций о Китае и православной миссии в этой стране для сбора средств на строительство храма в Пекине. Он пересказывал слухи, имевшие хождение в Пекине, о том, что почти все министры в преобразованном Китае оказались христианами, а войска Юань Шикая уже успели хорошо изучить Евангелие [36].

В связи с целями, которые преследовало в Китае русское духовенство, важными для них оказались вопросы китайского национального характера, особенностей китайских вероучений и политики Китая по отношению к иностранным миссиям и распространению христианства.

Взгляды духовных лиц Русской православной миссии в Китае повлияли на воззрения российских китаеведов, которые изучали китайский язык и страну при миссии в Пекине (срок обучения в среднем составлял 10–12 лет). В исследуемый период выходит значительное число трудов синологов, посвященных Китаю. Научные статьи, как правило, печатались в специальных изданиях Императорского русского географического общества, Императорского русского исторического и археологического обществ, но часто встречались и в других изданиях: «Вестнике всемирной истории», «Морском сборнике» и т. д. Авторитетным органом печати по вопросам Дальнего Востока (если не единственным) была газета «Восточное обозрение», основанная в 1882 г. в Петербурге. В конце XIX в. в условиях усиления интереса в российском обществе к Китаю труды китаеведов начинали переиздаваться, цитироваться другими авторами, их статьи размещались в таких крупных журналах, как «Вестник Европы», «Русский вестник».

Работы синологов отличались большой скрупулезностью исследования, основывались на изучении оригинальных источников, создавались без опоры на европейскую литературу – это было особенностью российского китаеведения. Идеологизированных оценок в таких работах, как правило, не было. Наиболее известными широкой публике были такие ученые-синологи, как В. П. Васильев, К. А. Скачков, С. М. Георгиевский, А. М. и Д. М. Позднеевы, П. С. Попов. Так, к В. П. Васильеву часто обращались за комментариями по поводу различных событий русско-китайских отношений. Благодаря критике С. М. Георгиевского работ Н. М. Пржевальского, посвященных Китаю, и полемике, развернувшейся в 1887 г. между двумя учеными на страницах крупных периодических изданий, в российской печати в конце 1880-х – начале 1890-х появились дискуссии о проблемах развития Цинской империи, ее положении в мире, «принципах жизни» Китая. Русские востоковеды следовали традициям, которые заложил Н. Я. Бичурин, начальник 9-й миссии, прославившийся этнографическими трудами о Китае и пользовавшийся вниманием петербургского общества. Он с большим уважением относился к китайской культуре, что иногда доходило до идеализации Китая. Все российские синологи подчеркивали необходимость и важность изучения Китая для России.

Российские китаеведы поддерживали политику, нацеленную на сохранение союза с Китаем, были сторонниками русско-китайской дружбы. Международное положение, которое занимала Цинская империя во второй половине XIX – начале XX в., накладывало отпечаток на характеристику Китая российскими китаеведами. Отставание Китая от Европы в материальном плане, в промышленности, военном деле отмечали все ученые. Большая часть востоковедов причину такого положения вещей связывала с неразумной внешней и внутренней политикой маньчжурской династии. Например, К. А. Скачков писал, что именно правление Цинов «довело богатство Китая до нищеты» [37].

Синологи рассматривали конфуцианство как основу жизни Китая. Но в отличие от православных миссионеров, сконцентрированных на религиозной составляющей учения, профессиональных ученых интересовало также влияние конфуцианства на развитие науки и просвещения. В. П. Васильев в своей работе «Религии Китая» подробно рассматривал роль Конфуция в истории Китая, перечислял его заслуги в становлении образования [38]. П. Шмидт отмечал недостатки кон-

фуцианского учения: бесчисленные пустые обряды и формальности, которые мешают как умственному, так и экономическому развитию китайского общества [39]. Другой точки зрения придерживался С. М. Георгиевский. Он не разделял общепризнанного мнения об отсталости китайской цивилизации, предпочитая использовать термин «устойчивость». Синолог считал, что Китай был бы немислим без конфуцианства, оно благоприятствовало развитию грамотности среди китайского населения, а любовь к просвещению охватывала всю массу многомиллионного народа [40].

Таким образом, представители разных профессиональных групп российской элиты внесли свой вклад в формирование образа Китая в российском сознании второй половины XIX – начала XX в. Военные оценивали потенциальную опасность восточного соседа, дипломаты стремились выявить в традициях китайского государственного управления и китайского общества те принципы и отличительные особенности, которые способствовали бы реализации успешной российской политики в отношении Китая; для миссионеров главным было распространение православия в Средней империи, и они подробно изучали религиозные устои Китая, а русские китаеведы заложили традицию уважительного отношения к китайской истории, культуре и цивилизации. Главными составляющими образа Китая в сознании российского общества в конце XIX – начале XX в. были представления об отсталом в политическом и экономическом плане государстве, обладающем при этом огромными ресурсами, в том числе многомиллионным трудолюбивым населением, в жизни которого большую роль играли многовековые традиции и религиозные учения; восточном соседе с уникальной историей и культурой.

Примечания

1. Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011. С. 10–11.
2. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.
3. Благодер Ю. Г. Образ Китая в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов XVII – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005; Исаченко В. И. Образ Китая и китайцев в русской ментальности второй половины XIX – начале XX в.: философско-религиоведческий анализ: дис. ... канд. фил. наук. Благовещенск, 2005.
4. Айгунский договор о переходе к России левобережья Амура и о русско-китайской торговле в Приамурье // Русско-китайские отношения. 1989–1915. Официальные документы. М., 1958. С. 29–30.
5. Трактат между Россией и Китаем об условиях политических взаимоотношений // Русско-китайские отношения. 1989–1915. Официальные документы. М., 1958. С. 30–34.
6. Пекинский дополнительный договор об определении русско-китайских границ, порядке дипломатических сношений и о торговле в Кульдже // Русско-китайские отношения. 1989–1915. Официальные документы. М., 1958. С. 34–40.
7. Саран А. Ю. Взаимовосприятие культур в многокультурной среде: русские и англичане в Китае // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 184.
8. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. Л., 1924. С. 35.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 171. Л. 11
10. Всеподданнейший отчет военного министра о поездке его на Дальний Восток в апреле и мае 1911 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474. Л. 26.
11. Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 65.
12. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.
13. Там же. Д. 182. Л. 4.
14. Там же. Д. 170. Л. 1.
15. Там же. Д. 584. Л. 33.
16. Русская православная миссия в Китае. Исторический очерк и современное состояние // Китайский благовестник. 1916. Вып. 9/12. С. 4–5.
17. Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. СПб., 1881. С. 79.
18. Там же. С. 83.
19. Боксерское восстание // Красный архив. 1926. № 1(14). С. 15.
20. Китайская революция 1911 года // Красный архив. 1926. № 5(18). С. 80.
21. Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898. С. 3.
22. Дубасов А. Очерк политического положения на Крайнем Востоке // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 176. Л. 23.
23. О внешней политике Российской империи на Дальнем Востоке (Из брошюры: Максимов А. Я. «Наши задачи на Тихом океане»). URL: <http://www.milresource.ru/Maksimov.html> (дата обращения: 24.02.2013)
24. Лукин А. В. Указ. соч. С. 127–128.
25. Пржевальский Н. М. Очерк современного положения Центральной Азии // Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 509.

26. См.: там же. С. 525.
27. Корнилов. Вооруженные силы Китая. Иркутск, 1911. С. 11–12.
28. О внешней политике Российской империи на Дальнем Востоке.
29. Дубасов А. Очерк политического положения на Крайнем Востоке. Л. 22–23.
30. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 2118. Л. 28
31. Кафаров П. Некоторые соображения по поводу предполагаемого учреждения Православно-Проповедческой Миссии в Китае // Китайский благовестник. 1915. Вып. 9/12. С. 39.
32. Воззвание // Китайский благовестник. 1914. Вып. 1/2. С. 2.
33. Там же. С. 37.
34. Кафаров П. Некоторые соображения по поводу предполагаемого учреждения Православно-Проповедческой Миссии в Китае // Китайский благовестник. 1915. Вып. 9/12. С. 44.
35. Поездка в Юнпинфу, Лувэйшань и Пэйтайхо // Китайский благовестник. 1914. Вып. 15/16. С. 28.
36. Чтения о. Архимандрита Авраамия о Китае // Китайский благовестник. 1914. Вып. 15/16. С. 23.
37. Скачков К. А. Пекин в дни тайпинского восстания. Из записок очевидца. М., 1958. С. 181.
38. Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб., 1873. С. 30.
39. См.: Шмидт П. Китайские классические книги. Владивосток, 1901. С. 4.
40. Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. СПб., 1888. С. 85.

Notes

1. Golubev A. V., Porshneva O. S. *Obraz soyuznika v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovykh vojn* [Image of ally in the consciousness of Russian society in the context of the world wars]. Moscow. 2011. Pp. 10-11.
2. Lukin A. V. *Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekah* [Bear watches the dragon. The image of China in Russia in the XVII–XXI centuries]. Moscow. 2007.
3. Blagoder Y.G. *Obraz Kitaya v pis'mennykh svidetel'stvah rossijskikh puteshestvennikov i diplomatov XVII – nachala XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Image of China in the written evidence of Russian travelers and diplomats of XVII - beginning of XX centuries: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Krasnodar. 2005; Isachenko V.I. *Obraz Kitaya i kitajcev v russoj mental'nosti vtoroj poloviny XIX – nachale XX v.: filosofsko religiovedcheskij analiz: dis. ... kand. fil. nauk* [Image of China and the Chinese in the Russian mentality in the second half of XIX - early XX century: philosophical and religion-studying analysis: dis. ... Cand. Phil. Sciences]. Blagoveshchensk. 2005.
4. *Ajgunskij dogovor o perekhode k Rossii levoberezh'ya Amura i o russo kitajskoj trgovle v Priamur'e* [Aigunskiy agreement of transfer to Russia left Bank of the Amur river and on the Russian-Chinese trade in Amur region // *Russo kitajskie otnosheniya. 1989–1915. Oficial'nye dokumenty* - Russian-Chinese relations. 1989-1915. Official documents. Moscow. 1958. Pp. 29-30.
5. *Traktat mezhdru Rossiej i Kitaem ob usloviyah politicheskikh vzaimootnoshenij* - The Treaty between Russia and China about the conditions of political relations // *Russo kitajskie otnosheniya. 1989–1915. Oficial'nye dokumenty* - Russian-Chinese relations. 1989-1915. Official documents. Moscow. 1958. Pp. 30-34.
6. *Pekinskij dopolnitel'nyj dogovor ob opredelenii russo kitajskih granic, poryadke diplomaticheskikh snoshenij i o trgovle v Kul'dzhe* - Beijing an additional agreement about the definition of the Russian Chinese border, diplomatic relations and trade in Ghulja // *Russo kitajskie otnosheniya. 1989–1915. Oficial'nye dokumenty* - Russo-Chinese relations. 1989-1915. Official documents. Moscow. 1958. Pp. 34-40.
7. Saran A. Y. *Vzaimovospriyatie kul'tur v mnogokul'turnoj srede: russkie i anglichane v Kitae* [Mutual perception of the cultures in a multicultural environment: the Russians and the British in China] // *Rossija i Evropa v XIX–XX vekah. Problemy vzaimovospriyatiya narodov, sociumov, kul'tur* - Russia and Europe in the XIX–XX centuries. The problem of the perception of the peoples, societies, cultures. Moscow. 1996. P. 184.
8. Witte S. Y. *Vospominaniya. Carstvovanie Nikolaya* [Memories. The reign of Nicholas II]. Vol. 1. Leningrad. 1924. P. 35.
9. State archive of the Russian Federation (SARF). F. 543. Sh. 1. File 171. Sh. 11
10. *Vsepoddannejšij otchet voennogo ministra o poezdke ego na Dal'nij Vostok v aprele i mae 1911 g.* Imperial report of the Minister of war about his trip to the far East in April and may 1911 // SARF. F. 601. Sh. 1. File 474. Sh. 26.
11. Kuropatkin A. N. *Russo kitajskij vopros* [Russian Chinese question]. SPb. 1913. P. 65.
12. SARF. F. 543. Sh. 1. File 170. Sh. 1.
13. Ibid. File 182. Sh. 4.
14. Ibid. File 170. Sh. 1.
15. Ibid. File 584. Sh. 33.
16. *Russkaya pravoslavnaya missiya v Kitae. Istoricheskij ocherk i sovremennoe sostoyanie* Russian Orthodox mission in China. Historical review and current state // *Kitajskij blagovestnik* - Chinese Evangelist. 1916, Vol. 9/12, pp. 4-5.
17. Martens F. F. *Rossija i Kitaj* [Russia and China]. SPb. 1881. P. 79.
18. Ibid. P. 83.
19. *Bokskerskoe vosstanie* - Boxer rebellion // *Krasnyj arhiv* - Red archive. 1926, No. 1(14), p. 15.

20. *Kitajskaya revolyuciya 1911 goda* - The Chinese revolution of 1911 // *Krasnyj arhiv* - Red archive. 1926, No. 5(18), p. 80.
21. Korostovets I. Y. *Kitajcy i ih civilizaciya* [The Chinese and their civilization]. SPb. 1898. P. 3.
22. Dubasov A. *Oчерk politicheskogo polozheniya na Krajnem Vostoke* [Sketch of the political situation in the Far East] // SARF. F. 543. Sh. 1. File 176. Sh. 23.
23. About the foreign policy of the Russian Empire in the far East (From the booklet: Maksimov A. Y. "Our job in the Pacific"). Available at: <http://www.milresource.ru/Maksimov.html> (date of access: 24.02.2013) (in Russ.)
24. Lukin A. V. Op. cit. Pp. 127-128.
25. Przhevalsky N. M. *Oчерk sovremennogo polozheniya Central'noj Azii* [Sketch of the current situation in Central Asia] // Przhevalsky N. M. *Ot Kyahty na istoki ZHeltoj reki, issledovanie severnoj okrainy Tibeta i put' cherez Lob Nor po bassejnu Tarima* - From Kyakhta on the sources of the Yellow river, the study of the Northern margin of Tibet and the path through the Lob-Nor in the Tarim basin. SPb. 1888. P. 509.
26. See: *ibid.* P. 525.
27. Kornilov. *Vooruzhennye sily Kitaya* [The armed forces of China]. Irkutsk, 1911. P. 11-12.
28. About the foreign policy of the Russian Empire in the far East.
29. Dubasov A. *Oчерk politicheskogo polozheniya na Krajnem Vostoke* [Sketch of the political situation in the Far East]. Sh. 22-23.
30. The Russian state military historical archive (RSMHA). F. 400. Sh. 1. File 2118. Sh. 28
31. Kafarov P. *Nekotorye soobrazheniya po povodu predpolagaemogo uchrezhdeniya Pravoslavno Propovedcheskoj Missii v Kitae* [Some thoughts about the proposed establishment of the Orthodox Evangelical Mission in China] // *Kitajskij blagovestnik* - Chinese Evangelist. 1915, Is. 9/12, p. 39.
32. *Vozzvanie* - Appeal // *Kitajskij blagovestnik* - Chinese Evangelist. 1914, is. 1/2, p. 2.
33. *Ibid.* P. 37.
34. Kafarov P. *Nekotorye soobrazheniya po povodu predpolagaemogo uchrezhdeniya Pravoslavno Propovedcheskoj Missii v Kitae* [Some considerations regarding the proposed establishment of the Orthodox Evangelical Mission in China] // *Kitajskij blagovestnik* - Chinese Evangelist. 1915, is. 9/12. P. 44.
35. *Poezdka v YUnpinfu, Luvehjshan' i Pehjtajho* - A trip to Junpinfu, Lavasani and Pejtajho // *Kitajskij blagovestnik* - Chinese Evangelist. 1914, is. 15/16, p. 28.
36. *CHteniya o. Arhimandrita Avraamiya o Kitae* Read about. Archimandrite Abraham about China // *Kitajskij blagovestnik* - Chinese Evangelist. 1914, is. 15/16, p. 23.
37. Skachkov K. A. *Pekin v dni tajpinskogo vosstaniya. Iz zapisok ochevidca* [Beijing in the days of the Taiping rebellion. From the notes of an eyewitness]. Moscow. 1958. P. 181.
38. Vasiliev B. N. *Religii Vostoka: konfucianstvo, buddizm, daosizm* [Religions of the East: Confucianism, Buddhism, Taoism]. SPb. 1873. P. 30.
39. See: Schmidt P. *Kitajskie klassicheskie knigi* [Chinese classical books]. Vladivostok. 1901. P. 4.
40. Georgievsky S. M. *Principy zhizni Kitaya* [Principles of Chinese life]. SPb. 1888. P. 85.

Основные проблемы оптимизации контрольно-надзорной деятельности в свете Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г.

Одним из приоритетных направлений развития российского государства является развитие малого и среднего бизнеса как экономической основы благополучия общества, повышение его конкурентоспособности при интеграции в мировую экономику. В связи с этим со стороны Правительства РФ требуется принятие неотложных мер, направленных на оптимизацию деятельности контрольно-надзорных органов, совершенствование нормативно-правовой базы, в том числе административного законодательства, снижение административного давления на бизнес. Эти задачи были поставлены в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г.

В статье приводятся официальные аналитические данные, характеризующие эффективность и направленность государственного контроля (надзора). Дается анализ основных проблем, возникающих в ходе осуществления уполномоченными государственными и муниципальными органами контрольно-надзорными мероприятиями, которые позволяют автору сделать вывод о том, что система контрольно-надзорной деятельности ориентирована не на выявление угрозы причинения вреда, а на проверку соблюдения иных требований, которым присвоен статус «обязательных». В ряде случаев в действиях надзорных органов просматривается не профилактическая, а карательная направленность, то есть установка на применение должностными лицами в случаях выявления, пусть даже и незначительных, легко устранимых нарушений, максимально жестких административных мер.

Также дается анализ реализации государственных надзорных функций в экономически развитых странах, проведенный при поддержке зарубежных Представительств Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, который показывает, что деятельность контрольных органов в них сосредоточена в основном на профилактике возможных правонарушений и негативных последствий, а не на их выявлении.

Автором предлагаются конкретные меры, направленные на устранение существующих проблем и противоречий и реализацию задач, поставленных Президентом.

One of the priority directions of development of the Russian state is the development of small and medium businesses as the economic basis for the well-being of society, increasing its competitiveness through integration into the world economy. In this regard, the Government of the Russian Federation requires the adoption of urgent measures aimed at optimization of the activities of enforcement agencies, improving normative framework, including administrative law, reduction of administrative pressure on business. These tasks were set in the annual message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of 4 December 2014

The article provides a formal analytical data characterizing the effectiveness and direction of state control (supervision). The analysis of the main problems arising in the implementation of the competent state and municipal authorities oversight activities that enable the author to conclude that the system of regulatory activities not focused on the identification of threats of harm, and to verify compliance with other requirements, which have been assigned the status of "mandatory". In some cases the actions of the Supervisory authorities is viewed not preventive and punitive orientation, i.e. setting on the use of officials in the cases, even minor, easily correctable violations, stringent administrative measures.

Also an analysis of the implementation of the state Supervisory functions in economically developed countries, held with the support of foreign Missions of the chamber of Commerce of the Russian Federation, which shows that the activity of the Supervisory bodies in them focused mainly on the prevention of possible violations and negative consequences, and not on their identification.

The author proposes specific measures aimed at addressing existing problems and contradictions and implementation of tasks set by the President.

Ключевые слова: Послание Президента РФ, бизнес, контрольно-надзорная деятельность, нормативно-правовое регулирование, зарубежный опыт.

Keywords: the message of the President, business, regulatory activity, regulation, excessive administrative pressure, analytical data, foreign experience.

Со вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую организацию все более острыми становятся проблемы развития в нашей стране малого и среднего бизнеса как основы экономического благополучия государства, сохранения его конкурентоспособности по отношению к аналогичным субъектам предпринимательства в зарубежных странах.

Ситуация усугубляется вводимыми странами Европейского союза и США санкциями, направленными на подрыв экономики нашего государства.

В связи с этим все большую тревогу и озабоченность в обществе вызывает ситуация, сложившаяся по поводу правоотношений, возникающих между предпринимателями и контрольно-надзорными органами при реализации ими своих полномочий, что нашло свое отражение в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г. [1] В частности, Президент отметил: «Мы не в первый раз говорим о необходимости новых подходов в работе надзорных, контрольных, правоохранительных органов. Но изменения происходят очень медленно. По-прежнему доминирует обвинительный уклон. Вместо того чтобы пресекать отдельные нарушения, закрывают дорогу, создают проблемы тысячам законопослушных, инициативных граждан. Надо максимально снять ограничения с бизнеса, избавить его от навязчивого надзора и контроля. Я сказал, именно навязчивого надзора и контроля, еще остановлюсь на этом поподробнее и предлагаю следующие меры».

Все сказанное подтверждается аналитическими данными. По информации Минэкономразвития в Российской Федерации контрольно-надзорную деятельность осуществляют более 30 государственных административных органов, а также контрольно-надзорные органы субъектов РФ и муниципальные органы. Ежегодно ими осуществляется около 2,8 млн проверок, по результатам которых накладывается более 1,4 млн административных взысканий, в том числе 1,2 млн штрафов на сумму около 19 млрд рублей [2].

При этом нарушения обязательных требований, представляющие непосредственную угрозу причинения вреда, федеральными органами исполнительной власти выявлены у 163,4 тыс. проверенных подконтрольных субъектов из 1 185 450, что составляет только 16% от общего количества проверенных подконтрольных субъектов, у которых выявлены нарушения (то есть в 84% проверок (1 021 050 подконтрольных субъекта) выявленные нарушения не представляли непосредственной угрозы причинения вреда).

Вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что система контрольно-надзорной деятельности ориентирована не на выявление угрозы причинения вреда, а на проверку соблюдения иных требований, которым присвоен статус «обязательных».

В ряде случаев в действиях надзорных органов просматривается не профилактическая, а карательная направленность, то есть установка на применение должностными лицами в случаях выявления, пусть даже и незначительных, легко устранимых нарушений, максимально жестких административных мер.

Так, например, обязательным является требование к сотрудникам ряда надзорных ведомств (МЧС, прокуратура) о привлечении во всех без исключения случаях к административной ответственности за одни и те же нарушения и должностных и юридических лиц, даже если установлен факт неисполнения своих обязанностей конкретным должностным лицом.

В то же время проверяемыми субъектами часто становятся предприятия малого бизнеса, допустившие не опасные нарушения соответствующих правил, и применение к ним даже минимального размера административного штрафа может повлечь существенное ухудшение их финансового состояния, а иногда и создать угрозу прекращения их деятельности.

Например, санкция ч. 1 ст. 7.3 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) за пользование недрами без лицензии предусматривает минимальный размер административного штрафа на юридических лиц в размере 800 000 рублей.

При этом в практике применения указанной нормы очень часто возникают ситуации, когда к административной ответственности привлекаются сельскохозяйственные предприятия за эксплуатацию без лицензии переданных им муниципальными образованияами или перешедших к

ним от бывших колхозов и совхозов водозаборных скважин, используемых, в том числе, для водоснабжения населенных пунктов.

В соответствии с санкцией ст. 8.2 КоАП РФ за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления предусматривается минимальный размер административного штрафа на юридических лиц составляет 100 000 рублей. При этом в практике применения указанной нормы нередко возникают ситуации, когда к административной ответственности привлекаются небольшие предприятия за нарушение правил ведения документации по учету образующихся у них отходов.

Аналогично обстоят дела в сфере надзора за пожарной безопасностью, где в соответствии с санкцией ст. 20.4 КоАП РФ штраф составляет 150 000 рублей, и подобные примеры можно привести по многим другим возникающим в контрольно-надзорной сфере правоотношениям.

Необходимо отметить, что определенные шаги по либерализации административного законодательства в последнее время все же предпринимаются. Так, большим шагом в этом направлении следует считать принятый в прошедшем году Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 515-ФЗ «О внесении изменений в статью 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [3]. Данным законом скорректированы общие правила назначения административного наказания.

Установлено, что при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением организации, судья, орган, должностное лицо, уполномоченные рассматривать дела, могут назначить наказание в виде штрафа ниже минимальной санкции соответствующей статьи Кодекса, при условии, что она составляет не менее 100 тыс. При этом в случае, если наказание назначается согласно изложенным правилам, то размер штрафа не может составлять менее половины минимальной величины предусмотренного той или иной статьей Кодекса.

Аналогичные послабления введены и для физических лиц. Они применяются, если минимальные размеры штрафа составляют 10 тыс. руб. (для граждан) и 50 тыс. руб. (для должностных лиц).

О необходимости введения такого рода изменений в административный кодекс давно говорили российские ученые и практики, в том числе автор настоящей статьи [4]. Однако поводом для принятия указанного закона послужило Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П. Данным постановлением суд подтвердил выводы наших ученых о том, что меры административной ответственности и правила их применения, устанавливаемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только соответствовать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений.

Следует также отметить, что в ходе реализации контрольно-надзорными органами своих полномочий объектами проверок является соблюдение огромного количества постоянно меняющихся правил, нормативов и стандартов, которые предпринимателю практически невозможно своевременно и в полном объеме изучить и уж тем более обеспечить исполнение.

Например, в настоящее время только на федеральном уровне законодательную базу государственного контроля (надзора) и муниципального контроля составляют около 90 отраслевых федеральных законов, регламентирующих отдельные виды государственного контроля (надзора).

К актуальным системным проблемам исполнения контрольно-надзорных функций органами государственной власти Российской Федерации и органами местного самоуправления, препятствующим эффективному развитию малого и среднего бизнеса, можно отнести:

- отсутствие в практике планирования и проведения контрольно-надзорных мероприятий учета вероятности причинения вреда в результате деятельности подконтрольного субъекта и ее соотношения с ресурсами органов государственного контроля (надзора), направляемыми на осуществление мероприятий по контролю;

- устаревание обязательных требований, подлежащих проверке (во многих отраслях до сих пор применяются нормативные правовые и распорядительные акты СССР, содержащие морально устаревшие требования, не отвечающие современному уровню развитию экономики, науки и техники);

- непрозрачность проверяемых обязательных требований (подконтрольные субъекты не знакомы с исчерпывающим перечнем обязательных требований, исполнение которых у них мо-

гут проверить; до сих пор сохраняется практика, когда обязательные требования не опубликованы в установленном порядке);

– отсутствие связи многих проверяемых обязательных требований с безопасностью товаров, работ, услуг (нарушение таких требований не приводит к серьезной угрозе причинения вреда жизни, здоровью людей, вреда животным и растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры народов Российской Федерации), безопасности государства, имущества физических и юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, предупреждению, возникновению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера);

– дублирование исполнения контрольно-надзорных функций в отношении одного и того же предмета различными органами государственной власти;

– отсутствие единой системы регистрации случаев причинения вреда, что не позволяет принимать качественные решения о сферах, в которых требуется усилить или, наоборот, минимизировать осуществление контрольно-надзорных функций;

– необходимость изменения подходов к регулированию выполнения функций государственного контроля (надзора) административными регламентами, принимая во внимание отсутствие в указанных регламентах норм, устанавливающих права и обязанности проверяемых лиц, а также принятие на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации нормативных правовых актов, утверждающих положения о государственном контроле (надзоре) в соответствующей сфере деятельности.

Также много нареканий вызывают вопросы прокурорского надзора за соблюдением предпринимателями соответствующих нормативных требований.

Так, п. 2 ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы.

Однако нормативное толкование понятия «подмена иных государственных органов» в контрольно-надзорной сфере отсутствует, что приводит к систематическому и повсеместному исполнению органами прокуратуры функций, возложенных государством на специальные уполномоченные контрольно-надзорные органы (федеральные службы, иные административные органы).

Прокуратура во многих случаях самостоятельно проводит внеплановые проверки хозяйствующих субъектов, в том числе малого и среднего бизнеса, дублируя тем самым действия государственных надзорных и муниципальных контрольных органов, создавая избыточное административное давление на бизнес и формируя негативное отношение предпринимателей к целям и задачам государственного контроля (надзора). При этом органы прокуратуры в соответствии с законодательством имеют полномочия в необходимых случаях (наличие информации о допусках поднадзорным субъектом нарушениях) обязать соответствующий государственный надзорный орган, орган муниципального контроля провести внеплановую проверку соответствующего субъекта.

Ситуация усугубляется тем, что на прокуратуру не распространяются требования Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Это дает возможность отступать сотрудникам прокуратуры при проведении внеплановой проверки от установленной данным законом процедуры проверки, оформления ее результатов, то есть, по сути, нивелирует действие данного закона.

Такое положение дел не способствует решению задач развития предпринимательства, поддержки субъектов малого и среднего бизнеса как основы экономического развития государства. Кроме того, исключение дублирования прокуратурой функций иных надзорных органов будет способствовать более эффективному использованию ее сотрудников для решения задач, отнесенных к исключительной компетенции органов прокуратуры.

В то же время анализ реализации государственных надзорных функций в экономически развитых странах, проведенный при поддержке зарубежных Представительств Торгово-промышленной палаты Российской Федерации показывает, что деятельность контрольных органов в них сосредоточена в основном на профилактике возможных правонарушений и негативных последствий, а не на их выявлении.

Например, в Латвии инспектора надзорных органов проходят специальное обучение и тренинги в качестве консультантов и любым проверкам субъектов бизнеса обязательно предшествуют соответствующие консультации по разъяснению требования нормативно-правовых актов в соответствующей сфере и порядка их исполнения.

Очевидно, что применение подобной практики в нашей стране, например путем проведения соответствующими надзорными органами обучающих и консультационных семинаров за 1–

2 месяца до плановой проверки, позволило бы своевременно устранить хозяйствующим субъектам возможные нарушения и нивелировать неблагоприятные последствия.

В Германии меры административного воздействия применяются к юридическим лицам только в случаях невыполнения ими выданных ранее по результатам проверок предписаниям.

А в странах Бенилюкс и Франции в надзорной сфере действует режим «добропорядочной ошибки», то есть административные наказания не применяются в отношении предпринимателей, допустивших нарушения, но при этом обратившихся в надзорный орган за технической консультацией по своей инициативе.

Опыт становления экономики зарубежных стран и анализ их нормативно-правовой базы показывают, что нормальное развитие предпринимательства возможно только при установлении между государством и бизнесом партнерских отношений, единых, стабильных и неизменных правил, определяющих взаимные права и обязанности и устанавливающих широкую возможность самому бизнесу участвовать в решении возникающих проблем (саморегулированию).

Очевидно, что в сложившейся ситуации назрела срочная необходимость принять на государственном уровне меры по принципиальному изменению порядка и условий осуществления органами исполнительной власти контрольно-надзорных функций и правоприменительной деятельности.

С нашей точки зрения, эти меры должны быть направлены на решение следующих задач.

1. В действующий КоАП РФ необходимо внести изменения и дополнения, направленные на дифференцированный и сбалансированный подход в решении вопросов об административной ответственности юридических лиц.

Эти поправки также разработаны и содержат следующие основные новеллы.

1.1. Существенное снижение минимальных размеров штрафных санкций по ряду статей, с целью возможности их применения в отношении субъектов малого и среднего бизнеса.

Например, размер административного штрафа на юридических лиц по ст. 8.2 КоАП РФ целесообразно было бы установить в пределах от 5000 до 250 000 рублей, вместо установленного в настоящее время от 100 000 до 250 000 рублей.

1.2. Законодательное закрепление в главе 2 КоАП РФ нормы, исключающей привлечение к административной ответственности юридического лица, в случае выдачи ему по результатам проверки предписания до истечения разумных сроков его исполнения, за исключением случаев совершения юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями таких нарушений действующего законодательства, которые повлекли причинение имущественного ущерба, вреда жизни и (или) здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среды, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры), безопасности государства, возникновение чрезвычайных ситуаций либо создали реальную угрозу наступления указанных последствий.

2. Необходимо провести полную ревизию действующих в настоящее время и обязательных для исполнения правил, нормативов и стандартов с целью максимального сокращения возлагаемых государством на предпринимателей и контролируемых им требований, многие из которых, как отмечалось выше, не оправданы целесообразностью и необходимостью, но ложатся на субъекты малого и среднего бизнеса тяжким финансовым бременем, чрезмерно ограничивают свободу предпринимательства и частной собственности.

3. Законодательно закрепить административную и уголовную (в зависимости от тяжести последствий) ответственность должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления за нарушение законных прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, допущенных в ходе реализации надзорных полномочий или ином вмешательстве в их хозяйственно-экономическую деятельность.

4. Со стороны государства требует коренного изменения сам подход к решению вопросов обеспечения субъектами правоотношений установленных правил и норм, изменения форм и методов контрольно-надзорной деятельности.

Предлагается, например, нормативно закрепить требование об обязательном заблаговременном проведении надзорными органами консультаций (семинаров) по вопросам, составляющим предмет предстоящей плановой проверки.

5. Необходимо исключить количественные критерии оценки эффективности деятельности надзорных структур (по числу выявленных правонарушений, наказанных субъектов и суммам наложенных административных штрафов) и давать оценку исключительно по конечному результату – уровню защищенности общества от неблагоприятных последствий процессов жизнедеятельности человека.

6. Необходимо принять кардинальные меры для обеспечения открытости установленных требований, проверка выполнения которых осуществляется в ходе мероприятий по контролю с целью преодолеть проблему избыточности и противоречивости таких требований.

7. Исключить применение норм и правил, изданных органами государственной власти СССР и РСФСР при осуществлении государственного контроля (надзора). При необходимости – вновь утвердить указанные акты соответствующим федеральным органам исполнительной власти.

8. Создать единую систему учета случаев причинения вреда предпринимательской и профессиональной деятельностью (учет случаев причинения вреда) с целью адекватного и объективного реагирования контрольно-надзорных органов на ситуацию в соответствующих сферах деятельности.

9. В целях оптимизации контрольно-надзорной деятельности следует уточнить формулировку абзаца 1 п. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а именно: исключить юридически не корректный термин «подмена» и прямо установить, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не проводят контрольно-надзорные мероприятия, если это отнесено к компетенции уполномоченных государственных или муниципальных органов.

Подводя итог всего изложенного, следует вновь обратиться к словам Президента Российской Федерации в его ежегодном Послании Федеральному собранию: «Надо, наконец, отказаться от самого принципа тотального, бесконечного контроля. Отслеживать ситуацию нужно там, где действительно есть риски или признаки нарушений. Что касается малого бизнеса, предлагаю предусмотреть для него “надзорные каникулы”. Если предприятие приобрело надёжную репутацию, в течение трёх лет не имело существенных нареканий, то следующие три года плановых проверок в рамках государственного и муниципального контроля вообще не проводить».

В связи с этим в 2015 г. Правительством РФ должен быть предпринят комплекс решительных и кардинальных мер по реализации поставленных Президентом задач.

Примечания

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Доклад Правительства Российской Федерации о результатах государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности и эффективности такого контроля (надзора). Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/main>.

3. Кодекс об административных правонарушениях. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Домрачев Д. Г. Вопросы правоприменительной практики контрольно-надзорных органов в свете Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 65–68.

Notes

1. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of 4 December 2014 Access from ref.-legal system "Consultant plus". (in Russ.)

2. Report of the Government of the Russian Federation on the results of state control (supervision) and municipal control in their respective spheres of activity and effectiveness of such control (supervision). Official website of the Ministry. Available at: <http://www.economy.gov.ru/minec/main>. (in Russ.)

3. The code of administrative offences. Access from ref.-legal system "Consultant plus". (in Russ.)

4. Domrachev D.G. *Voprosy pravoprimeritel'noj praktiki kontrol'no nad-zornyh organov v svete Postanovleniya Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 25 fevralya 2014 g. № 4 P* [Issues of law enforcement control and supervision bodies in the light of the decisions of the constitutional court of the Russian Federation dated February 25, 2014 No. 4-P] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of the Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 3, pp. 65-68.

**Преступления, ставящие в опасность
жизнь и (или) здоровье человека:
ретроспективное исследование развития отечественного
уголовного законодательства (XI в. – начало XX в.)**

Статья посвящена исследованию процесса становления и развития уголовного законодательства о преступлениях, ставящих в опасность жизнь и (или) здоровье человека, от XI в. до советского периода. Автором осуществляется критический анализ положений, закрепленных в ранее действовавших источниках права, начиная с Русской Правды в Краткой и Пространной редакциях и заканчивая Уголовным уложением 1903 г., позволяющий выявить тенденциальные особенности построения системы преступлений, ставящих в опасность жизнь и (или) здоровье человека. В заключение автором на основе ретроспективного обзора вышеуказанных нормативных актов представляется исторически сформировавшийся перечень «традиционных» преступлений, ставящих в опасность жизнь и (или) здоровье человека, а также преступлений, относящихся к таковым в зависимости от социальной и иной обусловленности на различных этапах развития российского уголовного законодательства исследуемого периода.

Article is devoted to research the process of formation and development of the criminal legislation on the crimes putting life and (or) health of the person in danger till the Soviet period. The author carries out the critical analysis of the provisions fixed in earlier operating right sources starting the Russian Justice in Short (Kratkaya) and Vast Editions (Prostrannaya) and finishing with the Criminal code of 1903, allowing to reveal tended features of creation of system of the crimes putting life and (or) health of the person in danger. In the conclusion the author on the basis of the retrospective review of the above regulations historically created list of the «traditional» crimes putting life and (or) health of a person, and also the crimes relating to that depending on social and other conditionality at various stages of development of the Russian criminal legislation of the studied period.

Ключевые слова: ретроспективный анализ, поставление в опасность, оставление в опасности, система преступлений, уголовное законодательство.

Keywords: the retrospective analysis, putting in danger, leaving in danger, system of crimes, the criminal legislation.

Целесообразность ретроспективного анализа обусловлена необходимостью, с одной стороны, объективного и всестороннего исследования того или иного социального явления, а с другой – значимостью критического осмысления особенностей его формирования и развития. Как известно, общеметодологический принцип историзма выступает одним из принципов прогнозирования, подчеркивая необходимость выявления и учета линии преемственности; данный факт с успехом можно применить и к вопросу об уголовной ответственности. Таким образом, в конечном итоге, ретроспективный анализ служит прогностическим целям: благодаря дискуссионному диалогу прошлой действительности и современности выявляются тенденционные взаимосвязи нормотворческой деятельности по установлению уголовно-правовых запретов, закономерности дальнейшего развития законодательства, а также перспективные пути его совершенствования. Обращение к существовавшим в истории законодательным актам, тем или иным образом затрагивающим вопросы уголовно-правовой ответственности, демонстрирует продолжительный противоречивый и не завершённый по сей день процесс формирования системы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека.

Как известно, древнейшим источником русского права, содержащим в том числе и уголовно-правовые нормы, является Русская правда в Краткой и Пространной редакции. Древнее право в основании оценки преступлений против жизни и здоровья исходило из внешней стороны, в связи с чем «объективное начало являлось основным масштабам вменения» [1]. Однако, несмотря на регламентацию в большей степени ответственности за те или иные материальные последствия (в частности, вред жизни или здоровью, на который указывалось казуистично: отсечение перста, вырывание бороды, уса и т. п.) в ст. 9 Русской правды заложены истоки формирования

идеи дифференциации физического и психического насилия: «Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть...» [2]. Данные действия возможно расценивать как угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, однако следует отметить, что анализируемое посягательство рассматривалось не как самостоятельный оконченный состав преступления, а как «действие начатое, но не достигшее цели (покушение)» [3]. Признание действия, не заключающего в себе никакого вреда для жизни или здоровья, преступлением свидетельствует об учете в отдельных случаях не только внешней, но и внутренней стороны преступного посягательства, намерения виновного. Данная норма нашла свое отражение и в Русской Правде Пространной редакции.

В дальнейшем норма об угрозе была закреплена в Псковской судной грамоте 1397 г. В ряде случаев угроза выступала способом совершения других преступлений, в частности корыстно-насильственных; законодатель прямо предусматривает ответственность за угрозу убийством, об угрозе причинения тяжкого вреда здоровью не говорится.

В Судебниках 1497 г. и 1550 г. не содержалось преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека. Это можно было объяснить тем, что, создавая нормы, предусматривающие составы преступлений, законодатель исходил из их проявления в объективной действительности; деяние, которое не причиняло вреда какому-либо объекту, не могло считаться преступлением [4].

С 1550 г. начинается интенсивный рост числа принимаемых указов, в результате чего к 1649 г. действовало огромное количество законодательных актов, которые не только устарели, но и противоречили друг другу, что создавало необходимость принятия нормативного акта, объединяющего и систематизирующего действующие на тот период нормы. В Соборном Уложении 1649 г. достаточно четко на законодательном уровне обособляются нормы, относящиеся к различным родовым объектам посягательства, появляются рубрикация и сквозная нумерация глав и статей закона [5]. Данный нормативный акт предусматривал ряд деяний, ставящих в опасность, однако они были разрозненны, располагались в различных главах (так, в главе III «О государственном дворе, чтоб на государевом дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было» ст. 4 предусматривала ответственность за то, что лицо «при государе вымет на кого какое ни буди оружие, а не ранит» [6]). Однако развитие феодальных отношений влекло расширение перечня рассматриваемых составов преступлений в направлении особой уголовно-правовой охраны жизни правителя и господина, а наказание напрямую зависело от социального положения преступника. Вместе с тем в Соборном Уложении предусматривалась самостоятельная ответственность с момента формирования у виновного преступного замысла («голово умысла») на причинение вреда жизни или здоровью государя, вышестоящего начальника: «А будет чей человек помыслит смертное убийство на того, кому служит....» (ст. 9 гл. 1). Глава XXII Уложения «Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание» объединяла ряд преступных деяний, посягающих на жизнь и здоровье человека, родственные и семейные отношения, а также половую свободу женщин. В рамках рассматриваемой главы ст. 5 предусматривала ответственность за так называемое непочитание детьми родителей [7]. Используемые при формулировании статьи слова «почитать», «кормить» и «ссужать», если их рассматривать в том значении, которое им придавалось в ту эпоху, предполагают не только материальное обеспечение родителей, но и иное оказание им помощи [8]. В связи с этим данный состав целесообразно относить к разновидностям оставления в опасности, оставления без помощи, так как речь идет о неоказании соответствующей помощи лицам, не способным проявлять о себе заботу (хотя, конечно, такой терминологии в законе не содержалось, а само преступное деяние описывалось достаточно казуистично). Итак, «первый шаг в становлении системы уголовно-правового обеспечения безопасности лиц, лишенных принимать меры к самосохранению, был сделан» [9].

Новоуказанные статьи 1669 г. дополняют данный перечень еще одним преступным деянием, а именно ст. 111 предусматривалась ответственность за прерывание беременности. Однако данное преступление рассматривалось не как создание опасности для жизни или здоровья беременной, а как посягательство на зародыш [10].

Эпоха правления Петра I – один из исторически значимых этапов развития государства и права России. Как указывает В. П. Новоселов, «Воинский (1716) и Морской (1720) уставы Петра I законодательно закрепили наказание за ненадлежащее врачевание» [11]. При этом первыми официальными документами в России, касающимися наказаний за врачебные ошибки при осуществлении пересадок органов или тканей человека, могут считаться указы 1686 г. и 1700 г., в которых были отражены особенности наказаний за ненадлежащее врачевание.

Артикул Воинский Петра I, как известно, был направлен на регулирование прежде всего военных отношений, отношений внутри армии, взаимоотношений служебного состава и т. п., в связи с чем в нем не выделялись отдельно не только преступления, ставящие в опасность жизнь

или здоровье человека, но и даже как таковые преступления против жизни и здоровья были «растворены» по разным главам (за исключением главы 19 «О смертном убийстве» [12]). Анализируя положения различных артикулов, к исследуемым нами составам преступлений представляется возможным отнести Артикул 36 и Артикул 144, которые, на наш взгляд, возможно расценивать как угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Вместе с тем следует отметить, что угроза убийством военнослужащему рассматривалась как покушение на убийство (Артикул 26). Иных преступных посягательств, которые возможно было бы отнести к ставящим в опасность жизнь и (или) здоровье человека, Артикул Воинский не предусматривал.

Прообраз незаконного производства аборта исходит из такого преступления, как детоубийство, который использовался достаточно широко и включал в себя не только фактическое причинение смерти родившемуся и живущему ребенку, но и так называемые изгнание плода, его вытравливание, а также оставление ребенка в безлюдном или ином подобном месте, где он мог погибнуть. Проекты нового Уголовного уложения 1754–1766 гг. отвели детоубийству место среди преступлений против жизни. В частности, гл. 29 «О таковых отцах и матерях, которые детей своих убьют, также ежели жена мужа или муж жену убьют, или незаконно прижитого младенца вытравят» [13] содержала статьи об ответственности за вытравливание плода незаконно зачатой женщины, а также подкинутые или оставленные в опасных местах незаконнорожденных младенцев. Таким образом, данные деяния рассматривались в качестве посягательства на жизнь, имели своим объектом даже жизнь плода, еще неродившегося человека.

Еще более детальную регламентацию ответственности за вышеуказанные деяния возможно встретить в проекте Уложения 1813 г.: их содержание достаточно казуистично описывалось в отделе 6 («О подкидывании младенцев») и 7 («Об истреблении беременности») части 3 «О частных преступлениях» главы 1 «О наказаниях за смертоубийство» [14]. Закон дифференцированно подходил к ситуациям, когда подкинутому ребенку «приключилась смерть» (387) либо когда ребенок «спасен и остался в живых» (389). Кроме того, ответственности подвергалась мать за истребление беременности, а также и «участвовавшие в сем преступлении или принуждавшие в оному» (391).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – первый Уголовный кодекс, принятый во времена правления Николая I, – претерпело три редакции – 1857 г., 1866 г., 1885 г., результатом которых явилось существенное изменение отдельных институтов. Одной из особенностей рассматриваемого Уложения явилось то, что впервые законодатель выделил специфическую группу преступлений и объединил их в одну главу под названием «О произвольном оставлении человека в опасности и неоказание помощи погибающему» [15]. При анализе статей, включенных законодателем в данную главу, можно выделить ряд недостатков, связанных с их конструированием, в частности излишний формализм и казуистичность, что неизбежно вело к дроблению общих ситуаций оставления в опасности и неоказания помощи на виды. Кроме того, само понимание данной преступной группы являлось и является неоднозначным: одни авторы рассматривают данные деяния в качестве самостоятельной группы преступлений в рамках раздела против частных лиц, против личности [16] (что аналогично Уложению о наказаниях уголовных и исправительных), другие авторы относят их к преступлениям против жизни [17], третьи приравнивают их к убийствам [18]. В целях уяснения сущности данных составов преступлений теоретики [19] уголовного права предлагают их классифицировать. По мнению большинства авторов, система преступлений, связанных с оставлением в опасности, созданием опасности и неоказанием помощи, может быть представлена тремя группами:

- 1) преступления, связанные с оставлением в опасности детей и больных;
- 2) преступления, связанные с оставлением в опасности проходниками и попутчиками;
- 3) различные виды неоказания помощи.

Итак, первая редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных включала в себя в рамках первой группы ст. 1986–1991, анализ которых позволяет сделать вывод о дифференцированном подходе законодателя к ответственности тех, кто «по своему званию, долгу природы или данному обещанию были обязаны иметь попечение» за такого рода деяния, как подкинутые или оставленные в опасности ребенка, и наказанию за них в зависимости от возраста потерпевшего, места, в котором оставлен ребенок, а именно могли ли его найти в этом месте и оказать ему надлежащую необходимую помощь либо не могли, наличия увеличивающих или уменьшающих вину обстоятельств: «смотря по важности нарушенных обязанностей», причин, побудивших к совершению преступления, характеристики самой опасности, «коей видимо от стужи, влияния воздуха и других обстоятельств, коим подвергался оставленный».

Статьей 1931 Уложения предусматривалась ответственность женщины, «которая от стыда или страха, хотя и не умертвит своего незаконнорожденного младенца, но оставит его без помощи и младенец от этого лишится жизни» либо «скроет тело ребенка, вместо того, чтобы обя-

вить об этом как следует, если будет доказано, что младенец родился мертвым». Этот состав относился к разновидностям не оставления без помощи, а смертоубийства (глава 1 Раздела X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц»).

Вторая группа преступлений в рамках главы V Уложения объединяла преступные деяния, закрепленные в ст. 1993–1994, в которых мы можем наблюдать стремление законодателя закрепить на законодательном уровне необходимость учета признаков, составляющих субъективную сторону («с намерением лишить жизнь» или без «намерения на смертоубийство»). Объективные же последствия в виде смерти не отражались в данных статьях и, соответственно, не влияли на квалификацию.

В рамках третьей группы преступлений следует выделить неоказание помощи погибающему (ст. 1996) и неоказание помощи больному (ст. 1997). Первая статья, являясь общей нормой об оставлении в опасности, закрепляя нравственный долг христианина оказывать помощь ближнему, предусматривала условие для наступления ответственности, а именно наличие «возможности подать ему помощь без явной для себя опасности или же призвать на помощь к нему других или местную полицию». Вторая же статья в качестве таких условий указывала их совокупность: субъектом должны быть действующий, практикующий врач, акушер, фельдшер, а также повивальная бабка, которые приглашены со стороны оставленного без помощи, а неявка по приглашению не должна быть связана с законными основаниями, т. е. должны отсутствовать уважительные причины такой неявки.

Необходимо отметить, что рамками главы «О произвольном оставлении человека в опасности и неоказание помощи погибающему» охватывались далеко не все составы преступлений, относимые ныне доктриной к ставящим в опасность жизнь или здоровье человека. Так, ст. 1932–1934 предусматривают ответственность за «изгнание плода». Расположение данных статей в главе под названием «О смертоубийстве» свидетельствует о том, что жизнь в утробе матери неродившегося плода была одним из объектов уголовно-правовой охраны, в связи с чем посягательство на нее являлось разновидностью убийства. Таганцев писал: «Истребление плода, будучи преступлением против жизни, выделяется из него как самостоятельный вид... Объектом преступления является зародыш, т. е. плод зачатый, но еще не рожденный, живущий не дыхательную жизнью, но путем кровообращения, тесно связанный с организмом матери, но в то же время имеющий самостоятельное бытие» [20]. Необходимо также оговориться, что законодательство того периода различало выкидыш (истребление плода в то время, когда он не достиг еще своей зрелости и не способен к внематочному существованию) и изгнание плода (т. е. его истребление после вышеуказанного периода).

Вышеуказанные статьи дифференцировали ответственность и наказание за прерывание беременности и изгнание плода в зависимости от согласия женщины («умышленно без ведома и согласия женщины» либо «умышленно с ведома и согласия женщины»), от возможных последствий (в случае наступления вреда её здоровью или смерти) и от субъекта (была ли это сама женщина, избличены ли в совершении данного деяния акушер, врач, повивальная бабка или аптекарь либо лицо, которое уже и прежде было виновно в совершении этого преступления). Что касается наказания за данные деяния, то оно было меньше, нежели за умышленное смертоубийство в силу того, что «изгнание плода почитается менее важным, чем умышленное смертоубийство от того, что младенец, находящийся в утробе матери, как будто еще не существует, он не мог ни сам иметь привязанности к жизни, ни быть предметом привязанности и нежности других...» [21].

Глава 9 рассматриваемого Раздела X была посвящена уголовно-правовой характеристике угрозы и наказанию за это деяние. В частности, ст. 2035 предусматривала ответственность за угрозу «лишением жизни его или членов его семейства, или близких родственников...», а ст. 2036 – за угрозу «лишь побоями или причинением телесных повреждений, или же иными каким-либо насильственным действием...». В силу того, что данная глава являла собой обобщение всех видов угроз, в ней равнозначно оцениваются угрозы жизни, здоровью, а также имуществу, например способом поджога. Для наступления ответственности за любой вид угрозы необходимо было установить её реальность. Помимо того в законе различались угрозы, выраженные в письменном виде с указанием имени или анонимно. Ряд статей о создании угрозы жизни или здоровью сохранился в иных главах и разделах Уложения (например, в главе III «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оных постановлений»), следовательно, жизнь и здоровье являлись в них с точки зрения сегодняшнего уголовного права дополнительными, а не основными объектами.

В целях отграничения преступлений и проступков был издан Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в котором в рамках отделения 2 «Об угрозах и насилии» главы 11 «Об оскорблениях чести, угрозах и насилии» предусматривалась ответственность за угрозу причи-

нить кому-либо насильственные действия при отсутствии корыстной или иной преступной цели (ст. 139), за угрозу на словах лишить кого-либо жизни или произвести поджог при отсутствии корыстной или иной преступной цели (ст. 140) и письменно (ст. 141). Ответственность за деяния, связанные с созданием опасности и оставлением в опасном для жизни и здоровья состоянии, не выделялись в самостоятельную главу; лишь ст. 144 в рамках главы 12 «О проступках против прав семейственных» регламентировалась ответственность родителей или лиц, обязанных иметь попечение о ребенке за «подкинутие или оставление ребенка, однако не в таких местах, где нельзя ожидать, что он будет найден другими» [22].

В 1857 г. был принят Единый врачебный закон, или Врачебный Устав, определявший принципы и правовое обеспечение медицинской деятельности, а также меру ответственности врачей в случае неудачного лечения. Таким образом, ответственность врачей за ряд деяний была регламентирована в рамках самостоятельного специального нормативного акта, а не уголовного законодательства, что неизбежно влекло разногласия относительно оснований уголовной ответственности медицинского персонала как за деяния, создающие опасность для жизни или здоровья человека, так и за деяния, результатом которых явилось фактическое причинение вреда жизни или здоровью.

Дальнейшее развитие отечественного уголовного права и создание системы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека, было связано с принятием 22 марта 1903 г. нового Уголовного Уложения, призванного создать единообразное понимание институтов уголовного права и применения нормативных предписаний при разрешении вопросов об уголовной ответственности за преступные деяния.

Уложение 1903 г. предусматривало XXV главой «Об оставлении в опасности» модернизированный перечень преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека. В целях уяснения их существенных характеристик, представляется целесообразной следующая градация:

1) Общие составы оставления без помощи (ст. 489–491) предусматривали уголовную ответственность за оставление без помощи. Для наступления ответственности по вышеуказанным статьям необходима совокупность следующих условий: объектом «может быть вообще беспомощный, т. е. лишенный возможности самосохранения» [23]; с объективной стороны: возможность оказания помощи со стороны виновного; удаление обвиняемого от беспомощного, поставление себя в такие условия, при которых оказание помощи сделалось невозможным; с субъективной стороны виновный должен осознавать, что оставляемый находился вследствие беспомощности в таком положении, при котором не мог заботиться о себе; он оставляет это лицо в таких условиях, при которых отсутствует такая помощь, вследствие оставления лица в данных условиях его жизнь подвергается опасности (достаточно осознания хотя бы возможности наступления опасности), но, несмотря на это, виновный оставляет его; виновным может выступать только лицо, обязанное иметь попечение об оставленном без помощи.

Включение статьи об уголовной ответственности лица, не обязанного в силу закона, постановления власти или заключенного договора оказывать помощь ближнему, но могущего это сделать «без разумного опасения для себя или других», в главу XXV было обусловлено тем, что «в таком важном случае, как охрана жизни погибающего, общество (которое не может прийти на помощь) вправе требовать от каждого (представителя общества, призванного исполнить обязательный долг – подать требуемую помощь, ввиду того что он сам пользуется благами общественного союза и всеми средствами для собственной безопасности и охраны) исполнения долга подачи помощи, по крайней мере, если оказание такой помощи не связано с вредом и опасностью для собственной жизни или здоровья» [24].

2) Специальные случаи оставления в опасности корабельщиками, проводниками объединялись в рамках ст. 492–496. Объектом таких преступлений признавались лица, хотя физически и здоровые, но нуждающиеся ввиду особого их положения в посторонней помощи. Ответственными по данным статьям могли быть только специальные субъекты, а именно капитан парохода или морского судна, возчик или проводник иного судна, лоцман или иной портовый или прибрежный проводник, управляющий железнодорожным поездом или паровозом. Установление ответственности за оставление без помощи для некоторых из вышеперечисленных лиц связано с тем, что, «с одной стороны, вверяя им свою жизнь и здоровье, каждый может требовать от них строгого и точного исполнения принятых на себя обязанностей, а с другой – по самому свойству услуг, оказываемых этими лицами, они могут поставить в опасное положение даже лицо, вполне физически здоровое» [25].

3) Неоказание помощи больному или находящемуся в бессознательном состоянии (ст. 497). В данном случае необходимо, чтобы была нарушена не просто общечеловеческая обязанность помогать ближнему, а какое-либо специальное предписание закона, регламентирующее порядок оказания помощи больному или находящемуся в бессознательном состоянии лицу. В связи с этим

ответственным по данной статье могли быть только те, кто обязан был соблюдать вышеуказанные специальные правила. Отказ в помощи, равно как и неявка на призыв о помощи [26], предполагали, что опасность, угрожавшая жизни или здоровью, не была создана виновным, а являлась последствием действия сил природы или действия третьих лиц. Наличие уважительных причин для данных бездействий исключало ответственность.

Анализ норм главы XXV показывает, что Уложение 1903 г., описывая составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека, несомненно, сделало шаг вперед: впервые все нормы, связанные с оставлением в опасности и неоказанием помощи, были сведены в одну главу, характеристика потерпевших от данных преступлений стала более компактной, так как законодатель не разграничивал их по возрасту [27]. Однако следует указать и на сохранение недостатка в построении данной системы, отсутствие полного перечня таких преступлений в рамках главы. В частности, изгнание плода в Уложении 1903 г. [28], как и ранее, рассматривалось в качестве разновидности смертоубийства и располагалось в главе с одноименным названием. Подход к охране неродившегося, не начавшего самостоятельной жизни зародыша был аналогичным предыдущему Уложению. Кроме того, сохранялась ответственность беременных женщин за умерщвление плода.

В Уголовном Уложении 1903 г. осуществляется дальнейшее совершенствование регламентации такого преступного деяния, как угроза: в вопросе конструирования норм об уголовной ответственности за угрозу Уложение характеризуется более высоким уровнем законодательной техники и четким пониманием угрозы как способа совершения преступления либо как формы обнаружения умысла [29]. Н. С. Таганцев писал, что «сущность угрозы заключается в воздействии на психическую деятельность угрожаемого, в возможности возбудить в нем страх, опасение и в принуждении его тем самым принять известные меры для охраны своей личности или имущества или же воздержаться от исполнения известных предположений и т. п.» [30] Указание на возможность опасаться реализации высказанной угрозы сближает её с угрозой, которая регламентируется ныне действующим УК РФ. Однако угроза в соответствии с Уложением 1903 г. носит более общий характер и не ограничивается созданием опасности лишь для жизни или здоровья, т. е. продолжает тенденции предыдущего законодательства, заключающиеся в объединении в рамках угрозы возможности посягательства как на телесную целостность, личную свободу, так и на имущество, например путем поджога или потопления. Вместе с тем доктрина уголовного права того периода уже находилась на достаточно высоком уровне для разграничения угрозы как самостоятельного преступления от покушения на убийство и принуждения. Так, угроза отличается от принуждения тем, что, «с одной стороны, она вовсе не предполагает намерения со стороны угрожающего принудить к чему-либо, так как он не может предположить, какие именно меры охраны примет лицо или какого рода ограничениям он себя подвергнет, а с другой, для уголовной ответственности угрожавшего вовсе не требуется, чтобы угрожаемый действительно принял те или иные меры охраны, а вполне достаточно самого факта угрозы» [31].

Итак, проведенное выше исследование законодательства об уголовной ответственности за преступления, ставящие в опасность жизнь или здоровье человека, демонстрирует несомненный прогресс в становлении соответствующих составов и их систематизации, вызванный достижениями науки, техники, медицины, развитием научной мысли и формированием доктрины уголовного права.

Подводя итог, сделаем следующие выводы:

1. Начало становления самостоятельной системы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека, можно отнести к концу XIX в., когда законодатель в Уложении 1845 г. обособил данную группу преступлений в рамках отдельной главы, которая включала следующие виды преступных посягательств: оставление детей различного возраста родителями или лицами, обязанными иметь о них попечение; оставление проводником сопровождаемого; оставление попутчика; неоказание помощи любым посторонним лицом; неоказание помощи больному специальным субъектом.

2. Имевшиеся в более ранних правовых источниках составы преступлений, относящиеся современной наукой уголовного права к ставящим в опасность жизнь или здоровье, имели разрозненный несистемный характер и отражали чаще объективное воплощение деяния, создающего определенную угрозу.

3. На протяжении исследуемого периода становления и развития уголовного законодательства не существовало единой системы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека, что детерминировалось социальными, политическими, духовно-нравственными и иными условиями той или иной эпохи. К «традиционным» составам относились неоказание помощи и оставление в опасности. Анализ законодательства показал, что угроза убийством или причинением

вреда здоровью и незаконное производство аборта не относились к исследуемой группе преступлений, располагаясь в различных главах нормативно-правовых актов исследуемого периода.

4. В законодательстве проанализированного исторического периода никогда не выделялась категория преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека в рамках самостоятельной главы. Как правило, данные преступления включались в главы с наименованием «О произвольном оставлении человека в опасности и неоказание помощи погибающему», «Об оставлении в опасности» и др.. Вообще, расположение исследуемых составов могло быть абсолютно не связано ни с преступлениями против жизни и здоровья, ни вообще с преступлениями против личности.

5. К исторически возникшим преступлениям, ставящим жизнь или здоровье человека в опасность, можно отнести угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, подкинутие детей, незаконное производство аборта. Иные составы можно отнести к составам оставления в опасности.

6. Формирование системы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье человека, – длительный и не завершённый на сегодняшний день процесс. Появление новых составов таких преступлений является отражением поступательного развития общества, появления новых источников опасности и необходимости более совершенной уголовно-правовой охраны жизни и здоровья от случаев, когда они ставятся в опасность причинения вреда.

Примечания

1. Колосовский П. Д. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. М.: Тип. Т.Т. Волкова и Ко, 1857. С. 30.

2. Самое подробное издание: Правда Русская / под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. I: Тексты. 1940. Т. II: Комментарии. 1947. Т. III: Факсимильное воспроизведение текстов. 1963.

3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб.; Киев: Изд. книгопродавца Н. Я. Оглоблина : Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1909.

4. Богдановский А. Развитие понятия о преступлении и наказании в русском праве до Петра великого. М., 1857.

5. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 29–30.

6. Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987.

7. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902. С. 214.

8. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М., 2001. С. 64.

9. Мыц Я. А. Оставление в опасности в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ульяновск, 2007. С. 58.

10. Горбатова М. А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье: понятие, система и уголовно-правовой анализ. Саратов, 2002. С. 57.

11. Новоселов В. П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения. Новосибирск, 1998. С. 10.

12. Воинский устав Петра Великого // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

13. Проекты Уголовного Уложения 1754–1766 годов, Новоуложенной книги. Ч. 2: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / под ред. А. А. Востокова; предисл. Н. Д. Сергиевского. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882.

14. Проект уголовного уложения 1813 года // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845. СПб.: Изд-во: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1845.

16. Неклюдов И. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. СПб., 1878.

17. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1866.

18. Лохвзяцкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867.

19. См., например: Калмыков П. Д. Указ. соч. С. 457; Молчанова С. И. Преступное бездействие, посягающее на личную безопасность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тамбов, 2009. С. 34.

20. Таганцев Н. С. // Судебный журнал. 1869. Июнь.

21. Цит. по: Лутков Д. Сборник сведений, разъясняющих применение на практике Уложение о наказаниях. М., 1872. С. 207.

22. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть четвертая. СПб., 1867.

23. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: Статьи, введенные в действие. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особаго совещания, особаго присутствия департаментов и общаго собрания Государственного Совета, а равно с объяснениями к дополнительным узаконениям и

извлечениями из решений уголовного кассационного департамента и общего собрания Правительствующего Сената и главного военного суда. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1911.

24. Там же. С. 666.

25. Там же. С. 664.

26. Под неявкой понималось как неприбытие на место, так и прибытие, сопровождающееся отказом подать какую-либо помощь без уважительных причин.

27. Горбатова М. А. Указ. соч. С. 78.

28. Есинов В. В. Уголовное Уложение 1903 г., его характеристика и содержание. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1903. С. 22.

29. Хабарова М. В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты : по материалам судебной практики Краснодарского края: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2006. С. 16.

30. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни. СПб., 1870. Т. 1. С. 21–24.

31. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С. 691.

Notes

1. Kolosovskiy P.D. *Ocherk istoricheskogo razvitiya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya* [Essay on the historical development of criminal offences against life and health]. Moscow. Typography of T.TI. Volkov and Co. 1857. P. 30.

2. *Samoe podrobnoe izdanie: Pravda Russkaya* - The most detailed publication: Russian Truth / under the general editorship of B.D. Grekov. Moscow; Leningrad. Publishing house of Academy of Sciences of the USSR. Vol. I: Texts. 1940. Vol. II: Comments. 1947. Vol. III: Facsimile reproduction of the texts. 1963.

3. Vladimirsij-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [An overview of the history of Russian law]. 6th ed. SPb.; Kiev. Publishing House of the bookseller N.Y. Ogloblin: Typography of partnership of I. N. Kushnerev and Co. 1909.

4. Bogdanovskiy A. *Razvitie ponyatiya o prestuplenii i nakazanii v russkom prave do Petra velikogo* [Development of a concept of crime and punishment in Russian law to Peter the great]. Moscow. 1857.

5. *Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'* - Russian criminal law. General part / Ed. by V. S. Komissarov. SPb. 2005. Pp. 29-30.

6. Cathedral book of 1649: text comments. Leningrad: Nauka, Leningrad department. 1987. (in Russ.)

7. Tagantsev N.S. *Kurs ugovolnogo prava* [Course of the criminal law]. SPb. 1902. P. 214.

8. Isaev M.A. *Tolkovyj slovar' drevnerusskikh juridicheskikh terminov* [Dictionary of ancient legal terms]. Moscow. 2001. P. 64.

9. Myts Y.A. *Ostavlenie v opasnosti v ugovolnom prave Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08* [Leaving in danger in the criminal law of Russia: dis. ... Cand. Legal Sciences: 12.00.08]. Ulyanovsk. 2007. P. 58.

10. Gorbatova M.A. *Sostavy prestuplenij, stavyashchih v opasnost' zhizn' ili zdorov'e: ponyatie, sistema i ugovolno pravovoj analiz* [Crimes that endanger the life or health: concept, system and criminal legal analysis]. Saratov. 2002. P. 57.

11. V.P. Novoselov . *Otvetstvennost' rabotnikov zdavoohraneniya za professional'nye pravonarusheniya* [The responsibility of health workers for professional misconduct]. Novosibirsk. 1998. P. 10.

12. Military Statute of Peter the Great // Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vols. (82 volumes and 4 additions). SPb. 1890-1907. (in Russ.)

13. *Proekty Ugovolnogo Ulozheniya 1754–1766 godov, Novoulozhennoj knigi* - The Criminal Code of 1754-1766 years, of New Regulations. Pt. 2: on investigative matters and what penalties for different villainy and crime, penalties and fines / Ed. by A. A. Vostokov; introd. N.D. Sergievsky. SPb. Typography of M. M. Stasyulevich. 1882.

14. The draft penal code of 1813 // Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vols. (82 volumes and 4 additions). SPb. 1890-1907. (in Russ.)

15. The code on criminal and correctional punishments 1845. SPb. Publishing house: Typography of II Division of Own E.I.V. Office. 1845. (in Russ.)

16. Neklyudov I. A. *Rukovodstvo k Osobennoj chasti russkogo ugovolnogo prava* [A guide to the Special part of the Russian criminal law]. SPb. 1878.

17. Kalmykov P.D. *Uchebnik ugovolnogo prava. CHasti Obshchaya i Osobennaya* [Textbook of criminal law. Part of General and Special]. SPb. 1866.

18. Lokhvyaekiy A. *Kurs russkogo ugovolnogo prava* [Course of Russian criminal law]. SPb. 1867.

19. See, for example: Kalmykov P.D. Op. cit. P. 457; Molchanova S.I. *Prestupnoe bezdejstvie, posyagayushchee na lichnyuyu bezopasnost': dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08* [Criminal negligence, encroaching on personal security: dis. ... Cand. Legal Sciences: 12.00.08]. Tambov. 2009. P. 34.

20. Tagantsev N.S. // *Sudebnyj zhurnal* - Forensic magazine. 1869, June.

21. Cit. by: Lutkov D. *Sbornik svedenij, raz'yasnyayushchih primenenie na praktike Ulozhenie o nakazaniyah* [Collection of information, explaining the application of the Code in practice on Penitential]. Moscow. 1872. P. 207.

22. The court charters, November 20, 1864, with a statement of the reasoning on which they are based. The fourth part. SPb. 1867. (in Russ.)

23. Tagantsev N. C. *Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.: Stat'i, vvedennyya v dejstvie. S motivami, izvlechennymi iz ob'yasnitel'noj zapiski redakcionnoj komissii, predstavleniya Min. Yusticii v Gosudarstvennyj Sovet i zhurnalov – osobago soveshchaniya, osobago prisutstviya departamentov i obshchago sobraniya Gosudarstvennago Soveta, a ravno s ob'yasneniyami k dopolnitel'nym uzakonenyam i izvlecheniyami iz reshenij ugolvnago kassacionnago departamenta i obshchago sobraniya Pravitel'stvuyushchago Senata i glavnago voennago suda* [Criminal code of 22 March 1903: Articles, was put into effect. With motifs extracted from the explanatory notes of the drafting Committee, views of Min. Of justice in the Council of State and magazines - special meetings, special presence of the departments and the General Assembly of the State Council, as well as for an explanation, additional statutes and extracts from decisions of criminal cassation Department and the General Assembly Ruling Senate and the main military court]. SPb. Typography of M. Merkushev. 1911.

24. Ibid. P. 666.

25. Ibid. P. 664.

26. Under the no-show was understood as a failure to arrive at the place and arrival, accompanied by a refusal to file any help without a good reason.

27. Gorbatova M. A. Op. cit. P. 78.

28. Esipov V.V. [Criminal Code of 1903, its characteristics and content]. Warsaw. Typography of Warsaw school district. 1903. P. 22.

29. Khabarova M.V. *Ugroza ubijstvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu: ugolovno pravovoj i kriminologicheskij aspekty : po materialam sudebnoj praktiki Krasnodarskogo kraja : dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08* [The threat of murder or infliction of grievous bodily harm: criminal justice and criminological aspects: according to the materials of judicial practice of Krasnodar region: dis. ... Cand. Legal Sciences: 12.00.08]. Krasnodar. 2006. P. 16.

30. Tagantsev N.S. *O prestupleniyah protiv zhizni* [On crimes against life]. SPb. 1870. Vol. 1. Pp. 21-24.

31. Tagantsev N.S. *Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.* [Criminal code of 22 March 1903] P. 691.

Оссиановская поэзия Дж. Макферсона: поэтика формул и реминисценций

В статье рассматривается феномен старинной поэзии, издревле приписываемой гэльскому барду Оссиану. В фокусе исследования поэтика оссиановских сказаний и выдающееся поэтическое мастерство Джеймса Макферсона, предложившего свою первопечатную версию «Поэм Оссиана». Особое внимание уделено изысканиям Макферсона мнемонических традиций бардовской поэзии в «Трактате об эпохе Оссиана» и его комментариям по старинной поэзии, собранной в горной Шотландии и относящейся к поэтическому языку, восходящему к кельтскому прошлому страны. Предложен анализ английского аналога текста поэтического языка сказаний Оссиана: многослойность текста оссиановской поэзии, ее исключительная органичность, использование стихотворных формул, эллипсисов, приемов повтора, параллелизма.

The article deals with a phenomenon of the ancient poetry attributed to a Gaelic poet named Ossian. The analysis focuses on poetics of the Ossianic poems and James Macpherson's considerable poetic skill displayed in his printed version of «The Works of Ossian». Special attention is given to Macpherson's investigation of mnemonic tradition of bardic poetry in his «Dissertation concerning the Æra of Ossian» and his commentaries to the old poetry collected in the Highlands of Scotland and related to the poetic language of a distant Celtic past. Macpherson's English version of the poetic language of Ossian poems is analyzed, namely, its unique organicity of language, poetic formulas, ellipses, repetition, parallelism.

Ключевые слова: поэмы Оссиана, Макферсон, эпический, бард, кельтский, гэльский, мнемонический, поэтика.

Keywords: Ossian poems, Macpherson, epic, bard, Celtic, Gaelic, mnemonic, poetics.

Оссиановская поэзия вошла в историю всемирной литературы благодаря кропотливой работе и поэтическому дару Джеймса Макферсона и его сподвижников. Как известно, на протяжении почти двух столетий после опубликования «Поэм Оссиана» (1760–1765) их аутентичность подвергалась сомнению. Вместе с тем время подтвердило, что литературная слава Макферсона, изначально приписавшего себе лишь роль переводчика, вполне заслужена [1].

В развернутых комментариях к «Поэмам Оссиана» Макферсон отмечает, что в процессе работы над переводом и составлением сборника песенных сказаний легендарного кельтского барда III в. ему неоднократно приходилось сокращать или опускать целые фрагменты, а порою и отдельные песни, приписываемые народной памятью Оссиану, те, которые, по его убеждению, либо не соответствовали по своему художественному уровню мастерству кельтского барда, либо были явными интерполяциями бардов более позднего времени [2]. Многократно подчеркивая высокое искусство «грубого» кельтского барда, Макферсон стремится как можно точнее выявить наиболее показательные характеристики оссиановской поэзии, которые в дальнейшем предопределят оссиановский канон. При этом, восхваляя мастерство кельтского барда, Макферсон, по точному определению Ю. Д. Левина, раскрывает собственную поэтику [3]. Важно, что в поэтике Макферсона первобытное и современное не взаимоисключают друг друга, а скорее наоборот: каледонцы, далекие предки шотландцев, становятся носителями наиболее заветных идеалов государственного устройства и форм правления в эпоху шотландского Просвещения [4].

При изучении старинных рукописей и анализе кельтских преданий, существовавших преимущественно в устной традиции, Макферсон выделяет арсенал художественных приемов и пра-

вил, которые, по его мнению, наиболее характерны для поэтического языка Оссиана или же «голоса Коны» (the voice of Cona), «первого среди тысячи бардов» [5]. Именно так, согласно древней кельтской поэтической традиции использования кеннингов, Оссиан представлен в поэме «Дар-Тула» и в «Песнях в Сельме» [6]. Судя по авторским комментариям и примечаниям к «Творениям Оссиана», в числе приоритетных задач Макферсона-исследователя оссиановской поэзии было определение ее метафорической образности, как и самого способа передачи поэтической мысли барда. И если на первый взгляд оссиановская поэзия может показаться многословной (на что, прежде всего, указывали многие оппоненты макферсоновского Оссиана, в том числе и С. Джонсон), то при более внимательном анализе непременно обнаруживается одна из важнейших характеристик текста – его многослойность – дань многовековой бардовской традиции сохранения и передачи из поколения в поколение песен, закрепленных в народном сознании как песни «последнего героя» Каледонии [7]. Принимая во внимание широко распространенную в мировой культуре практику создания мнемонических сочинений, так же как и практику буквального запоминания сотен тысяч стихов (в значительной степени по настоящее время сохранившуюся в таких восточных странах, как Индия, Китай, а также в самобытной культуре народов Сибири) [8] можно с большой долей вероятности предположить, что песенные сказания Оссиана или же сказания, ему приписываемые, если и претерпели некоторую переработку в процессе устной передачи, то едва ли существенную.

Шесть книг третьего издания «Поэм Оссиана» (1765) предваряет «Трактат о древности и других особенностях поэм Оссиана, сына Фингала» (A Dissertation concerning the Antiquity, & c. of the Poems of Ossian the Son of Fingal). В издании 1773 г., значительно переработанном, название этой исследовательской работы более лаконично и в то же время всеобъемлюще: «Трактат об эпохе Оссиана» (A Dissertation concerning the Æra of Ossian) [9]. В трактате Макферсон стремится всесторонне обосновать свой выбор старинных сказаний, создателем которых, по его убеждению, был Оссиан. Он последовательно излагает свои представления об этой эпохе на Альбионе, аргументируя и подкрепляя их обширными цитатами из летописей и трудов старинных авторов, историков, полководцев. По Макферсону, поскольку Оссиан не имел ни малейшего представления о христианстве (в его поэмах и в поэмах, ему приписываемых, нет ни малейшего намека на эту религию или какие-либо ее обряды), то с полным основанием можно утверждать, что он жил в эпоху, предшествующую распространению христианства [10]. По всей вероятности, эта гипотеза и послужила отправной точкой для Макферсона при воссоздании старинного эпического полотна, созданного на Альбионе в северной его части (и, что важно подчеркнуть) до распространения христианства, а именно во второй половине III – начале IV в., т. е. на исходе почти тысячелетнего романского владычества на Альбионе. В пользу этого утверждения говорит и факт, что гонения на язычников, начатые Диоклетианом в 303 г., указывают на наиболее вероятное время, к которому можно отнести первые проблески христианства на севере Британии.

В поисках канонического текста оссиановских сказаний Макферсон выступил и в роли исследователя старинной поэзии, цель которого воссоздание эволюции основного замысла, или же, если воспользоваться современной формулировкой, воссоздание «общей конструктивной преднамеренности» [11]. Предлагая английский аналог кельтских сказаний, запечатлевшихся в народной памяти как песни Оссиана, Макферсон рассматривает многочисленные старинные рукописи, изучает тексты, сравнивая различные варианты поэм, отсекая отрывки, которые, по его убеждению, из-за своих скромных художественных характеристик не могли принадлежать легендарному барду, либо вследствие упоминания событий или традиций и поверий, связанных с распространением христианства, относились к интерполяциям более позднего времени.

Значительна и необыкновенно значима была работа Макферсона и с устными источниками. Его комментарий к поэме «Война Инис-тоны» [12] служит тому подтверждением. «Это произведение, – поясняет Макферсон, – утрачено, но устное предание сохранило некоторые эпизоды, в том числе и рассказ, положенный в основу настоящей поэмы. До сих пор еще живы люди, которые в юности слышали повествование целиком» [13]. Важно отметить, что сбор этих бесценных материалов для подготовки собрания «Поэм Оссиана» происходил в переломное для Британских островов время коренных социально-экономических преобразований, повлекших за собой миграцию, стремительное сокращение и исчезновение значительной прослойки горцев, которые на протяжении почти полутора тысяч лет хранили в памяти сказания, относящиеся к временам короля-героя Фингала и его старшего сына Оссиана. Об этом, в частности, говорится в подготовленном в 1805 г. отчете Общества горной Шотландии (Highland Society of Scotland), которое на рубеже XVIII–XIX вв. занималось определением аутентичности оссиановской поэзии, представленной Макферсоном как «переводы с гэльского или эрского языка» [14]. В 1797 г. для более эффективной работы Общество горной Шотландии сформировало специальную комиссию по изучению поэм, приписываемых Оссиану. В результате ра-

боты, продолжавшейся восемь лет, комиссия пришла к следующим выводам: во-первых, великая легенда о Фингале и Оссиане существовала в Шотландии с незапамятных времен, а образцы оссиановской поэзии все еще в огромном количестве можно обнаружить в горной Шотландии; во-вторых, несмотря на то, что отдельные отрывки оссиановской поэзии буквально изложены в сочинениях Макферсона, не найдено ни одной поэмы под тем же названием. На основании этих двух положений комиссия пришла к окончательному выводу, что Макферсон выполнил вольное переложение оригинала, добавив при этом и отрывки собственного сочинения. Вместе с тем комиссия не могла не признать, что социальные изменения, происшедшие в Шотландии с тех пор, как Макферсон подготовил к изданию «Поэмы Оссиана», привели к исчезновению практики устной передачи древних гэльских сказаний, что сделало практически невозможным дальнейшие изыскания комиссии в этом направлении [15]. Отсюда следует, что в середине XVIII в. существовала серьезная угроза окончательной утраты оссиановской поэзии, поскольку именно в этот период прерывалась важнейшая цепочка устной передачи текстов древних гэльских сказаний. Более того, под угрозой полного исчезновения находилась и сама поэтическая традиция передачи старинных текстов. В горных районах Шотландии все стремительнее происходили необратимые процессы: все меньше оставалось потомков легендарного барда, которые помнили наизусть героические песни своей малой родины, известные как оссиановские. Таким образом, своему спасению и «возрождению» оссиановская поэзия прежде всего обязана неутомимой собирательской и очень своевременной деятельности Макферсона и его сподвижников (Леклен и Юин Макферсоны, преподобный Эндрю Гэлли и др.).

Известный исследователь английской просодии Д. Сентсбери в поисках главного секрета поэтической формы, избранной Макферсоном при «переводе» оссиановской поэзии, указывает на «резкую и полную изоляцию предложений разной длины». При этом, как отмечает исследователь, при полном отсутствии связи между составными частями целого, каждое отдельное предложение полностью передает заключенный в нем смысл [16]. Большинство строк оссиановских сказаний, как правило, состоит из сочетаний двух- или трехсложных стоп, причем стиль текста поэм остается необыкновенно насыщенным [17]:

Рино. The wind and the rain are over: calm is the noon of day. The clouds are divided in heaven. Over the green hills flies the inconstant sun. Red through the stony vale comes down the stream of the hill. Sweet are thy murmurs, O stream! but more sweet is the voice I hear. It is the voice of Alpin the son of the song, mourning for the dead. Bent is his head of age, and red his tearful eye. Alpin, thou son of the song, why alone on the silent hill? why complainest thou, as a blast in the wood; as a wave on the lonely shore? (Fragments of Ancient Poetry, XII) [18].

(Рино. Ветер и дождь миновали. Полдень спокоен. Тучи в небе рассеялись. Над холмами зелеными непостоянное солнце парит. Горный ручей устремляется вниз, багровея в долине каменистой. Сладко, ручей, журчанье твое, но слаще мне слышится голос. То голос Альпина, сына песни, оплакивает умерших. Склонила старость его главу, и красны от слез глаза его. О Альпин, сын песни, зачем ты один на безмолвном холме? Зачем ты стенаешь, как ветер в чаще лесной, как волна на пустынном берегу?) [19].

В «Трактате о древности поэм Оссиана» Макферсон подчеркивает, что практически невозможно выполнить адекватный перевод гэльской поэзии на «приемлемый» английский язык [20]. При этом он категорически отвергает состоятельность любого прозаического перевода как неспособного в какой-либо степени воспроизвести «возвышенный» стиль подлинника [21]. Если исходить из этих требований Макферсона к переводу старинной гэльской поэзии, то можно констатировать, что основная цель Макферсона-«переводчика» была успешно достигнута. Ему удалось выполнить не простой, «буквальный» перевод песен Оссиана (ибо в этом случае было бы утрачено главное – их «поэтический» смысл), а, сохранив ритмическую основу и поэтическое ядро древних сказаний, сильно и чеканно, и в то же время достаточно сдержанно воспроизвести кельтский стих современными ему поэтическими средствами английского языка.

Одна из главных особенностей поэтической формы, избранной Макферсоном при «переводе» оссиановской поэзии, – широкое использование эллипсисов, излюбленной фигуры поэтического синтаксиса старинных сказаний не только Каледонии, но и средневековой Камбрии, других частей Альбиона. Этот синтаксический прием – один из самых распространенных как в шотландском эпосе, так и в старинной валлийской (поэма «Гододдины» Энейрина, VI в.) и англосаксонской поэзии («Беовульф», VIII–X вв.). Пропуская в строке один из членов предложения, Макферсон создает конструкции различной длины и наполненности, достигая при этом эффекта динамичности и сжатости поэтического текста. При использовании различных временных и пространственных характеристик поэту удается сохранить напряженную смену действий:

Alpin. My tears, O Ryno! are for the dead; my voice, for the inhabitants of the grave. Tall thou art on the hill; fair among the sons of the plain. But thou shalt fall like Morar; and the mourner shalt sit on thy tomb. The hills shall know thee no more; thy bow shall lie in the hall, unstrung.

Thou wert swift, O Morar! as a doe on the hill; terrible as a meteor of fire. Thy wrath was as the storm of December. Thy sword in battle, as lightning in the field. Thy voice was like a stream after rain; like thunder on distant hills. Many fell by thy arm; they were consumed in the flames of thy wrath (Fragments of Ancient Poetry, XII) [22].

(Альпин. Об умерших слезы мои, о Рино. К жильцам могил взывает мой глас! Высок ты на холме, прекрасен среди сынов равнины. Но ты падешь, как Морар, и воссядет плакальщик на могиле твоей. Забудут тебя холмы, и спущенный лук будет праздно лежать в жилище твоём.

Был ты проворен, Морар, как олень на холме, грозен, как огненный метеор. Гнев твой был словно буря, меч в бою – словно молния над полями. Голос гремел, как поток после ливней, как гром на дальних холмах. Многих сразила рука твоя, испепелило пламя твоего гнева) [23].

Благодаря эллиптической речи Макферсону удается органично воспроизвести голос кельтского барда, рассказывающего «преданья старины глубокой». В тексте «Поэм Оссиана» эллипсисы несут огромную смысловую нагрузку, создавая впечатление большей достоверности, как это обычно происходит в обыденной жизненной ситуации, где эллипсис – одно из основных средств построения фраз. Благодаря этому синтаксическому приему Макферсон достигает эффекта большей художественной выразительности и в передаче психологического состояния героев, смены настроения или действий.

Как и во многих образцах старинной поэзии, в оссиановской поэзии многочисленны и разнообразны приемы повтора: звуковые (аллитерация, ассонанс), синтаксические, фразовые, лексические (анафора, эпифора), образные (повторы мотивов и ситуаций). В начале поэм широко использованы приемы прямого параллелизма (А. Н. Веселовский пользовался в этом случае термином «психический параллелизм») [24], что составляет композиционную основу многих стихотворений и наиболее показательно для произведений устного народного творчества:

My soul awakes, O stranger, in the midst of my hall. *I stretch my hand* to the spear, as in the days of other years. *I stretch my hand*, but it is feeble: and the sigh of my bosom grows. Wilt thou not listen, son of the rock! to the song of Ossian? *My soul* is full of other times; the joy of my youth returns (Calton and Colmal) [25].

(Моя душа пробуждается, о чужеземец, посреди моего чертога. Я простираю длань к копьё, как бывало в дни минувших годов. Я простираю длань, но бессильна она, и вздох наполняет мне грудь. Не хочешь ли ты, сын скалы, услышать песнь Оссиана? Минувшие времена наполняют мне душу; возвращается радость юности («Кальтон и Кольмала») [26].

В основе приема параллелизма, как известно, лежит тождественное расположение элементов в смежных частях текста, которые, соотносясь, способствуют созданию единого поэтического образа. Именно бесконечные, «утомительные повторы образов» вменял в вину создателя оссиановской поэзии С. Джонсон, называя ее «простой несвязной рапсодией» (a mere unconnected rhapsody) [27]. К сожалению, эту точку зрения разделяют и некоторые современные исследователи (например, А. Поткей) [28], которые, вслед за Джонсоном, очевидно, не допускают мысли, что именно «Поэмы Оссиана», национальная гордость «шотландских интеллектуалов», стали своего рода флагманом английской поэзии в европейских странах во второй половине XVIII в. И в последующую эпоху именно Оссиан соперничал со славой Байрона (мать которого, как известно, также принадлежала к знатному шотландскому роду). Столь громкая слава оссиановской поэзии, скорее всего, объясняется тем, что эти сказания абсолютно не ограничены национальными рамками и несут в себе общеевропейскую культуру.

Исключительная органичность «Поэм Оссиана» объясняется и тем, что в них Макферсон как поэт Нового времени самоустраняется как автор сказаний, выступая преимущественно как проводник, «воспроизводящий» и передающий старинное поэтическое слово. Абстрагирование от личностного в целом характерно для древней поэзии: исстари барды постоянно «апробировали» свой стих, вынося его на суд своих правителей и обычных слушателей во время бесконечных военных походов, застолий, в праздные дни. Во время песнопений, нередко проходивших под музыкальный аккомпанемент, бардовский стих оттачивался и «переозвучивался», происходило неизбежное смещение акцента стиха; одновременно развивалось и артикуляционное мышление исполнителей. Разумеется, преобразование бардовского стиха происходило не без утраты отдельных способов поэтической выразительности, в особенности во время смены поколений бардовских династий, существовавших на Альбионе вплоть до середины XVIII в., т. е. до начала радикальных экономических преобразований в стране.

Необыкновенную органичность текста оссиановских сказаний в «переводе» Макферсона, «высокий поэтический дух, которым они проникнуты» [29] можно объяснить и глубочайшей погруженностью «переводчика» в ту далекую атмосферу оссиановской эпохи, приходящейся на закат римского господства на Альбионе. По всей вероятности, при воссоздании поэзии кельтского барда были задействованы масштабные слои сознания поэта-«переводчика», динамично и напряженно работавшего со старинными текстами. Столь успешное воссоздание поэзии Оссиана состоялось, скорее всего, благодаря рождению в художественном сознании Макферсона поэтического мира иной эпохи. Подобный сложнейший и многоступенчатый творческий процесс происходит в результате бесчисленной цепочки художественно-поэтических кодов, формул, реминисценций. В убедительном воспроизведении оссиановской поэзии обнаруживается устойчивая тенденция как сохранения и закрепления важнейших приемов стихосложения и средств образной выразительности, так и «декодировки» древних словесно-художественных форм. Так, поэтика стихотворных формул и реминисценций вопреки различным пространственным и временным ограничениям и по происшествии столетий оказывается необычайно устойчивой, что указывает как на непосредственную, так и на опосредованную преемственность традиций поэтов различных стран и эпох.

Примечания

1. The Cambridge Guide to English Literature / ed. M. Stapleton. Cambridge: Newnes, 1983. P. 552.
2. Macpherson J. The Poems of Ossian and Related Works / ed. H. Gaskill. Edinburgh: Edinburgh University Press 2006. P. 174, 415.
3. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона // Макферсон Д. Поэмы Оссиана / изд. подг. Ю. Д. Левин. Л.: Наука, 1983. С. 492.
4. Potkay A. Virtue and Manners in Macpherson's Poems Ossian // PMLA. 1992. Vol. 107, No. 1. P. 127.
5. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 170.
6. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана». С. 115, 132.
7. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 5.
8. См.: Нарайан Р. К. Боги, демоны и другие. М.: Наука, 1975; См.: Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М.: Прогресс, 2010. С. 207; См.: Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997.
9. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 417.
10. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана». С. 9.
11. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; под ред. Л. В. Чернец. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2006. С. 512.
12. Инис-тона – один из скандинавских островов, где был свой король, зависевший, однако, от короля Лохлина. (Примеч. Д. Макферсона). – Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана». С. 77.
13. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана». С. 77.
14. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 1, 39.
15. The Dictionary of National Biography: in 22 vols / ed. L. Stephen, S. Lee. L.: Oxford University Press, 1921–1922. Vol. 12. P. 709.
16. Saintsbury G. A History of English Prosody from the twelfth century to the present day: in 3 vols. Vol. 3. L.: Macmillan & Co., 1923. P. 44.
17. Ibid. P. 44–46.
18. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 24.
19. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана». С. 130.
20. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 50
21. Ibid.
22. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 24.
23. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана». С. 130.
24. Словарь литературоведческих терминов / ред. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 259.
25. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 171.
26. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана». С. 133.
27. Цит. по: Potkay A. Virtue and Manners in Macpherson's Poems Ossian // PMLA. 1992. Vol. 107. № 1. P. 120.
28. Ibid.
29. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана». С. 463.

Notes

1. The Cambridge Guide to English Literature / ed. M. Stapleton. Cambridge: Newnes, 1983. P. 552.
2. Macpherson J. The Poems of Ossian and Related Works / ed. H. Gaskill. Edinburgh: Edinburgh University Press 2006. Pp. 174, 415.
3. Levin Y. D. «Poehmy Ossiana» Dzhejmsa Makfersona ["Poems of Ossian" by James MacPherson] / McPherson D. Poems of Ossian / ed. prep. by Y.D. Levin. Leningrad. Nauka. 1983. P. 492.

4. A. Potkay Virtue and Manners in Macpherson's Ossian Poems // PMLA. 1992. Vol. 107, No. 1, P. 127.
5. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 170.
6. Levin Y.D. «*Poehmy Ossiana*» ["Poems Of Ossian"]. Pp. 115, 132.
7. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 5.
8. See: Narayan R. K. *Bogi, demony i drugie* [Gods, demons and others]. Moscow. Nauka. 1975; See: Eliade M. [Aspects of the myth] / transl. from French B.N. Bolshakov. Moscow. Progress. 2010. P. 207; See: Anthology of research culture. Vol. 1. Interpretation of culture. SPb. Universitetskaya kniga. 1997.
9. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 417.
10. Levin Y.D. «*Poehmy Ossiana*» ["Poems Of Ossian"]. P. 9.
11. *Vvedenie v literaturovedenie: ucheb. posobie* - Introduction to literature: tutorial / L. V. Chernets, V. E. Halizev, A. Y. Esalnek and others; ed. by L.V. Chernets. 2nd ed. rev. and add. Moscow. 2006. P. 512.
12. Inis-tona is one of the Scandinavian Islands, where was their king, depending, however, from the king of Lochlin. (Note of D. MacPherson). - Levin Y.D. "Poems Of Ossian". P. 77.
13. Levin Y.D. «*Poehmy Ossiana*» ["Poems Of Ossian"]. P. 77.
14. Macpherson J. The Poems of Ossian... Pp. 1, 39.
15. The Dictionary of National Biography: in 22 vols / ed. L. Stephen And S. Lee. L.: Oxford University Press, 1921-1922. Vol. 12. P. 709.
16. Saintsbury, G. A History of English Prosody from the twelfth century to the present day: in 3 vols. Vol. 3. L.: Macmillan & Co., 1923. P. 44.
17. Ibid. Pp. 44-46.
18. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 24.
19. Levin Y. D. «*Poehmy Ossiana*» ["Poems Of Ossian"]. P. 130.
20. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 50
21. Ibid.
22. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 24.
23. Levin Y.D. «*Poehmy Ossiana*» ["Poems Of Ossian"]. P. 130.
24. *Slovar' literaturovedcheskih terminov* - Dictionary of literary terms / ed. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moscow. Prosveshchenie, 1974. P. 259.
25. Macpherson J. The Poems of Ossian... P. 171.
26. Levin Y. D. «*Poehmy Ossiana*» ["Poems Of Ossian"]. P. 133.
27. Cit. by: A. Potkay Virtue and Manners in Macpherson's Ossian Poems // PMLA. 1992, vol. 107, No. 1, p. 120.
28. Ibid.
29. Levin Y.D. «*Poehmy Ossiana*» ["Poems Of Ossian"]. P. 463.

УДК 821.161.1:09

Е. О. Кузьменко

Мотив пути и образы героев, «взыскующих града», в идейно-художественном строе романа Ф. М. Достоевского «Подросток»

В статье посредством анализа слов-лейтмотивов «бродяга», «скиталец» и «странник», автор доказывает, что они являются своеобразными идейно-семантическими узлами главной темы романа Ф. М. Достоевского «Подросток» – становление на путь человека, взыскующего истину. Эти слова-лейтмотивы своеобразно преломляются и раскрываются в смысловом поле трех ключевых образов романа – Аркадия, Версилова и Макара Ивановича. Обращаясь к анализу художественных и публицистических произведений Ф. М. Достоевского, автор работы аргументированно показывает, что сложная система перекличек образов, мотивов, значащих деталей аккумулирует смысл сюжетных перипетий, ведущих «главную линию» романа – постижение Подростком истины о добре и зле. Причем именно он в романе является наследником духовных ценностей своих наставников, восприимчиком и народной и интеллигентской правды, ему предстоит, по замыслу Достоевского, найти свой путь, который может стать путем возрождения России.

In this article the author analyses these motifs deeply as far as concepts “vagrant”, “stroller”, “wanderer” are concerned. The author also proves that they are particular ideological semantic tangles for the main theme of the novel “Adolescent” by F. M. Dostoevsky. This theme is the forming of a person who

searches out the truth. These motifs are peculiarly interpreted and depicted in the semantic field by F. M. Dostoevsky as far as three key characters (Arkady, Versilov and Makar Ivanovich) are concerned. Referring to the analysis of both fiction and publicistic works by F. M. Dostoevsky the author shows reasonably that this complex accordance of images, motifs and important details accumulates significant plot changes for the leading novel line. It means that the adolescent perceives the truth of goodness and evil. In the novel he is shown to be a successor of spiritual values of his mentors for both people's and intellectual truth. According to the Dostoevsky's conception this character is to find his own way which may be the way of Russia regeneration.

Ключевые слова: мотив пути; анализ слов-лейтмотивов; переклички образов и деталей; сюжетные перипетии; идейно-художественный строй.

Keywords: the motif of the way; the analysis of the words-leitmotifs; roll-call of images and details; plot twists and turns; the ideological and artistic building.

Принцип сюжетно-композиционной организации романа Ф. М. Достоевского «Подросток» обуславливается гравитационным полем, создаваемым двумя идейными полюсами – «благообразием» и «безобразием», между которыми мечется главный герой романа Аркадий Долгорукий и которому в определенной степени подчинены все компоненты художественного целого. Многие ключевые слова-лейтмотивы романа находятся в противостоянии, как, например, «Бог» – «идол», «знание» – «тайна», «реализм» – «идеал», а также «бродяга» – «странник», «странник» – «скиталец». Целью данной работы является стремление доказать, что слова-лейтмотивы «бродяга», «скиталец» и «странник» – это своеобразные идейно-семантические узлы главной темы романа «Подросток» – становление на путь человека, взыскующего истины, что и определяет актуальность данной работы.

В связи с этим становится знаменательной уже первая беседа Подростка со своим названным отцом – Макаром Ивановичем Долгоруким, в образе которого нашло воплощение такое важное этико-религиозное убеждение Достоевского, как возможность обретения человеком своей сущности путем обращения к народу, «почве», «земле», православию. Своеобразным лейтмотивом этой беседы является слово «тайна», смысл которого они понимают по-разному. Подросток с точки зрения рациональной логики говорит о тайнах, которые «давно открыты умом», то есть наукой, или будут открыты «совершенно наверно и, может быть, в самый короткий срок» [1]. Макара Иванович же говорит о тайне Божией, «превосходящей ум человеческий», тайне, которая во всем: «...в каждом дереве, в каждой былинке...» (т. 13, с. 392), которую нельзя постичь рационально, но можно ощутить сердцем.

Макара Иванович противопоставляет научное знание, книжную премудрость «единой истине», которая дается верой: «...читают и толкуют весь свой век, насытившись сладости книжной, а сами все в недоумении пребывают и ничего разрешить не могут», «...иной из книг выбрал одни лишь цветочки, да и то по своему мнению; сам же суетлив, и в нем предрешения нет» (т. 13, с. 413). «Суетность» – вот, по мнению Макара Ивановича, главная особенность людей, не имеющих благообразия, живущих жизнью, лишенной высшего смысла. Подросток возражает доктору, назвавшему Макара Ивановича «бродягой»: «Уверю вас, что бродяги – скорее мы с вами, и все, сколько здесь ни есть, а не этот старик, у которого нам с вами еще поучиться, потому что у него есть твердое в жизни, а у нас, сколько нас ни есть, ничего твердого в жизни...» (т. 13, с. 411). Слова Макара Ивановича вновь возвращают нас к этой мысли: «...многие не веруют и оглушают сим людей несведущих; ты же не слушай, ибо сами не знают, куда бредут» (т. 13, с. 424). Слово же «странник» связано с «драгоценной Достоевскому идеей странничества», знаменующей собой «ищущую человеческую натуру» «неодолимое желание познать себя и мир, обрести твердую веру...» [2]. Не случайно ощущение тоски и растерянности Подростка после разговора с Крафтом эмоционально усиливается образом ребенка, потерявшего дорогу: «Мне встретился маленький мальчик, такой маленький, что странно, как он мог в такой час очутиться один на улице; он, кажется, потерял дорогу; одна баба остановилась было на минуту его выслушать, но ничего не поняла, развела руками и пошла дальше, оставив его одного в темноте. Я подошел было, но он с чего-то вдруг меня испугался и побежал дальше» (т. 13, с. 84).

И еще один образ связан с этой темой – образ купца Скотобойникова из рассказа Макара Ивановича. Сама фамилия – Скотобойников – вызывает ассоциации с местом грязным, кровавым и жестоким и перекликается с топонимом «Скотопригоньевск» из романа «Братья Карамазовы», причиной создания которого стало скотоподобие лиц, его населяющих [3]. Скотобойников – фабрикант, хищник, хозяин жизни, для которого нравственные устои народной жизни уже не существуют, потому что, выйдя в купцы, он поклонился «золотому идолу» и уверовал в свое могуще-

ство и безнаказанность. Презрительные слова Скотобойникова о народе афимьевском обращаются против него самого: «Так разве это человек? Это – зверь, а не человек: его, перво-наперво, образить следует, а потом уж ему деньги давать» (т. 13, с. 314). Впал Скотобойников через деньги в «похоть господства», «возмнил», «потерял свою мерку» и вместе с нею человеческий облик.

В образе купца Скотобойникова отразился «лик мира сего», каким воспринимал его Достоевский, отмеченный печатью разложения самого страшного – духовного, где забвение нравственных ценностей, страсть к наживе и ощущение бесконечного своего могущества слились воедино. Не случайно героем истории Макара Ивановича является именно купец, представитель русских буржуа, «кулаков» и «кабатчиков», по убеждению Достоевского, главных виновников происходящего в стране. Рассказ о Скотобойникове стал ответом Достоевского на вопрос о путях социального переустройства общества, решенный писателем в духе своих христианских убеждений: путь к социальной гармонии лежал для него только через нравственное перерождение личности.

Перелом в душе Скотобойникова произошел после трагического события – гибели ребенка по его вине. Искренне страдая и желая искупить свой грех, Скотобойников, «оставив дом, подвизается в странствиях и терпении даже до сегодня», – рассказывает Макар Иванович (т. 13, с. 322). По замечанию В. А. Туниманова, Макар Долгорукий – это странник, «достигший закатного периода жизни, успокоившийся, приготовившийся к смерти» [4], а Скотобойников – страдалец, взывающий истины, но находящийся в преддверии ее. Переключки притчевого рассказа о купце и история Подростка приводят к мысли о соотносительности их судеб, судеб людей, стоящих лишь «на пороге возрождения», чье подлинное возрождение впереди. Несмотря на то, что Подросток уверен в том, что странствовать по примеру Макара Ивановича никогда не пойдет, – в символическом смысле он, как и Скотобойников, – странник, «взывающий Града», которому предстоит долгий путь. Система «сцеплений», опосредованно-сложных переключек образов, ситуаций, значимых деталей обуславливают сложный и неповторимый идейно-художественный строй романа Достоевского. Сугубо бытовая история в художественном контексте всего произведения поднимается на высокую ступень художественного обобщения – обобщения философского [5].

Слово-лейтмотив «скиталец» связано в романе с образом Версилова. И здесь необходимо охарактеризовать отношение Достоевского к «западникам», вечным «скитальцам», оторвавшимся от народа и «почвы», которое в разные периоды жизни писателя менялось. Проследить это весьма любопытно на примере изменения отношения Достоевского к известному литературному герою – Чацкому из «Горя от ума», который в некотором роде стал для писателя олицетворением вечных «скитальцев».

В 60-е гг. грибоедовский персонаж концептуально трансформируется в образ-символ, воплощающий в себе триединство: Чацкий – декабристы – Герцен. Писатель принимает такую трактовку. Начало этому положило сходство его позиции с позицией Герцена во взгляде на «петровский период» русской истории и на реформу Петра I, имевшую наряду с конструктивными и отрицательные последствия, – прежде всего, оторванность образованной дворянской интеллигенции от народа. Образ Чацкого привлекает внимание именно тогда, когда разобщение образованного меньшинства с народом достигло предела, разразившись взрывом, которым явилось восстание декабристов.

Герцен увидел в Чацком, как известно, не только декабриста, но и символ человека 30–40-х гг., то есть поколения на переломе двух эпох. Достоевский, принимая трактовку Герцена, постоянно до последних дней переосмысливает в ее русле образ Чацкого. Говоря о Чацком как о передовом русском дворянине, писатель отмечает такие противоречия: оторванность от родной почвы и стремление к ней. В различные периоды творчества Достоевский будет то осуждать дворянских революционеров за их разобщение с народом, то отмечать их искреннее стремление эту разобщенность преодолеть. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Чацкий – «это тип милый, восторженный, страдающий, взывающий к России. Это фразер, говорун, но сердечный фразер и совестливо тоскующий о своей бесполезности» (т. 5, с. 61).

От сравнительно мягких характеристик в «Зимних заметках...» писатель переходит к негативным в «Бесах». Страстный монолог литературного персонажа Шапошникова в набросках к «Бесам» направлен и против декабристов в лице Чацкого, и против «передовых людей» 30–40-х гг., на которых Достоевский возлагал ответственность за распространение в России чуждых идей Западной Европы. Не случайно эстетические оценки Шапошникова имеют много общего с характеристикой Герцена, данной Достоевским в «Дневнике писателя» (т. 21, с. 8). Личное отношение к Герцену тесно сопрягается с характеристикой Чацкого. Наряду с пристальным интересом, который проявляет Достоевский ко всему написанному и напечатанному Герценом, все резче обостряется творческий, идейный спор-схватка [6]. Неприязнь к нему как к декабристу, дворянскому революционеру, звучит в «Дневнике писателя» за 1876 г. Здесь Достоевский впадает в

гнев и теряет объективность суждений при выявлении роли образа Чацкого в истории литературного процесса: «Ты всего-то из банной мокроты зародился, – как сказали бы ему, ругаясь, покойники из “Мертвого дома”, когда хотели обозначить какое-нибудь бесчестное происхождение» (т. 24, с. 244). Достоевский отказал Чацкому в праве «принять страдание за идею».

И все же в набросках к «Бесам» Шапошников выделяет Чацкого особо: «Но пусть он глуп – зато сердце у него доброе» (т. 11, с. 87). Достоевский неоднократно подчеркивал, что наивность комедии «Горе от ума» и её главного героя искренняя. Тут для писателя такое достоинство, которое он часто противопоставляет новому поколению революционеров-демократов 60–70-х годов. Критически оценивая революционность вообще, Достоевский всё-таки психологически более близок к дворянским её представителям.

И это отношение находит отражение и в образе Версилова. Налицо как бы возврат к «Зимним заметкам...». Версилов вызывает сочувствие, он стремится к миру «русской правды», не умея её достигнуть. Слова Версилова о «русской тысяче», в которой «тип всемирного боления за всех» (т. 13, с. 376), соотносится с фразой в черновых набросках: «Да разве всемирное боление-то не великое дело» (т. 16, с. 417). Способность человеческой души сострадать и болеть за человечество – это редкий дар, данный «положительно прекрасному человеку» Достоевского.

Версилов и Макар Иванович являются выразителями определенных систем духовных ценностей, и их мировосприятия, существенно отличаясь друг от друга, находятся в своеобразном идейном поединке. И в этот диалог сознаний, смысловых позиций включается Подросток. Причем чужое для героя Достоевского сознание становится своеобразным зеркалом, в которое глядится его собственное сознание [7]. При этом мировосприятия Версилова и Макара Ивановича сходятся в точке высшего единства – «всечеловеческой любви» (т. 13, с. 375), «всемирного боления за всех» (т. 13, с. 376), а наследником духовных ценностей своих наставников, по замыслу Достоевского, должен стать Аркадий – восприимчив и народной, и интеллигентской правды.

Эти три образа, связанные друг с другом, символизируют духовное единство людей, «взыскующих Града». И именно Подростку предстоит, по замыслу Достоевского, воплотить «невывысканное будущее Слово», найти свой путь, который может стать путем возрождения России. Таков один из немаловажных, на наш взгляд, аспектов поэтического строя романа Ф. М. Достоевского, аккумулирующих смысл сюжетных перипетий, ведущих «главную линию» – постижение Подростком истины о добре и зле.

Примечания

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1987. Т. 13. С. 392. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страниц.
2. Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 42.
3. Коротких С. Скотопригоньевск Достоевского: Старая Русса и Россия // Русская словесность в мировом культурном контексте: избранные докл. и тез. II Междунар. симпозиума. М.: Фонд Достоевского, 2008. С. 155.
4. Туниманов В. А. Указ. соч. С. 49.
5. Кузьменко Е. О. Вставные элементы в романах Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. С. 6–7.
6. Лещинер С. Д. Герцен И Достоевский. Диалектика духовных исканий // Русская литература. 1972. № 2. С. 54.
7. Кузьменко Е. О. Место сочинений Ивана Карамазова в структуре романа «Братья Карамазовы» и их роль в реализации идейно-художественного замысла Ф. М. Достоевского // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 4(120). С. 308.

Notes

1. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]: in 30 vols. Leningrad. Nauka. 1972–1987. Vol. 13. P. 392. Further references to this edition are given in the text in parentheses indicating the volume and page.
2. Tunimanov V. A. *Dostoevskij i Nekrasov* [Dostoevsky and Nekrasov] // *Dostoevskij i ego vremya* - Dostoyevsky and his time. Leningrad. Nauka. 1971. P. 42.
3. Korotkikh C. *Skotoprigo'evsk Dostoevskogo: Staraya Russa i Rossiya* [Skotoprigo'ievsk of Dostoevsky: Staraya Russa and Russia] // *Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste* - Russian literature in the world cultural context: selected reports. and thesis of II International Symposium. Moscow. Dostoevsky's Fund. 2008. P. 155.
4. Tunimanov V. A. Op. cit. P. 49.
5. Kuzmenko E. O. *Vstavnyye ehlementy v romanah F. M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Plug-in elements in the novels of F. M. Dostoevsky: the autoref. dis. ... Cand. Phil. Sciences]. SPb. 1993. Pp. 6-7.

6. Leschiner S. D. *Gercen I Dostoevskij. Dialektika duhovnyh iskanij* [Herzen And Dostoevsky. Dialectic of spiritual searching] // *Russkaya literatura - Russian literature*. 1972, No. 2, p. 54.

7. E. O. Kuzmenko *Mesto sochinenij Ivana Karamazova v strukture romana «Brat'ya Karamazovy» i ih rol' v realizacii idejno hudozhestvennogo zamysla F. M. Dostoevskogo* [Place of writings of Ivan Karamazov in the structure of the novel "The Brothers Karamazovs" and their role in the implementation of the ideological and artistic intent of F.M. Dostoyevsky] // *Vestnik Tambovskogo universiteta - Herald of Tambov University. Ser.: The Humanities*. 2013, Vol. 4(120), p. 308.

УДК 821

Е. В. Лескова

Жанровая специфика притчи и мениппеи в романах Ф. Кафки «Процесс» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

В данной статье проводится исследование вставных произведений Кафки и Достоевского из романов «Процесс» и «Братья Карамазовы» соответственно, выявляются их жанровые особенности. Помимо общеизвестного определения этих мини-историй как притч, выдвигается гипотеза о наличии в них черт мениппеи. Проводится анализ идеологической составляющей этих вставных произведений.

In this article we investigate the plug-in works of Kafka's and Dostoevsky's novels "The Trial" and "The Brothers Karamazov" respectively and identify its genre features. In addition to the well-known definition of these mini-stories as parables we hypothesise the menippea's availability in it and analyze its ideological component.

Ключевые слова: Кафка, Достоевский, притча, мениппея.

Keywords: Kafka, Dostoevsky, a parable, a menippea.

В творчестве Кафки и Достоевского концептуальную роль играют вставные произведения, в особенности притчи. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» вставных историй множество, однако не все из них могут быть названы притчами; в кафковском «Процессе», напротив, единственным вставным элементом романа является притча, тем не менее, в отличие от притч Достоевского, имеющих композиционный характер отступления, кафковское вставное произведение играет в романе роль идейно-смыслового центра. Исключение притчи «Перед законом» из повествовательного целого не просто обеднило бы его содержание, а низвело его с высоты уникального «символического» романа-загадки до уровня обычной сатиры на бюрократическую систему. Уникальность кафковской притчи состоит в том, что она представляет собой не просто историю, философский смысл которой коррелирует с некоторыми идеями романа (как это происходит у Достоевского), а его полное фабульное совпадение, мини-аллегория сюжета «Процесса».

Притча «Перед законом» фигурирует в романе как текст письменный, дословно воспроизводимый священником («Я рассказал тебе эту притчу так, как она стоит во Введении» [1]). Ни её критика, ни вольности в толковании не только не воспринимаются, но даже приравниваются к святотатству («Ты недостаточно уважаешь Свод законов, – сказал священник, – потому и переосмыслил эту притчу» [2], «Сам Свод законов неизменен, и все толкования только выражают мнение тех, кого это приводит в отчаяние» [3]). Буквалистская точность передачи содержания подчёркивается каждый раз, когда речь заходит о возможности его интерпретирования, священник акцентирует внимание на важнейшей константе рассказываемой им истории: «...врата Закона, как всегда, открыты [4]», а это значит, что факт «открытости» ворот нельзя упустить из виду. Подобная строгость и однозначность интерпретации имеет место в священных канонических текстах, о чём говорит Иоанн в своём Откровении: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» [Откр. 22, 18–19]. Таким образом, кафковская притча в фантастическом мире «Процесса» представляет собой часть некоего сакрального текста, равновеликого Библии в мире действительном.

У Достоевского же всё совершенно иначе. В отличие от кафковской притчи, вставные истории в «Карамазовых» не являются чётко фиксированными и излагаются в свободной форме. Одна из них («притча о луковке») даже представляется народной (её поведала Грушеньке некая «женщина из народа»), а значит – не письменной, передающейся «из уст в уста». В отличие от «сухого» и бесстрастного пересказа притчи священником в «Процессе», «притча о луковке» рассказывается Грушенькой в своей личной экспрессивной тональности, что свидетельствует о её глубоком сопереживании описываемому в притче, ощущении сопричастности, отождествлении себя с героиней притчи (не случайно Грушенька использует эпитет «злющая-презлющая» не только по отношению к бабе из пересказываемой ей «басни», но и по отношению к самой себе).

На характер рассказывания всех притч Достоевского накладывается «отпечаток» личности рассказывающего субъекта, что выявляет в них такое свойство, как «сказовость», свидетельствующее о жанровой неоднородности представленных историй. Не случайно, в тексте «Карамазовых» слово «притча» по отношению к ним, при всей очевидной соотнесённости с этим жанром, опускается, заменяясь другими определениями (притча о луковке названа в тексте романа «басней», притча о философе и рае – «легендой», история о Великом инквизиторе – «поэмой»), в то время как Кафка, напротив, подчёркивает тот факт, что рассказываемое священником является не чем иным, как притчей («Я рассказал тебе... притчу» [5]), и не обыкновенной притчей, а стоящей во «Введении к Закону», то есть носящей догматически-обязательный характер.

Вставные истории Достоевского являются произведениями открытыми [6], ориентированными на диалог: их слушатели – активные реципиенты (критически воспринимающие получаемую информацию) и зачастую даже «соавторы» этих историй. В качестве слушателя в большинстве случаев выступает Алёша Карамазов, чьё мнение воспринимается рассказывающими очень чутко, а в фантастической главе «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича» [7] Достоевский создаёт и вовсе парадоксальную ситуацию: в качестве слушателя притчи о философе и рае выступает сам её сочинитель – Иван, рассказчиком же выступает его «двойник» – чёрт, причём в процессе рассказывания между ними возникает очередная полемическая перепалка, нарушающая «чистоту жанра».

Сама «притча» носит характер открыто-пародийный, что также не может быть свойственно классическому образцу жанра. Подвергаются осмеянию не только «юные» мысли самого Ивана Карамазова, но и проповеди старца Зосимы, смысл которых во многом сводится к необходимости раскаяния и смирения гордыни, в то время как притча о философе и рае полностью искажает и переворачивает суть этих поучений: согласно притче, и раскаяние, и исправление предстают в подчёркнуто негативном свете, приравниваясь к ренегатству и беспринципности.

Наиболее сложной в жанровом отношении из всех «притч» Достоевского является история о Великом Инквизиторе, называемая в тексте «Карамазовых» поэмой, а во многих литературоведческих исследованиях (например, В. В. Розанова) – легендой. На наш взгляд, «Великий Инквизитор» представляет собой синтетический жанр, объединяющий притчевую иносказательность с мениппейностью. Сам Иван Карамазов в предисловии к «Инквизитору» возводит жанровую традицию поэмы к мистерии, являющейся, по М. М. Бахтину, разновидностью мениппейного жанра, связанной с христианством. По словам исследователя, импульсом к возникновению мениппеи послужил кризис прежних ценностей (в первую очередь религиозных) и попытка установления новых, что получило литературное, жанровое отражение: «Он (мениппейный жанр. – Е. Л.) формировался в эпоху разложения национального предания, разрушения тех этических норм, которые составляли античный идеал «благообразия» («красоты – благородства»), в эпоху напряжённой борьбы многочисленных и разнородных религиозных и философских школ и направлений, когда споры по «последним вопросам» мировоззрения стали массовым бытовым явлением во всех слоях населения и происходили всюду, где только собирались люди» [8].

Жанры мениппеи и притчи, несмотря на решающую роль в их формировании религиозного контекста, общим своим характером существенно различаются. Если мениппея, или, по Бахтину, «мениппова сатира», представляет собой карнавальную, принципиально адогматический жанр, порожденный в кризисные, переходные периоды ломки старого и образования нового мировоззрения (результатом чего становится незавершённость и яркая полемичность), то притча представляет собой порождение традиционалистски, догматически ориентированного общества, нуждающегося не в предположениях и гипотезах, а в окончательных истинах, которые должны быть безапелляционно приняты. Притча воспринимается как «носитель» этих абсолютных истин, вследствие чего в своём классическом варианте этот жанр был подчёркнуто монологическим, любая возможность диалога была исключена.

«Великий Инквизитор» Достоевского в этом смысле представляет собой явление уникальное. При несомненном наличии притчевых черт (религиозной темы и поучительного вывода о победе «смирненной любви» [9] над грехом, «сообщаемого» читателю посредством иносказания)

это произведение выходит за границы притчи, причём не только по объёму. История, созданная Иваном, представляет собой, как уже говорилось выше, особое жанровое образование – мениппейную притчу, о чём свидетельствует ряд её особенностей. Неслучайным является сравнение О. Седаковой «Великого Инквизитора» с притчами «о посещении», которые также обладают чертами мениппейности [10].

Многие из характерных черт мениппей, выделяемых М. М. Бахтиным, находят в ней своё отражение: это и «исключительная свобода сюжетного и философского вымысла» [11], свобода от предания и «требований внешнего жизненного правдоподобия» [12], недопустимая в классической притче (в «Инквизиторе» это свойство проявляется в дерзновенной попытке автора совершить, говоря словами О. Седаковой, «призывание “исторического Христа” в мир – и в Церковь! – существующие как бы в ситуации абсолютного Его отсутствия» [13]), и связанное с этим создание провокативно-испытующей ситуации, проверки Христовой «правды», его абстрактных истин жизненными обстоятельствами (по Бахтину – «приключение идеи или правды в мире»: «испытание мудреца (или, так называемого, «носителя идеи». – Е. Л.) есть испытание его философской позиции в мире» [14]), и наличие утопии [15], и, наконец, подчёркнутая диалогичность, возможность самостоятельного «взвешивания» читателем «pro et contra», что в традиционной притче, естественно, было немислимым.

Диалогичность созданной Иваном «поэмы» объясняется, в первую очередь, раздвоенностью природы её автора. Слово Ивана (как и других действующих лиц романа), по мнению М. М. Бахтина, «не подчинено объектному образу героя как одна из его характеристик» [16], а в сочинённой им притче оно делится надвое: на «слово» Христа, проводящего идею всеохватности любви, и «слово» его антагониста – Великого Инквизитора, утверждающего мысль о неспособности людей выносить страдания даже ради «очищения». Литературная маска Великого Инквизитора помогает второму «я» Ивана представить экзегетический комментарий к евангельскому рассказу об искушениях Христа в пустыне, который он не решается озвучить в открытую, от своего реального лица. Д. Арбан, относя Ивана к категории героев-«порогов» (то есть стоящих на перепутье, мечущихся между двумя «правдами»), описывает натуру этого героя следующим образом: «нерешающийся отцеубийца, богоубийца в теории, он представляет собой физическую опору этого “за” и “против”, “место” развёртывания этих противоречивых аргументов, человека, парализованного противоречивостью своих напряжённых побуждений» [17], печальный исход его метаний вполне ожидаем: «он не переступит ни одного порога, но найдёт убежище в мире, не знаящем границ, в мире безумия» [18].

По словам Д. Арбан, образ-символ «порога» у Достоевского является одним из наиболее употребительных, проявляющих себя разными оттенками значения. Это и запрет, и бесповоротность, – невозможность изменить ситуацию, и столкновение противоречий (появление этого значения в русском языке произошло благодаря аналогии с речным порогом как местом встречи противоположных сильных течений, получившим название от обычного, «домашнего» порога, и обогатившим его впоследствии новыми ассоциациями). Не случайно действие созданной Иваном притчи начинается «на пороге» тюрьмы: «...среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. <...> Он останавливается *при входе* и долго, минуту или две, всматривается в лицо его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит...» [19].

В отличие от кафковской притчи, передаваемой священником бесстрастно, рассказчики Достоевского «вкладывают душу» в свой «рассказ», что, естественно, не может не отразиться на повествовании, не оставить на нём своеобразного «отпечатка личности», не повлиять на изображение персонажей и их отношение к проблеме. Следовательно, и *авторство* Ивана оставило на его произведениях отпечаток раздвоенности и зарождающегося безумия. «Незавершимость человека и его несовпадение с самим собою» [20], «изображение необычных, ненормальных морально-психических состояний человека – безумий всякого рода (“маниакальная тематика”), раздвоения личности, необузданной мечтательности, необычных снов, страстей, граничащих с безумием, самоубийств» [21] – всё это, по словам М. М. Бахтина, впервые появилось именно в жанре мениппей. Нашло отражение это и в притчах, созданных Иваном: «Великом Инквизиторе», притче о философе и рае (последняя к тому же характеризуется, как говорилось выше, подчёркнутой пародийностью).

Проявились в «Великом Инквизиторе» и черты такой разновидности мениппей, как диатриба, характеризующейся обличительным пафосом и элементами разговора «с отсутствующим собеседником». Так и притча Ивана построена на гневной обличительной речи Инквизитора, обращённой к безмолвно слушающему, не вступающему в диалог Христу, – взятая отдельно, без позднее досказанного Иваном финала, она выглядит именно как обращение к отсутствующему человеку.

Кафковская притча о привратнике и просителе, несмотря на соблюдение внешних атрибутов притчевого жанра (лаконизм, анонимность, авторитарность), также является мениппеиной по духу, что проявляется в рамочной мениппеиной синкрizei – столкновении двух точек зрения: у рассказчика этой притчи есть весьма стойкий оппонент, который не принимает смысла этой притчи, ни до, ни после ее истолкования. В то время как священник, рассказывающий притчу, воспринимает представленный в ней порядок вещей как абсолютно справедливый, относясь ко всякому сомнению в нем как к еретическому, слушающий её Йозеф К. считает, что притча является лишь попыткой оправдания абсурдности мироустройства, когда «ложь возводится в систему» (единственное, в чем его убеждает священник в своих доводах, – это то, что виновником страданий просителя является, может быть, не привратник, а некая безличная «система»).

В кафковской притче также присутствуют черты диатрибы: в словах привратника, адресованных просителю, проскальзывает обличение: «Что тебе ещё нужно узнать? <...> Ненасытный ты человек!» [22], чувствуется их (просителя и привратника. – *Е. Л.*) скрытая полемика. Если же воспринимать беседу с привратником как внутренний монолог просителя (разговор со своим внутренним «привратником» – страхом/сомнением), то и здесь возникает ситуация разговора с «отсутствующим».

Подтверждает мениппеиность притчи и «пороговая» ситуация: о чём говорит амбивалентность рассуждений просителя и привратника, противоречащих самим себе, неопределённость их поведения, и само *место* действия. Амбивалентность выражается в различной оценке ситуации просителем, невозможности принять окончательное решение (попытаться войти во Врата закона или пройти мимо них), а также в разнящихся суждениях и советах привратника («сейчас войти нельзя» и «попытайся войти, не слушай моего запрета» [23]).

Место же действия («на пороге» между Землёй и Высшим Законом) в этом смысле ещё более символично. Одной из характерных черт мениппеи является особое изображение места действия, зачастую имеющего «трёхпланное построение» [24]. Как пишет М. М. Бахтин, действие мениппеи, как правило, разворачивается в следующих пространственных координатах: на Олимпе (или на небе/в раю), на Земле и в преисподней [25]. Нередкое явление – соединение менипповой сатиры с жанром «диалога на пороге» [26], переступить через который герой не имеет возможности. Пример такого «диалога» у Бахтина – фábль о спорах крестьянина у райских врат, что не может не напомнить нам ситуацию просителя, стоящего у Врат Закона (и ситуацию Йозефа, спорящего со священником в преддверии отправления в «другой мир»).

Рассматриваемые нами романы Кафки и Достоевского во многом опираются на классическую притчу, следуют её образцу. Однако всеохватность притчевости и многозначность изображаемых образов, позволяющая говорить о своеобразных жанровых «диффузиях», подтверждают тот факт, что оба романа находятся в переходной стадии к более усложнённой и многоплановой форме, характерной для литературы Нового времени, – параболы.

Примечания

1. *Кафка Ф.* Процесс // *Кафка Ф.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Азбука, 2012. С. 123.
2. Там же.
3. Там же. С. 124.
4. Там же. С. 122.
5. Там же. С. 123.
6. *Строганцева Н. В.* Поэма «Великий Инквизитор»: семантическая модель и контур интерпретационного поля. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2003. С. 176.
7. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 15. СПб.: Наука, 1990. С. 437.
8. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. С. 134.
9. *Седакова О.* Притча и русский роман. URL: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/220>
10. Там же.
11. *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 129.
12. Там же.
13. *Седакова О.* Указ. соч.
14. *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 130.
15. Там же. С. 133.
16. Там же. С. 11.
17. *Арбан Д.* «Порог» у Достоевского (тема, мотив, понятие) // *Достоевский.* Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. С. 27.
18. Там же.

19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1990. С. 424.
20. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 132.
21. Там же. С. 131–132.
22. Кафка Ф. Указ. соч. С. 123.
23. Там же. С. 122.
24. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 131.
25. Там же.
26. Там же.

Notes

1. Kafka F. *Process* [Process] // Kafka F. *Sobranie sochinenij* - Collected works: in 5 vols. Vol. 4. Moscow. Azbuka. 2012. P. 123.
2. Ibid.
3. Ibid. P. 124.
4. Ibid. P. 122.
5. Ibid. P. 123.
6. Strogantseva N.V. *Poehma «Velikij Inkvizitor»: semanticheskaya model' i kontur interpretacionnogo polya* [Poem "Grand Inquisitor": the semantic model and an outline of interpretive field]. Krasnodar. Publ. of Kuban State University. 2003. P. 176.
7. Dostoevsky F.M. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazovs] // Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij* - Complete works: in 30 vols. Vol. 15. SPb. Nauka. 1990. P. 437.
8. Bakhtin M.M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics] // Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenij* - Collected works: in 7 vols. Vol. 6. Moscow. Russian dictionaries. Languages of Slavic culture. 2002. P. 134.
9. Sedakova O. *Pritcha i russkij roman* [Parable and Russian novel]. Available at: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/220>
10. Ibid.
11. Bakhtin M.M. Op. cit. P. 129.
12. Ibid.
13. Sedakova O. Op. cit.
14. Bakhtin M.M. Op. cit. P. 130.
15. Ibid. P. 133.
16. Ibid. P. 11.
17. Arban D. «Porog» u Dostoevskogo (*tema, motiv, ponyatie*) ["Threshold" of Dostoevsky (theme, motif, term)] // *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya* - Dostoevsky. Materials and research. Leningrad. Nauka. 1976. P. 27.
18. Ibid.
19. Dostoevsky F.M. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazovs] // Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* - Complete works: in 30 vols. Vol. 14. SPb. Nauka. 1990. P. 424.
20. Bakhtin M.M. Op. cit. P. 132.
21. Ibid. Pp. 131-132.
22. Kafka F. Op. cit. P. 123.
23. Ibid. P. 122.
24. Bakhtin M.M. Op. cit. P. 131.
25. Ibid.
26. Ibid.

УДК 811.161.1

А. М. Мубаракшина

Смысловое поле категории «нравственность» в романах С. Минаева

В статье рассматривается вербализация смыслового поля категории «нравственность» посредством ключевых слов-репрезентантов, представленных в романах Сергея Минаева, одного из наиболее эпатажных и тиражируемых писателей современности. В поле зрения попали лексемы *нравственность, мораль*, а также их производные; предпринят анализ текстового окружения исследуемых единиц, который выявил особенности авторской интерпретации последних.

The article considers the verbalization of the semantic field of the category of «morality» by keywords-representatives presented in the novels of Sergei Minayev, who is one of the most shocking and replicable writers of our time. The authors analyze the lexeme «morality», «morals» and their derivatives, also reveal features of their author's interpretation in novels.

Ключевые слова: категория, нравственность, мораль, лингвокультурологическая парадигма, языковая единица, семасиология, семантика, семантические признаки, смысловое поле, слова-репрезентанты, контекст, актуализация.

Keywords: category, morality, moral, linguistic and cultural paradigm, the language unit, semasiology, semantics, semantic features, semantic field, keywords, context, actualization.

Категория «нравственность» является одной из наиболее важных в лингвокультурологической парадигме многих народов, что, безусловно, отражается в языковой картине мира каждого этноса. Трудно найти еще одну такую проблему, которая в современном обществе настолько привлекает к себе внимание людей, является для них предметом пристального внимания и изучения, как нравственный облик современного человека. Принимая во внимание изоморфизм языка и культуры, можно с уверенностью говорить о взаимосвязанных трансформациях морально-нравственного состояния общества и его проекции на лексический уровень языка.

В связи с этим возникает необходимость изучения современной системы морально-этических ценностей, обусловленной глобальным кризисом идентичности, который переживает российское общество. Важной задачей в свете этих событий представляется выявление набора положительно и отрицательно оцениваемых языковым коллективом качеств, отражающих нравственный идеал общества, а также анализ функционирования лексики морально-нравственного содержания в текстах современных авторов. Этот вопрос всегда был и остается *актуален* в первую очередь для таких отраслей лингвистической науки, как семасиология и функциональная лексикология, рассматривающих слово как базовую единицу языка во всем многообразии его узуальных значений, особенным образом актуализирующихся в тексте. Подобный подход характерен для исследований, выполненных в духе Казанской лингвистической школы (И. А. Бодуэн де Куртене [1], Н. В. Крушевский [2], А. В. Богородицкий [3], Н. Н. Фаттахова [4], Э. А. Балалыкина [5], Л. К. Байрамова [6], Л. А. Усманова [7] и др.).

В данном исследовании в качестве эмпирического материала были выбраны романы Сергея Минаева («Духless. Повесть о ненастоящем человеке» [8], «The Телки. Повесть о ненастоящей любви» [9], «Videоты, или The Телки. Два года спустя» [10], «Р.А.Б. Первый антикризисный роман» [11]). При всей эпатажности и тиражируемости (на 2008 г. тираж книг превысил миллион экземпляров, а романы «Духless» и «The Телки» были экранизированы в 2013 и в 2010 гг.) произведения Минаева практически не попадали в сферу внимания ученых-лингвистов, что обуславливает *новизну* принятого исследования. Стоит также отметить, что многие ученые ставят под сомнение эстетическую значимость выбранного материала, по этому поводу уместно процитировать ироничное высказывание исследователя К. Косцинского, который писал, что «беда нашей лексикологии по-прежнему заключается в том, что она исследует главным образом “хорошие” слова и с брезгливостью классной дамы из института благородных девиц обходит “плохие” слова [12].

Таким образом, всестороннее изучение слова как основной единицы языковой системы в целом и слов нравственной тематики как отражения морально-нравственного облика носителя языка является важной задачей современной лингвистики. Большую роль в решении этой задачи играет семантическая теория поля, которая продолжает оставаться одним из актуальных направлений науки о языке.

Полевой подход к описанию языка, зародившийся в семасиологии и обычно связываемый с именами И. Трира и В. Порцига, получил широкое распространение в современной лингвистике. Этот подход породил исследования целой области явлений: лексическими группами, или парадигматическими полями, занимались И. Трир, Э. Косериу, грамматическим полям посвятил свою научную деятельность В. Г. Адмони, грамматико-лексические поля исследовали Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, изучением синтаксических полей занимались В. Порциг и Л. Вайсгербер, а функционально-семантическими – А. В. Бондарко [13].

Наиболее объективно рассмотреть функционирование лексических единиц, репрезентирующих категорию «нравственность» в пространстве романов Сергея Минаева, позволяет анализ «смыслового поля» рассматриваемого феномена. Термин «смысловое поле» был выбран вслед за Л. О. Бутаковой и Е. В. Кучинской [14] с целью избежать обсуждения термина «концепт», не повторять разных точек зрения, неоднократно высказанных в научной литературе, и не возвра-

щаться вновь к хорошо известному мнению А. А. Залевской, разграничивающей ментальный феномен и его исследовательский конструкт [15]. Представляя безграничность феномена, предпочтительнее пользоваться терминологией, позволяющей фиксировать его смысловые репрезентации без излишней методологической жесткости.

На первоначальном этапе мы обратились к трактовке анализируемой категории в различных источниках. С точки зрения ментальности *нравственность* – отвлеченное представление о добре и зле, истине и справедливости, определяющее духовную сторону существования человека и регулирующее его поступки, помыслы и намерения [16].

С точки зрения обыденного сознания, отраженного в языковых единицах, *нравственность* – это «внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [17]. Таким образом, данная категория затрагивает как ментальную сторону человеческого сознания, так и осознанное существование его в социуме. Отметим также, что *нравственность* – категория оценочная, то есть в семантической структуре самого слова уже заложена положительная коннотация. В качестве бинарной оппозиции исследуемому понятию выступает феномен «безнравственность» с полярно противоположным лексическим значением.

В данной работе принят анализ функционирования ключевых лексем-репрезентантов исследуемой категории: *нравственность* и *мораль*, которые составляют ядро смыслового поля, в вышеуказанных произведениях Сергея Минаева.

Лексическое значение номинатива *нравственность* было обозначено ранее, существительное *мораль* полисеманлично: «1. Нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность. 2. Логический, поучительный вывод из чего-либо. 3. Нравоучение, наставление» [18]. Не стоит оставлять без внимания тот факт, что последнее значение имеет в толковом словаре помету разговорного стиля.

Анализ использования данных имен существительных, а также производных от них в романах Минаева позволил представить более широко объем вторичных семантических признаков, включенных в понятия *нравственность* и *мораль*, помимо тех, которые отражены в лексических дефинициях. Назовем некоторые из них:

а) *нравственность* неразрывно связана с верой в высшие силы и христианскими добродетелями:

Проблематика раскаяния явно была ему близкой. – Зачем сначала идти работать главредом глянцевого журнала, а потом приниматься рассуждать о нравственности и о том, что ты «стала чаще думать о Боге, милосердии»? Вот скажите, молодой человек, зачем?» [19];

б) *нравственность* – мерило духовности:

Сидим и делаем высокодуховную передачу, соответствующую нашим нравственным критериям!» [20];

в) границы между *нравственностью* и *безнравственностью* могут быть достаточно размытыми:

Действительно! Спать с женатым мужчиной можно, а позволять ему оставаться у тебя до четырех утра – безнравственно!» [21]

В качестве статистики следует указать, что из всех проанализированных романов только в одном встретились контексты, в которых употребляется лексема *нравственность*, однако даже в этих случаях можно наблюдать специфику использования данного слова в идиостиле Сергея Минаева. Очевидно, что в понимании автора лексическое значение анализируемой лексемы в некотором роде «размывается», наслаивается негативная коннотация контекста, в результате абстрактная смысловая нагрузка слова приводит к ограниченной сфере его употребления. Вследствие этого Минаев предпочитает конкретизировать качества, вербализующие *нравственность*:

РАДОСТЬ и ЧЕСТНОСТЬ. Мы честно работаем, соблюдая Законы Корпорации и Государства, доставляя радость детям и их родителям [22].

Или просто не настал еще один такой прекрасный августовский вечер, когда эмоции перевесят духовность и меня потащит в омут страстей [23].

Я жму руку каждой девушке, согласно американским корпоративным правилам, хотя мог бы и расцеловаться в щечки, как принято у слащавых французов или вечно похотливых итальяшек [24].

Ограниченный реляционный потенциал лексемы *нравственность* в художественном пространстве произведений Минаева можно объяснить действием так называемого правила Крушевского-Куриловича: «Чем богаче содержание языковой единицы, тем реже она встречается в тексте» [25]. Однако уверенно можно заявить, что немногочисленные синтагматические связи одной лексемы-репрезентанта исследуемой категории ведут к расширению синтагматики другой. Так, рассмотрим семантическое поле номинатива *мораль*, представленного в романах Сергея Минаева.

В качестве статистики укажем, что лексема *мораль* и производные от нее встретились в анализируемых текстах **34** раза:

1. Духless (2008 г.) – **3**.
2. The Телки (2009 г.) – **8**.
3. Р.А.Б. (2009 г.) – **9**.
4. The Телки 2 (2010 г.) – **14**.

Интересна тенденция зависимости частотности употребления лексемы от года выпуска романов: с каждым последующим изданием частота употребления данного слова увеличивается, соответственно, писатель все чаще обращается к теме морально-нравственного состояния общества в целом и каждого его героя в частности.

Проведенный анализ контекстного употребления лексемы *мораль* в качестве репрезентанта категории *нравственность* в романах Сергея Минаева позволяет говорить о смене иерархии семантических признаков исследуемого номинатива. В первую очередь в тексте актуализируются вторичные семы, которые, безусловно, приобретают и авторский оттенок значения.

*Я начинаю заводиться. – Какого черта ты тут начинаешь **мораль читать** и учить меня, как тратить деньги? Я без твоих соплей знаю, куда и на что тратить свое бабло, ты лучше с фотками подумай чего делать [26]!*

Ситуация, при которой выражение *читать мораль* употребляется в сочетании со сленговой и эмоционально-экспрессивной лексикой, достаточно часто наблюдается именно в восклицательных синтаксических конструкциях автора и характерна для всех проанализированных произведений. В первую очередь это связано, на наш взгляд, с тем, что Минаев пытается сменить положительный существующий коннотативный смысл слова *мораль* на полярно противоположный, что наглядно подтверждается эмпирическим материалом.

Зачастую вместо позитивной функции «наставление» мораль выступает в роли «назойливое нравоучение», которое вызывает агрессию героя.

*Я вижу эти зеркала кругом, – чувствую, как похмелье соединяется со вчерашним стрессом и, наслаиваясь на это утреннее **чтение моралей**, порождает **злую истерику**. – Ни одного шанса расслабиться с этими зеркалами [27].*

Достаточно интересно, что агентивным значением во всех романах автора в сочетании с выражением «читать мораль» обладает существительное *отец*, которое непосредственно функционирует в высказывании.

*Пару недель домашнего ареста, проезд **отца**, трехдневное **чтение морали** с непременным «ты меня подставил», «я с серьезными людьми поругался», «ты идиот, впрочем, я всегда это знал», «ты полагаешь, что мне, серьезному интеллигентному человеку с двумя высшими образованиями (откуда взялось второе, не представляю) доставляет эстетическое удовольствие находиться в запутанном дискурсе тяжелых рамсов с такими козлами, как (далее нецензурно) [28]...*

Либо заменяется вокативными конструкциями, указывающими на кровное родство.

*– Па-ап, а пап. Чего ты от меня хочешь, а? К чему все эти **морали** [29]?*

Интересен и тот факт, связанный с употреблением выражения *читать мораль* в идиостиле Сергея Минаева, что, в соответствии с современной тенденцией лингвистической экономии (стремлении говорящего экономить усилия при пользовании речью [30]), данное словосочетание подвергается процессу лексикализации и заменяется глаголом *морализаторствовать*.

*И тут меня отпускает. Нет, в самом деле, kids, злость моментально испаряется. Что толку испепелять эту гиену взглядом и **морализаторствовать**? Бесперспективняк [31].*

Стоит отметить, что данный глагол является одновидовым несовершенного вида, обозначает процесс, не ограниченный достижением результата. Данная лексема еще не зафиксирована в толковых словарях русского языка, однако тот факт, что она встречается не только у Сергея Минаева, а достаточно часто употребляется в интернет-блогах и газетном дискурсе: на запрос «морализаторствовать» в поисковой системе Google выдал 12 тыс. результатов (дата запроса 10.07.2014 г.), позволяет отнести данное слово к разряду потенциальных, то есть тех, которые уже созданы, но не закреплены традицией общего словоупотребления [32].

Ряд контекстов употребления лексемы *мораль* в значении «нравоучение» позволяет говорить о наложении такого авторского семантического признака, как «бессмысленность», «смысловая ненаполненность».

*Слушай, давай только без **морали**, а? Я у тебя совета спрашиваю как у друга, а **мораль** в другом месте послушаю. На работе, например [33].* В данном случае заявленный признак подчеркивается при помощи контекстуальных антонимов *мораль – совет*. Несмотря на то, что лексема *совет* в своей семантической структуре так же содержит сему «наставление» («мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать; наставление, указание» [34]), у Минаева эти слова расположены на разных смысловых полюсах.

Еще одна сема исследуемой словарной единицы «поучительный вывод» реализуется у Минаева в конструкциях с бессоюзной связью, когда вторая полупредикативная основа раскрывает смысловую нагрузку первого полупредиката.

Мораль – любая <...> может стать ведущей ток-шоу «Моя семья» [35] (пропуск <...> содержит слово нецензурной лексики. – А. М.).

Первичное лексическое значение *морали*, которое аналогично значению лексемы «нравственность», реализуется в доминирующем ряде контекстов, однако во многих оно обладает негативной аксиологической функцией.

А раз «типа того», то нечего смешивать собственную, типа, мораль с создаваемой нами картинкой [36].

В другом случае автор напрямую характеризует контекстуально синонимичный ряд «мораль, ответственность, наполнение» метафорическим выражением «бессодержательные штампы» за счет актуализации переносного значения лексемы «штамп» («перен. То же, что трафарет [37]), что создает прием контраста с общепринятым пониманием перечисленных категорий и является средством выражения субъективной модальности. Данный контекст говорит о том, что в понимании героя Минаева (который является типичным представителем своего класса) слово *мораль* теряет свою назидательную функцию, тем самым семантически «отдаляясь» от смыслового поля лексемы *нравственность*.

Я слышу слова «мораль», «ответственность», «наполнение». Этот набор бессодержательных штампов исторгается на наши головы раз в две недели, но фраза «некоторые, кажется, забыли, что», подсказывает, что на этот раз разговор будет предметным [38].

Таким образом, часть иллюстрируемого нами смыслового поля категории «нравственность» в романах Сергея Минаева устроена несимметрично по той причине, что объём его ключевых единиц (существительные, образованные от них прилагательные и глагол) в отражении морально-нравственной стороны внутреннего мира героев с положительной или отрицательной стороны неодинаков. То есть единицы и словосочетания, актуализирующие откровенно негативное, пренебрежительное отношение к совершаемому поступку, в том числе только в пределах анализируемых текстов (*безнравственный, читать мораль, морализаторствовать*), значительно превышают объём лексем, находящихся на противоположном полюсе, – *мораль, нравственность, нравственный*. Как правило, перевес в сторону негативной оценочности достигается за счет противоречивого соседства литературного языка и сленговой, иногда обценной лексики, что свидетельствует не только об экспансии ненормативного пласта слов в русском литературном языке, но и об упадке морально-нравственных критериев поведения носителей языка.

Несомненно, ядром смыслового поля исследуемой категории является лексема *нравственность*, однако с уверенностью можно говорить о тенденции расширения лексического значения данного слова, как следствие – редкое употребление его в текстах и замена на более конкретные слова-репрезентанты нравственных качеств (*честность, правила, духовность* и т. д.). Наоборот, семантические признаки лексемы *мораль* у Минаева становятся более самостоятельными и находятся в иерархии, отличной от общепринятых словарных дефиниций: на первый план выходит признак «наставление, нравоучение», что сдвигает данную ключевую единицу от центра ближе к периферии смыслового поля нравственности.

Примечания

1. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1–2. М., 1963.
2. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Изв. учен. зап. Имп. Казан. ун-та. Казань, 1883. Т. XIX. Январь – Апрель. 148 с. [Приложение с отдельной пагинацией].
3. Богородицкий В. А. Некоторые вопросы синтаксиса, морфологии и семасиологии в применении к русскому языку: (из чтений на учит. курсах в Казани в авг. 1915 г.) // Журнал министерства народного просвещения. 1915. Ч. 47. № 12. Отд. 2. С. 179–199.
4. Фаттахова Н. Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2002. 402 с.
5. Балалыкина Э. А. Метаморфозы русского слова: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 264 с.
6. Байрамова Л. К. Казанская лингвистическая школа: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 152 с.
7. Усманова Л. А. Синтагматические постулаты Казанской лингвистической школы // Филология и культура. Philology and Culture, 2013. №1 (31). С. 7–11.
8. Минаев С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке. М.: Астрель, 2008. 346, [6] с.
9. Минаев С. The Телки. Повесть о ненастоящей любви. М.: АСТ, 2009. 460 с.
10. Минаев С. The Телки: два года спустя, или Videоты. М.: АСТ, 2010. 420 с.
11. Минаев С. Р.А.Б. М.: АСТ, 2009. 541 с.

12. Косцинский К. Существует ли проблема жаргона? // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 181.
13. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
14. Бутакова Л. О., Кучинская Е. В. Смысловое поле «свое/чужое» как м современного русского языкового сознания // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: Полиграфкомбинат, 2006. С. 322. (Сер. «Концептуальные исследования». Вып. 8).
15. Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка // Залевская А. А. Слово. Текст: избр. труды. М., 2005. С. 257–258.
16. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1/ В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. М., 2014. С. 525–526.
17. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. С. 529.
18. Там же. С. 460.
19. Минаев С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке.
20. Там же.
21. Там же.
22. Минаев С. Р.А.Б.
23. Там же.
24. Минаев С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке.
25. Курилович Ежи. Очерки по лингвистике. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
26. Минаев С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке.
27. Минаев С. The Телки. Повесть о ненастоящей любви.
28. Там же.
29. Там же.
30. Розенталь Д. Э. и др. Словарь лингвистических терминов. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php (дата обращения 10.07.2014).
31. Минаев С. The Телки. Повесть о ненастоящей любви.
32. Розенталь Д. Э. и др. Словарь лингвистических терминов. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php (дата обращения 10.07.2014).
33. Минаев С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке.
34. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. С. 910.
35. Минаев С. The Телки. Повесть о ненастоящей любви.
36. Там же.
37. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. С. 910.
38. Минаев С. The Телки. Повесть о ненастоящей любви.

Notes

1. Baudouin de Courtenay I.A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected papers on general linguistics]. Vols. 1-2. Moscow. 1963.
2. Krushewskiy N.V. *Ocherk nauki o yazyke* [Essay on the science of language] // *Izv. uchen. zap. Imp. Kazan. un ta* - Herald of scientific issues of Emperor Kazan University. Kazan. 1883. Vol. XIX. January - April. 148 p. [Annex with separate pagination].
3. Bogoroditskiy V.A. *Nekotorye voprosy sintaksisa, morfologii i semasiologii v primenenii k russkomu yazyku: (iz chtenij na učit. kursah v Kazani v avg. 1915 g.)* [Some questions of syntax, morphology and semasiology in the use of the Russian language: (from readings on teaching courses in Kazan in August 1915)] // *ZHurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* - Magazine of the Ministry of national education. 1915. Pt. 47. No. 12. Dep. 2. Pp. 179-199.
4. Fattakhova N.N. *Semantika i sintaksis narodnyh primet v russkom i tatarskom yazykah: sopostavitel'nyj aspekt: dis. ... d ra filol. nauk* [Semantics and syntax of national signs in Russian and Tatar languages: a comparative aspect: dis. ... PhD]. Kazan. 2002. 402 p.
5. Balalykina E.A. *Metamorfozy russkogo slova: ucheb. posobie* [Metamorphosis of the Russian word: tutorial]. Moscow. FLINTA: Nauka. 2012. 264 p.
6. Bayramova L.K. *Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Kazan linguistic school: textbook for students of higher educational institutions]. Kazan. Center of innovative technologies. 2012. 152 p.
7. Usmanova L.A. *Sintagmaticcheskie postulaty Kazanskoj lingvisticheskoy shkoly* [Syntagmatic postulates of Kazan linguistic school] // *Philology and culture. Philology and Culture*. 2013. No. 1 (31). pp. 7-11.
8. Minaev S. *DUHLESS: Povest' o nenastoyashchem cheloveke* [SOULLESS: the Story of a fake person]. Moscow. Astrel. 2008. 346, [6] p.
9. Minaev S. *The Telki. Povest' o nenastoyashchej lyubvi* [The Chicks. Story about fake love]. Moscow. AST. 2009. 460 p.

10. Minaev S. *The Telki: dva goda spustya, ili Videoty* [The Chicks: two years later, or Videotes]. Moscow. AST. 2010. 420 p.
11. Minaev S. *R.A.B* [P.A.B.] Moscow. AST. 2009. 541 p.
12. Kotsinsky K. *Sushchestvuet li problema zhargona?* [Is there a problem of jargon?] // *Voprosy literatury* - Questions of literature. 1968, No. 5, p. 181.
13. Shur G.S. *Teoriya polya v lingvistike* [Field theory in linguistics]. Moscow. Nauka. 1974.
14. Butakova L.O., Kuchinskayte E.V. *Smyslovoe pole «svoe/chuzhoe» kak m sovremennogo russkogo yazykovogo soznaniya* [Semantic field of "his/alien" as m of modern Russian language consciousness] // *Novoe v kognitivnoy lingvistike: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. «Izmenyayushchayasya Rossiya: novye paradigmy i novye resheniya v lingvistike»*- New in cognitive linguistics: the proceedings of the I international. scient. conf. "Changing Russia: new paradigms and new solutions in linguistics" (Kemerovo, 29-31 August 2006) / resp. editor M.V. Pimenova. Kemerovo: Poligrafkombinat. 2006. P. 322. (Ser. "Conceptual studies". Is. 8).
15. Zalevskaya A.A. *Yazykovoe soznanie i opisatel'naya model' yazyka* [Linguistic consciousness and descriptive language model] // Zalevskaya A.A. *Slovo. Tekst: izbr. trudy* - Word. Text: fav. proceedings. Moscow. 2005. Pp. 257-258.
16. *Slovar' russkoj mental'nosti* - Dictionary of Russian mentality: in 2 vols. Vol. 1 / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A.A. Kharitonov. Moscow. 2014. Pp. 525-526.
17. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* - Explanatory dictionary of the Russian language with inclusion of information about the origin of words / RAS. The Institute of Russian language of V.V. Vinogradov; resp. ed. N.Y. Shvedova. Moscow. Publishing center "Azbukovnik". 2008. P. 529.
18. Ibid. P. 460.
19. Minaev S. *DUHLESS: Povest' o nenastoyashchem cheloveke* [SOULLESS: the Story of a fake person].
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Minaev S. *R.A.B*. [P. A. B].
23. Ibid.
24. Minaev S. *DUHLESS: Povest' o nenastoyashchem cheloveke* [SOULLESS: the Story of a fake person].
25. Kurilovich Ezhi. *Ocherki po lingvistike* [Essays in linguistics]. Moscow. Progress. 1975. 288 p.
26. Minaev S. *DUHLESS: Povest' o nenastoyashchem cheloveke* [SOULLESS: the Story of a fake person].
27. Minaev S. *The Telki. Povest' o nenastoyashchej lyubvi* [The Chicks. Story about fake love].
28. Ibid.
29. Ibid.
30. Rosenthal D.E. and others. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php (date of access 10.07.2014).
31. Minaev S. *The Telki. Povest' o nenastoyashchej lyubvi* [The Chicks. Story about fake love.]
32. Rosenthal D.E. and others. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php (date of access 10.07.2014).
33. Minaev S. *DUHLESS: Povest' o nenastoyashchem cheloveke* [SOULLESS: the Story of a fake person.]
34. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* - Explanatory dictionary of the Russian language with inclusion of information about the origin of words. P. 910.
35. Minaev S. *The Telki. Povest' o nenastoyashchej lyubvi* [The Chicks. Story about fake love.]
36. Ibid.
37. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* - Explanatory dictionary of the Russian language with inclusion of information about the origin of words. P. 910.
38. Minaev S. *The Telki. Povest' o nenastoyashchej lyubvi* [The Chicks. Story about fake love.]

УДК 81'282.2: 81'373 (470.62)

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Локальная семантическая адаптация лексики тюркского происхождения в говорах позднего образования

В статье на материале кубанских говоров, представляющих собой говоры позднего, вторичного образования, рассматриваются особенности бытования лексики тюркского происхождения, отличающейся тематическим разнообразием. Как показывают региональные лексикографические источники, многие тюркизмы характерны для говоров не только кубанских, но и донских, терских, гребен-

ских и уральских казаков, что делает данный лексический пласт неотъемлемой частью казацкого лексикона. При этом слова тюркского происхождения, помимо полидиалектных значений, адаптируясь к условиям бытования, могут приобретать в лексических системах диалектов локальные лексико-семантические варианты. В статье приводятся и описываются факты развития у тюркизмов локальных ЛСВ, доказывається, что, адаптируясь в данной диалектной среде, на «кубанской почве», часть тюркизмов проходит самобытный путь семантического развития, демонстрируя своеобразие кубанского лексико-семантического пространства.

In the article on material of Kuban dialects the facts of local semantic adaptation of vocabulary of Turkic origin, demonstrating originality of Kuban lexico-semantic space, are examined. This vocabulary differs in a thematic variety. As regional lexicographic sources show, many words of the Turkish origin are inalienable part of lexicon of cossacks. Thus they are acquired in the lexical systems of the Kuban dialects by local lexico-semantic variants. In the article the facts of development local LSV are mentioned and described.

Ключевые слова: говоры позднего образования, кубанский диалект, лексика тюркского происхождения, полидиалектные значения, локальная семантическая адаптация, локализм.

Keywords: dialects of late education, Kuban dialect, vocabulary of Turkic origin, local semantic adaptation, local words.

Лексика кубанских говоров, которые являются говорами позднего образования, отличается богатством и разнообразием. Традиционно в лексическом составе диалекта выделяют слова как исконные, так и заимствованные. Среди заимствований в местных говорах яркий пласт образует лексика тюркского происхождения, которая, как показывают наблюдения, в большей своей части попала на Кубань из материнских говоров (южнорусских и украинских). Тематически тюркизмы весьма разнообразны и номинируют реалии, относящиеся к различным жизненным сферам. Многие лексические единицы характерны для говоров не только кубанских, но и донских, терских, гребенских и уральских казаков. При этом тюркизмы, адаптируясь к условиям бытования, могут по-разному проявлять себя в лексических системах диалектов. Не претендуя в дальнейшем на выявление языка-источника, из которого слово попало на Кубань, опираясь на работы, посвящённые изучению тюркизмов в восточнославянских языках, в том числе на имеющиеся этимологические словари (А. Е. Аникина, С. А. Мызникова, В. В. Радлова, М. Фасмера, Р. А. Юналеевой, Е. Н. Шиповой и др.), рассмотрим некоторые факты локальной семантической адаптации слов тюркского происхождения, зафиксированные на «кубанской почве». При отнесении значений слов к локализмам мы ориентировались, помимо этимологических источников, на данные СРНГ, в котором собрана лексика русских народных говоров, в том числе южнорусских, – материнских для кубанского диалекта с южнорусской языковой основой, на украинские лексикографические источники, прежде всего на «Словарь украинского языка» Б. Д. Гринченко (Киев, 1907–1909), в котором отражён лексикон, послуживший базой для кубанских говоров с украинской языковой основой, а также на словари русского литературного языка. Отсутствие анализируемых значений в этих изданиях или наличие в СРНГ соответствующих помет, указывающих на фиксацию только в кубанских говорах, позволяет признать такие ЛСВ локализмами.

Так, лексическому диалектизму *баранта́* М. Фасмер даёт следующее толкование: «самоуправная месь, состоящая из угона скота, разорении аулов, грабежах и т. д.» [1] В данном значении слово *баранта́* в кубанских говорах является историзмом. СРНГ отмечает его в значениях, имеющих некоторые различия на уровне дифференциальных сем: 'Стадо баранов. Терск. 1900. Стадо овец и баранов. За Кубанью, Дон., 1929, Стадо овец, в особенности пасущихся на горах. Тифл., Бирюков' [2]. В Черноморском казачьем войске, как свидетельствуют исторические источники, слово употреблялось в значении 'скот' [3]. В кубанских говорах с южнорусской языковой основой оно зарегистрировано ещё в двух ЛСВ, которые представляют собой локализмы. Один из них – 'шумная, бестолковая компания: *Баранта́ сабрала́сь на лу́гу и рыго́чить* (ст-ца Отважная). Это значение возникло в результате метафорического переноса «стадо → компания людей» (см. аналогичный путь развития переносного значения у функционирующего в кубанских говорах существительного *ша́йка* '1) стадо свиней; 2) компания, группа людей; 3) шумная разгульная компания'). Другой ЛСВ – 'несмышленный ребёнок' – появился, вероятно, уже на базе предыдущего: *Баранта́ бизы́ть сламя́ го́лаву пря́ма пад авто́бус* (ст-ца Зассовская). Таким образом, четыре ЛСВ слова *баранта́* в кубанском диалекте связаны между собой по типу цепочечной полисемии.

Интересен процесс развития локальных значений у функционирующего в кубанских говорах лексического диалектизма *буга́й*, который в прямом значении 'племенной бык' имеет широ-

кую дистрибуцию в русских диалектах [4]. Кроме того, у слова в народных говорах есть ряд переносных значений, в том числе характеризующих человека. На Кубани такими полидиалектными значениями являются 'о крупном, сильном мужчине' и 'о женолюбивом мужчине'. В ст-це Передовой было зарегистрировано локальное значение 'о мужчине с громким голосом': *Е'сли гро'мкий го'лас, называ'ють «буга'й»*. Развитие переносного значения, по всей вероятности, вызвано тем, что громкий мужской голос похож на рёв бугая (аналогичная ассоциация, как отмечают исследователи, привела к возникновению у данного слова, функционирующего в восточнославянских языках, семемы 'выпь', поскольку выпь издает звуки, чем-то напоминающие рёв быка [5]). В ст-це Ширванской записан следующий контекст: *Вот упёрся, буга'й тако'ой*, на основании которого можно сформулировать ещё одно переносное локальное значение – 'об упрямом человеке': Слово *бугай* в наших материалах зафиксировано также в локальном значении 'большой палец': *Все па'льцы называ'юцца, как визде', а большо'й у нас бугаём завёцца* (ст-ца Некрасовская).

Лексический диалектизм *бу'зиво'к* отмечен в кубанских говорах в двух акцентологических вариантах и в первом значении номинирует годовалого телёнка: *Бу'зивак – падро'шый тилёнак* (ст-ца Архангельская). *Бузиво'к – цэ тыля' гадава'лэ, це ни каро'ва* (ст-ца Марьянская). В данном ЛСВ слово зафиксировано в южнорусских говорах [6]. На Кубани лексема *бу'зиво'к* употребляется также ещё в двух переносных локальных значениях: 'о крупном, здоровом малыше мужского пола' и 'о шустром, беспокойном малыше мужского пола', образованных в результате метафорического переноса и связанных с первым ЛСВ по типу радиальной полисемии: – Называют в вашей станице крупных, упитанных детей «бу'зивок» или «бузиво'к»? – *Ну да. Вот мой читы'ри с палави'най килагра'мма ради'лся, вот и бу'зивак* (ст-ца Засовская). *У сасе'дий ма'льчик – бузиво'к, и ни ска'жыш, што то'ка го'дик испо'лнился* (ст-ца Архангельская). *Бузиво'к – шу'стрый тако'й* (ст-ца Засовская). *Бу'зивак – тако'й нипаслу'шный, врэ'дный, бо'йкий тако'й. И тиля'та таки'у есть, а есть спако'йныи* (ст-ца Упорная).

В словаре М. Фасмера тюркизм *керме'к* трактуется как «дубильный корень» [7]. На Кубани слово имеет три ЛСВ, связанные между собой по типу цепочечной полисемии: 1) *раст.* съедобное растение с высоким стеблем; обладает лечебными свойствами. *Crambe orientalis*; 2) лепёшка из муки, в которую добавляли траву; 3) плохо испечённый, твёрдый хлеб'. Первое и третье значения зарегистрированы и на Дону [8]. Второй ЛСВ является локальным: *Шо йи'лы у войну'?* *Кэрме'к напичу'ть, хли'ба ны було'* (ст-ца Старотитаровская).

Дискуссионным является отнесение к тюркизмам существительного *козёл* [9]. Однако существующее мнение о возможном заимствовании данной лексемы славянскими языками из тюркских позволяет включить её в круг рассматриваемых единиц. Помимо литературных значений, слово в местных говорах имеет локальные ЛСВ. Так, в ст-це Передовой этой лексемой называют первую волну при наводнении: *У на'с тут навадне'ния быва'ют. Пе'рвую валну' у нас называ'ют «казёл»*. Появление данного значения, вероятно, могло произойти по аналогии с развитием переносного ЛСВ у слова *бара'шки* 'белая пена на гребнях волн'. В результате метафорического переноса у слова *козёл* в кубанских говорах развились также значения 'самодельная электрическая печь на ножках для обогрева помещения' и 'уазик'. Приведём их актуализацию в записанных контекстах: *Ва фсе' це'ли ду'еть, так и казёл ни сагре'еть* (ст-ца Некрасовская). *Вин робо'в на козлу'. Козёл – цэ ува'зик* (ст-ца Гривенская).

На Дону лексический диалектизм *маха'н* тюркского происхождения имеет разветвлённую систему значений: 1. Мясо свиное. 2. Конина. 3. Протухшее мясо. 4. Падаль. 5. Кусок любого мяса для приманки. 6. Толстый, тучный человек' [10]. На Кубани лексема зарегистрирована в двух фонематических вариантах – *маха'н*, *мака'н*, а также в двух ЛСВ, второй из которых является локальным: '1) падаль; 2) большой живот': 1. *Галадава'ли... Усё, де'тачка, пирие'ли, ади'н маха'н ни е'ли. Вот дахля'тину, как лю'ди расска'зуют, мы ни е'ли* (ст-ца Архангельская). 2. *У ниво' большо'й мака'н* (г. Усть-Лабинск).

В двух ЛСВ отмечено в наших материалах слово *сапэ'т*: 1) плетеная длинная корзина для хранения кукурузы; 2) небольшой сарай для хранения зерновых': 1. *Кукуру'зу храны'лы в сапэ'тах, ви'шалы сапэ'т на сти'нку в сара'и* (ст-ца Старотитаровская). 2. *А зэрно' сы'палы у сапэ'ты. Сапэ'ты булы' як сара'й, чуть поны'ше, пра'вда. Воны' булы' пэрэгоро'жэны. У оды'н видди'л сы'палы муку', у други'й – зэрно', у трэ'тий – наси'ння* (ст-ца Старомышастовская). У лексемы в кубанских говорах есть словообразовательно-грамматический вариант – *сапэ'тка* '1) большая круглая корзина из прутьев с двумя ручками; 2) сарай для хранения кукурузы': 1. *Для кукуру'зы сапэ'тка з ды'рчкамы* (ст-ца Марьянская). 2. *Сапэ'тка стаи'ть. Э'та сара'й для кукуру'зы* (ст-ца Марьянская). Второй ЛСВ представляет собой локализм.

Лексический диалектизм *чува́л* в значении 'большой мешок' имеет в кубанских говорах широкий ареал. В аналогичном значении слово функционирует и на Дону [11]. В «Казачьем словаре-справочнике» толкование данного существительного содержит некоторые дифференциальные признаки: *брезентовый мешок на 80 кг зерна* [12]. На Кубани зарегистрированы ещё два архаичных локальных ЛСВ: 'одежда из мешковины' и 'обмотки на ноги из мешковины', образованные по типу метонимического переноса «материал → одежда или обувь из этого материала»: *Та с чува́лив шы́лы и пла́ття, и ю́пки, и ко́хты. В стэп идэ́ш в чува́ли, в клуп – в чува́ли* (ст-ца Старомышастовская). *И сапо́х нет, адни́ чува́лы* (ст-ца Тбилисская).

Слово *чуре́к* М. Фасмер подаёт со следующими толкованием: «большая печёная лепёшка продолговатой формы из пресного теста» [13]. Записанные на Кубани контексты позволяют внести некоторые уточнения в толкование слова: 'лепёшка из кукурузной муки, в которую часто добавляли траву': *Чурэ́кы робы́лы с чёго-нэбу́дь, з бурья́ну* (ст-ца Марьянская). *Мы пыклы́ чурэ́кы ис кукуру́знай крупы́* (ст-ца Бриньковская). *Кукуру́зу налама́ли, с э́нтай муки́ де́лали чурэ́к и́ли ка́шу. У каво́ чурэ́к – те ужэ́ бага́тыи бы́ли* (ст-ца Отважная). Лексический диалектизм, который входит в общекубанский лексический пласт, употребляется в местном диалекте также в значении 'чёрствое мучное изделие': *Сасе́тка пираго́м угасти́ла. Да э́тат чуре́к ни угрызёш* (ст-ца Архангельская). На базе второго ЛСВ появилось устойчивое сравнение *сухо́й как чуре́к* 'о чёрством мучном изделии': *Хлеп сухо́й как чурэ́к – и ни угрызёш* (пос. Пашковский). Первый ЛСВ слова *чуре́к* демонстрирует изменения в семантической структуре на уровне дифференциальных сем – 'из кукурузной муки', 'с добавлением травы', которые приводят к уточнению, специализации значения, отражению в семантике лексической единицы специфики её местообитования (ср. в донских говорах '1. Хлеб из ржаной или пшеничной муки. 2. Неудачно испечённый хлеб' [14]).

По мнению М. Фасмера, *хабу́р-чабу́р* «скарб», «пожитки, вещички» напоминает рифмованные образования в тюркских языках [15]. В «Казачьем словаре-справочнике» приводится слово *хабу́р* «багаж, дорожные вещи» [16] (ср. в кубанских говорах в аналогичном значении *хабару́*). На Кубани *хабу́р-чабу́р* употребляется как в значении 'скарб, вещички, пожитки', так и в значении 'всякая всячина (о разнородных предметах)'. Ср. записанные контексты: *Собра́ла хабу́р-чабу́р у чува́л и пишла́ з дыты́ной до ма́мы у станы́цю* (ст-ца Марьянская) – *Пабраса́ла ф суп фся́кий хабу́р-чабу́р, ну фсе́, шо в халади́льники бы́ла: питру́шку, укро́пчик, ки́нзу* (пос. Пашковский). *Пашла́ в хозма́х, накупы́ла вся кый хабу́р-чабу́р: мо́ющи, срэ́цтва от тарака́ни* (ст-ца Старотитаровская).

Приведённые факты демонстрируют, что тюркские иноязычные элементы органично «вросли» в лексическую систему кубанского диалекта и являются важным звеном общекубанского лексического пласта. Адаптируясь в данной диалектной среде, на «кубанской почве», часть тюркизмов проходит свой, особый путь семантического развития, демонстрируя своеобразие кубанского лексико-семантического пространства.

Примечания

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996. Т. I. С. 124.
2. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–2014. Вып. 1. С. 107.
3. Фролов Б. Е. Тюркизмы в военной лексике черноморских казаков конца XVII – начала XIX века. Краснодар, 2008. С. 226–229.
4. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–2014. Вып. 3. С. 235–236.
5. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 89.
6. Словарь русских народных говоров. М.: Л., 1965–2014. Вып. 3. С. 256.
7. Фасмер М. Указ. соч. Т. II. С. 225.
8. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 215. (БТСДК)
9. Шипова Е. Н. Указ. соч. С. 190.
10. Большой толковый словарь донского казачества. С. 279. (БТСДК)
11. Там же. С. 582.
12. Казачий словарь-справочник. Т. III. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1969. С. 236. (КСС)
13. Фасмер М. Указ. соч. Т. IV. С. 386.
14. Большой толковый словарь донского казачества. С. 584. (БТСДК)
15. Фасмер М. Указ. соч. Т. IV. С. 215.
16. Казачий словарь-справочник. Т. III. С. 297. (КСС)

Notes

1. Fasmer M. *Etymologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. SPb. 1996. Vol. I. P. 124.
2. *Slovar' russkih narodnyh govorov* - Dictionary of Russian folk dialects. Moscow; Leningrad. 1965–2014. Is. 1. P. 107. (in Russ.)

3. Frolov B.E. *Tyurkizmy v voennoj leksike chernomorskih kazakov konca XVII – nachala XIX veka*. [Turkisms in the military vocabulary of the black sea Cossacks of the end of XVII - the beginning of the XIX century]. Krasnodar. 2008. Pp. 226-229.

4. *Slovar' russkih narodnyh govorov* - Dictionary of Russian folk dialects. Moscow; Leningrad. 1965-2014. Is. 3. P. 235-236. (in Russ.)

5. Shipova E. N. *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of turkisms in the Russian language]. Alma-Ata. 1976. P. 89.

6. *Slovar' russkih narodnyh govorov* - Dictionary of Russian folk dialects. Moscow; Leningrad. 1965-2014. Is. 3. P. 256. (in Russ.)

7. Fasmer M. Op. cit. Vol. II. P. 225.

8. Big explanatory dictionary of the don Cossacks. Moscow. 2003. P. 215. (BEDDC) (in Russ.)

9. Shipova E.N. Op. cit. P. 190.

10. Big explanatory dictionary of the don Cossacks. P. 279. (BEDDC) (in Russ.)

11. Ibid. P. 582.

12. Cossack dictionary-reference. Vol. III. San-Anselmo, California, USA. 1969. P. 236. (CDR) (in Russ.)

13. Fasmer M. Op. cit. Vol. IV. P. 386.

14. Big explanatory dictionary of the don Cossacks. P. 584. (BEDDC) (in Russ.)

15. Fasmer M. Op. cit. Vol. IV. P. 215.

16. Cossack dictionary-reference. Vol. III. P. 297. (CDR) (in Russ.)

УДК 008 (100) (075.8)

Е. Ф. Ковлакас

Реконструкция и идентификация топонимического концепта «пространство» (на примере топонимики Краснодарского края и Республики Адыгея)

Выделяемые когнитивные слои концепта «Пространство» можно рассматривать как отдельные слои различного объема («Движение», «Время», «Род», «Человек») и как компоненты единого концепта «Пространство». Топонимы являются географическими названиями местности (пространства), поэтому именно топонимический концепт «Пространство» актуализирует информацию о духовной и материальной культуре народа, являясь дополнительным источником информации.

Allocated cognitive layers of a concept «Space» can be considered as separate layers of various volume («Movement», «Time», «Sort», «Person») and as components of a uniform concept «Space». Toponyms are place names of the district (space) therefore toponymic concept «Space» staticizes information on spiritual and material culture of the people, being an additional source of information.

Ключевые слова: язык, культура, топоним, топонимическая картина мира, народ-номинатор.

Keywords: language, culture, toponym, toponymic concept «Space», people nominator.

Ценностные архетипы культуры, нашедшие закрепление в топонимии, продолжают выступать источником информации при дальнейшем употреблении в речи. «Нельзя обойти вниманием тот факт, что обращение к антропологическому инструментарию предоставляет уникальную возможность рассмотреть культуру как целостную подсистему, которая, являясь результатом деятельности человека, способна нормировать его речевое поведение» [1].

Проблема трансформации и сохранения в памяти образов географического пространства заключается в способах интерпретации этих образов. Географический образ, соотносимый с другими и теми же географическими объектами, может рождать самые разные представления о Пространстве. Пространственные представления базируются на мышлении в рамках той или иной культуры. Топонимический концепт «Пространство» является важным составляющим топонимической картины мира.

Реконструируя топонимический концепт «Пространство» на материале топонимики Краснодарского края и Республики Адыгея, мы опирались на классификацию В. И. Карасика. Факту-

альный слой концепта (по классификации В. И. Карасика) [2] репрезентируется топонимическими единицами, фиксирующими географические объекты: горы, реки, населенные пункты и их соотношенность друг с другом. Фактуальный слой представлен образами «Земля», «Вода», «Перемещение», «Место-родина», «Человек», «Народ», «Род», «Культура».

Образный слой концепта невербален, т. е. не закреплен топонимическими единицами, но поддается описанию. Его составляют ментальные образы «Жизнь» и «Память».

Базовый слой концепта закрепляет активные признаки, значимые и известные всем носителям культуры и входящие в общенациональный концепт. Активные признаки получают закрепление в толковом словаре в виде значений.

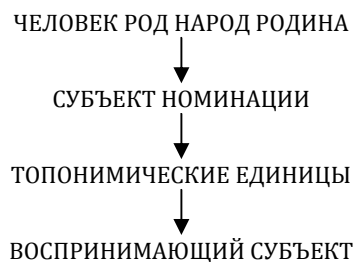
Фактуальный слой фиксирует дополнительные признаки, актуальные для отдельных носителей культуры и принадлежащие этим культурам. Образный слой концепта «Пространство» («Память» и «Жизнь») не осознается в повседневной жизни, а становится понятным в результате постижения культуры народа. Для народов-номинаторов исследуемого региона выделяемый нами образный слой не является частью концепта, а предстает доминирующим культурным элементом.

Для субъекта номинации главным условием становится тот факт, чтобы Пространство было узнаваемо, поэтому имена привязываются к определенному географическому месту (гора, река). Это конкретные, жизненно необходимые места жизнедеятельности народов. Горы и реки обладают великой действенной силой, поэтому населенные пункты, названные по аналогии, всегда оказываются легко узнаваемы. В этом смысле Пространство является паратактичным, т. е. сорасположенным, смысл одного географического объекта чередуется с другим. Верх/низ, старо/ново, 1-й/2-й в организации Пространства имеют конвенциональное значение: нужно поменять место («Место») жительства, но сохранить («Память») хотя бы название. Траектория движения («Движение») укажет новое название: **ст-ца Платнировская – ст-ца Новоплатнировская, ст-ца Пашковская – ст-ца Новопашковская, ст-ца Михайловская – с. Новомихайловское; ст-ца Старомышастовская – ст-ца Новомышастовская, ст-ца Старовеличковская – ст-ца Нововеличковская, ст-ца Стародеревянковская – ст-ца Новодеревянковская.**

Архетипы образного слоя концепта «Жизнь» и «Память» восходят к культуре народов-номинаторов. Культурные архетипы «Жизнь» и «Память» постоянно узнаются, потому что топонимы, их репрезентирующие, воспроизводятся в настоящем, т. е. названиях географических мест. Прошлое, культура прослеживаются не как временная последовательность, а как закрепленные в ментальном и культурном пространстве архетипы. В традиционной культуре восприятие Пространства часто бывает связано с народами, его населяющими, людьми, оставившими в истории след, т. е. своеобразными «хозяевами» Пространства. Местность (Пространство) исследуемого региона воспринимается как органическое целое, как непосредственное воплощение «хозяина-человека», «хозяина-рода», «хозяина-народа», которые не существовали обособленно от самого этого Пространства, а воплощались в нем. Архетип «Жизнь» находит свое выражение в топонимических образах «Гора», «Река», «Человек», «Род», «Народ», закрепляя восприятие местности как живого организма, как дающей жизнь и опосредующей жизнь. Например, **ст-ца Калининская** (в честь Михаила Калинина), **хут. Карла Маркса, с. Шевченковское** (в честь Тараса Шевченко), **пос. Шаумян** (в честь Степана Шаумяна), **г. Кропоткин** (в честь князя Петра Кропоткина); **ст-ца Бриньковская** (в честь генерала Бринька), **с. Архипо-Осиповка** (в честь рядового Архипа Осипова), **ст-ца Гладковская** (в честь казака Гладкого), **с. Цибановка** (в честь хорунжия Павла Цибина), **с. Сергей-Поле** (в честь французского капитана-лейтенанта Сергея Поля).

Архетип «Память» является средством сохранения индивидуальной и социальной идентичности, порой единственным средством сохранения сведений от истории семьи, народа. Внутренняя форма слова «память» связана с ментальной деятельностью человека, со способностью воскрешать то, что осталось в прошлом.

ЦЕННОСТНЫЕ АРХЕТИПЫ КУЛЬТУРЫ

Память как морально-этическая категория избирательна: частично информация забывается, частично сохраняется без изменений, часть подвергается обработке в соответствии с уровнем знания и особенностями сознания воспринимающего субъекта. Поэтому последняя часть цепочки топонимические единицы – воспринимающий субъект может быть нарушена.

В русском языке семантическое поле лексемы «Пространство» включает в себя следующие значения, нашедшие закрепления в «Словаре русского языка С. И. Ожегова [3].

«Пространство»: 1. объективная реальность, форма существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом; 2. промежуток между чем-нибудь, место, где что-нибудь вмещается; 3. поверхность, земельная площадь.

Семема Д1 лексемы «пространство» определяется как «объективная реальность», имеющая характеристики физических величин: протяженности и объема. Семема Д2 представлена значением «промежутка между чем-нибудь». И «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, и «Толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой дают еще одно значение лексемы «Пространство»: «протяженность, место, не ограниченное видимыми пределами». По нашему мнению, последнее значение является семемой К1 (типология М. М. Копыленко и З. Д. Поповой) [4]. В результате исследования топонимического концепта «Пространство» был получен важный материал для расширения значений слова, связанных с процессом формирования понятия познающего субъекта и являющихся компонентами общей структуры концепта.

Большая часть интерпретационного слоя концепта «Пространство» организуется архисемами, воплощенными в категориях Пространство – Время – Движение, связанными с существованием материального мира. Семема Д1¹ дополняется семемой Д1² – «объекты реальности действительности, характеризующиеся протяженностью в пространстве и времени и находящиеся в развитии (на ментальном уровне)». Семема Д1² представлена лексемами (топонимическими единицами), репрезентирующими населенные пункты, названия которых образованы от названий гор, рек, уже имеющих населенных пунктов и исторических реалий. Например, **р. Бейсуг**: ст-ца Новобейсугская, с. Бейсугское, пос. Бейсуг, **с. Большой Бейсуг**, хут. Бейсуг, хут. Бейсужек, хут. 2-й Бейсужек.

Топонимические единицы, репрезентирующие семему Д1², тесно связаны с ядерной лексемой топонимического концепта «Пространство»: выделенная нами семема Д1³, выраженная топонимическими единицами, содержащими в себе бинарные оппозиции верх/низ; старо/ново; 1-й/2-й; объективирует дополнительное значение концепта «Пространство»: «перемещение в пространстве и времени». Например, **р. Верхний Чекон – р. Малый Чекон, р. Верхнее Макопсе – р. Нижнее Макопсе, с. Русская Мамайка – с. Грузинская Мамайка, с. Верхнерусское Лоо – с. Верхнеармянское Лоо**. Топонимические единицы, репрезентирующие данный компонент значения, достаточно тесно связаны с ядерной лексемой. Семема Д1³ свидетельствует о семантической близости (в разной степени) репрезентирующих ее топонимических единиц. Речь идет не о самом пространстве, а о чувстве пространства, особенностях восприятия. Пространственные отношения, представленные бинарными оппозициями, следует рассматривать относительно самого человека, его взглядов и устремлений относительно категории «Время» и относительно самого «Пространства». Например, ст-ца Новопащковская вторична по отношению к Пашковской, аул Большой Кичмай «большой» относительно аула Малый Кичмай.

Семема Д2¹: «промежуток между чем-нибудь, место, где что-нибудь вмещается» – не находит воплощения в самостоятельных топонимических единицах. Семема Д2² отражает производно-номинативное значение: «поверхность, земельная площадь». Как и семема Д2¹, она не находит самостоятельной репрезентации топонимическими единицами. Но на основании их нами выделены ментальные образы концепта «Пространство»: Земля, Вода, Родина («родная земля», родное пространство»). Очевидно, что Вода, Земля и Пространство связаны напрямую. Две семемы лексемы «Вода» и «Земля» реализуют производно-номинативные значения, включающие в себя семантическое поле «Пространство».

Вода – 1. водная поверхность – река, озеро, море. Путешествие по воде, ехать водой; 2. водное пространство какого-нибудь района. Территориальные воды [5]

Земля – 1. Почва, верхний слой коря нашей планеты, поверхность. Сесть на землю; 2. территория с угодьями, находящаяся в чем-нибудь владении, пользовании, земельный участок [6]

Пространство и Родина, на наш взгляд, напрямую не связаны, хотя их связь может носить ассоциативный характер: пространство – территория – населенный пункт – родное место – родина. Но, анализируя топонимический концепт «Пространство», мы пришли к выводу, что образ «Родина» для концепта «Пространство» является не только символическим, но культурно и социально обусловленным. Поэтому нам представляется возможным ввести семему Д2³, выражающую значение «нечто святое, ценное, родное», репрезентируемую топонимическими единицами, внутренняя форма которых содержит указание на населенный пункт, откуда родом переселенцы

(субъекты номинации) или полк, в котором проходили службу субъекты-номинации (полк, часть носят название местности, откуда родом переселенцы). Например, редут **Кавказский**, на месте которого в 1794 г. была основана одноименная станица, был построен Кавказским егерским полком, **ст-цы Ладожская, Тифлисская, Казанская, Воронежская** получили названия от соответствующих полков. Одна из сем обеих семем Д1 и Д2 лексемы «родина» указывает на пространство:

Родина: 1. Отечество, родная страна (родное пространство. – Е. К.). 2. Место (компонент ТК «Пространство». – Е. К.) рождения, происхождения кого-чего-нибудь, возникновения чего-нибудь [7].

Семема К1¹ «протяженность, место, не ограниченное видимыми пределами» находится в мотивированной связи с семемой Д1. Выделенные в ходе исследования дополнительные компоненты ТК «Пространство» позволяют расширить семантическое поле лексемы «Пространство» и вскрыть особенности менталитета субъектов-номинации. Образ «Пространства» социально и культурно релевантен образам «Человек», «Род», «Народ», «Культура».

Все явления и предметы реального мира предстают в восприятии человека в пространстве. По мнению В. А. Гака, пространство является одной «из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [8]. В сознании человека конструируется образ реального пространства. Реальное пространство предстает таким, каким оно воспринимается и осознается человеком. Человек является связующим звеном между самим пространством и тем, что происходит в пространстве. Проблему соотношения культуры и пространства сформулировал П. Флоренский, определив культуру как способ организации пространства [9].

Топонимический концепт «Пространство» выстроен цепочкой мыслительных образов Человек – Род – Народ – Культура. Как известно, языковыми значениями может передаваться лишь часть человеческих знаний о мире. Большая часть знаний хранится в ментальных структурах – концептах. Кроме того, следует учитывать, исследуя концепт, что мы можем выдвигать гипотезы, чем, по-нашему представлению, могут быть концепты, и ни одно суждение не может претендовать на истинность.

Выделенные в ходе исследования топонимического концепта «Пространство» мыслительные образы Человек, Род, Народ, Культура являются частью культуры, проявлением концептуальных сущностей в жизни народа-номинатора, отдельных его групп и личностей.

Нами выделены 6 дополнительных коннотативных семем; все они (К2¹, К2², К2³, К2⁴, К2⁵, К2⁶) являются социокультурно обусловленными.

По мере удаления от ядра концепта, происходит исчезновение прямых ассоциаций, семема К2¹ не должна обнаруживать связь с семемой Д1. Мы предлагаем выделить следующие коннотативные семемы ТК «Пространство»:

К2¹ – люди, оставившие заметный след в социокультурном пространстве региона.

К2² – рода, положившие начало освоению пространства.

К2³ – народы, в разное время проживающие в пространстве.

К2⁴ – способы освоения реальной действительности (социокультурное пространство).

К2⁵ – образ реальной действительности, закрепленный в сознании.

К2⁶ – объективная реальность как основа существования живых систем, неживой природы и общества.

Семемы К2¹, К2², К2³, К2⁴, К2⁵, К2⁶ репрезентируют ментальный концепт «Память». В этимологии слова «Память» подчеркивается связь с ментальной деятельностью человека со способностью сохранить и воскресить в сознании то, что было воспринято в прошлом. Субъекты номинации пытаются сохранить в памяти, через топонимические единицы то, что дорого, ценно; то, что следует помнить: людей, народы, культуру, Родину, и предать эту информацию через топонимы последующим поколениям.

Можно сделать вывод, что концепт «Пространство» тесно связан с концептом «Память» и раскрывается через образы Человека, Народов, Культуры и обретения Родины, т. е. происходит мысленная реконструкция пространства и порождение его идеального образа. Образ Пространства, запечатленный в топонимических единицах, предстает в сознании человека как целостный, соразмеренный образ мира. Наделяя Пространство собственными представлениями, субъект номинации передает свои чувства и ощущения, возникающие при контакте с этим миром. Пространство, по мнению В. В. Корухова, «это та арена, на которой разворачиваются все события мирового действия и... само пространство есть непосредственного участник этого действия, определяющий его ход» [10].

Сема К2⁶ позволяет выделить архисему, заключенную в концепте «Жизнь»: Пространство – это и есть жизнь, реальная действительность, жизненное пространство, следует обратить внимание, на этот факт, что топонимические единицы указывают на обширные области взаимного перекрытия, о семантической близости лексем «Пространство» и «Жизнь».

Согласно словарю С. И. Ожегова, одно из значений лексемы «Жизнь» – «реальная действительность» [11] – указывает на прямую связь с значениями лексемы «пространство». Важнейшими составляющими «жизни» являются человек/люди, народы), внешний мир (пространство) и их взаимобусловленность. Идентификация концептов «Жизнь» и «Пространство» возможно благодаря человеку – познающему и деятельностному субъекту, который познает и организует пространство в силу духовно-нравственных и эмоционально-оценочных смыслов, присущих его сознанию.

Проведенное исследование позволяет выделить следующие семантические группы в структуре концепта «Пространство».

Пространство

Д1¹ – объективная реальность, имеющая характеристики физических величин: протяженности и объема.

Д1² – объекты реальной действительности, характеризующиеся протяженностью в пространстве и времени и находящиеся в развитии.

Д1³ – траектория перемещения в пространстве и времени.

Д2¹ – промежуток между чем-нибудь, место, где что-нибудь вмещается.

Д2² – поверхность, земельная площадь.

Д2³ – нечто святое, очень ценное, родное.

К1¹ – протяженность, место, не ограниченное видимыми пределами.

К2¹ – люди, оставившие заметный след в социокультурном пространстве региона.

К2² – рода, положившие начало освоению пространства.

К2³ – народы, в разное время проживающие в пространстве.

К2⁴ – способы освоения реальной действительности (социокультурное пространство).

К2⁵ – образ реальной действительности, закрепленный в сознании.

К2⁶ – объективная реальность как основа существования живых систем, неживой природы и общества.

Практически все выделенные нами компоненты концепта «Пространство» представляют самостоятельные концептуальные образования. Объединенные ядерные концептом «Пространство», они образуют взаимосвязанные элементы и взаимосвязанные семантические группы внутри концептуального единства.

Взаимоотношение выделенных концептов является результатом двух основных мыслительных процессов субъектов номинации: процесса целенаправленного конструирования и дальнейшей реконструкции образа Пространства и выявления его идентификации в человеческом сознании без соотнесенности с пространственно географическими объектами.

Примечания

1. Евсеева Л. В. Особенности необходимости гуманизации военного воспитания // Вестник военного университета. №2 (22). М.: «Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука – XXI», 2010. С. 38.

2. Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты. Научные труды Центркоцепта. Архангельск, 1997. Вып. 2.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.

4. Копыленко М. М. Основы этнолингвистики. Алматы: Евразия, 1995.

5. Ожегов С. И. Указ. соч. С. 76.

6. Там же. С. 199.

7. Там же. С. 592.

8. Гак В. А. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространства. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127.

9. Флоренский П. А. Значение пространственности // Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 272.

10. Корухов В. В. Методологические проблемы исследования структуры пространства. URL: http://www.philosophy/nsr.ru/journals/philiscience/1101/10_srsh.htm

11. Ожегов С. И. Указ. соч. С. 167.

Notes

1. Evseeva L.V. *Osobennosti neobhodimosti gumanizacii voennogo vospitaniya* [Features of necessity of humanization of military education] // *Vestnik voennogo universiteta* - Herald of the Military University. №2 (22). Moscow. "Fund for scientific research safety aid "Science - XXI". 2010. P. 38.

2. Karasik V. I. *Subkategorial'nyj klaster temporal'nosti (k harakteristike yazykovykh konceptov)* [Subcategorical cluster of temporality (to characteristics of language concepts)] // *Koncepty. Nauchnye trudy Centrkoncepta* - Concepts. Proceedings of Centrconcept. Arkhangelsk. 1997. Is. 2.

3. Ozhegov S.I. [Dictionary of the Russian language]. Moscow. 1986.
4. Kopylenko M.M. *Osnovy ehntnolingvistiki* [Fundamentals of ethnolinguistics]. Almaty. Eurasia. 1995.
5. Ozhegov S. I. Op. cit. P. 76.
6. Ibid. P. 199.
7. Ibid. P. 592.
8. Gak V. A. *Prostranstvo вне prostranstva* [Space outside of space] // *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstva* - Logical analysis of language. Languages space. Moscow. Languages of Russian culture. 2000. P. 127.
9. Florensky P. A. *Znachenie prostranstvennosti* [Importance of spatiality] // Florensky P.A. Works: in 4 vols. Vol. 1. Moscow. 1994. P. 272.
10. Korukhov V.V. *Metodologicheskie problemy issledovaniya struktury prostranstva* [Methodological problems of research of the structure of space]. Available at: http://www.philosophy/nsr.ru/journals/philiscience/1101/10_srsh.htm
11. Ozhegov S. I. Op. cit. P. 167.

УДК 37.035.44

Е. В. Русских

Семиотика юношеской книги: эстетическое воздействие

В данной статье рассматривается проблема воздействия книги на реципиента через содержательные параметры эстетического сообщения. Исследуется романтическая составляющая и выявляется система «двоемирия» в книгах для юношества как необходимые элементы привлекательности произведения для современного читателя. На материале юношеской прозы выявляются способы эстетического воздействия на сознание читателя посредством знаковых форм. Кроме того, рассматриваются внелогические качества литературного произведения и проблема знаковых механизмов воздействия на читателя. Автор приходит к выводу о романтической компоненте внутреннего мира как современной книги, так и сознания современного юношеского читателя.

This article deals with the problem at books' internal exposure to recipients. We analyze the essence of book's the esthetic impact, esthetic message, the hypothesis of a romantic component and «dualism system» at the books for young readers as a necessary attractive element. Throw the investigating youthful prose we nominate modes of esthetic impact to the reader's mind through symbolic forms. In addition we consider necessary, in our view, extra-logical quality of a literary work and the problem of iconic mechanisms of influence on the psyche of the reader at the modern youth prose and lack of esthetics at some literature items. The author comes to the conclusion that the romantic component of the inner world of a literature creation is close and interesting for modern youthful readers.

Ключевые слова: эстетическое воздействие, эстетическое сообщение, авторефлексивность, художественный образ, внутренний мир произведения, романтический принцип произведения.

Keywords: esthetic impact, esthetic message, self-reflexive, artistic image, the internal world, the principle of romantic works.

Снижение культуры чтения, падающий интерес к художественной литературе, особенно среди юношества, является серьезной проблемой современности. В данной работе анализируется сущность *эстетического воздействия книги*, особенности знаковых средств *эстетического сообщения*. Выдвигается гипотеза о *романтической составляющей и системе «двоемирия»* в книгах для юношества как необходимых элементах привлекательности произведения и рассматриваются необходимые, на наш взгляд, внелогические качества литературного произведения. В центре нашего исследования находится проблема влияния знаковой системы книги на читателя. Задачами, поставленными в данной статье, были теоретический анализ эстетики знакового воздействия, а также выявление его средств – романтических особенностей юношеской прозы.

В настоящее время мало изучена проблема прагматического воздействия в произведениях для читателей 15–17 лет. А. А. Гречихин пишет, что любая информация существует для человека и общества «в определённой материализации, опредмечивании, наиболее эффективным способом которых является использование различного рода знаковых систем» [1]. Указанные системы

носят прагматический характер, поскольку направлены на читательское сознание. Наибольшим показателем ценностного содержания книги является степень использования внелогических данных, т. е. психологических, эстетических, критических и др. В данной статье рассматриваются исследования таких учёных, как У. Эко, В. Н. Ляхов, Т. Зберский, А. А. Брудный, с целью выявления тех качеств книги, которые способны мотивировать молодёжь к чтению и при этом эстетически воздействовать на развивающуюся личность.

Эстетику в литературе с философской точки зрения подробно рассматривает итальянский писатель и семиолог Умберто Эко. В книге «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» учёный отмечает, что «эстетическое сообщение превосходит общие ожидания, но при всей своей невероятности выглядит правдоподобно» [2]. Эко называет сообщение *эстетическим* в том случае, «когда оно построено так, что оказывается неоднозначным и направлено на самое себя, т. е. стремится привлечь внимание адресата к тому, как оно построено» [3]. В данной неоднозначности выражения проявляется принцип *авторerefлексивности*.

Рассмотрим подробнее понятие авторerefлексивности сообщения. Эко выделяет условия, обуславливающие его наличие. Это прежде всего *контекстуальность*. В работе Е. Г. Драгалиной-Чёрной чётко сформулирован принцип контекстуальности. Он заключается в том, что «значение языкового выражения определяется контекстом предложения, частью которого оно является» [4]. Значение слова зависит от смысла фрагмента текста предложения или даже целого абзаца, в котором оно употребляется. Во-вторых, физический материал, из которого состоят означающие, *созвучен* этим означающим. Примерами данного созвучия служит использование в тексте ономотопеи, анафор, рифмы. Третьим определяющим свойством авторerefлексивности У. Эко считает *существование в тексте различных уровней реальности*: «...физический, вещественный уровень, уровень той материи, из которой состоят означающие; уровень различий, дифференциальных признаков означающих; уровень означаемых, уровень различных коннотаций, уровень психологических, логических, научных ожиданий, и на всех этих уровнях устанавливается некое соответствие так, словно все они структурированы на основе одного и того же кода» [5]. Итак, согласно У. Эко, специфика эстетического сообщения заключается в его *изоморфизме*. Целостное произведение представляет собой некую структурную «сеть» изоморфизмов. Отметим, что под изоморфизмом понимается «взаимооднозначное соответствие» элементов разных систем, когда каждой связи в одной системе соответствует связь в другой и обратно [6] (например, на уровне означаемых и уровне означающих). В эстетическом сообщении происходит «безостановочное преобразование *денотации в коннотации*, заставляя значения играть роль означающих новых означаемых» [7]. Сеть изоморфных соответствий и является специфическим «кодом» произведения. Такой код У. Эко определяет как *эстетический идиолект* произведения. Благодаря наличию эстетического идиолекта, произведение способно эмоционально воздействовать на реципиента, при этом читатель испытывает всё новые эмоции, чувства, мысли, которые порождают следующие.

Также У. Эко обращает внимание на *деавтоматизацию* речи как на ещё одну черту эстетичности в произведении. Действительно, нетипичное употребление значения приводит к повышенному вниманию выделяемого слова. Данный приём является одним из используемых и действенных средств выразительности в современной литературе. При этом У. Эко подчёркивает, что основное предназначение данного способа выразительности не в донесении привычного смысла данного значения, а в создании неповторимого восприятия [8].

В качестве примера семиотического пространства, содержащего эстетические знаки, рассмотрим фрагмент из рассказа молодой Кировской писательницы С. Спасской «Пульс фарфоровой чашки»:

«Только не было розовощёкого здания морга, не было чёрного ящика (как у Якубовича в программе: «А теперь! Чёр-р-рный ящик – в студию-уу!!! деньги возьмёте или приз? Угадайте, что там? Что там внутри, а?») «Бери приз!» – кричит одна половина зала. «Бери деньги!» – кричит другая половина, советуя поменять содержимое на невообразимые суммы. Якубович жуёт подаренные кем-то огурцы и хлопает глазами. «Приз!» Итак, в чёр-р-рном ящике, – тут барабанная дробь, – ... ваша бабушка-а-а!!! Аплодисменты!!!») Похороны предстояли» [9]. Выражение «розовощёкий», вырванное из контекста данного произведения, не указывает на морг, а, напротив, создаёт жизнеутверждающие ассоциации. Далее идёт сравнение чёрного ящика с гробом. Таким образом, автору посредством образов удаётся создать траурно-торжественную атмосферу. Созданная атмосфера перекликается с содержанием и воздействует на него, потому можно считать, что текст изоморфен. Кроме того, автор придаёт эмоциональную окраску прямой речи в словах «чёр-р-рный», «в студию-уу!!!», «бабушка-а-а!!!», применяя ономотопею, знаки восклицания. Как видим, данная цитата является примером наличия всех признаков авторerefлексивности и черт эстетического идиолекта. Кроме того, современный эстетический ритм произведения «Пульс

фарфоровой чашки» нарушают архаические вкрапления (*шкан, кудреватость* и т. д.), способствующие эффекту деавтоматизации текста. Акцентирование значений слов способствует поэтичности произведения и формируют его эстетику.

Существующая между всеми элементами художественной книги взаимосвязь может воздействовать на сознание читателя эстетически. Рассмотрим взаимодействие произведения и читателя. Такое взаимодействие начинается на основе восприятия сигналов эстетической информации, рассмотренных, в частности, О. И. Колесниковой, отмечающей, что «эстетически значимые способы вербализации оценки объекта» порождают «чувственно-конкретные представления об объекте изображения» в читательском сознании [10].

В целом любая художественная коммуникация осуществляется через знаковую систему книги. Эта связь формирует отношение к тексту, способствует образному восприятию и пониманию. Поэтому важно, чтобы знаковая система книги воздействовала на все аспекты сознания читателя гармонично. В. Н. Ляхов в труде «Очерки теории искусства книги» рассматривает понятие *архитектоника*, обеспечивающее взаимосвязь между отдельными знаками и текстом в целом. В своём труде исследователь выделяет три аппарата смысловой организации текста: *аппарат зрительной смысловой структуризации* текстового сообщения, состоящий из типографских средств, *аппарат смысловой рубрикации*, осуществляющий иерархичность и разделение на смысловые части текстовой системы и *аппарат смысловой акцентировки* отдельных моментов в тексте, отвечающий за интонацию в тексте [11]. Задачей автора книги является воплощение её знаковых материальных и нематериальных (образных) конструкций в целостную систему, воздействующую эстетически как печатными средствами, так и идеологией. В. Н. Ляхов отмечает и роль редактора в создании эстетичности издания, причём не только с технической стороны. Редактор принимает решение о сохранности авторской культуры текстовых знаков (например, интертекстуальности, анаграмм, метафоричности, аналогий, метатекста, вынесение значимой фразы в отдельный абзац и др.). Как и У. Эко, В. Н. Ляхов также рассматривает ритм книги, но в более материальном контексте, в связи внешнего вида книги и его содержания. Формат, шрифт, иллюстрации и другие виды книжного оформления должны поддерживать эстетический ритм произведения, соответствовать его временным, пространственным представлениям. При соблюдении данных требований можно говорить о целостности и эстетике книги.

Наличие художественного образа является особенностью художественной литературы. Целостное произведение в сознании читателя представляется картинкой. Читатель становится «режиссёром» произведения. В ходе чтения задействованы творческие и мыслительные процессы. Любое слово, используемое в прямом или переносном значении, служит образом, если способно визуализировать авторское сообщение. Художественный образ передаёт читателю зрительные, звуковые впечатления, а также, запахи, настроения и другие чувственно-эмоциональные реакции через текст, поэтому является сильным средством воздействия в художественной литературе. М. Червинский и Т. Зберский отмечают, что посредством художественного образа читатель получает как «внешнюю», так и «внутреннюю» информацию, которая складывается из поступков литературных героев. Всевозможные приёмы, способные визуализировать текст, также являются художественными знаками, воздействующими на читателя. Образы героев, модели их поведения накладываются на реальных людей. Зачастую этими знаками являются не только словесные описания, диалоги или прямая речь, но и, согласно М. Червинскому и Т. Зберскому, даже многоточия, междометия, способные экспрессивно выразить или информативно дополнить текст [12]. Понимание любого сообщения происходит быстрее, если через определённые текстовые средства обеспечивается наглядность произведения. Художественный образ облегчает «понятность» текста; кроме эстетической функции он выполняет ещё и прагматическую, усиливая «интересность» и «доступность» сообщения.

Согласно исследованию Е. А. Евтюхиной, художественный образ представляется как закодированная в знаке содержательная информация об объекте [13]. Таким образом, визуализация информации производится в сознании реципиента посредством преобразования знакового кода эстетического сообщения, носящего символический характер. В читательской деятельности задействованы следующие компоненты: использование прошлого жизненного опыта, подключение собственных жизненных принципов, духовных ценностей и мировоззрения, концентрация внимания, работа воображения, принцип эстетического вкуса и внимания, истолкование текста на основе чувств, мыслительный анализ текста в целом, формирование мнения о произведении и др. В художественной литературе происходит обратная связь между автором и читателем. Следовательно, элемент творчества присутствует не только у автора, но и в читательской деятельности.

В исследуемой нами специфике книги юношеской прозы эстетика слова играет более важную роль, чем, например, в научном сообщении. Художественная проза нацелена на эмоциональ-

ное и эстетическое воздействие читателя. Ю. Лотман в «Структуре художественного текста» определяет искусство, и в частности литературу, как вторичный язык, который, хотя и основан на естественном языке, но, как и любой язык, наделён собственными знаками преобразования информации в сознание читателя [14]. Отметим, что данные знаки имеют иконический (изобразительный) характер передачи информации, а не условный, свойственный естественным языкам. Каждое слово наполнено ассоциативным и эмоционально-экспрессивным смыслом. М. Червинский и Т. Зберский в «Семиотике книги» противопоставляют эстетическое сообщение научному тексту. «Суть научного сообщения, прежде всего, в том, что слово соотносится с означаемым им предметом, в эстетическом же сообщении внимание сосредоточено на самом знаке, поэтому в нём на первый план выступает отношение между значением слова и контекстом» [15]. Опираясь на данную цитату, выделим многозначность выражения – *полисемию* – как отличительную особенность эстетического сообщения. Таким образом, получается, что один и тот же художественный текст передаёт различную информацию как разным людям, так и одному и тому же человеку при повторном или более внимательном чтении.

Изучая художественный текст, мы не только ощущаем эстетическое воздействие, но и погружаемся во внутренний мир произведения, созданный автором. А. А. Брудный акцентирует внимание на способности культуры и литературы в частности перемещать читателя в другое пространство, причём текст является связующим звеном внутреннего мира и реального [16]. Следует отметить, что для каждого индивида художественная модель данного мира разная. В зависимости от подготовленности и, согласно Ю. М. Лотману, от требований и ожиданий читателя информационная ценность языка и сообщения меняется [17]. В чём же состоят ожидания молодёжи от произведения художественной прозы?

На основании анкетирования и опроса, проведённого среди представителей молодёжи города Кирова и – частично – других регионов, а также среди сотрудников библиотек города Кирова, был сделан вывод, что процент читающей молодёжи снижается. Однако справедливо и заключение о том, что чтение всё ещё остаётся одним из любимых видов занятий у определённого круга представителей указанной возрастной категории. Это, как правило, школьники с высокой успеваемостью, студенты вузов. По результатам нашего исследования, наиболее популярными жанрами среди молодёжи являются фэнтези и фантастика. Любовная проза, опубликованные интернет-блоги, приключенческие романы также являются фаворитами их чтения. Различные по жанровой стилистике произведения объединяет сюжетный конфликт вымышленного мира и жизненных реалий. В такой разобщенности двух действительностей проявляется принцип дуализма, являющийся фундаментальным признаком романтической эстетики.

Эпоха романтизма закончилась в XIX в., почему же романтическая составляющая является одним из важнейших эстетических факторов для сегодняшней молодёжи? На сайте фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» характерными чертами раннего романтизма называют «фантастику, расплывчатость образов, пренебрежение правдоподобием, идеализацию героев и героинь в духе позднего условного рыцарства, действие в неопределённом прошлом или в неопределённо-отдалённых странах, пристрастие к таинственному и магическому» [18]. Анализируя мнения как библиотекарей детских и взрослых отделов различных библиотек г. Кирова, так и самих читателей 15–17 лет, мы пришли к выводу, что наибольшей популярностью в настоящее время среди юношества пользуются книги серий «S.T.A.L.K.E.R.», «Метро 2033», произведения фантастов С. В. Лукьяненко, Ю. Никитина, Л. Каганова и др. Среди женской аудитории данный перечень дополняется романами для девушек (например, серии «Только для девочек», «Лучшие книги девочек»). Эти литературные предпочтения и вкусы современной молодёжи позволили нам выдвинуть гипотезу о том, что названные выше черты, свойственные романтизму, соотносятся с литературными предпочтениями и вкусами современной молодёжи.

С целью проверки данной гипотезы мы попытались выявить характер представлений современной молодёжи 15–17 лет о концепте «романтическое». Среди учащихся 9, 10 и двух 11-х классов средней образовательной школы № 22 г. Кирова и учащихся 9, 10 и 11-го класса Вятской православной гимназии был проведён ассоциативный эксперимент в форме опроса. В нём приняли участие 107 человек возрастного диапазона от 15 до 17 лет. Из них 45 – юноши и 62 – девушки. Старшеклассникам предлагалось в течение пяти минут отразить словами ближайшие ассоциации, связываемые в их сознании со стимулами «романтика», «романтизм», «романтическое». Также информантов попросили подобрать антоним к слову «романтика».

Результаты опроса показали, что у большинства школьников вне зависимости от возраста и социального положения возникли трудности с определениями данных понятий даже на ассоциативном уровне. Многие учащиеся школы № 22 не справились с заданием и не дали ответа.

Двое вернули анкетные листы пустыми, аргументировав это незнанием данных слов. Тем не менее общий характер представлений нам удалось выявить. Понятие «романтика» у опрашиваемых ассоциируется с положительными эмоциями. Большинство школьников дали ответ «любовь». Также встречались ответы «отношения», «ухаживание», «чувства», «поцелуй». Многие информанты ассоциируют романтику с тёмным временем суток: они дали ответы «вечер», «ночь», «вечернее настроение», «ночь на крыше», «ужин при свечах».

Второе слово («романтизм») вызвало у большинства школьников (71%) ассоциации с литературной сферой: «литературное направление», «направление», «литературный жанр», «стиль», «направление мысли», «направление в литературе», «литература». 6 человек дали более конкретные, но логически неадекватные ответы: «реализм», «классика», «сентиментализм». В большинстве остальных ответов наблюдается смещение в сторону понятия «романтика»: «свечи», «шампанское», «наука о любви», «влюблённость», «красивый жанр литературы». Были и случайные ответы (например, «Ватикан»). Встретился также негативно окрашенный ответ: «что-то связанное с литературой (в отрицательном смысле)».

Слово «романтическое» было охарактеризовано следующим образом. Большинство школьников дали ответ «свидание». Также по несколько раз встречались определения «чувство», «настроение». Такой же характер имели остальные ответы («соответствует романтизму», «любственное», «загадочное», «красивое», «путешествие», «небо», «завтрак вдвоём»...). Дважды повторился ответ «неожиданное».

При подборе антонима к слову «романтика» в большинстве ответов можно наблюдать отрицательные оценочные ассоциации. Наиболее распространёнными ответами были: «одиночество», «ненависть», «разрыв», «разлука», «расставание», «скука», «грубость», «эгоизм», «неуважение», «черствость», «ложь», «не приятное»... Для некоторых респондентов антиподом романтики выступают «прагматика», «быт», «реализм», «нормальность» «прямолинейность», «классика»... Четверо посчитали эмоциональный фон данного слова положительным. У них «антиромантика» ассоциируется со «взаимностью», «дружбой», «радостью», «добром». 12 человек антоним не подобрали.

Анализируя результаты проведённого опроса, можно прийти к следующим выводам. Не владея точным знанием определения романтизма, молодёжь склонна видеть в нем признаки мира «возвышенного» (о чём говорят прямые ответы про небо, самолёты, крыши и образные – про высокие чувства), «волшебного», «призрачного», «неясного»: не случайно часто упоминается тёмное время суток, а в качестве антонима называют «прагматику», «скуку» и «нормальность». Романтизм интересен и близок юношеству возможностью посетить мир фантастики, противопоставленный обыденной жизни. Молодёжь на интуитивном уровне ассоциирует понятие «романтическое» с волшебным, вымышленным, счастливым миром. Следовательно, и в книге для юношества романтическую составляющую можно считать мотивирующим к чтению фактором, способным эстетически воздействовать на читателя этого возраста.

Анализируя признаки эстетического воздействия и предпочтения современной молодёжи 15–17 лет, выделим общие черты юношеской книги, способной повлиять на сознание читателя. Каждое художественное произведение вводит читателя в свой **внутренний мир**. Мир литературного произведения индивидуален и обладает структурностью, взаимосвязанностью составляющих его объектов и логической обоснованностью их наличия. Внутренний мир юношеского произведения должен в той или иной степени обладать **«фантазийностью»**. Его необычность является для современной молодёжи одним из главных мотивирующих к чтению средств – **романтической составляющей** произведения. Эстетика романтической прозы обусловлена наличием **авторрефлексивности** сообщений в тексте, применением **деавтоматизации, образности** и других художественных средств, в том числе индивидуальных авторских находок, которые развивают воображение читателя. Романтическая составляющая, обладающая большим потенциалом воздействия, на наш взгляд, должна обуславливать эстетическую специфику знаковой системы произведений современной юношеской прозы.

Примечания

1. Гречихин А. А. Информационно-управленческая концепция библиографии // Мир библиографии. 2006. № 3. С. 19.
2. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию // ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 79.
3. Там же. С. 78.
4. Драгалина-Чёрная Е. Г. Контекстуальность и композициональность. От «принципа Фреге» к когнитивным семантикам // Электронный журнал РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 66–84 (дата обращения 20.08.2014).
5. Эко У. Указ. соч. С. 80–81.

6. Словарь литературоведческих терминов. URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/isogomomorfizm.htm>, свободный (дата обращения 10.08.2014).
7. Эко У. Указ. соч. С. 84.
8. Там же. С. 95.
9. Спасская С. Пульс фарфоровой чашки // Зелёная улица: Альманах молодых вятских литераторов. Вып. 6. Киров (Вятка). 2013. С. 5.
10. Колесникова О. И. Сигналы эстетической информации как факторы персуазивности в книжной рекламе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 4. С. 102.
11. Ляхов В. Н. Очерки теории искусства книги. М.: Книга, 1971. С. 63.
12. Червинский М., Зберский Т. Система книги. Семиотика книги. М.: Книга, 1981. С. 76.
13. Евтюхина Е. А. Не материя и не энергия: О сущности феномена информации // Мир библиографии. 2013. № 3. С. 3.
14. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Об искусстве. СПб., 1998. С. 19–43. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_01.php, свободный (дата обращения 22.08.2014).
15. Червинский М., Зберский Т. Указ. соч. С. 73.
16. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт-Пресс, 2005. С. 9–10.
17. Лотман Ю. М. Указ. соч.
18. Фундаментальная электронная библиотека URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/lea/lea-0171.htm>, свободный (дата обращения 10.08.2014).

Notes

1. Grechikhin A.A. *Informacionno upravlencheskaya koncepciya bibliografii* [Information and management concept of bibliography] // *Mir bibliografii* - World of bibliography. 2006, No. 3, p. 19.
2. Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Absent structure. Introduction to semiology] // LLP TC "Petropolis". 1998. P. 79.
3. Ibid. P. 78.
4. Dragalina-Chernaya E.G. *Kontekstual'nost' i kompozicional'nost'. Ot «principa Frege» k kognitivnym semantikam* [Contextuality and compositionality. From the "principle of Frege" to cognitive semantics] // *Elektronnyj zhurnal RACIO.ru* - Electronic journal RACIO.ru. 2009, No. 2, pp. 66-84 (date of access 20.08.2014).
5. Eco U. Op. cit. Pp. 80-81.
6. Dictionary of literary terms. Available at: <http://slovar.lib.ru/dictionary/isogomomorfizm.htm> free (date of access 10.08.2014). (in Russ.)
7. Eco U. Op. cit. P. 84.
8. Ibid. P. 95.
9. Spasskaya S. *Pul's farforovoj chashki* [Pulse of porcelain cup] // *Zelyonaya ulica: Al'manah molodyh vyatskih literatorov* - Green street: an Anthology of young Vyatka writers. Is. 6. Киров (Vyatka). 2013. P. 5.
10. Kolesnikova O.I. *Signaly ehsteticheskoy informacii kak faktory persuzivnosti v knizhnoj reklame* [Signals of aesthetic information as factors of persuasivity in book advertising] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of the Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 4, p. 102.
11. Lyakhov V.N. *Ocherki teorii iskusstva knigi* [Essays on book art theory]. Moscow. Kniga. 1971. P. 63.
12. Chervinskiy M., Zbersky T. *Sistema knigi. Semiotika knigi* [System of a book. Semiotics of a book]. Moscow. Kniga. 1981. P. 76.
13. Evtyukhina E.A. *Ne materiya i ne ehnergiya: O sushchnosti fenomena informacii* [Not matter and not energy: on the essence of the phenomenon of information] // *Mir bibliografii* - World of bibliography. 2013, No. 3, p. 3.
14. Lotman Y.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta. Ob iskusstve* [Structure of the artistic text. About art]. SPb. 1998. Pp. 19-43. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_01.php, free (date of access 22.08.2014).
15. Chervinskiy M., Zbersky T. Op. cit. P. 73.
16. Brudny A.A. *Psihologicheskaya germenevtika* [Psychological hermeneutics]. Moscow. Labyrint-Press. 2005. Pp. 9-10.
17. Lotman Y.M. Op. cit.
18. Fundamental digital library Available at: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/lea/lea-0171.htm>, free (date of access 10.08.2014). (in Russ.)

Научно-популярные книжные издания естественнонаучной и медицинской тематики: общее и особенное

Автор представил сравнительный анализ популяризации естественнонаучных и медицинских знаний посредством книжных изданий, основанный на сопоставлении сущностных и целевых характеристик естественных наук и медицинских наук, медицины. В работе характеризуются общие и специфические типологические черты научно-популярных изданий естественнонаучной и медицинской тематики, репрезентирующие их содержание и форму.

The comparative analysis of popularization of the natural-science and the medical knowledge by means of the book issues based on comparison of intrinsic and target characteristics of natural and medical sciences, medicine is undertaken. Uniform and specific typological lines of the popular scientific issues of natural-science and medical subject representing their contents and form are revealed.

Ключевые слова: популяризация, научно-популярное издание, книжное издание, естественные науки, медицинские науки, медицина.

Keywords: popularization, popular scientific issue, book issue, natural sciences, medical sciences, medicine.

Естественные науки и науки медицинские имеют присущие именно им особенности наряду с общими, едиными чертами. И общее, и особенное наук этих групп важно учитывать в ситуации популяризации естественнонаучных и медицинских представлений. Такая популяризация имеет целью распространение естественнонаучных и медицинских знаний среди тех, кто не является специалистом в соответствующих областях, и может осуществляться в различных формах – научно-популярных лекций, телевизионных и радиопередач, интернет-сайтов, публикаций в научно-популярных журналах и др.

Мы рассмотрим специфику популяризации естественнонаучных и медицинских знаний с помощью книги.

В нашу эпоху – эпоху постмодерна – наблюдаются определенные перемены в самых разных областях человеческой жизни и жизни социума, в науках, относящихся к различным типам. В частности, все более настойчиво заявляет о себе отход от понимания исследователя как совершенно объективного наблюдателя и экспериментатора, лишь фиксирующего, протоколирующего изменения, происходящие с объектами.

В естественных науках в результате сформировалась идея о том, что изучаемый объект природы не является абсолютно независимым от исследователя. Например, в научно-популярной монографии «Мир, созданный химиками: От философского камня до графена» П. А. Образцова написано: «Есть такая теория, что мир не только не познаваем, но и зависит от того, кто его познает, – исследователь неизбежно влияет на результат эксперимента. Градусник, помещенный в кипяток для измерения температуры, на тысячную долю градуса сам охлаждает воду. И потому есть множество одновременно существующих Вселенных с различающимися свойствами. Можно сказать, что наша Вселенная, состоящая сейчас из примерно 120 элементов, устроена Дмитрием Ивановичем Менделеевым» [1].

В медицинской сфере происходит постепенное смещение от патерналистской медицины к медицине сотрудничества, когда пациент начинает пониматься как самостоятельная личность. Первую П. Д. Тищенко характеризует следующим образом: «Пациент рассматривается как особого рода субъект, вся субъективность которого заключена в постоянном дисциплинированном самоисключении из любой осмысленной коммуникации, *поле терапевтического (в широком смысле) действия очищено от “субъективных переживаний” страждущего для объективных свидетельств его тела.* Рядом с пациентом как пассивным субъектом эти же практики постулируют врача как активного субъекта» [2]. Появление медицины сотрудничества порождает подготовку и выход в свет таких книжных изданий, в которых читателю предлагается заглянуть в традиционно замкнутый мир профессиональных медиков, обычно закрытый для «непосвященных». Та-

ково, скажем, издание Б. Голдакра «Обман в науке». В аннотации говорится: «Почему многие ученые и журналисты выступают против использования вакцины от кори, краснухи и других опасных болезней? Зачем фальсифицируются данные о медицинских исследованиях? Кому выгодны страхи потребителей лекарств – фармацевтическим компаниям или “шарлатанам от науки”? К чему ведет потребление многочисленных пищевых добавок? Как связаны между собой политика и медицина? Вы узнаете ответы на все эти и многие другие вопросы» [3].

«Необходимость популяризации медицинских знаний обусловлена сменой базовой концепции медицины и, соответственно, изменением модели взаимодействия врача и пациента, – указывает Е. А. Костяшина. – Популяризация медицинских знаний становится одной из базовых стратегий медицинского дискурса. Можно говорить о пациентоцентрической концепции современной медицины. Исходя из этого, актуальной становится тенденция, направленная на поиск путей повышения уровня взаимопонимания и сотрудничества врача и пациента, что отражается в текстах... Целью научно-популярного дискурса является популяризация научного знания для более оптимального сотрудничества представителя института (врача) и клиента института (пациента)» [4]. Однако такое отличие популяризации естественнонаучных и медицинских знаний как значительно более ярко выраженный прагматизм знаний второго типа и соответствующих текстов, их репрезентирующих, сохраняется, удерживается и в эпоху постмодерна.

Данное отличие предопределяется существованием не только медицинских наук, но и медицины в качестве сферы практической деятельности, тогда как естественные науки существуют «сами для себя», направлены только на «открытие истины», имея практические приложения уже за собственными границами – в тех же медицинских, сельскохозяйственных, технических науках; медицине, сельском хозяйстве, технике и технологиях.

Популяризация знаний из этих областей-приложений также возможна и осуществляется с помощью книжных изданий. В качестве примера назовем научно-популярную монографию А. А. Костина «Популярная нефтехимия: Тайны нашей планеты», рассказывающую о современной нефтехимической промышленности [5]. Именно «приложения» естествознания больше всего занимают внимание обычного человека. «Естественные науки обладают в сознании современного человека почти непререкаемым авторитетом, – замечает Д. Г. Подвойский. – Но почему? Потому ли, что его приводит в восторг “полет мысли”, “стремление и способность разума к освоению новых горизонтов”? Скорее всего, его восхищает другое – не научный поиск, воображение или фантазия ученого, но конкретные утилитарные результаты всего этого: что можно передавать звук и изображение на расстоянии, готовить пищу, не разжигая огня, передвигаться в пространстве с невероятными по меркам пешехода скоростями и т. п.» [6] По мнению Е. Е. Прониной, прагматическому тексту присущи специфические характеристики: локальность, описательность, фактологичность, безоценочность, деритуализация, конструктивность, прогностичность [7].

Сопоставим два научно-популярных издания естественнонаучной и медицинской тематики, имеющие однотипные названия и вышедшие в рамках одной и той же серии «Galileo» московских издательств «КоЛибри» и «Азбука-Аттикус» – «Десять самых красивых экспериментов в истории науки» Д. Джонсона [8] и «Десять величайших открытий в истории медицины» М. Фридмана и Д. Фридланда [9]. Отметим, что выбор таких заглавий отнюдь не случаен: наблюдения показывают, что в массовой культуре эпохи постмодерна весьма популярно использование числительных для привлечения внимания читателей, которым нравится идея выделения фиксированных количеств из утомляющей бесконечности, столь типичной для повседневности с ее множеством потенциальных объектов внимания.

В работе Д. Джонсона обнаруживаем такой, к примеру, фрагмент (*идея приоритета* при совершении открытия): «В пьесе “Кислород”, премьеры которой состоялась в 2001 г., два химика, Карл Джерасси и Роальд Хоффман, придумали сюжет, в котором шведский король пригласил этих троих ученых в Стокгольм, чтобы решить вопрос о том, кого из них считать первооткрывателем кислорода. Шееле был первым, кто выделил газ, а Пристли первым опубликовал работу, в которой говорилось о его существовании, но только Лавуазье понял то, что им удалось открыть» [10].

В научно-популярной монографии М. Фридмана и Д. Фридланда читатель видит, в частности, следующий текст (*идея практической пользы*): «Сегодня большинство кардиологов убеждены в правоте Аничкова, утверждавшего, что холестерин, поступающий в организм с пищей, способствует развитию атеросклероза. Согласны они и с высказанным позже мнением Аничкова о том, что в окончательном закрытии коронарной или мозговой артерии свою роль играют и другие факторы. ...И все же Аничков был совершенно прав, говоря о том, что богатая холестерином пища является основным фактором, вызывающим самое опасное из заболеваний современного человека. ...И даже сегодня, хотя всем известно, что не хлебом единым жив человек, очень маловероятно, чтобы люди отказались от яиц и множества других продуктов питания, богатых холестерином» [11].

Популяризация медицинских знаний всегда была насыщена метафорами войны или преступления. «Уже ситуация хронического заболевания уязвляет моральное самосознание врачебного сообщества, оказавшегося вынужденным мириться с собственной неспособностью добиться окончательной победы, – рассуждает П. Д. Тищенко. – Признать умирание как неизбежное состояние (несмотря на его очевидность) – означает капитуляцию перед “врагом”» [12]. В издании Д. С. Сакс «Микробы хорошие и плохие: Наше здоровье и выживание в мире бактерий» [13] часть первая так и называется – «Война с микробами». В известной научно-популярной монографии П. де Крюи «Охотники за микробами» читаем: «В конце концов он снял обвинение в переносе малярии с двадцати различных видов комаров; он вынес оправдательный приговор всем видам серых и пестрых комаров, которых встречал ну просто повсюду: в трактирах, в спальнях, в ризницах соборов...» [14].

Отличие популяризации естественнонаучных и медицинских представлений еще и в том, что вторые значительно ближе к повседневной, обыденной жизни человека, первые же – это по большей части абстракции. Человек (читатель) пытается моделировать ситуации собственной жизни – здоровья, нездоровья, обращаясь в том числе и к изданиям. Д. В. Дунас отмечает: «Индивидуальную картину мира (мировоззрение, мировосприятие и мироощущение человека) составляют личный, социальный и – в современном обществе – медиатизированный опыт. Зачастую индивид сталкивается с комплексным опытом, приобретенным в результате взаимодействия всех трех видов. Но очень часто знания и представления человека о мире не выходят за пределы медиатизированного опыта... Медиатизированный, то есть опосредованный, опыт может противоречить социальному и личному опыту, а также оставаться сугубо “самим собой”, не поддающимся “выходу” вне сферы данного опыта» [15]. В медицинском плане у человека в отличие от естественнонаучного плана может быть обширный личный и социальный опыт, что находит отражение в изданиях. Например, в разделе «“Народные” вопросы» издания «Гормоны правят миром: Популярная эндокринология» А. А. Каменского, М. В. Масловой и А. В. Граф приводится такой вопрос: «Говорят, что любое расстройство здоровья отражается на расположении складок уха, а сама форма уха напоминает эмбрион человека. Можно ли, воздействуя на активные точки уха, исправить какие-либо эндокринные нарушения?» [16]

Болезнь – событие, которое «неминуемо ожидает каждого из нас» [17]. Поэтому определенная часть людей становится читателями научно-популярных книжных изданий медицинской тематики, движимая не только и не столько любопытством, как это нередко бывает по отношению к изданиям по естествознанию. «Конечно, одни пациенты могут слепо держаться за свое невыраженное чувство благополучия, другие могут покорно следовать предписаниям своего любимого врача, но найдутся и такие, которые будут *читать книги*, консультироваться у разных врачей и в конце концов выработают *свое собственное мнение* (курсив наш. – И. С.)», – утверждает П. Фейерабенд [18].

Нужно иметь в виду, что медицинские знания, пусть и ограниченно, но способны влиять на поведение, образ жизни обычного человека, не занимающегося медициной на профессиональной основе. И научно-популярные издания могут внести свой вклад в получение человеком таких знаний. Т. И. Фролова говорит о медицинской теме: «Тема востребована аудиторией в высшей степени: и потому что здоровье – вечная ценность, и потому что вечную ценность в условиях глобальной общественной трансформации нелегко сохранить, и потому что новые “условия хранения” потребовали дополнительной информации» [19]. Знания естественнонаучные прямо, непосредственно вряд ли могут воздействовать на повседневное поведение человека, даже если это профессионал-естествоиспытатель. Скажем, в научно-популярной монографии В. Б. Спиричева «Что могут витамины: Парадоксы правильного питания» читаем: «Стройная фигура, ровные, белые зубы, пышные, шелковистые волосы, чистая, бархатистая кожа, красивые, длинные ногти, бодрое, веселое настроение – задумывались ли вы, в какой степени все эти качества зависят от природы, счастливой случайности, а в какой – от нас самих, нашего склада мышления и образа жизни?»

И в этой связи трудно оспорить высказывание Людвиг Фейербаха: “Человек есть то, что он ест”.

Безусловно, важнейшее условие здоровья, красоты и эмоционального благополучия женщины – правильное, рациональное питание. Особая роль в нем принадлежит витаминам» [20]. Заметим, что начало приведенной цитаты ассоциируется с рекламными текстами, с текстами, транслируемыми средствами массовой информации, в которых часто буквально навязываются подобные абсолютизирующие идею внешней красоты образы и соответствующие товары и услуги. «...СМИ формируют у массового потребителя все новые запросы...» – подчеркивает Б. Г. Юдин [21]. Именно для научно-популярных изданий медицинской тематики в отличие от изданий по естественным наукам типична ситуация включения насыщенных наглядными образами текстов, корреспондирующихся с рекламными. В издании же О. О. Фейгина «Тайны квантового мира: О парадоксальности пространства и времени» мы встречаем такой, в частности, фрагмент: «...электроны могут переходить на другую разрешенную орбиту. Как и большинство явлений в мире квантовой механики, этот процесс *не так*

просто представить наглядно. Электрон просто исчезает с одной орбиты и материализуется на другой, не пересекая пространства между ними (курсив наш. – И. С.)» [22]. Проблема наглядности представления знаний сегодня актуальна для популяризации и естественнонаучных, и медицинских знаний. На ранних этапах их накопления наглядность была привычна и выступала одной из движущих сил как развития собственно науки, так и эволюции визуальной культуры человечества. В работе Е. В. Сальниковой «Феномен визуального. От древних истоков к началу XXI века» содержатся посвященные анализу этой темы параграфы «Звездное небо как резервуар визуальной информации и образности» и «Роль анатомического театра в эволюции носителей информации» [23]. Сейчас обеспечить наглядность при популяризации многих разделов естествознания оказывается крайне трудно; основная же часть современных медицинских знаний поддается визуализации. Наиболее близкие к медицинским наукам науки биологические (прежде всего зоология, ботаника) в этом плане также достаточно открыты для описаний и объяснений посредством визуализации. В. И. Дынич пишет: «...физики представляют свою работу более трудной, чем это необходимо. Химики обладают лучшей способностью рассказывать о своей деятельности, они научились общаться. А превосходят всех по умению транслировать научные знания на обыденный уровень биологи. Возможно, это объясняется характером самой биологии» [24].

Для многих областей естественнонаучного знания в отличие от знания медицинского характерно использование формул (математических, химических). Чаще всего (за редкими исключениями) они не дают наглядности, о которой мы только что говорили, а становятся для недостаточно подготовленного читателя некой высшей формой выражения абстракций. Поэтому популяризаторы естествознания стремились обойтись без них. Однако в последнее время наблюдается новая тенденция – авторы бросают своего рода вызов такой традиции, сосредоточивая все свое внимание именно на формулах или же активно включая их в текст. Пример первой ситуации – издание С. Бэйса «Уравнения: символы познания»: «В научно-популярной литературе существует распространенная догма, которая накладывает вето на использование уравнений в любом популярном рассказе о науке. ...Автор отвергает это вето и исходит из противоположной позиции; в центре внимания будут сами уравнения» [25]. Пример второго случая – издание П. Лекутер и Д. Берресона «Пуговицы Наполеона: Семнадцать молекул, которые изменили мир»: «И уж разумеется, говорили нам, не стоит рисовать никаких химических структур. Но нам показалось наиболее интересным как раз отразить связь между химической структурой и свойствами вещества, а также связь между его структурой и историческими событиями» [26]. Медицинские знания не столь насыщены формулами, соответственно, популяризация здесь – воздействие по преимуществу словом.

Книжная популяризация и естествознания, и медицинских знаний нередко задействует тексты-нарративы, когда автор рассказывает, повествует о некоторых событиях. Б. Годэн, определяя нарратив в качестве термина, включающего один из таких компонентов смысла, как «утверждение», «замысел», «сюжет», «рассказ», рассуждает: «Можно предположить, что концептуальные рамки в научной, технологической и инновационной политике построены, как правило, в форме сюжета или нарратива. Нарратив придает смысл науке, технологиям и инновациям, а также политическим действиям, что позволяет включить науку, технологии и инновации в политическую повестку дня» [27]. В аннотации, помещенной в научно-популярном издании П. Хэлперна «Коллайдер: В поисках элементарных кирпичиков Вселенной», говорится: «Осенью 2008 года газеты запестрели заголовками, сообщавшими, будто в недрах Большого адронного коллайдера (БАК), на котором физики собирались расщепить вещество на элементарные частицы, рождаются микроскопические черные дыры, способные поглотить Землю.

Какое значение имеет БАК для науки? Что ученые ищут? Почему физика, возможно, вскоре совершит один из величайших рывков в своей истории? Все эти вопросы обсуждаются в книге «Коллайдер». Автор, кроме всего прочего, доказывает, почему невозможно ни практически, ни теоретически, что на БАК появятся черные мини-дыры, которых все так боятся» [28]. В уже упоминавшейся научно-популярной монографии Д. С. Сакс «Микробы хорошие и плохие: Наше здоровье и выживание в мире бактерий» находим следующий фрагмент: «Теперь главный врач Службы здравоохранения США объявлял о кризисе национального масштаба. Все это было Айхенвальду уже известно, как и многое другое. Но он чуть не поперхнулся своим кофе, когда прочитал заключительные строки статьи в “Нью-Йорк таймс”: “У НАС ВСПЫШКИ НЕТ. Официальные представители органов здравоохранения и больниц Нью-Йорка сообщили вчера, что у нас не наблюдается никаких признаков вспышки этой инфекции”» [29]. Нарратив помогает событиям и в естественнонаучной, и в медицинской сфере вписать в социально-политический контекст.

Хотя сегодня социум цивилизованных стран охвачен так называемой медиализацией, проникновение истинной популяризации медицинских знаний в этот социум остается недостаточным. Л. М. Медведева пишет: «Современное возрастающее влияние медицины, всеобщая оза-

боченность собственным здоровьем, стремление укрепить его любыми доступными средствами и т. п. – все эти процессы, так или иначе связанные с медициной, в настоящее время часто обозначают термином “медиализация”. ...Медиализация характеризуется проникновением в массовое сознание медицинского языка и стиля мышления, медицинских концепций и представлений о причинах и лечении болезней, возрастанием зависимости от медицины обычных людей в повседневной жизни» [30]. Медиализация не тождественна популяризации медицинских представлений: первая механистична и поверхностна, фактически лишь эксплуатирует медицинский дискурс, который становится модным; вторая в идеале призвана открывать человеку само знание, а не предлагать ему разрозненные фрагменты медицинского дискурса. «При подготовке печатных изданий... все более активно прогнозируется их воздействие на интеллект, психоэмоциональную сферу, коммуникативные характеристики отдельного, чаще так называемого среднего человека и группы, что может иметь и положительные и отрицательные последствия. При этом исследователями констатируется недостаточность распространяемых и, соответственно, получаемых знаний, предполагающих информирование о закономерностях развития здоровья, о методах его укрепления и коррекции, о влиянии негативных цивилизационных факторов, минимальная эффективность используемых при этом технологий распространения информации и обучения, что является одной из причин пассивного отношения человека к своему здоровью», – утверждает Л. Е. Савич [31].

И в область естественнонаучных, и в сферу медицинских знаний активно вторгаются паранауки, ведь даже эзотерика ныне стремится быть «научно обоснованной» [32]. Однако именно медицинские книжные издания паранаучного содержания, адресуемые широким читательским кругам, представляют опасность в прагматическом плане, в плане возможного использования этого содержания в обыденной жизни. Для сферы естествознания опасность лежит на более высоком, концептуальном уровне как провоцирование дальнейшего роста антинаучных представлений.

Таким образом, глобальное отличие книжной популяризации естественнонаучных и медицинских знаний – ориентированность в первом случае на эпистемологию, а во втором на праксиологию. Общая для обеих областей тенденция развития – воздействие идей постнеклассической науки и вовлеченность в социально-политический контекст.

Примечания

1. *Образцов П. А.* Мир, созданный химиками: От философского камня до графена. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2011. С. 30. (Galileo).
2. *Тищенко П. Д.* На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Мирь, 2011. С. 76.
3. *Голдакр Б.* Обман в науке: пер. с англ. М.: Эксмо, 2010. С. 4. (Открытия, которые потрясли мир).
4. *Костяшина Е. А.* Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 9.
5. *Костин А. А.* Популярная нефтехимия: Тайны нашей планеты. М.: Эксмо, 2012. 95 с.
6. *Подвойский Д. Г.* Гуманитарии в «негуманитарном» мире (к положению наук о человеке, культуре и обществе в современной России) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Социология». 2009. № 3. С. 98.
7. *Пронина Е. Е.* Психология журналистского творчества: учеб. пособие для вузов. М.: КДУ, 2006. С. 144–145.
8. *Джонсон Д.* Десять самых красивых экспериментов в истории науки: пер. с англ. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2011. 222 с. (Galileo).
9. *Фридман М.* Десять величайших открытий в истории медицины: пер. с англ. / М. Фридман, Д. Фридланд. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2012. 432 с. (Galileo).
10. *Джонсон Д.* Указ. соч. С. 82.
11. *Фридман М.* Указ. соч. С. 302.
12. *Тищенко П. Д.* Указ. соч. С. 93.
13. *Сакс Д. С.* Микробы хорошие и плохие: Наше здоровье и выживание в мире бактерий: пер. с англ. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 496 с.
14. *Крюи П. де* Охотники за микробами: пер. с англ. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 380.
15. *Дунас Д. В.* «Человек медийный» в контексте медиаантропологии // Ежегодник 2010: Экономика и менеджмент СМИ. М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 175.
16. *Каменский А. А.* Гормоны правят миром: Популярная эндокринология / А. А. Каменский, М. В. Маслова, А. В. Граф. М.: АСТ-ПРЕСС, 2010. С. 128. (Наука и мир).

17. Нагорная А. В. Метафоры тела и их роль в концептуализации болезни // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №20. С. 112.
18. Фейерабенд П. Прощай, разум: пер. с англ. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 63. (Philosophy).
19. Фролова Т. И. Здоровье, журналистика и образование: стратегия эффективности // Журналистика для здоровья нации: Информационный ресурс и человеческий потенциал. М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова: МедиаМир, 2009. С. 7.
20. Спиричев В. Б. Что могут витамины: Парадоксы правильного питания. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. С. 186. (Наука и мир).
21. Юдин Б. Г. Человеческие ориентиры науки в обществе знания // Человек в мире знания: К 80-летию В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2012. С. 287. (Humanitas).
22. Фейгин О. О. Тайны квантового мира: О парадоксальности пространства и времени. М.: АСТ-ПРЕСС, 2010. С. 31. (Наука и мир).
23. Сальникова Е. В. Феномен визуального. От древних истоков к началу XXI века. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 100–113, 164–184.
24. Дынич В. И. Формирование инновационного сознания: амбивалентный статус популяризации науки // Alma mater. 2008. №9. С. 54.
25. Бэйс С. Уравнения: символы познания: пер. с англ. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. С. 6.
26. Лекутер П., Берресон Д. Пуговицы Наполеона: Семнадцать молекул, которые изменили мир: пер. с англ. М.: Астрель: CORPUS, 2013. С. 21.
27. Годэн Б. Концептуальные основы научной, технологической и инновационной политики // Форсайт. 2010. Т. 4, № 2. С. 39.
28. Хэлперн П. Коллайдер: В поисках элементарных кирпичиков Вселенной: пер. с англ. М.: Эксмо, 2010. С. 4. (Открытия, которые потрясли мир).
29. Сакс Д. С. Указ. соч. С. 184.
30. Медведева Л. М. Номо medicus как возможный результат медиализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. №1. С. 210–211.
31. Савич Л. Е. Библиотечно-информационная деятельность в контексте формирования социального здоровья: теоретико-методологические основы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2013. С. 23.
32. Фесенкова Л. В. «Синтез» эзотерики и науки: мираж? диагноз? // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 139.

Notes

1. Obratsov P.A. *Mir, sozdannyj himikami: Ot filosofskogo kamnya do grafena* [World created by chemists: From philosopher's stone to grapheme]. Moscow. CoLibri: Azbuka-Attikus. 2011. P. 30. (Galileo).
2. Tishchenko P.D. *Na granyah zhizni i smerti: filosofskie issledovaniya osnovanij bioetiki* [On the edges of life and death: a philosophical study of the foundations of bioethics]. SPb. Миръ. 2011. P. 76.
3. Goldakr B. *Obman v nauke* [Fraud in science]: transl. from Eng. Moscow. Eksmo. 2010. P. 4. (Discoveries that shook the world).
4. Kostyashina E.A. *Funkcional'noe vzaimodejstvie nauchnogo, medicinskogo i nauchno-populyarnogo diskursov v tekstovom prostranstve nauchno populyarnogo medicinskogo zhurnala* [Functional interaction of the scientific, medical, and scientific-popular discourses in the text space of popular-scientific medical journal] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Herald of Tomsk State University*. 2008, No. 306, p. 9.
5. Kostin A.A. *Populyarnaya neftekhimiya: Tajny nashej planety* [Popular petrochemicals: Mysteries of our planet]. Moscow. Eksmo. 2012. 95 p.
6. Podvoiskiy D.G. *Gumanitarii v «negumanitarnom» mire (k polozeniyu nauk o cheloveke, kul'ture i obshchestve v sovremennoj Rossii)* [Humanitarians in "non-humanitarian" world (to the position of the human sciences, culture and society in modern Russia)] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov - Herald of the Russian University of Friendship of Peoples*. Ser. "Sociology". 2009, No. 3, p. 98.
7. Pronina E.E. *Psihologiya zhurnalistskogo tvorchestva: ucheb. posobie dlya vuzov* [Psychology of journalistic creativity: tutorial for higher schools]. Moscow. KDU. 2006. Pp. 144-145.
8. Johnson D. *Desyat' samyh krasivykh ehksperimentov v istorii nauki* [Ten most beautiful experiments in history of science]: transl. from Engl. Moscow. CoLibri: Azbuka-Attikus. 2011. 222 p. (Galileo).
9. Friedman M. *Desyat' velichajshih otkrytij v istorii mediciny* [Ten greatest discoveries in the history of medicine]: transl. from Engl. / M. Friedman, D. Friedland. M: CoLibri: Azbuka-Attikus. 2012. 432 p. (Galileo).
10. Johnson D. Op. cit. P. 82.
11. Friedman M. Op. cit. P. 302.
12. Tishchenko P. D. Op. cit. P. 93.
13. Saks D.S. *Mikroby horoshie i plohie: Nashe zdorov'e i vyzhivanie v mire bakterij* [The good and bad microbes: Our health and survival in the world of bacteria]: transl. from Engl. Moscow. AST: CORPUS. 2013. 496 p.
14. Crue P. de *Ohotniki za mikrobami* [Microbe hunters]: transl. from Engl. Moscow. Astrel: Polygraphizdat. 2012. P. 380.

15. Dunas D.V. «*Chelovek medijnyj*» v kontekste mediaantropologii ["Media man" in the context of mediaanthropology] // *Ezhegodnik 2010: EHkonomika i menedzhment SMI* - Yearbook 2010: Economics and media management of mass media. Moscow. Faculty of journalism of Moscow State University of M. V. Lomoosov: Publishing house of Moscow University. 2011. P. 175.
16. Kamensky A. A. *Gormony pravyat mirom: Populyarnaya ehndokrinologiya* [Hormones rule the world: Popular endocrinology] / A. A. Kamensky, M.V. Maslova, A.V. Graf. Moscow. AST-PRESS. 2010. P. 128. (Science and the world).
17. Nagornaya A.V. *Metafory tela i ih rol' v konceptualizacii bolezni* [Metaphors of the body and their role in the conceptualization of disease] // Herald of the Chelyabinsk State University. 2011, No. 20, p. 112.
18. Feyerabend P. *Proshchaj, razum* [Farewell, mind]: transl. from Engl. Moscow. AST: Astrel. 2010. P. 63. (Philosophy).
19. Frolova T.I. *Zdorov'e, zhurnalistika i obrazovanie: strategiya ehffektivnosti* [Health, journalism and education: a strategy of efficiency] // *ZHurnalistika dlya zdorov'ya nacii: Informacionnyj resurs i chelovecheskij potencial* - Journalism for the nation's health: an informational resource and human potential. Moscow. Faculty of journalism of Moscow State University of M.V. Lomonosov: Mediamir. 2009. P. 7.
20. Spirichev V.B. *CHto mogut vitaminy: Paradoksy pravil'nogo pitaniya* [What can vitamins: Paradoxes of proper nutrition]. Moscow. AST-PRESS. 2013. P. 186. (Science and the world).
21. Yudin B.G. *Chelovecheskie orientiry nauki v obshchestve znaniya* [Human landmarks of science in society of knowledge] // *Chelovek v mire znaniya: K 80 letiyu V. A. Lektorskogo* – Man in the world of knowledge: To the 80th anniversary of the V.A. Lektorskiy. Moscow. ROSSPEN, 2012. P. 287. (Humanitas).
22. Feigin O.O. *Tajny kvantovogo mira: O paradoksal'nosti prostranstva i vremeni* [The mysteries of the quantum world: about paradox of space and time]. Moscow. AST-PRESS. 2010. P. 31. (Science and the world).
23. Salnikova E.V. *Fenomen vizual'nogo. Ot drevnih istokov k nachalu XXI veka* [Phenomenon of the visual. From ancient origins to the beginning of the XXI century]. Moscow. Progress-Tradtsiya. 2012. Pp. 100-113, 164-184.
24. Dynich V.I. *Formirovanie innovacionnogo soznaniya: ambivalentnyj status populyarizacii nauki* [Formation of innovative consciousness: the ambivalent status of science popularization] // Alma mater. 2008, No. 9, p. 54.
25. Beis C. *Urvneniya: simvoly poznaniya* [Equations: symbols of knowledge]: transl. from Engl. Moscow. BINOM. Knowledge laboratory, 2012. P. 6.
26. Lecouter P., D. Berreson D. *Pugovicy Napoleona: Semnadcat' molekul, kotorye izmenili mir* [Buttons of Napoleon: Seventeen molecules that changed the world]: transl. from Engl. Moscow. Astrel: CORPUS. 2013. P. 21.
27. Goden B. *Konceptual'nye osnovy nauchnoj, tekhnologicheskoy i innovacionnoj politiki* [Conceptual foundations of science, technology and innovation policy] // *Forsajt - Foresight*. 2010. Vol. 4, No. 2, p. 39.
28. Halpern P. *Kollajder: V poiskah ehlementarnyh kirpichikov Vselennoj* [Collider: the search for the basic building blocks of the Universe]: transl. from Engl. Moscow. Eksmo. 2010. P. 4. (Discoveries that shook the world).
29. Saks D.S. Op. cit. P. 184.
30. Medvedeva L.M. *Homo medicus kak vozmozhnyj rezul'tat medikalizacii* [Homo medicus as a possible result of the medicalization] // *Istoricheskaya i social'no obrazovatel'naya mysl'*- Historical and social-educational thought. 2012, No. 1, pp. 210-211.
31. Savich L.E. *Bibliotechno informacionnaya deyatel'nost' v kontekste formirovaniya social'nogo zdorov'ya: teoretiko metodologicheskie osnovy: avtoref. dis. ... d ra ped. nauk* [Library and information activities in the context of the formation of social health: theoretical and methodological foundations: autoref. dis. ... Dr. Ped. Sciences]. Kazan. 2013. P. 23.
32. Fesenkova L.V. «*Sintez*» ehzoteriki i nauki: mirazh? diagnoz? ["Synthesis" of esotericism and science: mirage? diagnosis?] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* - Higher education in Russia. 2003, No. 5, p. 139.

Моделирование как метод познания ненаблюдаемых объектов

В данной статье рассмотрена проблема моделирования структуры значения ненаблюдаемых объектов с точки зрения современной науки в целом и семантики в частности. Проведен анализ существующих теорий, позволивший определить понятие «модель». Выделены существенные характеристики моделей, принципы их построения, их структурные и категориальные свойства, виды и типы моделей. В качестве основного понятия теории моделей используется аналогия, выступающая в форме изоморфизма и гомоморфизма. Предлагается разграничивать термины «языковая модель» и «лингвистическая модель». Языковая модель является естественноречевым образцом, по которому построен ряд языковых образований, а лингвистическая модель – это теоретическое построение, описывающее то или иное языковое явление, в том числе и языковую модель. Лингвистическая модель – это такая модель, которая создана в целях лингвистического исследования.

In the paper the problem of meaning modelling of nonobservable objects is discussed from the point of view of modern science and semantics. The analyses of the existing theories allowed to define the term "model". The essential characteristics of models and the principles of model construction were distinguished, the structural and category features were described, the types and categories of models were presented. The main term in the theory of models is the analogy that may have the form of isomorphism or homomorphism. The terms linguistic model and language pattern should be distinguished. Thus language pattern is a natural language pattern according to which a number of other language patterns can be created. The linguistic model is a theoretical construction describing this or that language phenomena including language pattern. The linguistic model is created specially for the needs of linguistic research.

Ключевые слова: моделирование, лингвистическая модель, языковая модель, значение, аналогия.

Keywords: modelling, language pattern, linguistic model, meaning, analogy.

Соотношение между значением языковой единицы и обозначаемым ею фрагментом действительности уже в течение многих лет привлекает внимание лингвистов, но этот вопрос вряд ли можно считать до конца решенным. Несомненно, большая часть значимых единиц языка соотносится с окружающим миром, однако вопрос о том, какая информация о нем формирует значение знака, является до сих пор дискуссионным, да и сами термины, обозначающие компоненты этой информации, тоже существенно варьируются.

Исследование плана содержания языка представляет собой крайне сложную задачу ввиду своеобразия самого объекта, не данного в непосредственном наблюдении и затрагивающего малоизученные сферы психической деятельности носителей языка. Во всех тех научных областях, где объект науки недоступен непосредственному наблюдению, возникает необходимость в моделировании. В таких случаях он обычно уподобляется некоему «черному ящику», о котором известно только, какие начальные материалы он получает «на входе» и какие конечные продукты он выдает «на выходе». Методика «черного ящика» была выдвинута как один из исследовательских приемов кибернетики, но в силу своей универсальности получила применение во всех исследованиях, связанных с невозможностью непосредственного наблюдения каких-либо процессов. Задача состоит в том, чтобы узнать содержимое «черного ящика» – тот скрытый от исследователя механизм, который осуществляет переработку исходных материалов в конечные продукты. Поскольку невозможно разобрать «черный ящик», не нарушив одновременно его функционирования, остается единственный путь к познанию объекта: на основе сопоставления исходных и конечных данных построить исходный образ объекта, то есть выдвинуть гипотезу о его возможном устройстве и реализовать ее в виде логической машины, способной перерабатывать некоторый материал точно так же, как это делает сам «черный ящик». Если логическое устройство действительно функционирует аналогичным образом, оно является аппроксимацией, или моделью объекта, и можно считать, что заложенный в него механизм во всех существенных деталях совпадает с механизмом, содержащимся в «черном ящике». Таким образом, смысл моделирования состоит в том, чтобы вместо скрытых от нас свойств объекта изучить заданные в явном виде свойства модели и распространить на объект все те законы, которые выведены для модели.

Первоначально проблема «черного ящика» возникла в электротехнике, но аналогичная ситуация имеет место во многих других областях, например в физиологии высшей нервной деятельности и атомной физике: невозможно наблюдать непосредственно ни деятельность мозга, ни процессы, протекающие в атоме. В этом отношении положение лингвиста не отличается от положения физиолога или физика: единственной реальностью, с которой лингвист непосредственно имеет дело, является текст, а интересующие его механизмы языка, лежащие в основе речевой деятельности человека, не даны ему в прямом наблюдении. Поэтому и в лингвистике одним из основных средств познания объекта является построение моделей.

Сегодня метод моделирования обладает мощной эвристической, гносеологической и онтологической силой: «...современная наука обладает мощным орудием познания сложных явлений реальной действительности – методом моделирования» [1], поскольку моделирование выступает и как метод представления и изучения объекта, явления или процесса и одновременно как метод верификации.

Идею «модели» (фр. *modele* < ит. *modello* < лат. *modulus* – «мера, образ, способ») и «моделирования» использовали ещё Демокрит, Эпикур, Леонардо да Винчи. Широкое внедрение этой идеи в науку, начавшееся в конце XIX в., было актуализировано в начале XXI в. Латинское слово «модель» в первоначальном значении было связано со строительным искусством и почти во всех европейских языках употреблялось для обозначения образа или вещи, сходной в каком-либо отношении с другой вещью. Рассматривая историю возникновения термина «модель», А. Ф. Лосев указывает, что впервые он появляется в работах математиков конца XIX в. Е. Бельтрами и Ф. Клайна в геометрии, а затем в работах философов Г. Фреге и Б. Рассела, посвященных проблемам математической логики. В 1944 г. термин появляется в работе американского лингвиста З. Харриса, который с его помощью описывает специфику методологии Э. Сепира, а к 60-м гг. XX в. этот термин насчитывает свыше 30 значений только в лингвистике.

Термин «модель» употребляется в лингвистике весьма часто, однако при этом в него вкладывается разное содержание. В лингвистике наиболее общепринято следующее его толкование: «абстрактное понятие эталона или образца какой-либо системы (фонологической, грамматической и т. п.), представление самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания системы языка или какой-либо его подсистемы» [2], «схема или образец какой-либо единицы, показывающая последовательное расположение составляющих ее частей» [3]. При описании наивной картины мира лингвисты понимают под «моделью» часть, фрагмент языковой картины мира, отраженной с помощью языковых средств [4], способ представления категории в языке [5]. В ряде источников «модель» понимается как «интерпретация фрагмента действительности, содержащаяся в семантике слов» [6], не результат, а средство познания, «когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [7]. В. А. Штофф понимал под «моделью» «такую мысленно представимую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение дает новую информацию об этом объекте» [8]. И. Б. Новик определил моделирование как метод «опосредованного... оперирования объектом, при котором используется некоторый вспомогательный квазиобъект (модель), находящийся в некотором объективном соответствии с познаваемым объектом» [9]. По мнению К. Берки и П. Новака, «некоторую систему S1 считают моделью объекта S2, если S2 можно гомоморфно отобразить на S1, причем модель считается тем более адекватной, чем ближе гомоморфное соответствие к изоморфному» [10]. Ю. В. Орфеев и В. С. Тюхтин в качестве главной характеристики модели называют «сходство (или аналогию) между системой, принятой в качестве модели, и её оригиналом» [11]. А. Ф. Лосев определил модель как «структуру, перенесенную с одного субстрата на другой и воплощенную в нем реально-жизненно и технически точно» [12]. Я. Г. Неуймин предлагает структуру обобщенной научной модели: «Модель представляет собой “четырёхместную” конструкцию, компонентами которой являются субъект, задача, решаемая субъектом, объект-оригинал и язык описания или способ материального воспроизведения модели <...> Особую роль в структуре обобщенной модели играет решаемая субъектом задача: она играет роль главного системообразующего фактора при интеграции свойств в единый интегральный образ как некоторую целостность, как систему» [13]. Из этого основополагающего определения структурной модели вытекают следующие свойства:

– каждому объекту-оригиналу может соответствовать множество моделей, связанных с определёнными задачами (при этом реализация задачи также предполагает вариативность), потому модель всегда лишь приблизительно соответствует оригиналу;

– модель/моделирование обязательно предполагает наличие активного субъекта-творца, воспроизводящего в своём творении черты реальности, существующей или потенциальной, гипотетической;

– итогом рассуждений (интерпретаций) исследователя становится вывод о том, что «исторически сложившиеся научные понятия, непосредственно или опосредованно связанные с объективной реальностью, – законы, теории, научные картины мира – суть модельные конструкты. Все наши научные представления о мире природы, общества и техники, наши знания о самих себе, о мышлении и его закономерностях носят модельный характер» [14].

Сущностными свойствами моделей при этом являются следующие:

1. Субъективность модели, так как именно исследователь проводит отбор свойств, в которых она соответствует оригиналу.

2. Двойственная природа модели. В процессе познания модель сама замещает объект, сохраняя при этом некоторые важные для исследователя черты, и сама становится объектом непосредственного исследования. Таким образом, модель – одновременно и объект исследования, и средство познания.

3. Трансформируемость модели. С моделью можно сделать то, что с оригиналом сделать нельзя. Возможность преобразований – самая фундаментальная, самая информативная сторона метода моделирования, поэтому модель применяется для исследования объектов, оперирование с которыми затруднено или вовсе невозможно по этическим или организационным причинам.

4. Компактность модели. Модели воспроизводят объект исследования в упрощенной форме, поэтому модель всегда компактнее оригинала. Для более разностороннего охвата реальности требуется множество моделей или комплексные, многоуровневые модели.

5. Специфическая информативность моделей как средства познания. Модель всегда выступает в абстрактной форме, поэтому всегда можно выделить такие свойства, которые не представлены в оригинале модели [15].

Из приведенных и многих других подобных определений и описаний можно выделить следующие существенные категориальные признаки модели:

1) Модель есть заменитель объекта исследования, «квазиобъект», созданный в целях изучения объекта.

2) Модель способна давать информацию об объекте.

3) Модель находится в отношении аналогии со своим объектом.

4) Модель, в отличие от копии объекта, воспроизводит объект неполно и односторонне – в каком-либо его аспекте (аспектах).

5) Модель обладает свойством компактности и наглядности, позволяет «схватывать» объект (или его аспект) единым мысленным взором.

Как отметил В. А. Штофф, отличие модели от теории состоит в способе отражения объекта: «В то время как содержание теории выражается в виде совокупности суждений, связанных между собой законами логики и специальными научными законами... в модели это же содержание представлено в виде некоторых типичных ситуаций, структур, схем, совокупностей идеализированных (т. е. упрощенных) объектов и т. п., в которых выполняются сформулированные в теории законы, но, так сказать, “в чистом виде”. Поэтому модель – всегда некоторое конкретное построение, в той или иной форме или степени наглядное, конечное и доступное для обозрения или практического действия» [16].

По способу построения модели подразделяются на материальные и идеальные. Материальное (субстанциональное) моделирование основывается на материальной аналогии объекта и его модели. Для построения данного типа моделей выделяются функциональные характеристики (геометрические, физические) исследуемого объекта (например, социально-психологические эксперименты).

Большой класс моделей представляют идеальные модели, которые основаны на мыслимой аналогии. Идеальные модели представляют собой мысленные образования, некоторые теоретические схемы, образы оригинала, не обязательно предназначенные для воспроизведения в физическом материале. Объективация таких мысленных построений в виде текстов, рисунков, графиков и т. п. не превращает их в материальные, так как эти модели работают лишь в сознании человека, а письменные тексты, графики и т. п. – это всего лишь эксплицитное знаковое выражение мыслительных процессов.

Идеальное моделирование в свою очередь подразделяется на знаковое (формализованное) и интуитивное моделирование. Интуитивное моделирование используется тогда, когда процесс познания только начинается или системные взаимосвязи очень сложные. Например, жизненный опыт человека может представлять собой интуитивную модель межличностных отношений. Моделями знакового моделирования являются языковые модели, схемы, графики, чертежи, формулы. Важнейшим видом знакового моделирования является математическое и компьютерное моделирование.

Математическая модель представляет собой абстрактную систему, состоящую из набора математических объектов [17]. Они в свою очередь бывают двух типов: модели описания (имитационные) и модели объяснения. Для модели описания характерно то, что в них соответствие между формальной и физической структурой не обусловлено какой-либо закономерностью и носит характер единичного факта. Глубина восполнения модели описания решается всегда эмпирически [18]. Модель описания представляет собой качественно иной вид познавательных моделей, в которых структура объекта находит себе соответствие в математическом образе в силу внутренней необходимости, и обладает способностью объяснения.

Компьютерные модели основываются на программировании с использованием не уравнений, как в математических моделях, а алгоритмов – строго сформулированных последовательных инструкций. Эти модели особенно эффективны при изучении ситуаций, сопряженных с обработкой большого количества информации. Очень часто применяется такая форма компьютерной модели как экспертная система, в которой используется большое количество установок типа: «если... то» [19].

Идеальные модели, как правило, подразделяются на образные, т. е. построенные в основном из чувственно-наглядных элементов и реализуемые в виде чертежей, схем, рисунков, и знаковые, в которых связь знаков и их значений носит произвольный характер. Существуют и смешанные модели, называемые образно-знаковыми.

По мнению В. М. Савицкого, такое терминологическое противопоставление образности и знаковости не вполне корректно, так как «образы тоже суть знаки. Речь идет об образности не в гносеологическом, а в семиологическом смысле. Чертежи, графики, схемы, как правило, выполняются из элементов изобразительных знаковых систем. Правильнее было бы говорить об иконических и не иконических моделях» [20].

По характеру воспроизводимых сторон оригинала модели подразделяются на субстанциональные (сходные с оригиналом по материалу, субстрату, элементам системы), структурные (воспроизводящие структуру оригинала в главных чертах) и функциональные (сходные с оригиналом по характеру поведения системы в среде).

Одним из важнейших понятий теории моделей является аналогия, определяемая как «сходство отношений между двумя предметами, то есть... сходство, которое основывается не на отдельных свойствах или частях этих предметов, а на взаимном отношении между свойствами или частями» [21]. Для метода моделирования аналогия правомерна и важна, поскольку именно аналогичные отношения устанавливают границы метода моделирования: поскольку модель как средство познания основана на аналогии (метафорической, графической, системной, когнитивной), то она утрачивает свой смысл в случае тождества модели и прототипа, с одной стороны, а также в случае большого различия между объектом-оригиналом и его моделью, с другой стороны.

Аналогия выступает в форме изоморфизма или гомоморфизма. Изоморфизм – это взаимно-однозначное соответствие между структурными элементами оригинала и модели, гомоморфизм же представляет собой менее точное, приблизительное соответствие между ними. Гомоморфизм – более общее и более слабое отношение между моделью и ее прототипом, когда не выполняется одно из трёх условий: соответствие элементов; соответствие функций; взаимно-однозначное соответствие свойств и отношений. И наоборот, отношения между моделью и ее прототипом изоморфны, если все эти три условия соблюдаются. Изоморфизм можно рассматривать как предельный, крайний случай гомоморфизма [22]. Исходя из этого, модель представляет собой изоморфный или гомоморфный образ исследуемого объекта.

Понятие аналогии особенно важно в тех случаях, когда оригинал и модель обладают разной онтологической природой, например фрагмент внеязыковой действительности и его языковая модель.

Идеальная модель является такой синтетической формой, которая выступает как промежуточное звено между чувственностью и мышлением, между наглядным восприятием и представлением явлений и не наглядным отображением их сущностей [23] в суждениях и теориях.

Как отметила Э. Стюарт, модель есть шаг на пути к теории, который способен во многом определять характер самой теории. Модель может указывать возможные пути развития теории и дополнительные области ее применения [24].

Как можно убедиться на основе всего сказанного выше, термин «моделирование» в отношении языковых единиц употребляется в трех смыслах: 1) специфическое отображение действительности языковыми единицами; 2) строение и построение языковых единиц по определенным образцам, эталонам; 3) научное описание строения, образования и функционирования языковых единиц в соответствии с изложенными выше методологическими принципами. Первый смысл отражает связь языкового знака и его денотата, второй – типовую связь знака и его значения,

третий – связь знака как объекта исследования и метаязыка его описания. Все три смысла взаимосвязаны, но их следует четко разграничивать, чтобы избежать смешения понятий, относящихся к объектному уровню и метауровню.

В английском языке существуют термины *language pattern* и *linguistic model*, позволяющие провести такое разграничение. Аналогичным образом, мы различаем термины *языковая модель* (естественноязыковой образец, по которому построен ряд языковых образований) и *лингвистическая модель* (теоретическое построение, описывающее то или иное языковое явление, в том числе и языковую модель). А. Ф. Лосев [25] справедливо отметил, что среди значений слова *модель* встречаются противоположные друг другу: модель как «слепок», вторичный по отношению к оригиналу (например, модель атома), и модель как оригинал (например, модель в изобразительном искусстве, натурщик), первичный по отношению к «слепкам» с него.

По мнению В. М. Савицкого [26], здесь нет противоречия. Дело в том, что аналогия симметрична: при гомоморфном отношении двух множеств каждое из них является моделью другого. Речь идет о разных функциях модели. Будучи создана как реконструкция оригинала, она затем сама может послужить оригиналом или шаблоном для конструирования аналогичных объектов. Лингвистические модели, созданные как «слепки» с языковых моделей, могут затем послужить шаблонами, позволяющими в той или иной мере копировать и прогнозировать работу языковых моделей. Те лингвистические модели, которые отражают функционирование и строение языковых моделей, являются, по существу, метамоделями, или моделями моделей (*models of patterns*).

Остановимся вкратце на общих принципах построения лингвистических моделей. Ю. Д. Апресян выделил следующие важные свойства лингвистической модели: 1) Моделировать можно только такие явления, существенные свойства которых исчерпываются их структурными (функциональными) характеристиками и никак не связаны с их физической природой; 2) Модель всегда является некоторой идеализацией объекта; 3) Модель оперирует не понятиями о реальных объектах, а конструктами, т. е. понятиями об идеальных объектах, не выводимыми непосредственно и однозначно из опытных данных, но построенными «свободно» на основании некоторых общих гипотез, подсказанных совокупностью наблюдений и исследовательской интуицией; 4) Всякая модель должна быть формальной т. е. в ней в явном виде и однозначно должны быть заданы исходные объекты, связывающие их утверждения и правила обращения с ними; 5) Всякая модель должна обладать свойством экспланаторности, или объяснительной силы [27].

Как отметил В. М. Савицкий [28], лингвистическая модель представляет собой идеальную структурную и/или функциональную модель. Она может совмещать в себе черты образной модели, если она включает изобразительные средства (графики, чертежи, схемы и т. д.), и необразной модели, если она содержит неизобразительные средства описания.

Используя термин *лингвистическая модель*, П. Н. Денисов отнес определение *лингвистическая* не к объекту, а к инструменту исследования. «Лингвистическим моделированием, – отметил он, – мы называем создание всякого рода вспомогательных искусственных языков» [29]. Согласно такой трактовке, подобного рода модель не обязательно отражает явления естественного языка. Однако такая трактовка может ввести в заблуждение, поскольку искусственные языки могут не иметь никакого отношения к лингвистике, и тогда непонятно, почему они называются лингвистическими. По нашему мнению, модели, которые имел в виду П. Н. Денисов, следует называть семиотическими. Лингвистическая же модель – это такая модель, которая создана в целях лингвистического исследования. В то же время лингвистическая модель может быть направлена не только на собственно лингвистический объект, но и на связанный с ним объект, изучение которого помогает уяснить сущность лингвистического объекта. Модель, объединяющая в себе лингвистические и логические категории, называется логико-лингвистической.

Таким образом, моделирование является эффективным методом познания и осмысления человеком окружающего мира и самого себя в ходе культурно-исторического развития. Названный метод применяется в русле научного, художественного и житейского практического мышления. Результаты его использования зафиксированы в теоретических и прикладных научных моделях, художественных текстах, в системе языка.

Примечания

1. Ревзин И. И. Модели языка. М.: Наука, 1962. С. 8.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под общ. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. С. 182.
4. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 272–298.

5. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. 465 с.
6. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1995. С. 13.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 53.
8. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966. С. 19.
9. Новик И. Б. Гносеологическая характеристика кибернетических моделей // Вопросы философии. 1963. № 8. С. 92.
10. Штофф В. А. Указ. соч. С. 24.
11. Орфеев Ю. В., Тюхтин В. С. Мышление человека и «искусственный интеллект». М.: Мысль, 1978. С. 33.
12. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 28.
13. Неуймин Я. Г. Модели в науке и технике: история, теория и практика. Л.: Наука, 1984. С. 45.
14. Там же. С. 49.
15. Минаева Л. В. Речевая коммуникация в политике. М.: Флинта; Наука, 2007. С. 68.
16. Штофф В. А. Указ. соч. С. 15.
17. Лебедев С. А. Философия науки. М.: Академический Проект, 2007. С. 249.
18. Там же. С. 252.
19. Минаева Л. В. Указ. соч. С. 79.
20. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. 172 с.
21. Штофф В. А. Указ. соч. С. 138.
22. Там же.
23. Там же. С. 291.
24. Stewart A. H. Graphic Representation of Models in Linguistic Theory. Bloomington and London: Indiana Univ. Press, 1976. P. 82.
25. Лосев А. Ф. Указ. соч.
26. Савицкий В. М. Указ. соч.
27. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966. 302 с.
28. Савицкий В. М. Указ. соч.
29. Денисов П. Н. Принципы моделирования языка. М.: МГУ, 1965. С. 5.

Notes

1. Revzin I.I. *Modeli yazyka* [Language Models]. Moscow. Nauka, 1962. P. 8.
2. *Bolshoy entciklopedicheskiy slovar. Yazykoznanie* - Great encyclopedic dictionary. Linguistics. Moscow. Bolshaya Rossiyskaya entciclopediya. 1998. 685 p.
3. Rozental D.A., Telenkova M.A. *Slovar' spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Glossary of linguistic terms]. Moscow. Prosvescheni., 1976. P.182.
4. Apresyan Yu.D. *Deixis v leksike i grammatike i naivnaya model mira* [Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world]. // *Semantika i informatika* - Semantics and computer science, is. 35. Moscow. 1997. Pp. 272-298.
5. *Logicheskii analiz yazyka* - Logical analysis of language. Language and time. Yazyk i vremiya. Moscow. Indrik. 1997. 465 pp.
6. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartihey mira (modely prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian linguistic picture of the world (the model space, time and perception)]. Moscow. Gnosis. 1995. P.13.
7. Kubryakova E. S., Demiankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms] / under the General editorship of E. C. Kubratovo Moscow. Philol. Faculty MSU. 1997. P.53.
8. Shtoff V. A. *Modelirovaniye i filosofiya* [Modeling and philosophy] Moscow-Leningrad. Nauka. 1966. P.19.
9. Novik I. B. *Gnoseologicheskaya harakteristika kiberneticheskikh modeley* [The epistemological characteristics of cybernetic models] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. № 8, 1963, p. 92.
10. Shtoff V. A. Op.cit. P. 24.
11. Orfeev Yu. V., Tyuhtin V. S. *Myshliniye cheloveka i «iskusstvennyi intellekt»* [Person's thinking and "artificial intelligence"]. Moscow. Mysl'. 1978. P.33.
12. Losev A. F. *Vvedeniye v obschuyu teoriyu yazykovykh modeley* [Introduction to a General theory of language models]. Ed. 2. Moscow. Editorial URSS. 2004. P. 28.
13. Neuymin Ya. G. *Modeli v nauke i tehnikе: istoriya, teoriya i praktika* [Models in science and engineering: history, theory and practice]. Leningrad. Nauka, 1984. P. 45.
14. Ibid. P. 49.

15. Minaeva L. V. *Rechevaya kommunikatsiya v politike* [Speech communication in politics]. Moscow. Flinta; Nauka. 2007. P.68.
16. Shtoff V. A. Op.cit. P. 15.
17. Lebedev S. A. *Philosophiya nauki* [The philosophy of science]. Moscow. Akademicheskij Proekt. 2007. P. 249.
18. Ibid. P. 252.
19. Minaeva L. V. Op.cit. P. 79.
20. Savitskiy V. M. *Angliyskaya phrazeologiya: problemy modelirovaniya* [English phraseology: problems of modeling]. Samara. Samarskiy universitet, 1993. 172 pp.
21. Shtoff V. A. Op.cit. P. 138.
22. Ibid. P.
23. Ibid. P. 291.
24. Stewart A. H. *Graphic Representation of Models in Linguistic Theory*. Bloomington and London: Indiana Univ. Press, 1976. P. 82.
25. Losev A. F. Op.cit.
26. Savitskiy V. M. Op.cit.
27. Apresiyanyu. D. *Idei i metody sovremennoy strukturnoy lingvistiki* [Ideas and techniques of modern structural linguistics (brief article)]. Moscow. Prosvescheniye. 1966. 302 pp.
28. Savitskiy V. M. Op.cit.
29. Denisov P. N. *Printsipy modelirovaniya yazyka* [Principles of modeling language]. Moscow. MSU. 1965. P. 5.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37(091)(470.342)

Е. О. Галицких

Школа жизни: научно-педагогическое наследие Александра Георгиевича Балыбердина

До последнего часа
Обращённым к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

М. Цветаева

В статье раскрываются основные этапы жизненного пути и научной биографии декана, проректора ВятГГУ, профессора Александра Георгиевича Балыбердина. Доказывается актуальность результатов его научно-педагогического наследия, методических идей и традиций преподавания. В статье сделан анализ его опубликованных исследований; его «уроки жизни» отражены в воспоминаниях выпускников университета и коллег.

The article shows the main stages of life and science biography of the head of VSHU, professor Alexander (Georgievitch) Balyberdin. It demonstrates topicality of the results of his sciential and pedagogical legacy, technic ideas and traditions of teaching. In this article there is an analysis of his published researches; his "life lessons" are shown in the memorials of graduates and his colleagues.

Ключевые слова: биография ученого, педагогическое мастерство, научно-педагогическое наследие, методические идеи, традиции преподавания, подготовка учителя.

Keywords: biography of scientist, pedagogical excellence, sciential and pedagogical legacy, technic ideas, traditions of teaching, teacher training.

Столетний юбилей Вятского государственного гуманитарного университета дал возможность не только изучать этапы его становления, строить перспективы развития, но и с позиции исторической памяти посмотреть на его традиции, перечитать и обдумать научное наследие ученых, которые создавали славу педагогической науки Вятского края. В этой истории Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина – только одна из страниц его развития. Биография Александра Георгиевича Балыбердина (1925–2010), весь его жизненный путь, в котором личная судьба и трудовая деятельность неразрывно связаны, занимает особое место и играет роль авторитетной, образцовой школы жизни, достойной почтения и благодарной памяти. «Биография как научная проблема» [1] в потоке истории может рассматриваться в разных аспектах. Как содержательна жизнь человека, если в ней сочетаются история, судьба, воля и случай! И как много в ней смыслов, если в течение жизни человек выстраивал, «наживал» не только добро, но и жизненный опыт, хранил в своей памяти судьбоносные события, впечатления, воспоминания, встречи. А если еще за его плечами годы творческого труда и ощущение бега времени, книги и научные идеи, то в этом случае можно обращаться к изучению научно-педагогического наследия. Именно такой ученый, педагог и гражданин будет в центре внимания исследователей – студентов, преподавателей, выпускников.

Не только музейные материалы, книги, уроки учителей-словесников сохранили результаты методического наследия А. Г. Балыбердина, но и вехи развития филологического факультета неразрывно соединены с его «трудами и днями». С именем профессора Александра Георгиевича Балыбердина связана целая эпоха в развитии нашего университета, а страницы его биографии можно сравнить с учебником о профессиональной карьере педагога. Корни этой биографии уходят в глубинку Кировской области, он родился 20 ноября 1925 г. в дереве Скуратово Кикнурского

района Кировской области в дружной трудовой русской семье. Учился в школе, рос и мужал вместе со всей страной, со своими сверстниками. Впервые я его увидела еще в детстве в доме своего отца, директора сельской школы. Мне, школьнице, он показался сказочным богатырем, красивым, сильным, большим человеком. Именно в детстве его сердце откликнулось на доброту сельчан, на учительскую заботу, на неброскую красоту родных просторов, зеленых лугов и грибных перелесков, на дурмящий запах деревенской речки, на чистую светлую печаль своей малой родины. Интерес к истории, литературе, языку своего отечества и привели его в профессию.

Александр Георгиевич принадлежит к тому славному поколению, которое прошло испытание войной. В 1943 г. восемнадцатилетний юноша уходит на фронт, а в 1946 г. становится студентом литфака Кировского педагогического института. В замечательной плеяде студентов-филологов, бывших фронтовиков, однокурсников Александра Георгиевича было немало ярких, талантливых, пришедших на факультет по истинному призванию. В этой среде природное дарование Александра Георгиевича, его увлеченность литературой, его способность к самостоятельному научному исследованию и педагогический талант определились ясно и четко.

Одиннадцать лет после окончания института А. Г. Балыбердин работает учителем русского языка и литературы средней школы № 3 г. Котельнича. Здесь, в Котельниче, он и встретит свою невесту, в летние каникулы в пионерском лагере произойдет знакомство двух молодых людей, любовь к художественному слову, любовь к школе и своей профессии станут основой большой дружбы и крепкого нежного семейного счастья. Римма Ивановна и Александр Георгиевич проживут вместе 49 лет в любви и согласии, как в счастливых романах, у них вырастут сыновья и внуки. И всегда их дом будет полон друзей: педагогов, художников, писателей. Людей творческих и ярких, служивших просвещению и культуре своего родного края словом и делом. Вся его семья проникнута любовью к науке, к школе, к учительской профессии, к родному институту.

С 1961 г. начинается его семейная жизнь и преподавательская деятельность на кафедре литературы КГПИ им. В. И. Ленина. Здесь он защищает свою кандидатскую диссертацию, получает ученую степень кандидата педагогических наук, ученое звание доцента. С 1969 по 1978 г. Александр Георгиевич – декан историко-филологического, а затем филологического факультета. Огромное уважение и любовь студентов и преподавателей снискал он на этом нелегком посту, помогая каждому, чувствуя и понимая радости и беды студентов и коллег, радуясь их успехам. Именно на посту декана раскрылись способности А. Г. Балыбердина как руководителя, проявилось его умение уважать и вдохновлять студентов на общее дело – на учебу, на помощь селу, на научную деятельность, на творчество.

Призванием Александра Георгиевича стала управленческая, научная и преподавательская деятельность в университете. Его настоящее педагогическое мастерство отличалось благородством, искренностью, уважением к личности каждого студента. Им руководило стремление вдохновить студентов научным творчеством, увлечь чтением русской классики. Он считал, что каждый день студента должен быть насыщен интересом к новым авторам, открытием новых книг. «Введение в литературоведение» на его лекциях становилось введением в мир поэзии и прозы, он открывал «тайны ремесла» и законы писательского труда своим студентам так интересно и увлеченно, что становился сразу авторитетным Ученым. Его лекции были насыщены примерами с современных уроков, яркими цитатами, постоянно он заставлял нас слушать «гул эпохи», его идеи были устремлены в будущее нашей профессиональной учительской судьбы. Удостоенный высокого звания профессора, он завораживает студентов глубиной мысли, тонкостью литературоведческого анализа, простотой и изяществом изложения. Выпускники факультета вспоминают его лекции как образец подлинного профессионального и педагогического мастерства. Жизнь ученого – в его книгах, в его учениках, в единомышленниках, сохраняющих традиции увлеченности наукой и педагогическим творчеством.

Выпускник историко-филологического факультета Кировского государственного педагогического института, учитель литературы, преподаватель родного вуза, декан факультета русского языка и литературы, 18 лет проректор по науке ВятГГУ, профессор кафедры литературы XX века – вот настоящая школа жизни гражданского служения своей родине, образованию, просвещению учительства. Он так о себе и говорил: «Я называю себя педагогом, потому что это дело моей жизни!».

Посмотрим на уроки его жизни, на результаты его педагогической деятельности с позиции педагогического мастерства, из настоящего времени и охарактеризуем его дар учить и учиться с помощью анализа его составляющих.

У Александра Георгиевича было много талантов. Первый заключался в умении понимать и уважать людей: детей, студентов, коллег. Вот этот внимательный ИНТЕРЕС к человеку, собеседнику, личности, индивидуальности отличает талант педагога как творца «человеческого в человеке». Когда он был деканом, на факультете пели песню:

На свете лучше факультета нет, ребята,
Ведь нас Балыбердин, Балыбердин ведет.
При встрече с нашим деканатом,
Душа поет, душа поет, душа поет.

Десять лет он служил факультету, который стал центром гуманитарного образования в области. У него был безупречный авторитет руководителя, если Александр Георгиевич просил выйти на уборку снега, первомайскую демонстрацию, посевную или на строительство нового корпуса института, то мы вздыхали, но шли, потому что нельзя было декана подводить. Но уж если студент в беде, то за помощью можно к нему прийти как к отцу родному. Уважали, любили, дорожили его мнением и отношением. А какой талант общения: и рассказчик отличный, и застольная беседа с куражом, и умение пошутить, и песню спеть. И коллеги-профессора знают, что самый искренний и мудрый совет даст проректор по науке. Интеллигентен, умен, корректен, сдержан и доброжелателен одновременно. Хорошо, что эту традицию продолжает Валерий Теодорович Юнгблюд, который умеет держать руку «на пульсе времени», откликаться на все научные инициативы факультетов и видеть перспективные пути развития науки.

Второй талант Александра Георгиевича раскрылся в его филологическом мышлении, в его книгах по методике преподавания литературы, в его воспоминаниях о своих друзьях педагогах-филологах: В. И. Сорокине, В. И. Троицком, В. П. Путинцеве, Ю. М. Головнине, Ю. В. Солоницыне. У каждого из них своя судьба, но встречи с ними хранит память Александра Георгиевича, он говорит, что у каждого из них была своя «линия жизни», свои принципы, свои убеждения. Книги Александра Георгиевича об изучении теории литературы в школе являются любимыми методическими пособиями учителей литературы, потому что они написаны ученым, знающим школу и литературу.

Третий талант – это мастерство лектора, преподавателя, который как истинный профессор учил общему взгляду на жизнь. Писатель В. Дудинцев доказывал, что «профессор должен быть шире своей специальности. Он должен быть философом по складу ума, гуманным человеком, нравственным человеком, завораживающим своей нравственностью». Именно таким профессором стал А. Г. Балыбердин. Его величавость, осанистость сочетались с простотой, серьезность – с чувством юмора, научный кругозор – со знанием жизни, опытом преподавания. Его внимание к «другому человеку» было школой воспитания педагогической направленности личности, он умел вовремя посоветовать, защитить от ошибок, поддержать в минуту испытаний. На моем юбилее он сказал, как «трудно и важно помнить свою ответственность за развитие кафедры, потому что быть первым доктором наук всегда труднее. Будут другие докторские защиты, но уже в другое время».

Четвертый талант этого неисчерпаемого человека – открытость новому, он повторял пушкинские слова: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» Александр Георгиевич с восхищением рассказывал о своих внуках, о своих детях, об успехах своих выпускников, о научных достижениях коллег, о развитии университета. Интерес к жизни, способность черпать из нее силы, сорадоваться, «перепечалить» проблемы, пережить горе и продолжать верить, надеяться и любить отличают «поколение ветеранов». О таких людях говорят, что они «соль земли», ее опора, учителя жизни.

Вот как вспоминает свои студенческие годы выпускница факультета, филолог и психолог Ольга Соболева (Веретенникова):

«В профессию входят по-разному. Считаю, повезло тому, у кого были хорошие учителя. Наставники. Те, которые наставляли тебя на путь истинный и были тебе примером. Мне повезло. У меня такой путеводной звездой стал Александр Георгиевич Балыбердин. До сих пор не проходит ощущение, что даже сам факт его существования, его внутренняя культура, внешний лоск и всегдашнее обаяние уже приобщали нас, его учеников, к выбранной профессии».

Первый раз я увидела Александра Георгиевича на конференции, которая проходила в библиотеке пединститута, где мне довелось работать до поступления на филфак. В гости к студентам и преподавателям Кировского вуза приехали известные советские писатели, литературные критики, сотрудники художественных журналов. В памяти сохранилась атмосфера встречи, где все выступающие блистали талантами. А представлял их молодой ученый, декан филологического факультета А. Г. Балыбердин. Больше всего радовало, что разговор шёл на равных. Вторая встреча произошла, когда нас отправляли «на картошку». Так называлась тогда помощь селу в уборке урожая. Александр Георгиевич поздравил нас с поступлением в институт и, провожая на полевые работы, сказал напутственные слова, пожелал скорейшего возвращения в родные Пенаты. Месяц пролетел, как один день, и мы начали учиться на I курсе.

Хотелось не просто учиться, а быть первой, лучшей. Старалась успевать везде: в учёбе, в общественной жизни, в спорте, в занятии театром, в литературе (я тогда занималась в клубе «Молодость» при газете «Комсомольское племя»). Не ошибусь, если скажу, что быть лучшим старался

каждый на нашем факультете. Дело в том, что тогда очень ценилось образование. Не просто наличие диплома, а именно суть образования: знать и уметь всё то, чему учат и даже немного больше. Девизом были слова из популярного тогда стихотворения Р. Рождественского: «Стыдно не быть великим, каждый им должен быть!» Наш декан поощрял нас, подогревал дух соревнования, состязания. Как-то так получилось, что почти с первой встречи он запомнил каждого из нас. Звал просто по имени, а иногда ласково называл своих студентов Оленьками, Люсеньками, Леночками. Юношей – строго по имени, иногда добавляя отчество. И мы прекрасно понимали, что в таком обращении есть и отцовская простота, и ласка, и гордость, и строгость. Поэтому старались соответствовать его отеческим ожиданиям и надеждам. Мы тоже гордились своим деканом. Умный, чуткий, по-настоящему интеллигентный и обаятельный, он пользовался нашим полным доверием и был любим и уважаем всеми.

К нему в любое время мог прийти каждый студент-филфаковец. Потому что все знали: Александр Георгиевич и выслушает, и поможет. Никогда не выносилось за порог деканата то, что говорилось в кабинете: Балыбердин был исключительно деликатный человек.

Огромным счастьем и наслаждением было учиться у Александра Георгиевича. Конечно, в первую очередь мы оценили Балыбердина как неподражаемого лектора, цитирующего по памяти огромные прозаические и поэтические отрывки. Чуть позднее почувствовали, что представляет из себя практическое занятие или семинар у Александра Георгиевича. Он учил нас свободе. Сам внутренне свободный (в советские, партийные времена!), он пытался и нас научить если не свободе, то хотя бы смелости в суждениях. При этом ценил начитанность, грамотность, общую культуру студента. Радовался, когда начинал читать поэтическую строчку, а кто-нибудь из нас её продолжал и дочитывал всю строфу. Одобрительно кивал, когда поднимался лес рук, если он спрашивал, кто прочитал то-то и то-то. Престижным считалось много читать и иметь собственное суждение о прочитанном. На занятиях у Балыбердина принято было дискутировать как между собой, так и с преподавателем. Самым ценным было то, что Александр Георгиевич нас не перебивал, выслушивал каждого, даже если сам был не согласен с мнением выступающего. Именно на его занятиях мы говорили о произведениях запрещённых тогда Булгакова и Солженицына. Он по-человечески принимал нашу юношескую горячность и жажду справедливости.

Он любил студентов, которые отличались трудолюбием и талантом. Все мы знали: превыше всего он ценит труд, умение добиваться успеха именно своими силами. Каждый надеялся, что и он может добиться похвалы декана. Фактически так и происходило, потому что ленивых было мало, а бесталанных не было вовсе. Кто блистал в науках, кто в искусствах, кто в спорте, кто в трудовых делах, кто в общественной работе... Уже будучи педагогом сама, я тоже старалась и стараюсь до сих пор в каждом своём студенте найти искру Божию. Такой заряд дал мне в студенческие годы мой любимый декан».

Но не только выпускники и коллеги могут рассказать о традициях преподавания на факультете и особой роли декана, а затем проректора педагогического университета А. Г. Балыбердина, но и результаты его научной деятельности.

Судьба ученого имеет важный итог – это книги. Они продолжают «работать», помогают словесникам-педагогам постигать мастерство урока и анализа художественного текста.

Главный его вклад в развитие «теории словесности как науки» (В. П. Острогорский) был сделан в книге «Формирование теоретико-литературных понятий в школе» (IV–VII классы), изданной в 1974 г. в Кирове [2] она переиздавалась в 1981 г. в Куйбышеве [3]. Его опыт формирования литературоведческих понятий в школе остается актуальным даже в условиях нового ФГОСа. Методические идеи этого исследования прошли испытание временем, потому что автор стоит на гуманистической позиции развития творческих возможностей ученика, его интеллектуального и эмоционального роста. Формирование литературоведческих понятий раскрывается в живом общении ученика с текстом художественного произведения, автор помогает ему размышлять, стать думающим читателем, который понимает специфику литературного труда писателя. Ученый подчеркивает, что ученик погружается в художественное произведение и воспринимает его как «органическое целое» (с. 165), а не как пространство для «анатомии текста». И лишь пережив магию звучания художественного произведения и поняв художественный замысел, может приступить к поиску ответа на вопрос: «Как это сделано?» А. Г. Балыбердин приводит пример из воспоминаний А. Твардовского о том огромном впечатлении, оставшемся на всю жизнь, которое произвела на него сельская учительница чтением повести Гоголя «Ночь перед рождеством» (с. 25). А. Г. Балыбердин показывает, как научить школьников «соревноваться» с писателем, как вслушиваться в каждое слово художественного текста, как разгадывать тропы, как стать квалифицированным читателем, как увлекать книгой и «постигать» стиль автора. В современной ситуации при обсуждении концепции филологического образования неоднократно подчеркивалось, что

утрата традиции чтения на уроке разрушает познавательный интерес к литературе как учебному предмету.

Важно отметить, что урок неразрывно связан с внеклассной литературно-творческой работой учащихся как «формой приложения знаний на практике». Книги А. Г. Балыбердина «Внеклассная литературно-творческая работа учащихся» [4], «Уроки по изучению теории литературы в школе» [5] основаны на «живом знании» проблем, затруднений, ресурсов познавательной деятельности ученика. В своих книгах Александр Георгиевич увлеченно рассказывает о возможностях сатирической газеты, разнообразии ее жанров, анализирует работу светозвукогазеты, раскрывает методику коллективной работы и роль руководителя кружка В. С. Путинцева. Он использует яркие примеры из работы средней школы № 1 г. Нолинска. В современной школе так необходим этот опыт интеграции учебной и внеучебной деятельности, в которой нет формализма и есть место творчеству каждого ученика. Конечно, произошло обновление технических средств обучения, ИКТ захватили пространство доски, но не освободили учителя от необходимости выстраивать путь познания ребенка на уроке. Этот путь в освоении теоретико-литературных понятий в школе и открыл учителю А. Г. Балыбердин, в этом алгоритме, его логике заключается значение его методических научных идей.

Алгоритм освоения учащимися теоретико-литературных понятий в процессе литературного образования остается современным и повторяется исследователями как методический канон.

1. Актуализация жизненных впечатлений и наблюдений над фактами в тексте.

2. Первоначальное представление о понятии, подведение к самостоятельному выводу (*о сравнении, метафоре, олицетворении, размерах, жанрах и т. д.*).

3. Работа над понятием со словарем, выявление существенных признаков.

4. Применение знаний о понятии в тренировочных заданиях в текстах.

5. Создание и выполнение творческих заданий с новыми знаниями о понятии.

6. Обобщение и систематизация полученных знаний (классификация их).

7. Применение полученных знаний о понятии в старших классах при проведении целостного анализа художественного текста.

На рубеже веков Александр Георгиевич сумел создать педагогические портреты известных выпускников института 1950 г., которые стали примерами гражданского служения просвещению, школе, своим ученикам. Среди них Е. А. Якимов, В. С. Путинцев, В. И. Нечаев, А. В. Савиных, В. А. Мясников [6]. Каждого из них можно назвать мастером педагогического труда, каждый обладал бесценным даром «быть на земле человеком». Они были близкими друзьями А. Г. Балыбердина, он умел притягивать к себе талантливых людей и верил в «святые узы товарищества». А. Г. Балыбердин доказал, что словесное мастерство учителя становится источником и стимулом развития письменной речи учащихся, сочинительство становится продолжением и следствием уроков литературы. Сейчас, когда все выпускники школ и педагоги готовятся к сочинению в декабре, методические пособия А. Г. Балыбердина могут стать их помощниками в подготовке к сочинению. Книги и друзья, лекции и события научной жизни А. Г. Балыбердина обладали тем воспитательным потенциалом, который светил и вдохновлял, воплощал слова в дела, вел за собой в профессию студентов, «выращивал» педагогов.

Вот как вспоминает это влияние О. Соболева: «Когда я пошла на свою вторую студенческую практику (а к тому времени я уже была мамой), Александр Георгиевич посоветовал мне школу № 57. Это было настоящее счастье: учиться педагогическому мастерству у отличного учителя, интеллигентного человека, уважающего своих учеников, у Риммы Ивановны Балыбердиной! До сих пор помню её яркий и неповторимый класс. Литературу в классе любили, много читали, в том числе не программные произведения. За практику удалось провести несколько литературных мероприятий, обсудить новые книги, подружиться с ребятами. Тогда я поняла одну вещь: хорошо, когда дома тебя понимают, когда муж и жена живут одними ценностями. Мне даже показалось, что и внешне Римма Ивановна и Александр Георгиевич чем-то похожи. Трудно сейчас сказать, так ли это, но внутреннее родство было обязательно!

Многое от Александра Георгиевича и Риммы Ивановны передалось и их сыну – Юрию Александровичу Балыбердину. Всё кажется неслучайным в его судьбе. Он историк, декан, проректор. Надеюсь, что для кого-то из студентов он тоже такая путеводная звезда, как его отец – для меня».

Чему мы, его выпускники и коллеги, учились у Александра Георгиевича, заслуженного деятеля науки, педагога, подвижника отечественного образования? Восхищало его жизнелюбие, многогранность его увлечений: и грибная охота, и чтение, и поэзия А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, Н. Рубцова; и воспитание детей и внуков, и садоводство, и писательство, и живопись, и музыка, и путешествия, и любовь к людям. Вызывало восхищение его трудолюбие, преданность своей профессии. Не случайно в книге «Профессия – учитель» (М., 2005) я с гордостью написала о нем, как об Учителе учителей.

Свои секреты счастья он не скрывал, говорил, что его крепость тела и духа имеет опору в общении с природой, свежей воде и чистом воздухе, добрых людях вокруг, встречи с которыми его вдохновляют на новые книги, размышления, творчество за письменным столом.

Вклад Александра Георгиевича Балыбердина в развитие отечественного образования и просвещения Вятского края заслуживает благодарности и высокой оценки, его книги о формировании теоретико-литературных понятий в школе и сейчас интересны и современны, его научные идеи в области методики обучения литературы вдохновляют педагогов-словесников и помогают им раскрывать творческие возможности школьников. Двенадцать государственных наград – это заслуженная оценка его постоянной заботы о судьбе университета и развитии педагогического образования в Кировской области. Его «чувство родины» было глубоким и верным.

Можно с уверенностью сказать, что «золотой запас» (К. Паустовский) ученого – это запас его мыслей и наблюдений над жизнью, это его биография. И содержательность его внешней и внутренней биографии является частью «школы жизни», страницей научно-педагогического наследия отечественного образования.

Примечания

1. Винокур Г. О. Биография и культура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 96
2. Балыбердин А. Г. Формирование теоретико-литературных понятий в школе (IV–VII классы). Киров: КГПИ им. В. И. Ленина, 1974. С. 165. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
3. Балыбердин А. Г. Формирование литературоведческих понятий в школе (IV–VII классы). Куйбышев: КГПИ им. В. В. Куйбышева, 1981. С. 122.
4. Балыбердин А. Г. Уроки по изучению теории литературы в школе. Киров: КГПИ им. В. И. Ленина, 1980. С. 87.
5. Балыбердин А. Г. Внеклассная литературно-творческая работа учащихся. Киров: КГПИ им. В. И. Ленина, 1973. С. 147.
6. Балыбердин А. Г. Грани педагогического мастерства. Киров: Изд-во Вятского ГПУ, 1999. С. 160.

Notes

1. G. O. Vinokur *Biografiya i kul'tura* [Biography and culture]. Moscow. Publishing house LCI. 2007. P. 96.
2. Balyberdin A. G. *Formirovanie teoretiko literaturnyh ponyatij v shkole (IV–VII klassy)* [Formation of theoretical literary concepts in the school (IV–VII grades)]. Kirov. KSPI of V.I. Lenin. 1974. P. 165. Further references to this edition are given in the text the page number in parentheses.
3. Balyberdin A. G. *Formirovanie literaturovedcheskih ponyatij v shkole (IV–VII klassy)* [Formation of literary concepts in the school (IV–VII grades)]. Kuibyshev. KSPI of V.V. Kuibyshev. 1981. P. 122.
4. Balyberdin A. G. *Uroki po izucheniyu teorii literatury v shkole* [Lessons for the study of literary theory in the school]. Kirov: KSPI of V.I. Lenin. 1980. P. 87.
5. Balyberdin A. G. *Vneklassnaya literaturno tvorcheskaya rabota uchaschihsya* [Extracurricular literary creative work of students]. Kirov. KSPI of V.I. Lenin. 1973. P. 147.
6. Balyberdin A. G. *Grani pedagogicheskogo masterstva* [Verges of pedagogical skills]. Kirov. Publ. of Vyatka SPU. 1999. P. 160.

УДК 37.01

О. В. Давлятшина

Научно-методическое сопровождение профессионально-личностного развития педагогов в условиях образовательной организации

В статье показаны актуальность профессионально-личностного развития педагогов в условиях образовательной организации при модернизации системы образования, необходимость создания новой системы научно-методического сопровождения педагогов и предполагаемый результат деятельности методической службы образовательной организации в новых условиях.

The article shows the relevance of professional and personal development of teachers in terms of educational organizations in the modernization of the education system, the need to create a system of scientific and methodological support of teachers and expected result activities of teaching services educational organization in new conditions.

Ключевые слова: профессионально-личностное развитие, научно-методическое сопровождение, методическая служба образовательной организации.

Keywords: the professional personal development, the scientific and methodological support, the methodical educational service organization.

Модернизация российского образования направлена на создание инновационной среды образовательного учреждения, на новую организацию научно-методического сопровождения педагогов. Без успешного профессионально-личностного развития учителя в условиях образовательной организации невозможно обеспечение реализации федеральных государственных образовательных стандартов общего образования (ФГОС ОО), превращение школы в действенный фактор развития общества.

С точки зрения М. В. Кларина, «современный социальный кризис ставит профессионала в ситуацию осознания необходимости модернизации своего опыта» [1]. Поэтому к профессиональному опыту педагога предъявляются новые требования. Актуальны в связи с этим разработка и общественное обсуждение Кодекса профессиональной этики педагога. Общество ждет от педагогического образования творчески мыслящего, профессионально компетентного учителя, который умеет прогнозировать результаты своей деятельности и моделировать образовательный процесс. Необходима социально активная личность, которая умеет решать проблемы воспитания школьников в быстро меняющемся мире. Современного учителя отличают высокие интеллектуальные способности, гибкое независимое мышление. В современных условиях особенно востребован учитель, у которого широкое видение и понимание социальных проблем. Именно такой учитель необходим школе сегодня.

Современному педагогу с большим стажем работы трудно самостоятельно изменить свои установки, сложившуюся методическую систему в связи с реализацией ФГОС ОО, развиваться в профессии успешно и добиваться положительных результатов без научно-методического сопровождения. И начинающего учителя, выпускника высшей школы педагогической специальности, нельзя рассматривать как состоявшегося специалиста. Только в реальной практической деятельности происходит становление молодого педагога, овладение им педагогическим мастерством, формирование его творческого стиля профессиональной деятельности. В условиях модернизации российского образования инновационная деятельность должна быть организована в масштабах всего образовательного учреждения, чтобы каждый учитель нашел в ней свой проект, маршрут, путь, способ деятельности, осознал свой вклад в стратегию развития школы. И потому научно-методическое сопровождение профессионально-личностного развития учителя актуально для педагогов всех возрастов и категорий квалификации.

Современная школа работает по единой методической теме, по единому плану методической работы, функционирует в статусе методического центра, инновационной площадки, экспериментальной лаборатории на различных уровнях. Введение ФГОС ОО требует кардинально нового подхода к организации методической работы в школе: в современных условиях она должна быть направлена на профессионально-личностное развитие отдельно взятого учителя и всего педагогического коллектива.

Мы руководствуемся определением Н. В. Немовой о «методической работе как деятельности по обучению и развитию кадров; выявлению, обобщению и распространению наиболее ценного опыта, а также созданию собственных методических разработок для обеспечения образовательного процесса» [2]. Обогащает это определение М. М. Поташник, который отмечает, что «методическая работа в школе – это основанная на науке и прогрессивном педагогическом и управленческом опыте целостная система взаимосвязанных мер, нацеленная на обеспечение профессионально-личностного развития учителя, развитие его творческого потенциала и, в конечном счёте, на повышение качества и эффективности учебно-воспитательного процесса, на рост уровня образованности, воспитанности, развитости, социализации и сохранения здоровья учащихся» [3]. Здесь речь идет именно об организации научно-методического сопровождения в школе в период модернизации образования в России.

Как правило, побудительным мотивом к развитию для педагога является осознанный «кризис компетентности» по одной из составляющих его деятельности – предметной, методической, исследовательской, методологической, организационной, воспитательной. Традиционное утоление «информационного голода» через получение информационной справки по возникшему вопросу не приведёт ни к реальному преодолению кризиса, ни к личностно-профессиональному развитию, что недопустимо в условиях внедрения и реализации ФГОС общего образования.

«До тех пор пока мы не разберемся в мотивации, ценностных ориентациях взрослых, особенностях их профессионального поведения, иначе говоря, в состоянии человеческих ресурсов

образовательной организации, всякие попытки что-либо существенно улучшить в результатах обучения детей малопродуктивны. Качество человеческих ресурсов организации определяется квалификацией педагогов, уровнем согласованности их профессиональной ценностей и действий, мотивацией, отношением к возникающим проблемам и способам их решения, во многом определяют потенциал организации», – констатирует К. Д. Ушаков [4].

Требуется изменение системы методической работы непосредственно в образовательной организации. Главное ее отличие от традиционной в том, что она выстраивается не масштабно и формально, а ориентируется на индивидуальные запросы и профессиональные потребности конкретного педагога. Л. Г. Тарита в качестве основной функции обновляющейся методической службы выделила функцию методического сопровождения педагогов, понимаемую как «помощь профессионалу в формировании ориентации поля развития, ответственность за действие в котором несет сам субъект» [5]. Е. И. Казаковой «методическое сопровождение рассматривается в единстве четырех компонентов: диагностики, информации, консультации, помощи в первичной реализации, относится к сфере непрерывного педагогического образования, поскольку его основной задачей является системное проектирование, дающее основания для развития всех субъектов системы» [6]. Таким образом, методическое сопровождение направлено на «обучение человека искусству самостоятельно и с наибольшей эффективностью разрешать те проблемы (профессиональные и личные), которые возникли у него в процессе жизнедеятельности» [7].

Действенную помощь в построении современной системы методической работы по профессионально-личностному развитию педагогов в условиях образовательной организации оказывает личностно-ориентированный подход, который предполагает не только изучение индивидуальных особенностей педагога, но и содействие постоянному его профессионально-личностному развитию по индивидуальной образовательной программе (маршруту). Именно процесс развития педагога как профессионала «обогащает личность, ведет ее к целостности, самобытности, «творческой уникальности»... гармонии личностного с профессиональным» [8]. В. А. Слостёнин рассматривает профессионально-личностное развитие как «процесс формирования личности, ориентированной на высокие профессиональные достижения, и её профессионализм, осуществляемый в саморазвитии, профессиональной деятельности и профессиональных взаимодействиях» [9].

По мнению Л. М. Митиной, труд учителя представляется в виде многомерного пространства, состоящего из трех взаимосвязанных подструктур: педагогическая деятельность, личность педагога, психолого-педагогическое общение. Эти сферы развития педагога не накладываются друг на друга, а выступают то предпосылкой, то средством, то результатом развития педагога. Главный момент в том, что, развивая одну из сфер, мы создаем условия для развития двух других. Весь комплекс проблем, с которыми сталкивается учитель, касается этих пространств [10]. Профессионально-личностное развитие можно рассматривать как непрерывный процесс осмысления собственной деятельности, способа её осуществления и самореализации. Основными критериями профессионально-личностного развития, по мнению В. А. Слостёнина, выступают уровни сформированного методологического, рефлексивного, проектного и коммуникативного компонентов профессионально-педагогической культуры учителя [11].

Исходя из этих теоретических оснований, мы разработали критерии и показатели профессионально-личностного развития педагога в условиях образовательной организации, которые позволяют индивидуализировать научно-методическое сопровождение, отслеживать процесс и определять уровни развития сфер профессиональной деятельности, профессионального общения и личностной сферы педагога (см. таблицу)

Критерии и показатели профессионально-личностного развития педагога в условиях образовательной организации

Критерии	Показатели
1. Уровень развития сферы профессиональной деятельности педагога	1. Восприимчивость педагога к новшествам. 2. Профессиональная компетентность учителя. 3. Методологическая культура педагога
2. Уровень развития личностной сферы педагога	1. Способность педагога к саморазвитию и самообразованию. 2. Оценка интеллигентности личности. 3. Оценка творческого потенциала личности педагога
3. Уровень развития сферы профессионального общения педагога	1. Способность педагога к эмпатии. 2. Опыт коммуникативного взаимодействия педагога с детьми. 3. Эффективность деятельности педагога в роли лидера

Принцип «зоны ближайшего развития», обоснованный Л. С. Выготским для обучения детей, вполне может рассматриваться в качестве принципа методического сопровождения педагогиче-

ской деятельности. В качестве «зоны ближайшего профессионального развития» выступает та зона, в которой педагог с помощью своих коллег, ученых, изучаемой литературы может разрешить возникшие проблемы в профессиональной деятельности. При этом «зона ближайшего профессионального развития» для каждого педагога сугубо индивидуальна [12]. Такой подход не исключает участия педагогов в традиционных формах повышения квалификации. Однако это участие должно быть основано на самостоятельном выборе педагогом адекватных форм профессионального самосовершенствования. Именно в образовательной организации учитель реализует себя как профессионал, именно здесь возникают трудности, заставляющие педагога изыскивать все новые ресурсы для достижения качественно нового результата своей деятельности.

Заметим, что, развивая педагога в условиях образовательной организации, мы расширяем горизонты его профессионально-личностного развития, создаем условия для осознания им значимости своего труда, ценностных ориентаций, важности жизненных планов. Переход с уровня на уровень – это постепенный процесс, который проявляется в позитивных изменениях его личностных и профессиональных качеств.

Основной системы научно-методического сопровождения можно рассматривать согласованные и скоординированные действия всех субъектов сопровождения; разработанную систему стимулирования профессиональных достижений учителя; организованное систематическое индивидуальное методическое и психологическое сопровождение педагога как личности и как профессионала.

Традиционная методическая работа в образовательной организации большинству педагогов давала лишь первые установки, базовые знания, развивать которые в дальнейшем предстояло учителю самостоятельно. В современных условиях модернизации российского образования необходимо организовать научно-методическое сопровождение педагогического коллектива, каждого педагога, необходима новая структура методической службы образовательной организации, которая могла бы удовлетворить индивидуальные профессиональные потребности, раскрыть личностные смыслы и создать инновационную образовательную среду.

Традиционно помощь педагогу в развитии нового педагогического мышления, в формировании готовности к решению сложных задач в системе образования оказывало школьное методическое объединение. Однако в современных условиях предметное методическое объединение ограничивает информационное и технологическое взаимодействие между педагогами, не позволяет реализовать потребности в освоении педагогом надпредметных и метапредметных компетенций, ограничивает его рамками своего предмета, что противоречит задачам Федерального государственного образовательного стандарта общего образования.

Появляется необходимость в создании принципиально новой системы профессионального сотрудничества педагогов на основе выбора, индивидуальных запросов, обновления содержания и совершенствования работы по общим проблемам и профессиональным интересам. В связи с этим актуально создание в образовательной организации новых школьных профессиональных сообществ педагогов (временный творческий коллектив, творческая группа, клуб по интересам, читательский клуб, педагогический кинотеатр, мастер-класс, школа педагогического мастерства, школа молодого учителя, педагогическая студия и т. д.), деятельность которых направлена на реализацию индивидуальных образовательных программ (маршрутов) учителей. Эти сообщества мы считаем продуктивными формами взаимодействия и обучения педагогов в условиях образовательной организации, так как в состав групп входят педагоги по принципу «общих интересов». Направление занятий этих объединений определяется запросами группы учителей, уровнем профессионального и личностного развития, стажа работы педагогов. Увлеченность исследуемой проблемой способствует переводу методической деятельности педагогов в поисково-исследовательскую [13]. Руководителями профессиональных сообществ могут выступать педагоги-новаторы, победители национального проекта «Образование», победители профессиональных конкурсов, заинтересованные педагоги, активно занимающиеся самообразованием, которых отличает коммуникабельность, умение предоставлять образовательную помощь, социально-психологическую поддержку; активно выполнять роль наставника. Таким образом создается сеть внутрифирменного обучения по уровню компетентности и квалификации, по личностным качествам и профессиональным запросам, по мотивации повышения квалификации педагога.

Активные коллективные формы методической работы, такие, как педагогический марафон, семинары-практикумы, мастер-классы, педагогические дебаты, мастерские ценностных ориентаций, открытия новых знаний, тренинги, исследовательская и инновационная деятельность порождают коллективное осмысление профессиональной деятельности и ценностей. Творческая лаборатория по профессионально-личностному развитию педагогов как инновационная форма повышения их квалификации в условиях образовательной организации призвана актуализировать «функции управленческой, проектировочной, творческой деятельности педагога», вдохновить «его на осмысление опыта и оценку результатов своей профессиональной дея-

тельности, на проведение «гуманитарной экспертизы» своей педагогической позиции» [14]. Деятельность лаборатории направлена на «формирование педагогической позиции как достижения единства личностных и профессиональных смыслов, на развитие профессионального сознания в единстве с профессиональным поведением как результатом диалектического освоения педагогической культуры» [15].

Самообразовательное чтение мы рассматриваем как глубоко осознанный процесс, который начинается с рефлексии, анализа своих личных и профессиональных качеств, обнаружения проблем, противоречий в знаниях. В период активного саморазвития педагог составляет индивидуальный план, начинается серьезная работа по самообразованию: чтение научно-методической литературы, посещение уроков коллег, конспектирование научных статей, анализ и методологическая рефлексия по использованию инновационных методов и приемов в профессиональной деятельности. Самообразование обеспечивает системную реализацию умственных, эмоциональных и волевых личностных качеств учителя через усвоение общепедагогического опыта. Таким образом, педагог, занимающийся самообразованием, начинает видеть собственные проблемы и сосредоточиваться на их преодолении, видеть перспективу профессионального роста. На этом этапе главная задача методической службы образовательной организации – осуществление научно-методического сопровождения самообразования, самосовершенствования, самореализации педагога.

Каков результат такой деятельности? Прежде всего, учителя, обладающие высоким уровнем квалификации, реализуют свою потребность не только в теоретическом осмыслении накопленного опыта, но и могут получить качественную внешнюю оценку. А значит, в образовательной организации создаются условия для целенаправленного и эффективного профессионального и личностного развития учителя, предлагается широкий спектр возможностей для саморазвития и самовыражения.

Научно-методическое сопровождение открывает педагогам возможность «найти себя в профессии и полностью в ней реализоваться». Для каждой категории учителей подбираются индивидуальные виды деятельности, которые являются поддерживающими (развитие по горизонтали) и развивающими (развитие по восходящей вертикали). Школа, конечно, заинтересована в вертикальном развитии педагога. Однако это зависит от личностных особенностей и состояния здоровья учителя, от ряда социально-психологических факторов.

Современная организация научно-методического сопровождения профессионально-личностного развития педагогов направлена на приобретение и закрепление статуса учителя; профессиональное самосохранение; повышение конкурентоспособности; решение профессиональных и личных проблем; профессиональное развитие; самореализацию; удовлетворение от работы. Личностно-ориентированный подход к организации научно-методического сопровождения в условиях образовательной организации позволяет учителю осознать жизненные смыслы и смыслы профессии, раскрыть творческий потенциал личности, повысить уровень педагогического мастерства, активно включиться в процесс саморазвития, совершенствовать опыт коммуникативного взаимодействия, выстроить собственную систему ценностей, педагогической деятельности, компетентности, сформировать стиль нового педагогического мышления, переосмыслить Я-концепцию педагога.

Перспективы научно-методического сопровождения мы видим в развитии способности учителя к самостоятельному построению индивидуальной образовательной программы (маршрута) продвижения в профессии и управлении ею с использованием информационных и сетевых технологий; в интеграции деятельности методической и психологической служб образовательной организации по профессионально-личностному развитию и совершенствованию педагога.

Анализ результатов деятельности показал, что рост профессионального мастерства и квалификации педагога идет более интенсивно, если сам педагог занимает активную позицию, если в педагогическом коллективе поддерживаются и поощряются индивидуально-творческие профессиональные поиски. Создание условий для такого поиска – одна из ключевых задач школьного менеджмента.

Примечания

1. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике. Рига: «Эксперимент», 1995. С. 17.
2. Немова Н. В. Управление методической работой в школе // Библиотека журнала «Директор школы». М.: Сентябрь, 1999. № 7. С. 1.
3. Поташник М. М. Управление профессиональным ростом учителя в современной школе: метод. пособие. М.: Центр педагогического образования, 2010. С. 68.
4. Ушаков К. М. Ресурсы управления школьной организацией / отв. ред. М. А. Ушакова. М.: Сентябрь, 2000. С. 6–7.
5. Тарита Л. Г. Методическое сопровождение инновационных процессов в районной образовательной системе. Научные традиции и перспективы педагогики // Герценовские чтения-2001: межрегион. сб. науч. тр. / под ред. Е. В. Титовой. СПб., 2001. С. 31–36.

6. Казакова Е. И. Педагогическое сопровождение. Опыт международного сотрудничества. СПб., 1995. С. 27.
7. Там же. С. 14.
8. Галицких Е. О. Интегративный подход как теоретическая основа профессионально-личностного становления будущего педагога в университете. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 29.
9. Слостенин В. А. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры // Управление современной школой. Завуч. 2009. № 6. С. 81.
10. Митина Л. М. Психология профессионального развития учителя. М., 1998. С. 72.
11. Слостенин В. А. Указ. соч.
12. Бакурадзе А. Б. Мотивация труда педагогов // Библиотека журнала «Директор школы». М.: Сентябрь, 2005. С. 92–95.
13. Калинин Е. Г. Повышение квалификации педагогических кадров как ресурс развития современной школы // Тенденции развития образования: проблемы управления современной школой: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Центра изучения образовательной политики. М.: Университетская книга, 2006. С. 112–118.
14. Галицких Е. О. Указ. соч. С. 29.
15. Там же.

Notes

1. Klarin M. V. *Innovacii v mirovoj pedagogike* [Innovations in the worldwide pedagogics]. Riga. "Experiment". 1995. P. 17.
2. Nemova N.V. *Upravlenie metodicheskoy rabotoj v shkole* [Management of methodical work in school] // *Biblioteka zhurnala «Direktor shkoly»*- Library of journal "School Headmaster". Moscow. Sentyabr'. 1999, No. 7, p. 1.
3. Potashnik M. M. *Upravlenie professional'nym rostom uchitelya v sovremennoj shkole: metod. posobie* [Management of professional growth of the teacher in today's schools: method. tutorial]. Moscow. Centre of pedagogic education. 2010. P. 68.
4. Ushakov K.M. *Resursy upravleniya shkol'noj organizaciej* [Resources of management of school organization] / resp. editor M.A. Ushakova. Moscow. Sentyabr'. 2000. Pp. 6-7.
5. Tarita L.G. *Metodicheskoe soprovozhdenie innovacionnyh processov v rajonnoj obrazovatel'noj sisteme. Nauchnye tradicii i perspektivy pedagogiki* [Methodological support of innovative processes in the regional educational system. Research traditions and perspectives of pedagogy] // *Gercenovskie chteniya 2001: mezhregion. sb. nauch. tr.*- Herten readings 2001: interregional collection of scientific proc. / edited by E. V. Titova. SPb. 2001. Pp. 31-36.
6. Kazakova E. I. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie. Opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Pedagogical support. Experience of international cooperation]. SPb. 1995. P. 27.
7. Ibid. P. 14.
8. Galitskiykh E.O. *Integrativnyj podhod kak teoreticheskaya osnova professional'no lichnostnogo stanovleniya budushchego pedagoga v universitete* [Integrative approach as a theoretical basis of professional and personal development of the future teacher in the university]. SPb. Publ. of RSPU of A. I. Herzen. 2001. P. 29.
9. Slastenin V.A. *Professionalizm uchitelya kak yavlenie pedagogicheskoy kul'tury* [Professionalism of the teacher as a pedagogical phenomenon of culture] // *Upravlenie sovremennoj shkoloy. Zavuch* – Management of modern school. The head teacher. 2009, No. 6, p. 81.
10. Mitina L.M. *Psihologiya professional'nogo razvitiya uchitelya* [Psychology of professional development of teachers]. Moscow. 1998. P. 72.
11. Slastenin V.A. Op. cit.
12. Bakuradze A.B. *Motivaciya truda pedagogov* [Motivation of teachers] // *Biblioteka zhurnala «Direktor shkoly»*- Library of journal "School Headmaster". Moscow. Sentyabr'. 2005. Pp. 92-95.
13. Kalinkina E.G. *Povyshenie kvalifikacii pedagogicheskikh kadrov kak resurs razvitiya sovremennoj shkoly* [The retraining of teachers as a resource for the development of a modern school] // *Tendencii razvitiya obrazovaniya: problemy upravleniya sovremennoj shkoloy: materialy III Mezhdunar. nauch. prakt. konf. Centra izucheniya obrazovatel'noj politiki* - Trends in the development of education: the challenges of managing a modern school: proceedings of the III Intern. scient. practical conf. of the Center of study of educational policy. Moscow. Universitetskaya kniga. 2006. Pp. 112-118.
14. Galitskiykh E.O. Op. cit. P. 29.
15. Ibid.

Совершенствование методики развития координационных способностей у девочек 6–7 лет в художественной гимнастике

В статье на основе анализа имеющихся определений понятий «координационные способности» раскрываются их виды в художественной гимнастике, которые классифицируются как специально-двигательные способности и специализированные восприятия или «чувства».

Опираясь на результаты ранее проведенных исследований, авторы статьи формулируют обобщенное понятие координационных способностей в художественной гимнастике.

Анализ методических подходов к дифференциации и индивидуализации процесса развития координационных способностей у юных спортсменок показал, что в художественной гимнастике различия по типологическому параметру «сила/слабость» нервной системы по процессу возбуждения при проведении тренировочных занятий не учитываются. Хотя индивидуализация и дифференциация тренировочного процесса по типологическим проявлениям свойств нервной системы в других видах спорта имеют место.

Article based on an analysis of existing definitions of “coordination abilities” reveal their types in rhythmic gymnastics, which are classified as specially-motor abilities and special perception or feeling.

Based on the results of previously conducted studies, the authors formulate a generalized notion of coordination abilities in artistic gymnastics.

Analysis of methodological approaches to the differentiation and individualization of the process of development of coordination abilities in young athletes showed that rhythmic gymnastics differences according to the typological parameter “strength-weakness” of the nervous system excitation process when conducting training sessions are not counted. Although there are individualization and differentiation of the training process typology manifestations of the properties of the nervous system in other sports.

Ключевые слова: координационные способности, художественная гимнастика, индивидуализация и дифференциация, «сила/слабость» нервной системы по процессу возбуждения.

Keywords: coordination abilities, artistic gymnastics, individualization and differentiation, “strength-weakness” of the nervous system excitation process.

В связи с активным развитием и модернизацией художественной гимнастики поиск новых методических подходов к определению содержания тренировочных занятий является актуальным и своевременным. Это обусловлено еще и тем, что существующая система подготовки гимнасток не в полной мере отвечает современным требованиям: отсутствуют четко разработанные методические подходы к учету в тренировочном процессе особенностей возрастного развития детей 6–7-летнего возраста, и далеко не всегда реализуются возможности дифференцированного подхода к определению содержания тренировочных занятий. По мнению И. А. Винер, художественная гимнастика относится к группе высоко координированных видов спорта. Соревновательные упражнения в художественной гимнастике состоят из ряда сложнейших движений: поворотов, равновесий, наклонов, волн и переворотов, прыжков, которые сочетаются с разнообразной работой предмета, что требует от спортсменок высокого уровня подготовленности во всех видах подготовки [1].

Анализ многочисленных научных исследований показал, что в различных видах спорта достижение высоких спортивных результатов в значительной мере зависит от индивидуальных морфологических, функциональных, психологических и физических особенностей организма спортсменок. Причем уровень развития координационных способностей, наличие различных типологических особенностей свойств нервной системы в значительной мере обуславливают проявление максимальных возможностей спортсменок [2].

Длительное время понятие координационные способности отождествляли с понятием «ловкость». В то же время наряду с понятием «ловкость» существует достаточное количество оп-

ределений понятия «координационные способности» вообще и «координационные способности в художественной гимнастике» в частности.

По мнению В. И. Ляха, координационные способности – это возможности индивида, определяющие его готовность к оптимальному управлению и регулировке двигательных процессов [3].

Так, А. С. Мерзликин любое двигательное действие характеризует как сложный рефлекторный процесс, каждый элемент которого протекает строго координационно. Известно, что при систематическом и регулярном выполнении упражнений навык становится стереотипным и высоко координированным [4].

Ю. Ф. Курамшин предлагает рассматривать координацию движений как результат согласованного сочетания функциональной деятельности различных органов и систем организма во взаимосвязи между собой, т. е. как единое целое, либо как результат слаженного функционирования какой-то одной или нескольких систем организма; как совокупность свойств человека, проявляющихся в процессе решения двигательных задач разной координационной сложности и обуславливающих успешность управления двигательными действиями и их регуляции [5].

Е. В. Павлова, обобщив ряд работ, характеризующих наиболее общие способности человека в процессе управления двигательными действиями, представила следующую сводную классификацию координационных способностей:

1. Реагирующая способность, состоящая из слуховой и двигательной реакции.
2. Дифференцировочная способность, включающая в себя способности к дифференциации пространственных, временных и силовых параметров движения.
3. Способность к равновесию (статическому и динамическому).
4. Ориентационная способность, представленная в виде способности к определению положения тела, а также движения человека в пространственно-временном поле.
5. Ритмическая способность, благодаря которой в движениях человека формируются последовательность и взаимосвязь акцентируемых моментов двигательного действия, являющиеся основой всего двигательного акта.
6. Способность к переключению в процессе двигательной деятельности, в соответствии с задуманной программой действий или изменившейся в ходе её реализации ситуации [6].

В спортивной деятельности все перечисленные выше способности проявляются в их комплексном сочетании. Примером этому может служить художественная гимнастика, базовые элементы которой представляют собой совокупность перечисленных выше способностей.

Анализируя особенности данного вида спорта, О. Крайждан в своем исследовании определила состав координационных способностей у спортсменок в художественной гимнастике, состоящий из двух групп:

- 1) специально-двигательные способности;
- 2) специализированные восприятия, или «чувства».

Содержание специально-двигательных способностей в художественной гимнастике представлено: 1) двигательной координацией; 2) быстротой; 3) «взрывной» силой (прыгучестью) [7].

Так, Н. А. Бернштейн характеризовал двигательную координацию «как преодоление избытка степеней свободы наших органов движений» [8], что в художественной гимнастике проявляется во всех двигательных актах, как при работе с предметом, так и в упражнениях без предмета.

Возможность совершать двигательные действия в пределах короткого времени называют быстротой. В художественной гимнастике быстрота проявляется в единстве с другими двигательными способностями. Степень ее проявления зависит, в той или иной мере, от комплекса функциональных возможностей гимнастки, необходимых для выполнения конкретных действий в соревновательной композиции.

В то же время О. Г. Румба прыгучесть относит к параметрам взрывной силы. В системе упражнений художественной гимнастики данную двигательную способность выделяют как одну из ведущих, поскольку основу соревновательных композиций, наряду с равновесиями и поворотами, составляют прыжки. Насколько высоко будут выполнены прыжковые элементы, настолько технически верно они будут исполнены [9].

Вторую группу координационных способностей, представленную О. Крайждан в виде специализированных восприятий, в спортивной практике еще В. И. Лях называл «чувствами» [10].

Изучая данную проблему, Ю. А. Архипова указывает, что специализированные восприятия, нередко именуемые «чувствами», можно рассматривать как отдельные простые способности, взаимосвязанные со специальными и специфическими координационными способностями и психическими функциями. В развитии координационных способностей и связанных с ними специализированных восприятий часто используется методический подход, в основе которого лежат повышенные требования к различным анализаторам, создание условий для развития их

специальной чувствительности (исключение или ограничение зрительного контроля, исключение слуха) [11].

Для художественной гимнастики в разряд специализированных восприятий входят следующие «чувства»: времени, ритма, темпа, предмета, равновесия, ориентации в пространстве.

«Чувство времени» определяется как точное восприятие продолжительности выполнения того или иного компонента деятельности: времени реагирования на какой-либо сигнал, времени полетной фазы в прыжках, времени полетной фазы броска, выполнение какого-либо акробатического элемента под броском предмета [12]. Е. В. Беклемишева при совершенствовании у гимнасток чувства времени рекомендует использовать измерительные приборы, отсчёт (вслух) времени удержания статических поз и равновесий [13].

«Чувство ритма» Л. А. Карпенко определяет как способность верно воссоздать пространственные, временные, силовые, скоростно-силовые, а также пространственно-временные характеристики движений, что в значительной мере обуславливает эффективность разнообразных двигательных действий. Особое значение «чувство ритма» приобретает в двигательных действиях художественной гимнастики, для которой характерна высокая координационная сложность и предшествующая детерминированность движений, где даже незначительные отклонения от необходимого ритма движений могут существенно повлиять на результат выполнения двигательного действия в соревновательной композиции [14].

«Чувство темпа» является временной характеристикой, которая определяется частотой относительно равномерного повторения каких-либо движений. В художественной гимнастике чем совершеннее техника выполнения гимнастического элемента, тем в более высоком темпе данный элемент гимнастка может выполнить под броском предмета. Способность занимающихся изменять темп движений в соревновательных условиях определяется уровнем их координационной подготовленности.

«Чувство пространства» связано с восприятием, оценкой и регулированием пространственных параметров движений: расстояния до какого-либо объекта, размеров площадки, амплитуды, направления, формы движения. Для художественной гимнастики это дистанция между гимнастками в групповом упражнении, направление движения, траектория полета предмета, расстояние между предметом и гимнасткой во время броска.

«Чувство предмета» в художественной гимнастике занимает особое место, поскольку работа с предметом (мяч, скакалка, обруч, булавы, лента) охватывает более 80% времени как тренировочного, так и соревновательного процессов [15].

«Чувство равновесия» определяют как способность к сохранению устойчивого положения тела. Л. А. Карпенко считает, что длительность сохранения равновесия является показателем уровня его развития, а также функционального состояния центральной нервной системы. Этот показатель используют как один из критериев тренированности и готовности художественных гимнасток к соревнованиям [16].

Неотъемлемым видом координационных способностей является способность или чувство к «ориентированию в пространстве». Так, Е. С. Николаева в своей работе указывает, что с помощью общеразвивающих упражнений способность к пространственной ориентировке развивается наиболее эффективно, так как здесь одновременно участвуют зрительные и кожно-мышечные ощущения, в то же время упражнения сопровождаются пояснениями, указаниями и командами тренера [17].

Опираясь на результаты ранее проведенных исследований, можно сказать, что под координационными способностями в художественной гимнастике следует понимать *результат согласованной работы всех разновидностей физических способностей, включающих в себя способности к равновесию, дифференцированию, ориентированию в пространстве, согласованию и комбинированию движений, а также включающих чувства ритма и темпа, что позволит спортсменкам в изменяющихся условиях успешно решать задачи, возникающие при выполнении новых двигательных действий (элементов).*

Сформулированное определение понятия координационных способностей в художественной гимнастике позволяет более точно подбирать упражнения для развития этих способностей. Однако немаловажную роль в повышении качества учебно-тренировочного процесса играет учет групповых и индивидуальных особенностей спортсменок. Более того, анализ и обобщение литературных источников говорят о том, что вопрос индивидуализации и дифференциации в последнее время все более часто привлекает внимание исследователей, так, Е. Н. Артёмова ставит индивидуализацию в основу акмеологических технологий спортивной деятельности и возводит её в ранг принципа, обеспечивающего спортсмену реализацию своих индивидуальных способностей и достижений наивысших спортивных результатов [18].

Н. Б. Стамбулова под индивидуальностью понимает то, что составляет его макрохарактеристики, проявляется в творчестве и стабилизируется в отдельных составляющих конкретной деятельности. Эти макрохарактеристики, по ее мнению, содержат комплексы обособленных компонентов, образующих:

- 1) характеристику человека как индивида (возраст, пол, нейродинамика, соматотип);
- 2) субъективные характеристики (эмоции, воля, интеллект, психомоторика);
- 3) личностные характеристики (темперамент, характер, направленность, способности);
- 4) характеристики человека-индивидуальности, преломляющиеся через опыт, хронологию исторических событий, индивидуальные особенности [19].

Так, С. В. Воробьев считает, что при организации тренировочного процесса должны учитываться индивидуальные особенности занимающихся, в частности моторная типология, в результате чего происходит формирование структуры тренировочного процесса [20].

По мнению П. В. Квашука, в детско-юношеском спорте на первое место выходит не индивидуальный, а дифференцированный подход к построению тренировочного процесса, предполагающий учет особенностей для различных групп юных спортсменов, важных для построения тренировочных нагрузок, обучения технико-тактическим действиям, участия в соревнованиях [21].

На сегодняшний день существует большое количество работ, в которых авторы предлагают индивидуализировать и дифференцировать тренировочный процесс по типологическим проявлениям свойств нервной системы [22].

Актуальность проблемы индивидуализации и дифференциации в любом виде спорта обуславливается индивидуальными особенностями спортсмена, от которых зависит успешность его соревновательной деятельности. Большое количество экспериментальных исследований, проведенных в рамках индивидуализации тренировочного процесса, свидетельствует о том, что ранее были выявлены отличительные признаки, характеризующие занимающихся с сильным и слабым типами нервной системы с целью их дальнейшего использования при составлении учебно-тренировочной программы.

К сожалению, не было обнаружено научных исследований в области художественной гимнастики, где была бы затронута проблема дифференциации тренировочного процесса по типологическим особенностям свойств нервной системы по параметру «сила/слабость» по процессу возбуждения.

При изучении рассматриваемой проблемы можно судить о наличии **противоречия** между повышением требований к качеству соревновательной деятельности спортсменок и недостаточным вниманием на этапе начальной спортивной подготовки в художественной гимнастике вопросам индивидуализации и дифференциации средств развития координационных способностей у девочек 6–7 лет, имеющих различия по типологическому параметру «сила/слабость» нервной системы по процессу возбуждения, которые на сегодняшний день остались за рамками изучения данной проблемы.

Таким образом, актуальность исследования заключается в преодолении этого противоречия за счёт теоретического и экспериментального обоснования методики дифференцированного использования средств спортивной тренировки для развития координационных способностей гимнасток 6–7 лет, имеющих различия по типологическому параметру «сила/слабость» нервной системы по процессу возбуждения как условия для повышения качества учебно-тренировочного процесса и соревновательной деятельности.

Примечания

1. *Винер И. А.* Подготовка высококвалифицированных спортсменок в художественной гимнастике: дис. ... канд. пед. наук. СПб. им. П. П. Лесгафта. СПб., 2003. 120 с.

2. *Баранов В. А.* Методика учебно-тренировочного процесса пловцов на этапе начальной подготовки на основе дифференцированного подхода: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2012. 171 с.

3. *Лях В. И.* Двигательные способности школьников: основы теории и методики развития. М.: Терра-Спорт, 2000. 192 с.

4. *Мерзликин А. С.* Особенности влияния физических упражнений различной направленности на двигательные-координационные способности женщин второго периода зрелого возраста: дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 236 с.

5. *Курамшин Ю. Ф.* Теория и методика физической культуры: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Сов. спорт, 2003.: ил. 463 с.

6. *Павлова Е. В.* Совершенствование системы спортивного отбора в художественной гимнастике на основе показателей развития координационных способностей: дис. ... канд. пед. наук. Сургут, 2008. 145 с.

7. *Крайждан О.* Воспитание координационных способностей у девочек 6–7 лет на этапе начальной спортивной подготовки в художественной гимнастике: дис. ... д-ра пед. наук. Кишинев, 2011. 214 с.

8. Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии. М.: Физкультура и спорт, 1991. С. 17–54.
9. Румба О. Г. Значение качества работы ступней ног спортсменок в художественной гимнастике // Стратегия развития спорта для всех и законодательных основ физической культуры и спорта в странах СНГ. Междунар. науч. конгресс. Кишинев: Valinex SA, 2008. С. 367–370.
10. Лях В. И. Координационные способности школьников. Минск: Полымя, 1989. С. 27.
11. Архипова Ю. А. Базовая подготовка юных гимнасток в упражнениях с предметами: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1998. 169 с.
12. Крайждан О. Указ. соч.
13. Беклемишева Е. В. Структура бросковых действий с мячом в художественной гимнастике и методика их совершенствования: дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 203 с.
14. Карпенко Л. А. (ред.). Художественная гимнастика: учеб. / под общ. ред. Л. А. Карпенко. М.: Изд-во ВФХГ, 2003. 382 с.
15. Крайждан О. Указ. соч.
16. Карпенко Л. А. (ред.). Указ. соч.
17. Николаева Е. С. Развитие координационных способностей как условие эффективного обучения девочек 5–7 лет упражнениям с предметами в художественной гимнастике: дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2006. 153 с.
18. Артемова Е. Н. Индивидуализация тренировочного процесса гимнасток 10–11 лет в упражнениях на бревне на этапе углубленной специализации: дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2009. С. 56.
19. Стамбулова Н. Б. Психология спортивной карьеры: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1999. 417 с.
20. Воробьев С. В. Индивидуализация тренировочного процесса лыжников-гонщиков 12–13 лет на этапе начальной спортивной специализации: дис. ... канд. пед. наук. Коломна, 2004. 133 с.
21. Квашук П. В. Дифференцированный подход к построению тренировочного процесса юных спортсменов на этапах многолетней подготовки: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 226 с.
22. Чибичик Ю. В. Индивидуализация учебно-тренировочного процесса юных дзюдоистов на начальных этапах подготовки: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2010. 180 с.; и др.

Notes

1. Winer I.A. *Podgotovka vysokokvalificirovannykh sportstmenok v hudozhestvennoj gimnastike: dis. ... kand. ped. nauk* [Preparation of highly skilled athletes in rhythmic gymnastics: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. SPb. of P.P. Lesgaft. SPb. 2003. 120 p.
2. V.A. Baranov *Metodika uchebno trenirovochnogo processa plovcov na ehtape nachal'noj podgotovki na osnove differencirovannogo podhoda: dis. ... kand. ped. nauk* [Methodology of the training process of swimmers at the stage of initial training based on a differentiated approach: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Tambov. 2012. 171 p.
3. Lyakh V.I. *Dvigatel'nye sposobnosti shkol'nikov: osnovy teorii i metodiki razvitiya* [Motor abilities of schoolchildren: basic theory and methodology of development]. Moscow. Terra-Sport. 2000. 192 p.
4. Merzlikin A.S. *Osobennosti vliyaniya fizicheskikh uprazhnenij razlichnoj napravlenosti na dvigatel'no koordinacionnye sposobnosti zhenshchin vtorogo perioda zrelogo vozrasta: dis. ... kand. ped. nauk* [Features of influence of various physical exercises on motor coordination abilities of women in second adulthood: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Moscow. 2001. 236 p.
5. Kuramshin Y.F. *Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury: ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Theory and methodology of physical culture: tutorial for stud. of higher institutions]. Moscow. Sov. sport. 2003. Ill. 463 p.
6. Pavlova E.V. *Sovershenstvovanie sistemy sportivnogo otbora v hudozhestvennoj gimnastike na osnove pokazatelej razvitiya koordinacionnykh sposobnostej: dis. ... kand. ped. nauk* [Improvement of the system of selection of sports in rhythmic gymnastics on the basis of indicators of the development of coordination abilities: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Surgut. 2008. 145 p.
7. Kraidgan O. *Vospitanie koordinacionnykh sposobnostej u devochek 6–7 let na ehtape nachal'noj sportivnoj podgotovki v hudozhestvennoj gimnastike: dis. ... d-ra ped. nauk* [Development of coordination abilities in girls 6-7 years at the initial stage of sports in rhythmic gymnastics: dis. ... Dr. Ped. Sciences]. Chisinau. 2011. 214 p.
8. Bernstein N.A. *O lovkosti i ee razviti* [On dexterity and its development]. Moscow. Physical culture and sport. 1991. Pp. 17-54.
9. Rumba O.G. *Znachenie kachestva raboty stupnej nog sportstmenok v hudozhestvennoj gimnastike* [The value of the quality of feet work of athletes in rhythmic gymnastics] // *Strategiya razvitiya sporta dlya vsekh i zakonodatel'nykh osnov fizicheskoy kul'tury i sporta v stranah SNG. - Strategy of development of sport for all and legislative foundations of physical education and sport in the CIS countries. The Intern. scient. congress.* Chisinau. Valinex SA. 2008. Pp. 367-370.
10. Lyakh V.I. *Koordinacionnye sposobnosti shkol'nikov* [The coordinating ability of students]. Minsk. Polymya. 1989. P. 27.
11. Arkhipova U.A. *Bazovaya podgotovka yunyh gimnastok v uprazhneniyah s predmetami: dis. ... kand. ped. nauk* [Basic training of young gymnasts in the exercises with tools: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. SPb. 1998. 169 p.

12. Kraidgan O. Op. cit.
13. E.V. Beklemisheva *Struktura broskovyh dejstvij s myachom v hudozhestvennoj gimnastike i metodika ih sovershenstvovaniya: dis. ... kand. ped. nauk* [The structure of the throwing actions with the ball in rhythmic gymnastics and methods of their improvement: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Moscow. 2002. 203 p.
14. Karpenko L.A. (ed.). *Hudozhestvennaya gimnastika: ucheb* [Rhythmic gymnastics: textbook] / under the general editorship of L. A. Karpenko. Moscow. Publishing house of AFRG. 2003. 382 p.
15. Kraidgan O. Op. cit.
16. Karpenko L.A. (ed.). Op. cit.
17. Nikolaeva E.S. *Razvitie koordinacionnyh sposobnostej kak uslovie ehffektivnogo obucheniya devochek 5–7 let uprazhneniyam s predmetami v hudozhestvennoj gimnastike: dis. ... kand. ped. nauk* [Development of coordination abilities as a condition of effective teaching girls 5-7 years of exercises with tools in rhythmic gymnastics: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Belgorod. 2006. 153 p.
18. E.N. Artyomova. *Individualizaciya trenirovochnogo processa gimnastok 10–11 let v uprazhneniyah na brevne na ehtape uglublennoj specializacii: dis. ... kand. ped. nauk* [Individualization of the training process of gymnasts 10-11 years on the baulk at the stage of advanced specialization: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Belgorod. 2009. P. 56.
19. Stambolova N.B. *Psihologiya sportivnoj kar'ery: dis. ... d-ra psihol. nauk* [Psychology of sports career: dis. ... Dr. Psychol. Sciences]. SPb. 1999. 417 p.
20. Vorobyov S.V. *Individualizaciya trenirovochnogo processa lyzhnikov gonschikov 12–13 let na ehtape nachal'noj sportivnoj specializacii: dis. ... kand. ped. nauk* [Individualization of the training process of skiers riders 12-13 years in primary sports specialization: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Kolomna. 2004. 133 p.
21. Kvashuk P.V. *Differencirovannyj podhod k postroeniyu trenirovochnogo processa yunyh sportsmenov na ehtapah mnogoletnej podgotovki: dis. ... d ra ped. nauk* [Differentiated approach to the construction of the training process of young athletes at the stages of long-term training: dis. ... Dr Ped. Sciences]. Moscow. 2003. 226 p.
22. Chibichik Y.V. *Individualizaciya uchebno trenirovochnogo processa yunyh dzyudoistov na nachal'nyh ehtapah podgotovki: dis. ... kand. ped. nauk* [Individualization of educational-training process of young judoists at the initial stages of training: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Chelyabinsk. 2010. 180 p.; and others.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИЛОВА Джульетта Гаджиевна – доктор филологических наук, доцент по кафедре английского языка для востоковедов Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

E-mail: alilovaj2003@yahoo.com

БАНДАКОВ Михаил Петрович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре адаптивной физической культуры и методики обучения ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: afk2@vshu.kirov.ru

БОРИСОВА Ольга Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре современного русского языка Кубанского государственного университета. 360040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

E-mail: patriot30@mail.ru

ГАЛИЦКИХ Елена Олеговна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: galitskiheo@rambler.ru

ДОБРОВА Виктория Вадимовна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Самарского государственного технического университета. 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244.

E-mail: victoria_dob@mail.ru

ДАВЛЯТШИНА Ольга Вячеславовна – аспирант кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: fitinya00@yandex.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ЕВСЕЕВА Людмила Валерьевна – доктор философских наук, профессор по кафедре профессиональной педагогики, психологии и культурологии Морского государственного университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова. 353918, г. Новороссийск, просп. Ленина, д. 93.

E-mail: diada1965@mail.ru

ЗАДВОРНОВ Андрей Николаевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре гуманитарных наук Набережночелнинского института Казанского федерального университета. 423810, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, просп. Мира, д. 68/19 (1/18).

E-mail: egpi-PF@yandex.ru

ЗАЙЦЕВА Анна Викторовна – аспирант Института издательского дела и журналистики Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 103045, г. Москва, ул. Садовая-Спасская, д. 6.

E-mail: anna.zaytseva.shesternina@gmail.com

КЕЛЛЕР Андрей Викторович – доктор философии (Dr. phil., Германия), старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

E-mail: a.v.keller@urfu.ru

КОВЛАКАС Елена Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор по кафедре «Профессиональная педагогика, психология и культурология» Морского государственного университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова. 353918, Россия, г. Новороссийск, пр. Ленина, д. 93.

E-mail: amica1969@mail.ru

КОРОТКИХ Елена Владимировна – ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: elyskova@yandex.ru

КОСТИНА Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета. 360040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
E-mail: patriot30@mail.ru

КУЗЬМЕНКО Елена Олеговна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре управления и туризма Смоленского института экономики – филиала НОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет управления и экономики». 214031, г. Смоленск, ул. Смольянинова, д. 5.
E-mail: eokuzmenko@mail.ru

ЛЕСКОВА Екатерина Владимировна – аспирант кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета имени И. Канта. 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14.
E-mail: ekaterina-leskova@list.ru

ЛОБАНОВ Сергей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и общественных наук Пермской государственной академии искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18.
E-mail: sdl-grey54@yandex.ru

МИКЕШИНА Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор по кафедре философии Московского педагогического государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

МИКРЮКОВА Марина Геннадьевна – старший преподаватель кафедры спортивных дисциплин и методики обучения ВятГГУ, аспирант кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: mikmarina@bk.ru

МИХАЛЕВ Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН. 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.
E-mail: n.mikhalev@mail.ru

МУБАРАКШИНА Анастасия Михайловна – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
E-mail: blondy010888@mail.ru

ПЬЯНКОВ Степан Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН. 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.
E-mail: kliostefan@mail.ru

РУССКИХ Екатерина Владимировна – аспирант кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ, зав. организационно-методическим отделом Кировского областного краеведческого музея. 610000, г. Киров, ул. Спасская, д. 6.
E-mail: katya-russ@mail.ru

СИТНИКОВА Екатерина Викторовна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

СОКОЛОВА Ирина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре издательского дела и книговедения Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 127550, г. Москва, ул. Прянишникова, д. 2а.
E-mail: irso@yandex.ru

ТИМШИН Вадим Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой филологии, журналистики и интегрированных коммуникаций ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: timshinvadim@mail.ru

ТИТАРЕНКО Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: stsovet08@mail.ru

ФАТТАХОВ Тимур Динарович – старший преподаватель кафедры менеджмента Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права. 423822, а/я 47, г. Набережные Челны, просп. Набережночелнинский, д. 31.
E-mail: fattahov.t@yandex.ru

ХАРИН Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре гуманитарных наук Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 610004, г. Киров, ул. Ленина, д. 25.
E-mail: LHarin@yandex.ru

ШУСТОВ Николай Алексеевич – аспирант кафедры философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: amenosagiri@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ALILOVA Julietta Gadjevna – Doctor of philological sciences, Associate Professor in the Department of English for Orientalists of St. Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya emb., 199034 St. Petersburg.

E-mail: alilovaj2003@yahoo.com

BANDAKOV Mikhail Petrovich – Doctor of pedagogical sciences, Professor of the Department of Adaptive Physical Education and Methods of Teaching of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.

E-mail: afk2@vshu.kirov.ru

BORISOVA Olga Gennadijevna – Candidate of philological sciences, Associate Professor in the Department of modern Russian language of Kuban State University. 149 Stavropolskaya str., 360040 Krasnodar.

E-mail: patriot30@mail.ru

GALITSKIY Elena Olegovna – Doctor of pedagogical sciences, Professor, head of the Department of Russian and Foreign Literature of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.

E-mail: galitskiheo@rambler.ru

DOBROVA Victoria Vladimirovna – Candidate of psychological sciences, Associate Professor, head of the Foreign Languages Department of Samara State Technical University. 244 Molodogvardeyskaya str., 443100 Samara.

E-mail: victoria_dob@mail.ru

DAVLYATSHINA Olga Vyacheslavovna – graduate student of the Department of Pedagogy of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.

E-mail: fitinya00@yandex.ru

DOMRACHEV Dmitriy Garrievich – Candidate of legal sciences, head of the Department of State and Legal Disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

EVSEEVA Lyudmila Valeryevna – Doctor of philosophical sciences, Professor in the Department of professional pedagogy, psychology and cultural studies of the Maritime State University named after Admiral F. F. Ushakov. 93 Lenin Ave., 353918, Novorossiysk.

E-mail: diada1965@mail.ru

ZADVORNOV Andrey Nickolaevich – Candidate of philosophical sciences, Associate Professor in the Department of Humanities of Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University. 68/19 (1/18) Mira Ave., 423810, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny.

E-mail: egpi PF@yandex.ru

ZAYTSEVA Anna Viktorovna – graduate student of the Institute of Publishing and Journalistics of Moscow State University of Printing Arts named after Ivan Fedorov. 6 Sadovaya-Spasskaya str., 103045 Moscow.

E-mail: anna.zaytseva.shesternina@gmail.com

KELLER Andrey Viktorovich – Doctor of philosophy, senior scientist of Laboratory of additional archeology of Institute of the Humanities and Arts of the Ural Federal University. 51 Lenin Ave., 620083 Ekaterinburg.

E-mail: a.v.keller@urfu.ru

KOVLAKAS Elena Fedorovna – Candidate of philological sciences, senior lecturer in the Department of Cultural Science at the Admiral Ushakov Maritime State Academy. 93 Lenin str., Novorossiysk, 353918.

E-mail: amica1969@mail.ru

KOROTKIKH Elena Vladimirovna – senior lecturer of the Department of Criminal and Legal Disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.
E-mail: ellyskova@yandex.ru

KOSTINA Ludmila Yur'evna – candidate of philological sciences, senior lecturer of the Department of modern Russian language of Kuban state University. 149 Stavropolskaya str., 360040 Krasnodar.
E-mail: patriot30@mail.ru

KUZMENKO Elena Olegovna – Candidate of philological sciences, Associate Professor in the Department of management and tourism of Smolensk Institute of Economics – the branch of NEE of higher professional education "Saint-Petersburg University of Management and Economics". 5 Smolyaninov str., 214031 Smolensk.
E-mail: eokuzmenko@mail.ru

LESKOVA Ekaterina Vladimirovna – graduate student of the Department of Historical linguistics, foreign languages and records management, Baltic Federal University named after I. Kant. 236041, Kaliningrad, St. Alexander Nevsky, D. 14.
E-mail: ekaterina-leskova@list.ru

LOBANOV Sergey Dmitrievich – Doctor of philosophical sciences, Professor, head of the Department of philosophy and social sciences of Perm State Academy of Art and Culture. 18 Gazety Pravda str., 614000, Perm.
E-mail: sdl-grey54@yandex.ru

MIKESHINA Lyudmila Aleksandrovna – Doctor of philosophical sciences, Professor in the Department of philosophy of Moscow State Pedagogical University, honored scientist of the Russian Federation. 1/1 Malaya Pirogovskaya str., 119991, Moscow.
E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

MYKRYUKOVA Marina Gennadyevna – senior lecturer of the Department of Sport Disciplines and Methods of Teaching of Vyatka State University of Humanities, graduate student in the Department of Adaptive Physical Education and Methods of Teaching of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.
E-mail: mikmarina@bk.ru

MIKHALEEV Nikolai Anatolyevich – Candidate of historical sciences, scientific secretary the Institute of History and Archaeology of the Ural branch of RAS. 16 Sofia Kovalevskaya str., 620990 Ekaterinburg.
E-mail: n.mikhalev@mail.ru

MUBARAKSHINA Anastasia Mikhailovna – graduate student of Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008.
E-mail: blondy010888@mail.ru

PYANKOV Stepan Aleksandrovich – Candidate of historical sciences, researcher of the economic history sector of the Institute of History and Archaeology of the Ural branch of RAS. 16 Sofia Kovalevskaya str., 620990 Ekaterinburg.
E-mail: kliostefan@mail.ru

RUSSKIKH Ekaterina Vladimirovna – graduate student of the Department of Publishing and Editing of VyatSHU, head of organizational and methodological department of the Kirov Regional Local History Museum. 6 Spasskaya str., 610000 Kirov.
E-mail: katya-russ@mail.ru

SITNIKOVA Ekaterina Viktorovna – graduate student of the Department of national history of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002 Kirov.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

SOKOLOVA Irina Sergeevna – Candidate of philological sciences, Associate Professor in the Department of publishing and bibliography of Moscow State University of Printing Arts named after Ivan Fedorov. 2A Pryanishnikova str., 127550 Moscow.
E-mail: irso@yandex.ru

TYMSHYN Vadim Alekseevich – Candidate of philosophical sciences, Professor, head of the Department of philology, journalism and integrated communications of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov, Russia.
E-mail: timshinvadim@mail.ru

TITARENKO Anastasia Sergeevna – graduate student of the Department of history of Russia Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. 19 Mira str., 620002 Ekaterinburg.
E-mail: stsovet08@mail.ru

FATTAKHOV Timur Dinarovich – senior lecturer of the Department of management of Naberezhnye Chelny branch of the Institute of Economics, Management and Law. 31 Naberezhnochelninsky Ave., 423822 POBox 47, Naberezhnye Chelny.
E-mail: fattahov.t@yandex.ru

KHARIN Alexey Nikolaevich – Candidate of historical sciences, Associate Professor in the Department of Humanities of Kirov branch of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation. 25 Lenin str., 610004, Kirov.
E-mail: LHarin@yandex.ru

SHUSTOV Nikolai Alekseevich – Graduate student of the Department of philosophy and sociology of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.
E-mail: amenosagiri@gmail.com

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 1 (2015)

Подписано в печать 23.01.2015 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 1000. Заказ № 16.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674